

1912.

Годъ 20.

УЧЕБНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА

ET

39 182

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURJEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1912.

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 5.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1912.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 24 апрѣля 1912 г.

№ 1512.

За Ректора, Проректоръ Протоіерей А. Царевскій.

СОДЕРЖАНИЕ.

Приложенія.	Стр.
А. Мейе, профессор Collège de France. Введеніе въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ. Переводъ проф. Д. Кудрявскаго, просмотрѣнный и дополненный авторомъ	289—352
Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Русская литература, историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода	209—288
Проф. И. И. Лаппо. Великое княжество литовское во второй половинѣ XVI столѣтія	209—304
М. В. Бречкѣвичъ. Введеніе въ соціальную исторію княжества Славїи или Западнаго Поморья . . I—VI и	1— 48

рода съ одной стороны и мужескаго и женскаго съ другой: для прилагательныхъ безъ существительнаго значеніе средняго рода вполне опредѣленно: онъ обозначаетъ „вещи“ въ противоположность „лицамъ“: *aliud* значитъ „другая вещь“ въ противоположность *alius, alia*, которыя обозначаютъ „другое лицо“ (мужчину или женщину, смотря по роду). Менѣе ясно значеніе средняго рода въ существительныхъ, которыя имѣютъ одинъ только родъ; часто, но не исключительно, средній родъ имѣютъ: имена вещей, какъ скр. *yugám* „яро“, гр. ζυγόν, лат. *iugum*, др.-сл. *нго*, гот. *juk* (рядомъ съ слѣдами муж. рода: гр. ζυγός, и, можетъ быть, также скр. *yugaḥ* и лат. производное *iugulus*); отвлеченныя имена, какъ гр. γένος, скр. *jánaḥ*, лат. *genus* „родъ“ или скр. *svárṇ(i)yaṁ* „сновидѣніе“, лат. *somnium*, гр. (ἐν-)ύπνιον, др.-сл. *сѣныи*; уменьшительныя, какъ гр. ἀνδρῶν отъ ἀνήρ, др.-прусс. *wosistian* „козленокъ“ отъ *wosee* „коза“, гот. *gaitein* „козленокъ“ отъ *gaits* „козелъ“.

Восемь падежей образуютъ столько же различныхъ группъ: то обстоятельство, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ общія формы, не приводитъ къ смѣшенію. Такъ аблативъ отличается отъ родительнаго, такъ какъ онъ имѣетъ особую форму въ единственномъ числѣ въ тематическомъ типѣ (какъ существительныхъ такъ и указательныхъ мѣстоименій) и въ личныхъ мѣстоименіяхъ, а также и потому, что падежъ, съ которымъ онъ совпадаетъ въ единств. числѣ, родительный, отличается отъ падежа, съ которымъ онъ совпадаетъ во множ. числѣ, отъ дательнаго.

Значеніе падежей не можетъ быть легко выражено общими формулами; оно опредѣляется главнымъ образомъ типами выраженій, въ которыхъ употребляется тотъ или другой падежъ. Эти значенія часто очень сложны, и одинаковые падежи являются въ такихъ сочетаніяхъ, которыя трудно привести къ одной формулѣ, какъ бы неопредѣленно её ни устанавливать. Наконецъ, одинъ только индо-иранскій діалектъ сохранилъ полностью всѣ восемь индо-европейскихъ падежей; во всѣхъ другихъ языкахъ смѣшеніе падежей затемнило старое ихъ значеніе.

Эти общія замѣчанія надо имѣть въ виду при чтеніи слѣдующихъ ниже указаній относительно отдѣльныхъ падежей.

Именительный.

Именительный падежъ показываетъ, о чемъ идетъ рѣчь въ предложениі, онъ обозначаетъ подлежащее: лат. *pater bonus est* — *pater uocat*.

Звательный.

Звательный падежъ обозначаетъ лицо, къ которому обращаются. Когда обращаются къ двумъ лицамъ, то второе лицо въ ведическомъ языкѣ ставится въ именит. падежѣ: *vāyav indraśca* „о Ваю и Индра!“; у Гомера мы встрѣчаемъ одинъ аналогичный примѣръ:

Г 276: *Zeū páter, Ἰδηθεν μεδέων κúδιστε μέγιστε
ἡέλιός θ' ὃς πάντ' ἐφορᾷς καὶ πάντ' ἐπακούεις*

„Зевсъ отецъ, съ высотъ Иды царящій, славный, великій, и Солнце, видящее все и все слышащее!“

Винительный.

Винительный падежъ служить для опредѣленія значенія глагола; возьмемъ гр. ἔχω „держу, держусь“; безъ винит. падежа значеніе будетъ „держусь“: οὕτως ἔχω „я нахожусь въ такомъ положеніи“, съ винит. — „держу“: ἔχω τι „имѣю что-нибудь“; точно такъ же вед. *áragō dart* переводится „другой погибъ“, но *ruḡō dart* „онъ разрушилъ укрѣпленія“ (см. стр. 162 и сл.). Съ небольшимъ измѣненіемъ значенія мы находимъ сочетаніе *μάχην ἐμάχοντο* „они бились въ битвѣ“; *óðōv ἐλθέμεναι* „пройти путь“ и скр. *páunthām eti* „онъ идетъ путемъ“. Различіе винительнаго „внутренняго объекта“ и винительнаго „внѣшняго объекта“ — искусственно; и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ простымъ опредѣленіемъ значенія глагола, и нѣтъ возможности провести границу между этими двумя употребленіями; напр. въ слѣдующемъ стихѣ Гомера:

А 108: *ἐσθλὸν δ' οὔτε τί πω (F)εἶπες (F)έπος οὔτ' ἐτέλεσσας*
„добраго ты еще никогда ни слова не говорилъ, ни (дѣла не) дѣлалъ“.

Глаголы, допускающіе нѣсколько опредѣленій такого рода, могутъ одновременно имѣть нѣсколько винительныхъ падежей при себѣ, какъ напр. лат. *rogare aliquem* „про-

силь кого“, *rogare aliquid* „просить что“, и *rogare aliquid aliquem* „просить у кого что“; точно также у Гомера:

Z 17: *ἄμφω θυμὸν ἀπὸν ὄρα* „отнял жизнь у обоих“

λ 544: *ἔν(φ)εκα νίκης*

τὴν μιν ἐγὼ νίκησα „изъ-за побѣды, которую я одержалъ надъ нимъ“

и въ ведическомъ; такъ въ Ригведѣ:

IV, 20, 3: *tvāyā vauān aṃyā ajīm jāyeta* „съ тобою да побѣдимъ мы враговъ въ битвѣ“.

Греческое *βάλλω* въ слѣдующихъ гомеровскихъ примѣрахъ даетъ разнообразныя значенія смотря по дополненіямъ:

Λ 722: *ἔστι δέ τις ποταμὸς Μινυήϊός εἰς ἄλα βάλλον* „есть нѣкая рѣка Миніей, впадающая въ море“

Δ 527: *τὸν δὲ Θόας... βάλε δορ(φ)ί* „его Тоась... ударилъ копьемъ“

β 80: *ποτὶ δὲ σκῆπτρον βάλε γαίῃ* „а посохъ бросилъ на землю“

Ε 794: *εὗρε δὲ τὸν γε...*,

ἔλκος ἀναψύχοντα, τό μιν βάλε Πάνδαρος ἰφ

„засталъ его за обмываніемъ раны, которую ему нанесъ Пандаръ стрѣлою“ (двойной винительный).

Какъ дополненіе къ глаголу движенія, винительный падежъ обозначаетъ цѣль этого движенія: лат. *eo Romam* „иду въ Римъ“; у Гомера:

A 317: *κνίσῃ δ' οὐρανὸν ἴκε* „запахъ ушелъ въ небо“

η 141: *ἔκετ' Ἀρήτην τε καὶ Ἀλκίνοον* „пришелъ къ Аретѣ и Алкиною“

Обыкновенно въ такомъ случаѣ значеніе точнѣе опредѣляется предложною приставкою при глаголѣ, которая первоначально представляла самостоятельное слово (см. стр. 158 и сл.), примкнувшее къ глаголу; такъ:

A 497: *ἡερίῃ δ' ἀνέβη μέγαν οὐρανὸν Οὐλυμπόν τε* „утромъ она взошла на великое небо и на Олимпъ“;

или предлогомъ, примкнувшимъ къ имени:

A 169: *ὅν δ' εἴμι Φθίηνδε* „теперь иду въ Фтію“

Ε 239: *ἐς ἄρματα ποικίλα βάντες* „взойдя на красивыя колесницы“

Прямое дополненіе служитъ для обозначенія разстоянія

въ такихъ оборотахъ, какъ слѣдующій: Геродотъ VI, 119 *δέκα καὶ διηκοσίους σταδίους ἀπέχοντι* „который отстоитъ на 210 стадій“. Гомеровскій винительный В 292: *ἔνν μῆνα μένων* „оставаясь одинъ мѣсяць“ ничѣмъ не отличается отъ *μένω τι* „ожидаю чего-либо“ или *μένω τινά* „ожидаю каго-либо“. Благодаря вторичному распространению этого сочетанія стали говорить по-латыни: *quindecim pedes latus* „шириною въ пятнадцать футовъ“ или по-гречески Эукидидъ IV, 118, 7: *αἱ σπονδαὶ ἐν αὐτὸν ἔσονται* „переміріе будетъ одинъ годъ“. — И даже такъ называемый винительный „отношенія“, который такъ распространенъ въ греческомъ языкѣ, быть можетъ, есть тотъ же обычный винительный падежъ; такъ въ платоновской фразѣ (*Res publica* 453 b): *διαφέρει γυνή ἀνδρὸς τὴν φύσιν* „женщина отличается отъ мужчины по своей природѣ“ винит. падежъ *τὴν φύσιν* такой же какъ и *ὁδόν* въ выраженіи *ὁδὸν ἐλθέμεναι*: значеніе будетъ „имѣть различіе природы“.

Различные случаи употребленія винительнаго падежа всѣ сводятся такимъ образомъ въ послѣднемъ счетѣ къ дополненію при глаголѣ, и противъ этого едва ли возможно возражать, ссылаясь на греческій оборотъ: *κύκλωπες δ' ὄνομα ἦσαν* „они были по имени циклопы“, скр. *kó nāmāsi (nāma asi)* „кто ты по имени?“, др.-перс. *kam bujīya nāma* „по имени Камбизъ“, такъ какъ этотъ оборотъ является только при словѣ „имя“.

Родительный.

Родительный падежъ имѣетъ два различныхъ употребленія: это, во-первыхъ, падежъ, въ которомъ ставится дополнение къ существительному имени и во-вторыхъ, падежъ, обозначающій цѣлое, отъ котораго берется часть.

а. Родительный при существительныхъ.

Всякое дополнение къ существительному ставится въ родительномъ падежѣ, какова бы ни была логическая связь двухъ именъ: лат. *metus hostium* значить, смотря по тексту, „страхъ враговъ“ и „страхъ передъ врагами“; можно сказать *Marci domus*, *Marci pater*, *Marci uxor*, *Marci filius*, гр. *γραφὴ κλοπῆς* „обвиненіе въ кражѣ“, *ὀκτώ σταδίων τεῖχος* „стѣна въ 8 стадій (длиною)“ и т. д.; два родительныхъ, выражающіе различныя отношенія могутъ стоять рядомъ: *τὴν τοῦ Λάχλητος τῶν νεῶν ἀρχήν* „начальство Лахета надъ кора-

блями“; родительный выражает только, что существительное опредѣляетъ другое существительное, и было бы бесполезно — да и невыполнимо — пытаться дать обзоръ всѣхъ отбѣнковъ значенія, которые можетъ выражать родительный падежъ. Кромѣ того родительный падежъ выражаетъ такую же зависимость и въ именныхъ предложеніяхъ, и какъ можно сказать по-латыни *Marci domus*, точно такъ же можно сказать *ea domus Marci est*; родительный падежъ имѣетъ, слѣдовательно, конструкцію во всѣхъ отношеніяхъ сходную съ конструкціей прилагательнаго, и одинъ языкъ употребляетъ прилагательное тамъ, гдѣ другой обходится родительнымъ падежомъ; такъ лат. *domus Petri* переводится въ др.-слав. **домъ Петровъ**, и Гомеръ, сохраняя эолическій оборотъ, употребляетъ такія сочетанія, какъ *Ποικίλιον υἱόν, βίη Ἡρακλείη, υἷ' Ἀγαμέμνονέην*; повидимому, прилагательное представляло обычную индо-европейскую конструкцію; въ древне-латинскомъ еще часто встрѣчаются такія выраженія, какъ *pars Herculeana, riuos Herculeanus* и т. д. Существительное не должно обязательно упоминаться въ предложеніи, какъ напр. у Гомера

π 300 ἐμός ἐσσι καὶ αἵματος ἡμετέροιο
„ты — мой и крови нашей“

б. Родительный раздѣлительный.

Главная роль родительнаго падежа заключалась, повидимому, въ томъ, что онъ обозначалъ цѣлое, отъ котораго берется часть, и служилъ въ такомъ случаѣ дополненіемъ къ какому угодно слову, къ имени или глаголу: лат. *unus eorum* „одинъ изъ нихъ“, *fortissimus uirorum* „храбрѣйшій изъ мужей“, *ubicunque terrarum* „гдѣ бы ни было на землѣ“, гр. *τρίς τῆς ἡμέρας* „трижды въ день“ и скр. *dvīr āhnaḥ* „дважды въ день“; греч. у Гомера:

Λ 761 πάντες δ' εὐχέσονται θεῶν Διὶ Νέστορι τ' ἀνδρῶν
„всѣ молились изъ боговъ Зевсу, а изъ людей Нестору“
гр. *νυκτός*, гот. *nahts*, скр. *kṣarāḥ* „ночью“ (т. е. „въ одинъ моментъ ночи“), лит. *dūk man dūnos* „дай мнѣ хлѣба“ (вин. п. *dūnā* значило бы „хлѣбъ“), — гом. *τυρῶν αἰνυμένων* „берущихъ сыру“ — или:

κ 140: ἔδ(F)ατα πόλλ' ἐπιθεῖσα, χαρίζομένη παρεόντων
„подавши много кушаній, угощая изъ того, что было“: здѣсь

ярко выражена противоположность въ значеніи винительнаго и родительнаго. Родительный раздѣлительный при глаголахъ „пить, ѣсть“:

ι 102: λωτοιο φαγών „поѣвши лотоса“

ср. скр. arāth aṣṇāti „онъ вкушаетъ воды“; съ глаголомъ „наполнять“: гр. ναῦς πληροῦν ἀνδρῶν „наполнять корабли людьми“, вед. sámasya jātháram ṛṇāti „наполняетъ свою утробу сомою“, лат. aquae plenus „полный водою“; при глаголѣ „господствовать“:

А 38: Τενέδοιό τε (F)ῖφι (F)ανάσσεις „и мощно царишь надъ Тенедосомъ“, лат. potiri rerum „захватить власть“; др.-вр.-нѣм. waltan himiles „царствовать надъ небомъ“. При глаголѣ „слышать“ въ греческомъ и ведическомъ имя звука ставится въ винит. падежѣ:

Δ 455: δοῦπον ἐν οὔρεσιν ἔκλυε ποιμήν „пастухъ услышалъ въ горахъ шумъ“, гр. τὸν λόγον ἀκούειν „слушать рѣчь“, вед. vāsam ṛṇoti „слышитъ слово“; но источникъ звука ставится въ родит. падежѣ:

Λ 357: τοῦ δ' ἔκλυε πότνια μήτηρ „его услышала родная мать“, точно также τῆς σάλπιγγος ἀκούειν „слышать трубу“ и вед. devāsya ṛṇoti „онъ слышитъ бога“. — Употребленіе род. раздѣлительнаго при глаголахъ противопоставляется употребленію винительнаго. Въ отдѣльныхъ языкахъ онъ мало-по-малу утратилъ много своихъ значеній, но въ индо-европейскомъ онъ представлялъ, повидимому, самое важное употребленіе родительнаго падежа.

Дательный.

Дательный обозначаетъ кому или для чего вещь предназначена. У Гомера, напр.

Ε 174: Διὶ χεῖρας ἀνασχών „поднявши руки къ Зевсу (къ небу)“ въ лат. Romanis de muro manus tendebant „со стѣны протягивали руки къ Римлянамъ“ или вед. prā víṣṇave... etu mánma „пусть идетъ молитва къ Вишну“; дательный не обозначаетъ здѣсь цѣли движенія, какъ винительный падежъ, но обозначаетъ лицо (или вещь), для котораго (или для чего) движеніе происходитъ. Типичный примѣръ — лат. alicui aliquid dare „давать кому что“ или гом. Ε 396: εὔτε μιν... ὀδύνησιν ἔδωκεν „когда его... предалъ мученію“.

Всѣ случаи употребленія дательнаго падежа такъ легко сводятся къ этому главному значенію, что бесполезно еще настаивать на этой истинѣ; такъ легко объяснимъ дательный при глаголахъ „слушать“; онъ обозначаетъ лицо, которое слушаютъ, чтобы ему повиноваться:

Ω 335: καί τε κλύεις φ τ' ἐθέλῃσθα „и ты слушаешься, кого хочешь“.

R. V. VII, 68, 8: utá çrutam çayave hūyāmānā „и вы оба услышали Шаю, когда онъ васъ призвалъ“; др.-лат. *alicui auscultare* „слушаться кого“; арм. *pmal sem* „я его слушаюсь“.

Дательный падежъ обыкновенно не опредѣляется ни какою предложною приставкою; однако мы встрѣчаемъ съ дат. падежомъ др.-сл. *къ*, скр. *kām*, послѣднее ставится послѣ дат. падежа (и зд. *а*, др.-сл. *по*, арм. *est*).

Творительный.

Творительный обозначаетъ, съ кѣмъ или съ чѣмъ дѣйствіе совершается (откуда значеніе: кѣмъ, чѣмъ): вед. *devó devébhir ā gamat* „пусть богъ придетъ съ богами“, и въ этомъ конкретномъ значеніи чаще съ предлогомъ, какъ напр. др.-сл. *съ тобою*; точно также вед. *ūt sūryo jyótiṣā devá eti* „богъ солнце съ блескомъ восходитъ“ или др.-сл. *бъ уловѣтъ неустомъ доухомъ*; лит. *akimī āklas* „слѣпой на (одинъ) глазъ“; вед. *sómēna jathāram pṛṇāti* „наполняетъ свою утробу сомою“; др.-сл. *исполниши ся страхомъ*; вед. *adānti dākṣiṇēna hástēna* „ѣдятъ правою рукою“; *antárikṣēna ratati* „летитъ по воздуху“; др.-сл. *сходитъ пѣтьмъ тѣмъ*; др.-сл. *трѣмъ дѣньмъ създати*; и т. д.

Аблативъ.

Аблативъ обозначаетъ исходную точку: вопросъ откуда? Въ собственномъ смыслѣ онъ почти всегда опредѣляется предложною приставкою: вед. *ā gahi divó rocanād ādhi* „приди съ блестящаго неба“, лат. *ex illo loco uenit* „онъ пришолъ изъ того мѣста“, но также безъ предлога *Rōmā uenit* „пришолъ изъ Рима“. Въ переносномъ смыслѣ часто не бываетъ предложной приставки, какъ напр. вед. *tāsmād gaṇāḥ chidyate* „толпа отъ него отдѣляется“; точно также при глаголахъ со значеніемъ „бояться“: вед.

índrād bhayate „боятся Индры“, др.-сл. **бога бонтъ са**, и при сравнительной степени: ghṛtāt svādīyaḥ „слаще топленого масла“, буквально „особенно сладкій, считая отъ топленого масла (какъ мѣры)“, зд. akāṭ aśyū „злѣ злого“, лат. *melle suavius* „слаще меда“, гр. μέλιτος ἥδιον „слаще меда“, гот. *maiza imma* „больше его“ (здѣсь дательный замѣщаетъ старый аблативъ), и т. д. Если аблативъ обозначаетъ „до чего простирается дѣйствіе“, то это объясняется тѣмъ, что считаютъ отъ означеннаго пункта: скр. *éti giribhya ā samudrāt* „идетъ отъ горъ до океана“; точно также др.-сл. до, лит. *iki*, гр. μέχρις съ родительнымъ, отражающимъ индоевропейскій аблативъ.

Мѣстный.

Мѣстный падежъ обозначаетъ, гдѣ совершается дѣйствіе: вопросъ гдѣ? въ самомъ широкомъ смыслѣ. Такъ скр. *síndhau* обозначаетъ: въ рѣкѣ, на рѣкѣ, у рѣки“, смотря по контексту; скр. *de véṣu* и значить „у боговъ, среди боговъ“; скр. *uśási* „на зарѣ“, др.-сл. **томъ уасъ** „въ то время“; точно также лат. *Roma* в „въ Римѣ“, *domi* „дома“, гр. нарѣчіе οἴκοι „дома“ и т. д. Мѣстный падежъ часто опредѣляется предложными приставками и предлогами, но у Гомера греческій дательный, который по формѣ въ значительной части представляетъ старый мѣстный, употребляется еще свободно:

Π 483: πῖτος βλωθρή, τήν τ' οὖρεσι τέχτονας ἄνδρες
ἐξέταμον

„стройная ель, которую подрубили на горахъ плотники“.

Γ 45: οὐκ ἔστι βίη φρεσίν „нѣтъ силы въ сердцѣ“.

ο 34: νυκτὶ δ' ὁμῶς πλεῖειν „ночью вмѣстѣ плыть“,

Е. Слова неизмѣняемыя.

Формы измѣняемыхъ словъ способны закрѣпляться въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, и тогда они уже не подчиняются общимъ правиламъ морфологій того языка, къ которому онѣ принадлежатъ. Онѣ могутъ, напр., существовать и тогда, когда типъ, который онѣ представляютъ, уже исчезъ, какъ напр. творительные падежи лат. типа *certē* или мѣстные падежи типа гр. οἴκοι, οἴκει. Или при существованіи общаго типа, онѣ допускаютъ особые измѣненія; такъ конеч-

ное *ō* въ лат. *modō*, аблативъ отъ *modus*, сохранило свою долготу, между тѣмъ какъ конечное *ō* нарѣчія *modō* (по извѣстнымъ причинамъ) сократилось, откуда *modō*. Въ другихъ случаяхъ нарѣчіе имѣетъ вполнѣ правильную форму склоненія, но основа, которую оно сохранило, уже въ другихъ случаяхъ не существуетъ, какъ напр. гр. *φύλα-δε* „въ бѣгство“ содержитъ винит. падежъ основы *φύλ-*, въ историческомъ греческомъ языкѣ уже не склоняемой. Такимъ путемъ каждый языкъ въ теченіе своего развитія создалъ нарѣчія.

Нарѣчія, восходящія къ индо-европейскому языку и не представляющія опредѣленной падежной формы, рѣдки. Главныя изъ нихъ уже были отмѣчены на стр. 158: зд. *kū* „гдѣ?“, скр. *k(ú)v-a* „гдѣ?“; *kú-ha* (изъ **kú-dha*), гат. *ku-dā*, др.-сл. *къ-дѣ*, умбр. *ru-fe* „гдѣ?“; лит. *ku-ĩ*; арм. *u-r* „гдѣ?“.

Факты, аналогичные закрѣпленію падежныхъ формъ, какое мы наблюдаемъ въ исторіи греческаго, латинскаго и т. д., происходили и въ индо-европейскомъ. Многія предложныя приставки позволяютъ признать въ нихъ падежныя формы, таковы:

Основа **perə-* „передъ“:

мѣстный падежъ (съ окончаніемъ **-i* или нуль, вокализмъ элемента передъ окончаніемъ **e*): скр. *rári*, зд. *rairi*, гр. *περί*, лат. *per*, гот. *fair*, лит. *peĩ*, др.-сл. *прѣ-* (русск. *перѣ-*);

родит.-аблат. (съ нулевымъ вокализмомъ элемента передъ окончаніемъ): скр. *rigáḥ*, зд. *ragō*, гр. *πᾶρος* (съ неправильнымъ мѣстомъ ударенія);

падежи неясной формы: прежде всего падежъ на **-ō*, отраженіе котораго мы находимъ во многихъ другихъ предложныхъ приставкахъ: скр. *pra*, зд. *fra*, гр. *πρό*, лат. *prō* (и *prō*), лит. *pra-* (и *prō*), др.-сл. *про* (и *прѣ-*) и нѣкоторыя другія формы: гр. *παρά* и *παράι*; скр. *rigā*; гот. *fair*, арм. *aĩ*; лат. *praē*.

Основа **er-* „рядомъ“:

мѣстный: скр. *ári*, гр. *ἐρί*, арм. *ew* (послѣднее значить „также“, значеніе близкое къ скр. *ári*);

родительный-аблативъ: **ros*, въ скр. *paç-sā*, лит. *paškiuĩ*, лат. *ros-t*, рѣне (изъ **ros-ne*); и, можетъ быть, съ протезой **a-* и окончаніемъ **-s*, гр. *ἄψ*, лат. *abs*;

падежъ на **-ō*: др.-сл. *по* (и *па-*), лит. *pa-*, *po*, лат. *po-*

(въ *pro-situs*) и, съ протезой *а-, скр. *ára*, зд. *ара*, гр. *ἄπο*; ср. лат. *ab*.

Основа *еп- „внутренность“:

мѣстный: гр. *ἐν*, *ἐν* (и съ -ς, которое встрѣчается во многихъ греческихъ нарѣчіяхъ, *ἐνς*, откуда *ἐς* передъ согласнымъ, *εἰς* передъ гласнымъ), лат. *in*, гот. *in*.

Болѣе ниодинога падежа отъ основы *еп- не засвидѣтельствовано съ достаточною ясностью; предложная приставка *пi-, которая обозначаетъ движеніе сверху внизъ, слишкомъ далека по значенію и потому не можетъ быть здѣсь приведена съ полною достовѣрностью; она часто встрѣчается въ индо-иранскомъ; слово *пi-zdo-, разобранное на стр. 76 и сл. и 216, доказываетъ ея существованіе въ индо-европейскомъ, и, дѣйствительно, славянскій и германскій языки имѣютъ сложныя съ нею и производныя отъ нея слова: др.-сл. *ниць* (напр. *падѣ ниць*), при вед. аблативѣ *pīcāt* „снизу“ и нарѣчія др.-сл. *низъ* и др.-вр.-нѣм. *nidar* „внизу“.

Къ группѣ гр. *ἐν* „въ“ и т. д. примыкаютъ производныя скр. *antár* (*antári*), лат. *inter* и съ протезою *а-, которая встрѣчается въ др.-прусск. *an* и др.-сл. *ж-*, умбр. *ander* и др.-сл. *жть*; къ группѣ скр. *pī-*, повидимому, судя по смыслу, примыкаютъ греч. *ἐνερὸς* „нижній“, *νέρθε(ν)* „внизу“ и арм. *i ner-khs* „внизу“, оба съ суффиксомъ *-его-.

Основа *et- „черезъ“:

мѣстный: скр. *āti*, др.-перс. *atiy*, гр. *ἐτι*, лат. *et*, гот. *iþ*; родительный-аблативъ: повидимому, др.-слав. *отъ* изъ *at-os съ протезою *а-; при восточно-лит. *ata-*, которое по формѣ можно сравнить съ греч. *ἄπο*, и при др.-сл. *отъ*, лит. *at-*, представляющемъ падежъ неяснаго образованія, подобнаго лат. *ab*.

Другія предложныя приставки не могутъ быть сведены къ опредѣленнымъ падежнымъ формамъ. Мы видѣли уже, что формы на *-ō типа гр. *про* и *ἄπο*, *прw- непохожи ни на одинъ извѣстный падежъ; ихъ *-ō чередуется съ *е въ гомеровскомъ -δε, при славянскомъ *до*, лит. *da-*, др.-англ. *tó* (въ др.-вр.-нѣм. *zu o*); и формы безъ конечнаго гласнаго, какъ лат. *ab* при греч. *ἄπο*, лат. *(s)ub* при скр. *úra* „подъ“, гр. *ὅπο*, др.-сл. *оу*, при индо-иран. *áva* (обозначающемъ движеніе сверху внизъ) могутъ представлять нулевую ступень вокализма этого окончанія, которое было бы въ такомъ случаѣ

*-е, *-о (*-ō), нуль, и оказывалось бы совершенно аналогичнымъ окончанію родит.-аблатива *-es, *-os, *-s.

Относительно такихъ предлоговъ, какъ скр. *ūt* „внѣ“, зд. *us-* (изъ **uts*), гот. *ūt-*, *us-*, др.-сл. *въ-*, или гр. *ἐξ* „изъ“, лат. *ex* и др.-сл. *изъ*, *исъ*, лит. *išz*, или гом. *πρότι*, скр. *prāti* „противъ“, или др.-перс. *ratīy*, дор. *ποτι* (то же значеніе) — нельзя ничего сказать.

Когда предлоги въ историческомъ развитіи отдѣльныхъ языковъ тѣсно слились съ глаголами, то въ нѣкоторыхъ изъ этихъ языковъ формы, сложныя съ предлогами, выказывали склонность принять значеніе близкое къ значенію основы аориста въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтствующія формы безъ предлоговъ имѣли значеніе основъ настоящаго времени; это явленіе особенно часто наблюдается въ славянскомъ, гдѣ, напр. др.-сл. *молиши сѧ* переводить гр. *προσεύχουσαι*, а др.-сл. *помолиши сѧ* — гр. *προσεύξασθαι*; въ другихъ языкахъ это явленіе болѣе или менѣе ограничивается опредѣленными предлогами, въ литовскомъ главнымъ образомъ предлогомъ *ра-*, въ готскомъ — *ga-*, въ древне-латинскомъ *cum-*. Формы безъ предлоговъ (и всѣ имѣющія одинаковое значеніе) называются въ такомъ случаѣ несовершенными (*verba imperfectiva*); а формы съ предлогами (и всѣ тѣ, которыя, какъ др.-сл. *дати* „добуи“, гот. *giban* „добуи“, лат. *dare*, имѣютъ даже и безъ предлога подобное значеніе, ср. стр. 163) называются совершенными (*verba perfectiva*). Древне-греческій, армянскій и индо-иранскій не имѣютъ примѣровъ такого вліянія предложныхъ приставокъ на значеніе глагола.

Частицы никогда нельзя отождествить съ извѣстными падежными формами. Это часто отдѣльные сонанты иногда съ протезой **a-*; таковы:

**ū*: скр. *ū*, лит. *(ba)u*, гот. *u*, и гр. *αὔ*, гот. *au-k* „ибо“, лат. *au-t*.

**ī*: гр. *ἄρ*, *ῥα*, *ἄρα*; лит. *iĩ* „и“.

Обыкновенно же это согласный со слѣдующимъ гласнымъ **ě/ō*; можетъ присоединяться сюда и частица, состоящая изъ одного сонанта, и тогда предшествующій гласный можетъ выпадать. Примѣры:

скр. *са* „и“, иран. *ѣа*, гр. *τε*, лат. *que*, гот. *-h* въ словѣ *nīh* „и не“, ср. лат. *nē-que*; эта частица, обозначающая „и“,

быть можетъ, первоначально тождественна съ другою частицею, одинаковою съ нею по формѣ, которая является въ группѣ мѣстоименій неопредѣленныхъ и вопросительныхъ: скр. са въ *káṣsa* „кто бы ни“, лат. *quisque* „каждый“, арм. *o-kh* „кто-нибудь“, гр. *τε* во многихъ гомеровскихъ выраженіяхъ. Съ прибавленіемъ второй частицы: лат. *qu-om*; лат. *bu-am*, арм. *kh-an* „что“; лит. *-k-i*.

**wē* „или“: скр. *vā*, зд. *vā*, гр. (F)ε въ гом. *ἢ-έ* „или“, лат. *ue*.

скр. *gha* и *ha*, др.-сл. *го* (въ *не-го* „какъ“) и *же*, гр. *-θε* въ *εἰ-θε*, *αἰ-θε*; съ прибавленіемъ другихъ частицъ: лит. *-g-i*, др.-сл. *-жъ*, и лит. *g-u*.

Отрицаніе изъявительнаго наклоненія: скр. *pā*, др.-сл. *нѣ*, лат. *ne-(scio)*, *ne-que*, гот. *ni(h)* „и не“ и т. д.; съ другою частицею **ne-i*: зд. *paē(-čiš)*, др.-сл. *ни(-къто)*, лит. *neī* „ни“, лап. *nī*. Въ одной группѣ языковъ отрицаніе запретительное есть **mē*: скр. *mā*, зд. *mā*, гр. *μή*, арм. *mī* (латинскій языкъ имѣетъ *pē*). — Отъ отрицанія **ne* слѣдуетъ отличать **ne* „какъ“: скр. *pā* и съ частицею **ei* лит. *pėi* „какъ“, а также гат. (*kas-*)*pā* „кто?“, ѳессалійское (*τό-*)*υε*, лат. (*sicci*)*ne*, др.-сл. *но*; съ прибавленіемъ другихъ частицъ: лат. *p-u-m* „развѣ“ и *p-am* „ибо“. др.-сл. *нъ* и т. д.

гр. *хе*, лат. (*hos-*)*се*, гот. (*sa-*)*h* „этотъ“, лит. (*eik-*)*sz* „(иди) сюда“.

гр. *γε*, гот. *-k* въ (*mi-*)*k* „меня“, (*au-*)*k* „ибо“.

лат. (*quip-*)*ре* „такъ какъ“, лит. (*kaĩ-*)*p* „какъ“; съ прибавленіемъ второй частицы: гр. *πε-ρ*, лат. (*quis-*)*p-i-am*.

русск. *ѣ(-тотъ)*, осск. *е(-tauto)*, умбр. *е(-tautu)* „*tauta*“, скр. *a-(sáu)* „тотъ“, гр. *έ(-χεῖνος)*.

Частицы этого рода многочисленны; многія изъ нихъ примыкаютъ къ основамъ указательныхъ, неопредѣленныхъ и др. мѣстоименій; другія стоятъ отдѣльно; онѣ играютъ въ индо-европейскомъ предложеніи важную роль. Очень большое число ихъ неударяемы.

Глава седьмая.

Предложеніе.

Съ точки зрѣнія чисто лингвистической, оставляя въ сторонѣ всякія логическія и психологическія соображенія, предложеніе можетъ быть опредѣлено, какъ группа связанныхъ между собою грамматическими отношеніями артикуляцій, которыя, не завися грамматически ни отъ какой другой группы, довлѣютъ сами себѣ.

Число и природа элементовъ, составляющихъ эту группу, могутъ измѣняться безконечно: одинъ простой звательный падежъ, какъ лат. *Aule*, употребляемый, чтобы позвать кого-нибудь, или одинъ глаголъ, какъ лат. *venit*, употребленный для сообщенія о приходѣ ожидаемаго лица, достаточны для образованія предложенія въ предѣлахъ индо-европейскаго лингвистическаго типа, и съ другой стороны нѣтъ максимума числа элементовъ, которые могутъ заключаться въ предложеніи.

I. Простое предложеніе.

1. Общія замѣчанія.

Индо-европейское предложеніе слагается изъ неопредѣленнаго числа непроницаемыхъ, самостоятельныхъ элементовъ, имѣющихъ каждый свое значеніе, которые мы называемъ словами.

Слова, съ точки зрѣнія фонетической опредѣляются особымъ характеромъ конца слова (см. стр. 112), а съ точки зрѣнія морфологической правилами образованія грамматическихъ формъ. Слова непроницаемы въ томъ смыслѣ, что они не допускаютъ никакихъ вставокъ и никакого перемѣ-

щенія составляющихъ ихъ элементовъ. Сравнимъ греческое *λέλοιπας* и французское *tu as laissé*. Французское слово одно, такъ какъ ни одинъ изъ трехъ его элементовъ, которые только по традиции пишутся отдѣльно, не имѣетъ ни собственнаго смысла, ни отдѣльнаго существованія и, въ особенности *tu* не существуетъ отдѣльно и независимо отъ глагольной формы; но мы можемъ измѣнить порядокъ элементовъ *tu* и *as* для выраженія вопроса *as-tu laissé?* мы можемъ также вставлять различные элементы между *tu* и *as*, между *as* и *tu*, напр.: *tu l'as laissé, tu ne l'as pas laissé, tu as déjà laissé, tu ne l'as pas encore laissé, ne l'as-tu pas laissé?* и т. д. Ничего подобного въ греческомъ: *λέλοιπας* остается неизмѣннымъ во всѣхъ предложеніяхъ, гдѣ оно встрѣчается, и не допускаетъ ни вставки постоянныхъ элементовъ, ни перемѣщенія своихъ составныхъ частей.

Кромѣ значенія, выражаемаго основою, измѣненіе слова указываетъ ту роль, которую оно играетъ въ предложеніи; поэтому слово самостоятельно и способно само указать свой смыслъ и свою роль въ рѣчи. Эта полная самостоятельность каждого слова есть главный фактъ, отъ котораго зависитъ вся структура индо-европейскаго предложенія.

2. Именное и глагольное предложеніе.

Морфологія указываетъ на глубокое различіе двухъ разрядовъ формъ: формъ именныхъ и формъ глагольных. Если предложеніе представляетъ сопоставленіе только двухъ именъ, оно называется именнымъ; если же оно содержитъ глаголъ, или по меньшей мѣрѣ иной глаголъ, нежели „быть“, оно называется глагольнымъ.

Именное предложеніе служить для того, чтобы утверждать, что какое-либо качество или состояніе присуще какой-нибудь вещи. Таковы, напримѣръ, гомеровскія предложенія:

А 80: *κρείσων γὰρ βασιλεύς* „ибо царь сильнѣе“

А 174: *πάρ' ἔμοιγε καὶ ἄλλοι* „у меня есть и другіе“

въ др.-перс. *manā pitā Vištāspa* „мой отецъ Виштаспа“; въ ведич. R. V. II, 1, 2: *táva... hotráṃ* „тебѣ (принадлежитъ) жречество“; въ латинскомъ *haec admirabilia* „это

удивительно“ и т. д. Предложенія подобнаго рода не выражаютъ никакой глагольной идеи, и въ индо-европейскомъ въ нихъ, повидимому, не было глагола въ томъ случаѣ, когда не надо было выражать ни наклоненія, ни лица, ни времени, т. е. тогда, когда глаголь, еслибы онъ былъ, стоялъ бы въ 3-мъ лицѣ изъявит. наклоненія настоящаго времени. Но такъ какъ наклоненіе, лицо и время обыкновенно не имѣютъ другого выраженія, кромѣ глагольнаго спряженія, то во всѣхъ другихъ случаяхъ нужно было ввести въ предложеніе глаголь, лишенный собственнаго реальнаго значенія и являющійся только носителемъ спряженія въ цѣляхъ выраженія этихъ различныхъ категорій; такъ напр. мы читаемъ въ древне-персидскомъ: *tuaiy raguvam xšāyaθiyā āha* „эти цари были прежде“ съ глаголомъ „были“, выражаемымъ словомъ *āha*, а рядомъ: *adam pavata* „я девятый“, гдѣ 1-ое лицо выражено словомъ *adam*, а потому глагола „быть“ вовсе нѣтъ; у Гомера мы встрѣчаемъ глаголь для выраженія повелительнаго наклоненія:

А 144: *εἰς δὲ τις ἀρχὸς ἀνὴρ βουλευφόρος ἔστω*

„а одинъ кто-нибудь пусть будетъ начальникомъ и совѣтникомъ“.

По существу именное предложеніе содержитъ два именныхъ члена; но одинъ изъ нихъ, тотъ, который указываетъ, кому принадлежитъ названное въ предложеніи качество, можетъ быть замѣненъ глаголомъ „быть“, формы спряженія котораго достаточно ясно указываетъ, о какомъ лицѣ идетъ рѣчь; такъ напр. у Аристофана Ахарняне 591: *ἰσχυρὸς εἰ* „ты силенъ“. Единственный случай, когда именное предложеніе можетъ состоять изъ одного только члена, это звательный падежъ, употребляемый для того, чтобы позвать, какъ напр. лат. *Aule*.

Что касается глагольнаго предложенія, то единственнымъ существеннымъ и постояннымъ его элементомъ является глаголь; и дѣйствительно, индо-европейскій глаголь заключаетъ въ себѣ указаніе лица, и числа, и потому оказывается самодовлѣющимъ: лат. *ueniō*, *uenis*, *uenimus* и т. д. не требуетъ никакого другого слова и могутъ каждое въ отдѣльности составлять предложеніе.

Отдѣльное предложеніе могутъ составлять и такіе гла-

голы, подлежащимъ которыхъ было болѣе или менѣе опредѣленное божество, какъ скр. *várṣati*, гр. *ὕει* „дождь идетъ“ (ср. выше стр. 202 и сл.): таково происхожденіе большинства безличныхъ глаголовъ, которые въ индо-европейскомъ языкѣ не имѣютъ выраженного подлежащаго.

Глаголь допускаетъ при себѣ цѣлый рядъ объяснительный словъ при помощи именъ въ различныхъ падежахъ: лат. *donum fero* „приношу даръ“, *tibi placet* „тебѣ нравится“, *Tusculo proficiscor* „отправляюсь изъ Тускула“, или при помощи нарѣчій: лат. *heri ueni* „я пришелъ вчера“, или, какъ наконецъ, при помощи предложныхъ приставокъ, которыя, мы видѣли (на стр. 158 и сл.), точнѣе опредѣляютъ и глаголь, и именное дополненіе къ глаголу, и потому примыкаютъ то къ глаголу, то къ имени, принимая въ послѣднемъ случаѣ роль предлоговъ. Всѣ эти объяснительныя слова скопляются въ одномъ и томъ же предложеніи; такъ напр. у Гомера въ предложеніи

А 369: ἐκ δ' ἔλον Ἀτρεΐδῃ Χρυσήϊδα
„а Атриду выбрали Хризеиду“

мы имѣемъ одну предложную приставку и два дополненія.

Объяснительныя слова не управляются глаголомъ. Предлоги представляютъ самостоятельныя слова, которыя могутъ стоять рядомъ съ глаголомъ или съ именемъ, но могутъ и стоять отдѣльно отъ нихъ какъ угодно далеко. Падежъ, въ которомъ стоитъ дополненіе зависитъ вовсе не отъ глагола, а отъ выражаемаго имъ смысла. Возьмемъ, напр., греч. глаголь *κλύω*, который всегда и вездѣ значитъ „слышу“; онъ можетъ быть употребленъ независимо, какъ напр. у Эсхила Прометей

ст. 868: κλύειν ἀναλκίς μᾶλλον ἢ μειφόνος

„слыть скорѣе слабой, чѣмъ преступной“; или съ винит. падежомъ, обозначающимъ то, что слышатъ: *ἔκλυον αὐδὴν* (Гомеръ) „услышали голосъ“, или съ род., показывающимъ источникъ звука: *ἔκλυον αὐτοῦ* „услышали его“, или съ дат., показывающимъ, къ кому прислушиваются: *εὐχομένῳ μοι ἔκλυον* (Θεогнидъ) „внимали моей молитвѣ“, см. стр. 294 и сл.; употребленіе винительнаго, родительнаго или дательнаго въ этихъ предложеніяхъ не зависитъ отъ глагола болѣе, чѣмъ употребленіе творительнаго падежа (въ греческомъ не отличается

отъ дательнаго) въ выраженіи *ὁμοῦ* *κλύω* „слышу ушами“, или мѣстнаго въ выраженіи *ὁμοῦ* *κλύω* „я слышу дома“. Точно также и предлоги не оказываютъ вліянія на падежъ, въ которомъ ставится имя; они только точнѣ опредѣляютъ значеніе, какъ напр. *προς* въ примѣрахъ, приведенныхъ на стр. 159. Каждое индо-европейское слово имѣетъ само по себѣ ту форму, какой требуетъ смыслъ, и вовсе не подчиняется требованію другихъ словъ въ предложеніи; самостоятельность слова есть основной принципъ, опредѣляющій структуру индо-европейскаго предложенія.

Именное предложеніе можетъ стоять рядомъ съ глагольнымъ и можетъ сочетаться съ нимъ въ одно предложеніе, одновременно и именное, и глагольное; наприм. лат. *uictor uictorum cluet* „слыветъ побѣдителемъ побѣдителей“, вед. *v ṛṣā ṣṛuṣe* „ты называешься мужчиной“, гр. *κόλακες ἀκούουσι* „они называются льстецами“ и т. д., или гр. *ῥιπε πρηνής* „упалъ ничкомъ“, др.-сл. *паде ниць*, лат. *praecipers cadit* „падаетъ внизъ головою“ и т. д. Приложенія подобнаго рода могутъ быть связаны между собою менѣе тѣсно, какъ напр. въ слѣдующемъ предложеніи у Гомера:

А 43: *ὣς ἔφατ' εὐχόμενος* „такъ онъ сказалъ, молясь“ или могутъ указывать лишь второстепенное обстоятельство, какъ напр. у Гомера

А 424: *χθιζὸς ἔβη κατὰ δαίτα* „вчера онъ ушелъ на пирь“.

Въ этихъ то именно предложеніяхъ, одновременно и именныхъ и глагольныхъ, глаголъ **es*-, который собственно значить „существовать, быть“, принялъ указанную выше роль простой связи.

Именное предложеніе можетъ сочетаться съ глагольнымъ еще и инымъ способомъ, когда одна изъ составныхъ частей глагольнаго предложенія является дополненіемъ, какъ напр. лат. *creat aliquem consulem* „избираетъ кого-нибудь, консуломъ“ гр. *τὸν Μῆδον ἴσμεν ἐλθόντα* „мы знаемъ, что Мидіецъ пришелъ“, скр. *hatám vṛtrám vidma* „мы знаемъ, что Вритра убить“.

Такимъ образомъ существуетъ большое разнообразіе типовъ предложеній: чисто именное предложеніе или сопровождаемое глаголомъ „быть“, чисто глагольное предложеніе

или сопровождаемое различными дополнениями, предложение именное и глагольное одновременно, при чемъ именной элементъ примыкаетъ либо къ глаголу, либо къ дополненію.

Когда является необходимость подчеркнуть лицо, выражаемое глаголомъ, или ввести лицо, которое глаголъ не можетъ выразить, или назвать вещь, которую необходимо отмѣтить, то предложение получаетъ вторую группу членовъ, примыкающихъ къ глаголу и къ его объяснительнымъ словамъ, группу „подлежащаго“; такъ у Гомера:

А 180: σέθεν δ' ἐγὼ οὐκ ἀλεγίζω „тебѣ я не препятствую“

А 178: θεός που σοί τόγ' ἔδωκεν „богъ, видно, далъ тебѣ это“

А 317: κνίσθη δ' οὐρανὸν ἔχε „запахъ ушелъ въ небо“

Личное мѣстоименіе, какъ гр. ἐγώ, имѣетъ въ индо-европейскомъ языкѣ значеніе отдѣльнаго слова, объяснительнаго слова, какъ фр. *moi*, а не простого глагольнаго опредѣлителя, какъ фр. *je*.

Каждое имя, въ какомъ бы употребленіи оно ни встрѣчалось въ именномъ или въ глагольномъ предложени, можетъ, какъ и глаголъ, имѣть при себѣ различныя объяснительныя слова; такъ (беремъ примѣры у Гомера) оно имѣетъ при себѣ существительное въ род. п.:

А 9: Διὸς υἱός „сынъ Зевса“;

прилагательное или указательное мѣстоименіе:

А 7: διὸς Ἀχιλλεύς „божественный Ахиллъ“

А 11: τὸν Χρύσην „того Хриса“

существительное, какъ приложеніе (которое можетъ въ свою очередь быть опредѣлено другимъ существительнымъ или прилагательнымъ):

А 7: Ἀτρεΐδης τε (F)ἄναξ ἀνδρῶν „Атридъ, царь людей“
числительное:

А 309: ἐρέτας ἔκρινεν εἰκοσιν „выбралъ двадцать гребцовъ“

Прилагательныя также допускаютъ при себѣ объяснительныя слова:

А 215: πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς „(быстрый ногами =) быстроногій Ахиллъ“

А 122: φιλοκτηανώτατε πάντων „самый любостыжательный изъ всѣхъ“

А 107: φίλα φρεσὶ „любезное сердцу“

А 114: οὐ (F)έθεν ἐστι χερσίων | οὐ δέμας οὐδὲ φύην „нѣтъ хуже его ни по виду, ни по характеру“

Эти различные объяснительныя слова могутъ накопляться вокругъ одного и того же слова и каждое изъ словъ предложѣнія можетъ ихъ получить, такъ что сложность индоевропейскаго предложѣнія не имѣетъ никакой опредѣленной границы:

А 101:

τοῖσι δ' ἀνέστη

ἦρως Ἀτρεΐδης εὐρυχεΐων Ἀγαμέμνων
ἀχνύμενος

„среди нихъ всталъ герой Атридъ, широко властвующій Агамемнонь, гнѣвающійся“.

А 315: (F)έρδον δ' Ἀπόλλωνι τελέσσας ἑκατόμβας

ταύρων ἢ δ' αἰγῶν παρὰ θῖν' ἄλδς ἀτρυγέτοιο

„приносили Аполлону чистыя гекатомбы быковъ и козъ на берегу безплоднаго моря“.

А 481:

ἀμφὶ δὲ κύμα

στεῖρην πορφύρεον μεγάλ' ἴαχε νηὸς ἱούσης

„по обѣ стороны кия плывущаго корабля сильно шумѣла темная волна“.

Наконецъ, элементовъ предложѣнія каждаго вида можетъ быть нѣсколько: въ предложѣнии можетъ быть два или нѣсколько подлежащихъ, два или нѣсколько дополненій каждаго рода, два или нѣсколько прилагательныхъ (лат. *Iurpiter optimus maximus*); въ такомъ случаѣ два элемента, играющіе одинаковую роль, могутъ быть соединены неударяемыми частицами „и“, „или“, „какъ“ и т. д.

Слово, обозначающее „и“ — скр. *ca*, гр. *te*, лат. *que*; оно присоединяется либо къ первому слову каждой изъ группъ, которыя онъ соединяетъ, либо къ первому слову каждой группы, кромѣ первой:

А 70: (F)εἶδη τά τ' ἐόντα τά τ' ἐσσόμενα πρό τ' ἐόντα

„зналъ и настоящее, и будущее, и прошедшее“.

Θ 49: ἐνθ' ἵππους ἔστησε πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε

„тамъ поставилъ лошадей отецъ людей и боговъ“.

А 4:

αὐτοὺς δὲ (F)ελώρια τεύχε κύνεσσιν

οἰωνοῖσι τε πᾶσι

„а самихъ сдѣлалъ добычею собакъ и всѣхъ хищныхъ птицъ“.

А 156: μάλα πολλὰ μεταξύ
 οὐρεά τε σκυόεντα θαλάσσά τε (F)ηχήμεσα

„много въ промежуткѣ тѣнистыхъ горъ и шумнаго моря!“

Слово, обозначающее „или“ — скр. *vā*, гр. -(F)ε, лат. *ue*; оно употребляется совершенно такъ же, какъ и предыдущее:

лат. *dei hominesue* или *deive hominesue* „люди или боги“.

R. V. I, 108, 7: *brahmāṇirājani vā*
 „у брахмана или у царя“

R. V. I, 6, 10: *itó vā sātīm ímahe*
divó vā pāṛthivād ádhi
índram mahó vā rájasaḥ

„мы молимъ (*ímahe*) Индру о милости (*sātīm*) либо отсюда, либо съ земного неба, либо изъ великаго пространства“.

Мы видимъ, насколько разнообразно индо-европейское предложеніе. Это впечатлѣніе подтвердить чтеніе любой страницы ведическаго или древне-греческаго текста.

3. Согласованіе.

Хотя каждое слово въ предложеніи вполне самостоятельно, однако связь между этими словами отличается извѣстными соотвѣтствіями формы.

Въ глагольномъ предложеніи согласованіе между глаголомъ и примыкающимъ къ нему именемъ, которое мы называемъ подлежащимъ, существуетъ только въ одной категоріи, именно въ категоріи числа, такъ какъ она одна общая и имени, и глаголу, и такъ какъ индо-европейскій глаголь не имѣетъ рода; и это согласованіе не является результатомъ управленія одного элемента другимъ, какъ будто подлежащее опредѣляетъ число глагола, но вытекаетъ только изъ того, что категорія единства, двойственности и множественности одинакова для имени и для глагола. Если мы читаемъ у Гомера τὼ... ἀνστήτην, οἱ... πένοντο, ὁ... προσέειπε, то это не значитъ, что τὼ, οἱ, ὁ требуютъ двойственного, множественнаго, единственнаго числа, но мы имѣемъ τὼ и ἀνστήτην, потому что рѣчь идетъ о двухъ лицахъ, οἱ и πένοντο, потому что рѣчь идетъ о многихъ, ὁ и προσέειπε, потому что рѣчь

идеть объ одномъ. Двойственное число употребляется и тогда, когда рѣчь идетъ о двухъ лицахъ названныхъ отдѣльно, напр. двойственное число въ ведическомъ:

R. V. IV, 51, 11: *tád dyáuṣ ca dhattām prthivī ca devī*
„да сотворятъ это небо и богиня земля“.

Если рѣчь идетъ о двухъ или нѣсколькихъ вещахъ, то возможно и единственное число:

Z 328: *αὐτὴ τε πόλις τε*
(F) *ἄστυ τόδ' ἀμφιδεδυγέ*

„крикъ и война разгорѣлись вокругъ этого города“.

То же самое мы встрѣчаемъ, когда рѣчь идетъ о совокупности предметовъ, обозначенной собирательнымъ именемъ средняго рода, замѣняющимъ именительный множественнаго средняго рода (ср. стр. 245), откуда правило *tā ζῷα τρέχει*.

Въ сущности согласованіе существуетъ только между двумя именами либо въ случаѣ именного предложенія или именного и глагольнаго вмѣстѣ, либо въ томъ случаѣ, когда одно имя поясняетъ другое или въ качествѣ приложенія, или въ качествѣ опредѣленія.

Въ именномъ предложеніи бываетъ или не бываетъ согласованіе, смотря по смыслу, который нужно выразить. Согласованіе въ числѣ, падежѣ и родѣ является правиломъ въ такихъ предложеніяхъ, какъ слѣдующее:

Г 56: *ἀλλὰ μάλα Τρῶες δειδήμονες*

„но Троянцы очень трусливы“. Согласованіе въ падежѣ существенно въ типѣ лат. *aliquem facio heredem* „дѣлаю кого либо наслѣдникомъ“. Съ другой стороны никакого согласованія не бываетъ, если имя сказуемаго должно стоять не въ томъ падежѣ, въ какомъ стоитъ другое имя:

А 63: *ἄναρ ἐκ Διός ἐστιν* „сонъ — отъ Зевса“.

R. V. I, 4, 6: *syāśméd indrasya śágrmaṇi* „будемъ подъ защиту Индры“.

И согласованіе въ падежѣ можетъ быть только въ такихъ предложеніяхъ, какъ слѣдующее:

Г 178: *οὗτός γ' Ἀτρεΐδης, εὐρυκρείων Ἀγαμέμνων,*
ἀμφότερον, βασιλεὺς τ' ἀγαθὸς κρατερὸς τ' αἰχμητής

„этотъ Атридъ, широко властвующій Агамемнонь (предста-“

вляеть изъ себя) и то и другое, хорошій царь и сильный копейщикъ“.

Въ приложеніи, согласованіе въ падежѣ необходимо, но родъ и число могутъ и не совпадать, какъ напр. въ слѣдующемъ стихѣ:

Κρατῆρές εἰσι, ἀνδρὸς ἐύχειρος τέχνη

„Кратеры, работа ловкаго ремесленника“.

Только прилагательное, какъ опредѣленіе, непременно согласуется въ числѣ, падежѣ и родѣ съ опредѣляемымъ существительнымъ. На стр. 238 и сл. мы видѣли, что только прилагательное или указательное мѣстоименіе дѣлаетъ различіе между мужескимъ и среднимъ родомъ съ одной стороны и женскимъ съ другой. Слово, съ которымъ бы никогда не соединялось прилагательное или какое-либо указательное мѣстоименіе, не имѣло бы никакого признака мужескаго, женскаго или средняго рода. Здѣсь согласованіе является постояннымъ правиломъ, и оно указываетъ, какое имя опредѣляется даннымъ прилагательнымъ; такъ напр.

Г 200:

πολύμητις Ὀδυσσεύς,
ὃς τράφη ἐν δῆμῳ Ἰθάκης, κραναῆς περ ἐούσης,
(F)εἰδὼς παντοίους τε δόλους καὶ μῆδεα πυκνά

„многоумный Одиссей, который возросъ въ народѣ (острова) Итаки, очень каменистой, знающій разныя хитрости и мудрыя совѣты“.

Здѣсь имен. п. ед. ч. муж. р. πολύμητις относится къ Ὀδυσσεύς, а Γειδὼς къ ὃς (которое указываетъ на Ὀδυσσεύς), родительные падежи ед. ч. жен. р. ἐούσης и κραναῆς относятся къ Ἰθάκης, и винит. п. мн. ч. ср. р. πυκνά — къ μῆδεα.

Эти виды согласованія, въ одномъ случаѣ частичнаго, въ другомъ — полнаго, являются главнымъ средствомъ расчлененія индо-европейскаго предложенія.

4. Порядокъ словъ и употребленіе ударенія.

Отношенія между различными частями предложенія въ достаточной мѣрѣ обозначались формами склоненія и согласованіемъ; поэтому порядокъ словъ, обозначающій эти отношенія въ большей части новыхъ европейскихъ языковъ, не могъ играть этой роли; слова разставлялись такъ или иначе

въ цѣляхъ привлеченія вниманія на наиболѣе существенныя части предложенія. Такимъ образомъ порядокъ словъ имѣлъ значеніе выразительности, и не имѣлъ синтаксическаго значенія; онъ относился къ области реторики, а не къ области грамматики.

Ниодно слово въ предложеніи не имѣетъ опредѣленнаго и постояннаго мѣста, такъ напр. у Гомера въ предложеніи

А 207: ἦλθον ἐγὼ πάσουςα τὸ σὸν μένος

„пришла я укротить твой гнѣвъ“ глаголъ ἦλθον стоитъ въ началѣ предложенія, такъ какъ Аѣина подчеркиваетъ свой приходъ; а въ слѣдующемъ же предложеніи въ началѣ стоитъ предложная приставка:

А 208: πρὸ δέ μ' ἦχε θεὰ λευκώλενος Ἥρη

„а прислала меня бѣлолокотная богиня Гера“ — причина та же; далѣе Аѣина запрещаетъ Ахиллу обнажать мечъ:

А 210: μὴδὲ ξίφος ἔλκεο χεῖρ'

„а меча не обнажай рукою“ — здѣсь подчеркивается дополненіе ξίφος; а далѣе она говоритъ:

А 212: τὸ δὲ καὶ τετελεσμένον ἔσται

„и вотъ что совершится“ — здѣсь „подлежащее“ τὸ выдвинуто на первое мѣсто.

Слова, соединенныя по смыслу, могутъ стоять отдѣльно, какъ напр. у Платона Федонъ 178, с:

μεγίστων ἀγαθῶν ἡμῖν αἰτιός ἐστιν „виновникъ величайшихъ благъ для насъ“, гдѣ главные слова μεγίστων ἀγαθῶν поставлены въ началѣ передъ ἡμῖν, которое важно по своему значенію, между тѣмъ какъ αἰτιός ἐστιν поставлено въ концѣ; и, еще рѣзче, тамъ же 184, b:

μία δὲ λείπεται τῇ ἡμετέρῃ νόμῳ δδός „одна остается нашему закону дорога“, гдѣ прилагательное μία отдѣлено отъ существительнаго δδός всѣми остальными словами предложенія. Но это не обычное употребленіе, а слова, взаимно другъ друга поясняющія, обыкновенно ставятся рядомъ.

Когда нѣсколько словъ составляютъ такимъ образомъ группу, довольно часто опредѣляющее слово ставится передъ опредѣляемымъ: лат. *trēs hominēs* „три человѣка“, гр. ἀγαθὸς ἀνὴρ „хорошій человѣкъ“, скр. *devānāṃ dik* „страна боговъ“ и т. д. Измѣняя этотъ наиболѣе обычный порядокъ,

обращаютъ вниманіе на опредѣленіе; такъ лат. *homīnēs trēs* скорѣе значитъ „люди числомъ три“, нежели „три человѣка“.

Вслѣдъ за первымъ словомъ предложенія сначала идутъ частицы и неопредѣленные мѣстоименія неударяемые или ударяемые и далѣе энклитическія личныя мѣстоименія: эти второстепенныя слова вставляются даже между главными словами, естественно связанными по смыслу; такъ напр. у Гомера:

А 104: ὅσπερ δέ (F)οἰ πυρὶ λαμπρόωντι (F)εἶκτῳ

„а глаза у него были похожи на пылающій огонь“

А 106: οὐ πώ ποτέ μοι τὸ κρήνην εἶπες

„никогда еще ты мнѣ не говорилъ пріятнаго“

А 150: πῶς τίς τοι πρόφρων (F)έπεισιν παῖδῃται Ἀχαιῶν

„неужели какой-нибудь благоразумный Ахеецъ станетъ слушаться твоихъ словъ“ (группы связанныя смысломъ Ἀχαιῶν τίς „кто-нибудь изъ Ахейцевъ“ и (F)έπεισιν τοι „твоимъ словамъ“).

Большинство словъ въ предложеніи могло быть либо ударяемымъ, либо неударяемымъ. На стр. 125 мы имѣли случай встрѣтиться съ однимъ ведическимъ стихомъ, въ которомъ одно только первое слово имѣетъ удареніе, а всѣ остальные — неударяемыя.

Вопросъ о томъ, когда слово ударяемо и когда неударяемо, возникаетъ главнымъ образомъ относительно глагола: когда глаголь стоитъ въ началѣ предложенія, онъ всегда имѣетъ удареніе; внутри предложенія въ санскритѣ онъ вообще не имѣетъ ударенія (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, которые здѣсь не мѣсто излагать, такъ какъ санскритскія правила не находятъ себѣ соотвѣтствій ни въ одномъ другомъ языкѣ); эта противоположность сохранилась и въ греческомъ въ одномъ случаѣ: ἔστι въ значеніи „существуетъ“, стоя въ началѣ предложенія, имѣетъ удареніе; ἔστι, какъ связка, — неударяемо; съ другой стороны постоянное мѣсто ударенія въ большинствѣ личныхъ формъ греческаго глагола прекрасно объясняется тѣмъ, что эти формы въ индоевропейскомъ часто были неударяемы.

Когда два слова, связанныя по смыслу, стояли въ предложеніи рядомъ, то часто случалось, что только одно изъ нихъ имѣло удареніе, а другое было неударяемо. Это особенно ясно въ случаѣ соединенія предложной приставки съ глаголомъ: въ санскритскомъ если глаголь *bhāraṭi* имѣетъ

удареніе, то предлогъ, непосредственно ему предшествующій не имѣетъ ударенія: *pra bhāṛati*; если же глаголь неударяемъ, то предшествующій предлогъ имѣетъ удареніе: *prā bhāṛati*. Въ греческомъ предлогъ, опредѣляющій глаголь всегда неударяемъ, предшествуетъ ли онъ непосредственно глаголу или отдѣленъ отъ него; если въ такомъ случаѣ, какъ *συμπράξας*, предлогъ имѣетъ удареніе, то это потому, что онъ получаетъ энклитическое удареніе, какъ на это указываетъ *ἀπόδος* (а не **ἄποδος*); слѣдовательно между санскритомъ и греческимъ есть несоотвѣстствіе. Если предлогъ предшествуетъ имени, съ которымъ онъ связанъ по смыслу, то онъ всегда неударяемъ и составляетъ одну группу со слѣдующимъ именемъ: *ἀπὸ ποταμοῦ* (тяжелое удареніе указываетъ на отсутствіе повышенія голоса) при *ποταμοῦ ἔτι*, гдѣ *ἔτι* есть ударяемая форма. Въ славянскомъ языкѣ, наоборотъ, часто случается, что предлогъ имѣетъ удареніе, а имя остается безъ ударенія: русск. *на́ бере́гъ*, *по́ морю*, и нѣкоторыя постоянныя соединенія въ греческомъ, какъ *διάπεντε* и *ὕπερμυρον*, показываютъ, что подобное употребленіе не было чуждо и греческому языку въ очень древнее время.

Сохранившіеся примѣры сочетанія двухъ словъ менѣе многочисленны и менѣе ясны; но замѣчательно, что скр. *dva-daśa*, гр. *δῶ-δεκα* „двѣнадцать“, дословно „два-десять“, имѣютъ только одно удареніе на первомъ изъ двухъ сопоставляемыхъ словъ; то же мы видимъ и въ гр. *Νεῖπολις*, *κυνόσουρα* и т. д.; ведическій языкъ имѣетъ рядомъ и *jās-rātiḥ* „глава семейства“ — съ удареніемъ на обоихъ словахъ и *jās-rātiḥ* съ удареніемъ только на первомъ словѣ. Такое указательное мѣстоименіе, которое часто имѣетъ удареніе, какъ скр. род. п. *asuā* или славянское относительное мѣстоименіе *и-(же)*, бываетъ энклитикою и не имѣетъ ударенія въ томъ случаѣ, если оно имѣетъ анафорическое значеніе: скр. род. ед. ч. *asuā*, др.-сл. *и*, напр. въ др.-сл. *видитъ и*.

Принципъ, слѣдовательно, имѣетъ всеобщее значеніе. Примѣры съ достаточною ясностью показываютъ, что удареніе не вызываетъ привлеченія вниманія къ тому слову, на которомъ оно стоитъ: существеннымъ фактомъ является то, что одна группа словъ имѣетъ одно повышеніе голоса, а не два.

Слово неударяемое не есть вслѣдствіе этого непременно энклитика. Энклиза состоитъ въ томъ, что слово въ произ-

ношеніи такъ примыкаетъ къ предшествующему слову, что конецъ слова оказывается только одинъ; энклитики, по только что изложенному принципу, не имѣютъ ударенія, если предшествующее слово — ударяемо; но всѣ неударяемые слова не суть энклитики: неударяемые глаголы санскрита не примыкаютъ такъ тѣсно къ предшествующему слову, и въ греческомъ языкѣ неударяемое $\varphi\eta\mu$ можетъ даже начинать предложение; греческіе предлоги, которые всегда неударяемы, за исключеніемъ того случая, когда они получаютъ энклитическое удареніе, какъ въ словѣ $\alpha\lambda\beta\delta\epsilon\varsigma$, не примыкаютъ ни къ какому слову, ни къ предшествующему, ни къ послѣдующему; неударяемое слово $\alpha\lambda\lambda\alpha$ можетъ также начинать предложение. Въ индо-европейскомъ языкѣ было лишь ограниченное число энклитикъ, односложныхъ или самое большее двусложныхъ; на примѣръ, скр. частица *sa*, зд. *ša*, гр. *te*, лат. *que*, гот. *-h*; неопредѣленное мѣстоименіе гр. *tiς*, лат. *quis* (въ *nē quis*, *sī quis* и т. д.) и т. д.; такіа мѣстоименія, какъ скр. *me*, гр. *moi*, лит. *mi*, и т. д. Нѣтъ никакихъ указаній на существованіе проклитикъ, т. е. второстепенныхъ неударяемыхъ словъ, примыкающихъ къ слѣдующему слову такъ, что проклитика не имѣетъ собственно фонетическаго конца слова. Такимъ образомъ неударяемые слова, за исключеніемъ особаго случая энклизы, сохраняли свою полную фонетическую и морфологическую самостоятельность.

Грамматическая свобода расположенія главныхъ словъ въ предложеніи, постановка частицъ, неопредѣленныхъ и неударяемыхъ мѣстоименій послѣ перваго слова предложенія и употребленіе неударяемыхъ или ударяемыхъ формъ для указанія болѣе или менѣе тѣснаго соединенія примыкающихъ другъ къ другу словъ — эти явленія составляютъ наиболѣе характерныя черты индо-европейскаго языка. Они являются результатомъ морфологической структуры языка и природы музыкальнаго ударенія, которое существенно отличается отъ экспираторнаго ударенія новыхъ европейскихъ языковъ; лишь только морфологическая структура и природа ударенія измѣнились, эти характерныя черты сгладились, и мы, пожалуй, можемъ измѣрять степень сохраненія индо-европейскаго типа въ языкѣ тѣмъ, насколько сохранились въ немъ эти, указанныя здѣсь черты. Романскіе и германскіе языки съ ихъ неподвижнымъ порядкомъ словъ, не имѣютъ почти ни-

чего индо-европейскаго въ общемъ строѣ своего предложенія; наоборотъ, балтійскіе и славянскіе языки со своимъ болѣе свободнымъ порядкомъ словъ, съ постановкою энклитикъ послѣ перваго слова въ предложеніи, съ чередованіемъ ударяемыхъ и неударяемыхъ формъ, сохранили наибольшее число пережитковъ индо-европейскаго типа.

5. Предложенія отрицательныя и вопросительныя.

Нѣтъ никакихъ указаній на то, что бы вопросительныя и отрицательныя предложенія подчинялись особымъ правиламъ и имѣли свой особый характеръ.

Отрицательное предложеніе отличается однимъ только отрицаніемъ *не (скр. *ná*, др.-сл. *не* и т. д.): лат. *ne-scio* „не знаю“, лит. *àsz nègeriu* „я не пью“; скр.:

R. V. I, 81, 5: *ná tvā́vān indra káç sa ná
ná-jātó ná janīsyate*

„подобный тебѣ, о Индра, никто не родился и не родится“, или отрицаніемъ *тѣ въ запрещеніяхъ въ греческомъ, въ армянскомъ и въ индо-иранскомъ, въ греческомъ и армянскомъ съ повелительнымъ наклоненіемъ, гр. *μή φέρε*, арм. *mi berer* „не носи“, въ санскритѣ съ сослагательнымъ или съ такъ называемымъ инъюнктивомъ: *mā bhāṇaḥ*.

Вопросительное предложеніе характеризуется только интонаціей, напримѣръ:

E 872: *Zeō páter, oû vemeoíçŋ ðrōn táðe xartepà (F)érçá;*

„Зевсъ отецъ! (неужели) ты не гнѣваешься, видя эти насилія?“

Основа вопросительнаго мѣстоименія (гр. *τίς*, лат. *quis* и т. д.) ничѣмъ не отличается отъ основы неопредѣленнаго мѣстоименія; *τίς ἐστίν*; представляетъ выраженіе, которое первоначально, безъ сомнѣнія, обозначало „кто-то пришелъ?“; но затѣмъ установилось то различіе, что вопросительное мѣстоименіе имѣетъ удареніе (гр. *τίς*, никогда не имѣетъ тяжелаго ударенія), а неопредѣленное его не имѣетъ (гр. *τις*, всегда неударяемо), такъ что въ тѣхъ случаяхъ, когда основа неопредѣленно-вопросительнаго мѣстоименія является въ своей ударяемой формѣ, вопросъ имѣетъ свое особое выраженіе; однако скр. *kāñ* остается ударяемымъ даже въ неопредѣленномъ смыслѣ.

II. Соединеніе нѣсколькихъ предложеній.

Нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія въ индо-европейскомъ языкѣ какой-либо частицы, служащей для соединенія двухъ предложеній. Въ огромномъ числѣ случаевъ, повидимому въ большинствѣ, а можетъ быть и во всѣхъ случаяхъ предложенія только ставились рядомъ, какъ напр., въ извѣстномъ цезаревскомъ выраженіи *ueni, uidi, uici* или въ слѣдующихъ двухъ стихахъ Гомера:

А 106: *μάντι κακῶν, οὐ πώ ποτέ μοι τὸ κρήϋον εἶπας*
αἰεὶ τοι τὰ κακ' ἐστὶ φίλα φρεσὶ μαντεύεσθαι

„предсказатель зла! еще никогда ты не сказалъ мнѣ пріятнаго, всегда тебѣ пріятно предсказывать несчастія“.

Частицы, которыя въ историческій періодъ языковъ, обозначаютъ переходъ отъ одного предложенія къ другому, въ болѣе древнее время играли ту роль, что обращали вниманіе на отдѣльное слово; но такъ какъ это слово стояло въ началѣ предложенія, какъ мы это видѣли выше (стр. 310 сл.), а вслѣдъ за нимъ стояла частица, то казалось, будто частица указываетъ на переходъ отъ одного предложенія къ другому. Такъ, гр. частица *δε* подчеркивала предшествующее слово, и это значеніе ясно видно въ указательномъ мѣстоименіи *δ-δε*, *ἥ-δε*, или въ такихъ предложеніяхъ, какъ слѣдующее:

А 15: *λίσσεται πάντας Ἀχαιοῦς,*
Ἄτρεΐδα δὲ μάλιστα δῶα, κοσμήτορε λαῶν

„молилъ всѣхъ Ахейцевъ, а больше всего двухъ Атридовъ, правителей народовъ“;

но уже въ гомеровскую эпоху это же ударяемое *δέ* играетъ главнымъ образомъ роль частицы, противопоставляющей одно предложеніе другому. Гр. *-χι* въ словахъ *οὐ-χι*, *μήχι*, *ναίχι* только подчеркиваетъ *οὐ*, *μή*, *ναί* точно такъ же, какъ и соотвѣтствующее скр. *hí* (всегда ударяемое) обыкновенно значить „ибо“:

Во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ возможно, что употребленіе скр. *са*, гр. *τε*, лат. *que*, гот. *-h*, или лат. *ue*, скр. *vā* для соединенія предложеній восходитъ къ индо-европейскому языку. Нѣтъ существеннаго различія между

соединеніемъ нѣсколькихъ словъ или группъ словъ внутри предложенія и соединеніемъ двухъ различныхъ предложений; и дѣйствительно, два различныхъ предложенія могутъ имѣть общія слова; такъ напр. у Гомера:

А 108: ἐσθλὸν δ' οὐτε τί πω· (F)εἶπας (F)έπος οὗτ' ἐτέλεσας

„добраго ты еще никогда ни слова не говорилъ, ни (дѣла не) дѣлалъ“. Съ другой стороны соединеніе двухъ словъ можетъ служить въ то же время и соединеніемъ двухъ предложений; такъ напр.:

А 37:

Χρύσην ἀμφιβέβηκας

Κίλλαν τε ζαθέην Τενέδοιό τε (F)ῖφι (F)ανάσσεις

„хранишь Хризу и священную Киллу и мощно властвуешь надъ Тенедосомъ“.

Надъ этими фактами, не представляющими ничего особеннаго, нѣтъ надобности долѣе останавливаться.

Гораздо важнѣе вопросъ, въ какой мѣрѣ придаточныя предложенія восходятъ къ индо-европейскому языку.

Много такого, что въ современныхъ языкахъ выражается при помощи придаточныхъ предложений, могло въ индо-европейскомъ языкѣ выражаться въ предѣлахъ того же предложенія при помощи различныхъ именныхъ формъ. И дѣйствительно, съ одной стороны, каждая глагольная основа на ряду съ личными формами имѣла и прилагательное, которое называютъ причастіемъ: это причастіе есть форма именная, но оно допускаетъ при себѣ тѣ же дополненія, что и личные формы той основы, къ которой оно принадлежитъ; съ другой стороны, корни, къ которымъ принадлежатъ глаголы, не отыменные, образуютъ въ то же время и имена, которыя, смотря по ихъ природѣ, имѣютъ значенія, близкія къ значенію глагола; наконецъ, эти самыя имена могутъ входить, какъ составныя части, въ сложные слова. Благодаря этимъ тремъ обстоятельствамъ не было нужды прибѣгать къ придаточнымъ предложениямъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ, гдѣ большинство новыхъ индо-европейскихъ языковъ, особенно французскій, къ нимъ прибѣгаетъ. Нѣсколько примѣровъ пояснить дѣло.

Значеніе причастія въ самыхъ древнихъ текстахъ индо-европейскихъ языковъ громадно. Причастіе, какъ и всякое

прилагательное можетъ относиться къ какому угодно члену предложенія; къ „подлежащему“:

А 44: βῆ δὲ κατ' Οὐλύμπου κορυφῶν χαόμενος κῆρ
„сошелъ съ вершинъ Олимпа, гнѣваясь сердцемъ“;
къ дополненію глагола (которое не должно непременно
быть выражено):

А 56: κήδετο γὰρ Δαναῶν ὅτι ῥα θνήσκοντας ὄρατο
„ибо (она) жалѣла Данайцевъ, потому что видѣла, что они
умираютъ“;

къ дополненію имени:

А 46: ἔκλαγξαν δ' ἄρ' οἱστοὶ ἐπ' ὤμων χωρόμενοι
αὐτοῦ κινηθέντες

„завучали стрѣлы у него, разгнѣваннаго, на плечахъ, когда
онъ двинулся“.

Причастіе можетъ служить вторымъ элементомъ именнаго предложенія, комбинированнаго съ глагольнымъ, какъ въ скр. *stāyān mānyate* „онъ думаетъ, что скрывается“ и др.-слав. *тамъ са мынитъ* „думаетъ, что скрывается“. Благодаря свободѣ разстановки словъ, причастіе очень удобно въ разсказѣ: скр. (Çat. Brah. I, 8, 1) *tasyāvanéniṣānasya* (читай *tāsyā avanéniṣānasya*) *mātsyaḥ pāṇī ā pade* „въ то время какъ онъ мылся, рыба упала ему въ руки“, буквально: „въ руки его моющагося рыба упала“. Оно удобно также для подчеркиванія противоположности; такъ напр. въ ведическомъ

R. V. VIII, 14, 8: úd gā ājad āngirobhya
āviṣ kṛvān gūhā satīḥ

„онъ выгналъ коровъ для Ангирасовъ, открывая бывшихъ скрытыми“. Нужно было бы слишкомъ увеличить число примѣровъ, чтобы дать представленіе обо всемъ томъ, что могутъ выражать причастія, и о крайнемъ разнообразіи ихъ употребленія.

Если древніе тексты позволяютъ составить себѣ точное представленіе о роли причастій, то нельзя того же сказать объ употребленіи первичныхъ именъ; ниодинъ языкъ не сохранилъ свободнаго употребленія именъ съ нулевымъ суффиксомъ и другихъ первичныхъ именъ, непосредственно связанныхъ съ корнями. Во всякомъ случаѣ ведическіе тексты

позволяютъ еще подмѣтить нѣкоторыя особенности этого употребленія. Возьмемъ, какъ примѣръ,

R. V, VIII, 65, 3: ā tvā gīrbhīr mahām urúm
huvé gām iva bhójase
īndra sómasya pītāye

т. е. дословно, сохраняя въ общемъ тотъ же порядокъ словъ:

„пѣснопѣніями тебя, великаго, сильнаго,
я призываю, какъ корову на кормленіе
о Индра, пить сому“.

Это предложеніе содержитъ три первичныхъ глагольных имени: *gīrbhīh* — твор. п. мн. ч. отъ *gīr-* „пѣснопѣніе“, ср. *járate*, *gr̥nāti* „поетъ, прославляетъ“, лит. *giriù* „хваляю“; *bhójase* — дат. пад. ед. ч. отъ *bhójas-* „пользованіе, наслажденіе“, ср. глаголѣ съ носовымъ инфиксомъ *bhuikté* „пользуется“, *pītāye* — дат. пад. ед. ч. отъ *pītau-* „питье“, ср. гр. *πίνω* „пью“. Одинъ только индо-иранскій діалектъ изъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ представляетъ еще въ историческое время такое употребленіе первичныхъ именъ.

Во всѣхъ другихъ языкахъ нѣкоторыя изъ этихъ формъ примкнули къ глаголамъ; въ однихъ языкахъ, какъ въ древне-ирландскомъ, онѣ сохранили почти чисто именный характеръ. Вообще же онѣ примкнули къ глагольнымъ основамъ и образовали неопредѣленные наклоненія (см. стр. 236). Въ западно-германскомъ и въ особенности въ армянскомъ неопредѣленное наклоненіе еще склоняется. Въ греческомъ и латинскомъ каждая глагольная основа получила свое неопредѣленное наклоненіе; *-μεν* (въ *δομεν*) есть мѣстный падежъ основы на **-men-*; ср. скр. дат. п. ед. ч. *dāmaṇe* къ основѣ *dāmaṇ-* „даваніе“; лат. *-se* (происшедшее изъ **-si*) въ формахъ *es-se*, *lege-re*, *lēgis-se* и т. д. есть мѣстный падежъ основы на **-s-*. Въ славянскомъ *-ти*, напр. въ *пн-ти* есть дательный пад. ед. ч. основы на **-t-*, и въ литовскомъ *-ti*, напр. въ *gér-ti* „пить“ — есть мѣстный падежъ того же рода основъ. Неопредѣленное наклоненіе, форма котораго въ каждомъ языкѣ является результатомъ позднѣйшаго развитія, до нѣкоторой мѣры играетъ роль древнихъ первичныхъ именъ, но менѣе свободно и съ болѣе или менѣе глагольнымъ характеромъ.

Наконецъ, достаточно привести нѣсколько гомеровскихъ

примѣровъ, чтобы показать, какъ сложные слова даютъ возможность въ извѣстныхъ случаяхъ избѣгать придаточныхъ предложений:

А 231: δημοβόρος βασιλεύς „царь, который пожираетъ свой народъ“

А 247:

Νέστωρ

ἴ(F)ηδυ(F)επής

„Несторъ, который имѣетъ сладкія слова“, „Несторъ сладкорѣчивый“. Точно также φθισίμβροτος „который истребляетъ людей“ и т. д. Въ этихъ случаяхъ, сверхъ того, то обстоятельство, что первичныя индо-европейскія имена тѣсно ассоціируются съ глаголами, принадлежащими къ тѣмъ же корнямъ, облегчаетъ употребленіе именныхъ формъ со значеніемъ, почти совершенно глагольнымъ.

Съ другой стороны, указательное мѣстоименіе, поставленное въ началѣ предложения, достаточно обозначаетъ связь съ предложениемъ; указательное мѣстоименіе *to- часто играетъ эту роль; такъ напр. у Гомера:

А 247:

τοῖσι δὲ Νέστωρ

ἴ(F)ηδυ(F)επής ἀνόρουσε, λιγύς Πυλίων ἀγορητής,
τοῦ καὶ ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέεν αὐδὴ·
τῷ δ' ἤδη δύο μὲν γενεαὶ μερόπων ἀνθρώπων
ἔφθιαν...

„среди нихъ поднялся сладкорѣчивый Несторъ, громкій ораторъ Пилосскій; съ его языка текла рѣчь слаще меду; при немъ уже смѣнились два поколѣнія людей...“

Указательное мѣстоименіе при такомъ употребленіи могло вслѣдствіе этого принимать значеніе относительнаго мѣстоименія; это именно и случилось съ нѣмецкимъ указательнымъ мѣстоименіемъ *der*, которое въ древнемъ употребленіи имѣло только указательное значеніе.

Во всякомъ случаѣ индо-европейскій языкъ, повидимому, уже зналъ относительныя придаточныя предложения въ собственномъ смыслѣ. И дѣйствительно, индо-иранскому относительному мѣстоименію скр. *yáḥ*, *yā*, *yát*, зд. *yō*, *yā*, *yat* соотвѣтствуетъ греческое *ὅς*, *ῥί*, *ὅ* и древне-славянское *и-же*, *и-же*, *и-же*; и всѣ индо-европейскіе языки уже въ самыхъ древнихъ текстахъ правильно и часто употребляютъ относительныя предложения. Относительное мѣстоименіе иногда

связано съ соотвѣтствующимъ указательнымъ мѣстоименіемъ въ главномъ предложеніи:

R. V. III, 53, 21: *yó no dvēṣṭy ádharaḥ sás paḍiṣṭa*
 „кто (yó) насъ ненавидитъ, тотъ (sáḥ) да падетъ внизъ“.

Ясна (гата) XXXIV, 13: *təm advāṇeṣ... yim mōi mraoṣ*
 „тотъ (təm) путь, который (yim) ты мнѣ сказалъ“.

Гомеръ E 319: οὐδ' υἱὸς Καπανῆος ἐλήθετο συνθεσιῶν
táwv, ὅς ἐπέτελλε βοὴν ἀγαθὸς Διομήδης

„и сынъ Капанея не забылъ тѣхъ порученій, которыя далъ ему доблестный Діомедъ“.

A 218: ὅς κε θεοῖς ἐπιτεθῆται, μάλα τε κλύον αὐτοῦ
 „кто повинуется богамъ, тому они внимаютъ“;
 иногда не имѣетъ соотвѣтствующаго указательнаго мѣстоименія:

R. V. X, 14, 10: *áthā pitṛñ suvidátrañ úpehi*
yaména yé sadhamādam mādanti

„и иди къ милостивымъ отцамъ, которые опьяняются (со-мою) на общей пирушкѣ вмѣстѣ съ Ямою“.

A 161: καὶ δὴ μοι γέρας αὐτὸς ἀφαιρήσεσθαι ἀπειλεῖς
ὃ ἐπὶ πολλὰ μόγησα

„и самъ грозишься отнять у меня почетный даръ, изъ-за котораго я принялъ много трудовъ“.

Относительное предложеніе стоитъ, какъ угодно, либо передъ, либо послѣ главнаго и относительное мѣстоименіе не должно непременно стоять непосредственно рядомъ со словомъ, къ которому оно относится: эта свобода объясняется просто принципомъ свободнаго порядка словъ.

Мы имѣемъ основанія относить къ индо-европейскому языку одни только относительныя придаточныя предложенія. Другіе типы придаточныхъ предложеній и въ особенности условныя предложенія, въ каждомъ діалектѣ имѣютъ свои особыя формы.

Глава восьмая.

Словарь.

Когда мы встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ языкахъ, родственныхъ или неродственныхъ — все равно, слова сходныя и по формѣ и по смыслу, то мы должны прежде всего спросить себя, не имѣемъ ли мы дѣло съ заимствованіемъ одного языка у другого; такъ для слова „выкупъ, наказаніе, пеня“ мы находимъ: гр. *ποινή*, лат. *poena*, др.-ирл. *riap*, кимр. *roep*, др.-вр.-н. *ripa* (нѣм. *reip*), др.-англ. *rip* (англ. *pine*, *rain*). Здѣсь мы не имѣемъ дѣло съ индо-европейскимъ словомъ, сохраненнымъ независимо каждымъ изъ этихъ языковъ: кельтское *p* никогда не отражаетъ индо-европейское **p*, точно также и германское *p*; ирландское, кимрское, нѣмецкое и англійское слово заимствованы изъ латинскаго, а латинское слово само заимствовано изъ греческаго др. *ποινή*. Дѣйствительно, первоначально слово это обозначало сумму денегъ, платимыхъ за убытокъ, причиненный роду, напри-мѣръ, за убійство одного изъ его членовъ; индо-европейское слово **k^woinā*, обозначающее это понятіе, отражается въ зд. *kaēpā-*, гр. *ποινά* и сл. *цѣна-* (ср. лит. производное *kaipė* „цѣнность, цѣна“); оно относится къ тому же корню, какъ и греч. глаголѣ *τίν(F)ω* „плачѣ, искупаю“, будущ. вр. *τείσω*, гдѣ начальное *τ* не есть отраженіе стараго **t*, но первоначальнаго **k^w*, какъ на это указываетъ форма аориста *τείσαι* въ діалектѣ, который подобно ессалійскому, отражаетъ начальное **k^w* какъ *π*, даже передъ *ε*; и дѣйствительно, гр. *ἀπό-τισις* (гдѣ *-σι-* происходитъ изъ **-ti-*) точно соотвѣтствуетъ скр. *āra-citiḥ* „отплата“; ср. также зд. *δίθα* „искупленіе“ (ср. стр. 67); индо-европейское слово должно было

бы отразиться въ лат. языкѣ какъ *quoīna, откуда получилось бы *cūpa.

Когда мы выдѣлимъ слова, которыхъ сходство объясняется заимствованіемъ, то останется значительное число такихъ словъ, которыя съ точки зрѣнія фонетическихъ законовъ могутъ быть признаны тождественными, какъ зд. каѣпа, др.-сл. *čъпа*, гр. *πομή*. Большинство такихъ соотвѣтствій объясняется, повидимому, тѣмъ, что соотвѣтствующія слова существовали уже въ индо-европейскомъ языкѣ; но нѣкоторыя изъ нихъ могутъ объясняться болѣе или менѣе медленнымъ распространеніемъ извѣстныхъ словъ по всей индо-европейской области или по ея части; такъ напр., нѣтъ сомнѣнія, что скр. *tu(v)-ām*, др.-сл. *ты*, лат. *tū* и т. д. предполагаютъ индо-евр. **tū* „ты“, совершенно также, какъ франц. *tu*, итал. *tu*, исп. *tú* и т. д. предполагаютъ лат. *tū*; но различные археологическіе и филологическіе факты не допускаютъ сомнѣнія, что греч. *καύαρις* (въ первый разъ у Геродота IV, 74) — съ одной стороны и др.-исл. *hannr*, др.-вр.-нѣм. *hanaf* „конопля“ — съ другой, были заимствованы независимо греческимъ языкомъ и германскимъ изъ другого языка юго-восточной Европы. Эти два случая — первоначальное тождество и позднѣйшее распространеніе по діалектамъ (т. е. заимствование) — по существу своему совершенно различны, но въ большинствѣ случаевъ невозможно отличить, что нужно отнести къ одному и что къ другому; поэтому приходится подъ индо-европейскими словами понимать слова, общія нѣсколькимъ индо-европейскимъ діалектамъ при одномъ только условіи, чтобы они представляли всѣ фонетическія и морфологическія измѣненія, характеризующія тѣ діалекты, къ которымъ данныя слова принадлежатъ, и чтобы историческія свидѣтельства не указывали на новое происхожденіе слова. Во всякомъ случаѣ никогда не слѣдуетъ забывать, что терминъ индо-европейскія слова содержитъ два различныхъ понятія, неразличаемыя только за отсутствіемъ критерія, который бы давалъ возможность ихъ отличать; а такихъ доисторическихъ заимствованій одного діалекта у другого или нѣсколькихъ діалектовъ у языковъ каждой семьи было, несомнѣнно, громадное число. За исключеніемъ такихъ полуграмматическихъ словъ, какъ предлоги, мѣстоименія, вспомогательный глаголъ и т. п., мы никогда не можемъ

быть увѣрены, что данное слово передавалось безъ перерыва изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ индо-европейской эпохи до того времени, когда оно было засвидѣтельствовано памятниками.

Есть одинъ особый случай, на который слѣдуетъ обратить вниманіе: есть такія слова, которыя встрѣчаются изъ всѣхъ индо-европейскихъ діалектовъ въ наиболѣе близко соприкасающихся; такъ есть слова, которыя встрѣчаются только въ индо-иранскомъ и балтійско-славянскомъ языкахъ, другія встрѣчаются только въ языкахъ Европы (и въ армянскомъ), не встрѣчаясь въ индо-иранскомъ, третьи встрѣчаются или только въ славянскомъ, или въ балтійскомъ, или въ германскомъ, или въ кельтскомъ, или въ италійскомъ. Ниже мы встрѣчаемся съ примѣрами различныхъ случаевъ такого рода: ясно, что изъ подобныхъ сопоставленій мы можемъ заключать только о существованіи слова въ нѣкоторыхъ индо-европейскихъ діалектахъ (или о заимствованіи въ одной группѣ діалектовъ), а не во всей индо-европейской области. Область распространенія каждаго слова есть одно изъ существенныхъ данныхъ его этимологіи.

Совпаденія, распространяющіяся не болѣе чѣмъ на два діалекта, должны считаться болѣе или менѣе подозрительными, если нѣтъ иныхъ причинъ, поддерживающихъ правильность соотвѣтствія, такъ какъ сходство двухъ словъ съ одинаковымъ значеніемъ въ двухъ различныхъ языкахъ можетъ быть и случайнымъ: напр., англійское *bad* „дурной“ не имѣетъ даже отдаленнаго родства съ персидскимъ *bad*, обозначающимъ тоже „дурной“; но страннымъ случаемъ было бы, если бы *bad* обозначало „дурной“ еще и въ третьемъ языкѣ. Поэтому совпаденіе трехъ не соприкасающихся языковъ практически является достаточнымъ ручательствомъ за „индо-европейскій“ характеръ слова въ указанномъ выше двойкомъ смыслѣ этого термина.

Однако въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ мы можемъ признавать достовѣрность сопоставленія словъ даже двухъ только діалектовъ; такъ гр. *πίον* и скр. *říva* „жирный“ не встрѣчаются нигдѣ, кромѣ греческаго и индо-иранскаго, но характерное образованіе женскаго рода, гр. *πίερα*, скр. *říva ġi*, вмѣстѣ съ совершеннымъ тождествомъ значенія, склоненія и мѣста ударенія устраняютъ всякое сомнѣніе;

точно также др.-перс. *gādiu* и др.-сл. *radi* не встрѣчается въ другихъ языкахъ, но употребляются совершенно одинаково и входятъ въ составъ довольно большой группы словъ, общихъ славянскому и иранскому языку.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ особыхъ причинъ, мы должны, держась строгаго метода, считать сомнительнымъ всякое сопоставленіе словъ, не идущее дальше двухъ діалектовъ: если бы даже греч. *ἄξειται* „чувствуетъ благоговѣніе“ можно было отождествлять съ скр. *yájati* „приносить жертву“ — чего однако нѣтъ, такъ какъ греч. *ἔ* можетъ соотвѣтствовать не одному только скр. *y*, а скр. *a* — не одному греч. *α*, образованіе обоихъ глаголовъ не одинаково, значеніе не вполне соотвѣтствуетъ и т. д. — все же слѣдовало бы воздержаться отъ утвержденія, что эти слова родственны, и сопоставленіе могло бы быть признано только возможнымъ.

Наконецъ, даже при указанныхъ выше ограниченіяхъ, нельзя сказать, чтобы совокупность сопоставленій словъ различныхъ индо-европейскихъ діалектовъ, какъ мы находимъ ихъ въ этимологическихъ словаряхъ, давала хотя бы приблизительно точное представленіе о словарѣ племенъ индо-европейскаго языка.

За исключеніемъ трехъ діалектовъ, индо-иранскаго, греческаго и италійскаго, всѣ остальные индо-европейскіе діалекты засвидѣтельствованы лишь нѣскольکو столѣтій послѣ Р. Х., и при томъ памятниками литературы, стоящей подъ вліяніемъ либо римской, либо греческой и при томъ христіанской культуры; даже памятники италійскихъ діалектовъ появляются, только уже испытавъ на себѣ греческое вліяніе: приведенный выше примѣръ лат. слова *roepa*, которое распространилось по всей Западной Европѣ, а само между тѣмъ представляетъ заимствованіе изъ греческаго языка, показываетъ, что существуетъ европейскій словарь, распространеніе котораго совпадетъ съ предѣлами греко-римской цивилизациі.

Санскритскій, иранскій, греческій и латинскій представляютъ съ древнѣйшаго времени уже развитыя литературныя формы: ни одинъ индо-европейскій діалектъ не даетъ представленія о томъ, каковъ могъ быть словарь языка полукцивилизованнаго народа.

Уже самый способъ, которымъ мы опредѣляемъ индо-европейскій характеръ слова, исключаетъ возможность зна-

комства съ тѣмъ, что въ индо-европейскомъ словарѣ было опредѣленнаго и конкретнаго, что служило языкомъ обыденной жизни: единственныя слова, которыя существовали во многихъ различныхъ діалектахъ, это — корни, обозначающіе обыденныя дѣйствія общаго характера: „вкусать“, „нести“, „итти“, „знать“. „связывать“ и т. д. и названія наиболѣе общихъ понятій: „отецъ“, „глазъ“, „быкъ“ и т. д., однимъ словомъ то, что было общо всѣмъ говорамъ индо-европейской области, а не то, что представляло достояніе того или другого народа изъ ихъ среды.

Мало того, чтобы сопоставить слова различныхъ языковъ, мы должны разсматривать, что они имѣютъ общаго, и потому устранять отгѣнки значенія, развившіеся въ каждомъ отдѣльномъ діалектѣ: послѣ этого остается одна абстракція, которая даетъ средство для оправданія сопоставленія, но не для установленія первоначальнаго значенія слова. Просматривая этимологическій словарь, мы получаемъ такое впечатлѣніе, будто индо-европейскій языкъ обладалъ словами и корнями абстрактнаго и общаго значенія, между тѣмъ какъ каждый изъ говоровъ индо-европейскаго языка мы должны представлять себѣ въ родѣ какого-нибудь современнаго литовскаго говора, который бѣденъ общими понятіями и изобилуетъ названіями мелкихъ подробностей дѣйствій и мелочей семейной обстановки.

Наконецъ, техническіе термины по большей части различны въ различныхъ языкахъ, такъ какъ въ промежутокъ между индо-европейской эпохой и временемъ, когда засвидѣтельствованъ данный діалектъ, цивилизація совершила глубокія измѣненія, и слова измѣнялись нѣсколько разъ вмѣстѣ съ измѣненіями техники. Изученіе словъ не можетъ быть успѣшно безъ изученія обозначаемыхъ ими вещей.

Индо-европейскій словарь представляетъ для современнаго лингвиста небольшую группу наименованій общихъ понятій, драгоцѣнную по тѣмъ выводамъ, которыя можно сдѣлать отсюда въ вопросахъ фонетики и морфологіи, но абсолютно непригодную для того, чтобы дать представленіе о дѣйствительномъ словарѣ какого-либо индо-европейскаго говора. Наконецъ, словарь cadaго индо-европейскаго языка существенно отличается отъ словаря любого другого языка той же семьи, и лишь ничтожное меньшинство словъ cadaго

языка имѣтъ индо-европейскую этимологию. Занимающіеся этимологіею часто разсуждаютъ такъ, какъ будто всѣ слова исторически засвидѣтельствованныхъ языковъ, завѣдомо не-заимствованныя изъ извѣстныхъ намъ языковъ, должны восходить къ индо-европейскому языку, и, чтобы дать индо-европейскую этимологию каждому слову какого-либо языка индо-европейской семьи, они напрягаютъ всѣ силы своего знанія и своего остроумія; но это значитъ забывать, что между индо-европейскимъ періодомъ и самыми древними текстами какого-либо языка протекло много сотенъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ могло быть произведено неограниченное число заимствованій изъ языковъ, въ настоящее время неизвѣстныхъ. Мы не имѣемъ, напр., средства опредѣлить, насколько словарь греческаго и латинскаго языковъ зависитъ отъ словаря эгейской цивилизаціи.

Бѣглый обзоръ главныхъ элементовъ индо-европейскаго словаря позволить намъ составить обо всемъ этомъ болѣе точное представленіе.

1. Корни.

Техническія дѣйствія обозначаются очень немногими индо-европейскими корнями, которыхъ значеніе къ тому же отчасти довольно широко.

Корень скр. *tákṣati* „строить“ повидимому прилагался ко всякаго рода ремесламъ, и такое общее значеніе сохранилось въ греч. τέχνη „ремесло“. Скр. *tákṣati* и зд. *taṣat* имѣютъ общее значеніе „строить, творить“, но обозначаютъ главнымъ образомъ то, что дѣлается при помощи топора; скр. *tákṣā*, зд. *taṣa*, гр. τέκτων значать „плотникъ“, др.-врх.-нѣм. *dehsala* и др.-ирл. *tāl* „топоръ“, и др.-сл. *тесати* и лит. *taszýti* значить „тесать, работать топоромъ“. Соблазнительно было бы считать это значеніе первоначальнымъ, но лат. *texere* обозначаетъ другое ремесло — ткацкое, а ср.-вр.-нѣм. *dehsen* значить „ломать (коноплю)“. Зд. *taštəm* „чашка“, съ которымъ можно сближать лат. *testa* „глиняная ваза, и т. п.“ не доказываетъ, что этотъ корень служитъ для обозначенія гончарной работы, такъ какъ эти слова первоначально могли обозначить деревянную посуду.

Корень, обозначающій „лѣпить изъ глины“, мы находимъ въ гот. *ḡigan*, лат. *ingere*; но здѣсь можетъ разумѣться

или работа горшечника: лит. *figulus* „гончаръ, горшечникъ“, гот. *daigs*, др.-врх.-рѣм. *teig* „тѣсто“; или, чаще, наваливание земли для сооруженія стѣнъ: скр. *dehí* „валь“, зд. *daēzaueiti* „насыпаетъ“, др.-перс. *didā* „укрѣпление“, арм. *dēz* „куча“, гр. *τεῖχος, τοῖχος* „стѣна“, осск. *feihúss* „муръ“.

Корень **snē-* „прясть“ засвидѣтельствованъ лат. *nēre*, гр. *νέω*, аог. *ἐννῆ, νῆμα* „нитка“, ирл. *sním* „прядение“, *snāthe* „нитка“, можетъ быть также скр. *snāva* „связка, жила“, др.-вр.-нѣм. *snior* „веревка“; но др.-вр.-нѣм. *pājan* значить „шить“.

Корень др.-вр.-нѣм. *weban* „ткать“ сохраняетъ свое опредѣленное значеніе въ греч. *ὠφαίνω* и въ иранскомъ: зд. *ubdaēna-* „ткань“, перс. *bāfād* „ткетъ“, но вед. *u* пар значить просто „онъ привязывалъ“, и значеніе „ткать“ является только въ словѣ (*ṽṛṇa*)*vābhīḥ* „паукъ“, буквально „ткущій (шерсть)“.

Понятіе „шить“ ясно выражается въ скр. *syūtáḥ* „сшитый“, *sīvyati* „шьетъ“, лит. *siúti* „шить“, др.-сл. *шити*, гот. *siujan*, лат. *suere*, гр. *κασ-σύνειν* „шить“; лат. *sūbula* (изъ **sūdhla*), др.-вр.-нѣм. *siula* и др.-сл. *шило* (польск. *szydło*).

„Везти“ выражается скр. *váhati*, зд. *vazaiti*, др.-сл. *вѣжж*, лит. *vežù*, лат. *uehō*; „возъ“ др.-сл. *вожъ*, гр. (*f*)*όχος*, др.-врх.-нѣм. *wagan*, ирл. *fēn*; „дорога, по которой проходятъ возы“ гот. *wigs*, др.-вр.-нѣм. *weg*; германскій глаголъ значить просто „приводить въ движеніе“, какъ напр. гот. *ga-wigan* „двигать“. Съ другой стороны скр. *yāti*, др.-сл. *ѣдѣж*, лит. *jóju* имѣютъ значеніе „ѣхать (въ повозкѣ или лодкѣ)“; и въ параллель къ этому корню, который встрѣчается только въ индо-иранскомъ и балтійско-славянскомъ языкахъ, въ западныхъ нарѣчіяхъ для обозначенія того же понятія мы встрѣчаемъ слово, засвидѣтельствованное др.-вр.-нѣм. *ritan*, др.-англ. *ridan*, др.-исл. *ríða*, ирл. *riadaim* и галл. *rēda* „колесница“.

„Грести“ выражается въ др.-исл. *roa*, лит. *irti*; „гребецъ“: скр. *arítar-*, гр. *ἑρέτης*; „весло“: лат. *rēm̄us*, др.-вр.-нѣм. *ruodar*.

Европейскіе языки для обозначенія дѣйствія „пахать“ имѣютъ одинъ корень, засвидѣтельствованный др.-сл. *орѣ*, лит. *ariù*, гот. *arja*, ирл. *airim*, лат. *arō*, гр. *ἀρόω*, и даже армянскій языкъ имѣетъ слово *agawr* „плугъ“ = лат. *arā-*

trum. Но индо-иранская группа не знает этого слова, повидимому потому, что племена индо-иранского языка потеряли это слово въ переходный періодъ кочевой жизни. Корень *melə- со значеніемъ „молоть“, являющійся въ гр. μύλη „мельница“, лат. molō (см. стр. 167) неизвѣстенъ въ индо-иранскомъ языкѣ; но въ соотвѣтствіи съ греч. ἀλέω, арм. ałam „мелю“, ново-индійское нарѣчіе хинди имѣетъ aṭā, и персидскій языкъ — ārd „мука“; слѣдовательно индо-европейскій корень со значеніемъ „молоть“ засвидѣтельство- ванъ и въ индо-иранскомъ языкѣ. Наконецъ, есть корень *reis-, означающій „толочь (въ ступѣ)“: скр. piṇaṣṭi „тол- четъ“, piṣṭāḥ „толченый“ (piṣṭām „мука“); лат. pinso „толку“, pistor „мельникъ“, pilum „пестъ“, pila „ступка“; гр. πύσσω „толку“; лит. paisyti „обдирать (ячмень)“; др.-сл. пѣхати, пѣшеница.

Глаголь со значеніемъ „ковать“: др.-сл. коѡѣ, лит. káuju, др.-вр.-нѣм. houwan и съ распространеніемъ корня лат. cūdo, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ другихъ „куль- турныхъ“ словъ, неизвѣстенъ греческому, армянскому и индо-иранскому языку и въ своемъ распространеніи ограни- чивается только сѣверными и западными индо-европейскими діалектами. Простое, нетехническое значеніе „бить“ еще проглядываетъ въ этомъ словѣ.

Скр. kṛiṇāmi, др.-русс. крѣну, др.-ирл. crenim, кимр. rguaf свидѣтельствуютъ о существованіи глагола съ носовымъ инфиксомъ, обозначающаго „покупаю“; другія формы того же корня предполагаютъ скр. krayāḥ „покупка“ и πρίασθαι „купить“. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что понятія „продавать“ и „покупать“ прямо противуполагались другъ другу: тѣ же самые языки для понятія „продавать“ не имѣютъ общаго термина.

Корень *reik₁- означалъ, повидимому, „дѣлать от- мѣтки“, при помощи надрѣзовъ или при помощи цвѣтныхъ знаковъ; онъ далъ: скр. piṇṣāti „украшаетъ, приводитъ въ порядокъ“, др.-перс. ni-pis- „писать“, др.-сл. пишѣ, скр. rēṣaḥ и зд. raēsō „форма, цвѣтъ“, лит. raĩszas „пятно отъ сажі“, др.-вр.-нѣм. fēh, др.-англ. fáh, гот. filu-faihs „разноцвѣтный“, синонимъ гр. πικρός и др.-сл. пѣстрѣ (между тѣмъ какъ гр. πικρός значитъ „горькій“, буквально „кусаю- щій, рѣжушій“, какъ гот. baitrs, нѣм. bitter).

Скр. *anákṭi* „мажетъ“ (3 л. мн. ч. *añjánti*), лат. *unguō*, умбр. *umtu* „unguito“, и, вѣроятно, арм. *awcanel* „мазать“; скр. *ājyaṃ* „жертвенное масло“, др.-прусс. *anetan* „масло“, др.-вр.-нѣм. *ancho*, др.-ирл. *imb*, лат. *unguen*, *unguentum*, умбр. *umēn*.

Очень неопредѣленны и шатки тѣ данныя, которыя можно извлечь изъ разсмотрѣнія индо-европейскихъ корней съ цѣлью выяснитъ условія существованія племенъ, говорившихъ на этомъ языкѣ. Большинство корней показываетъ намъ только, что языкъ дѣлалъ различіе между понятіями „жить“ и „умирать“, „пить“ и „ѣсть“, „спать“ и „бодрствовать“, „лизать“ и „кусать“, „братъ“ и „оставлять“, „видѣть“ и „слышать“ и т. д.

Однако нѣкоторые корни представляютъ интересную послѣдовательность въ развитіи значеній, восходящую къ индо-европейскому языку; самый любопытный въ этомъ отношеніи корень, это **bheudh-*: первоначальное его значеніе, повидимому, — „бодрствовать“, сохранившееся въ восточныхъ діалектахъ: скр. *budhyāte* „бодрствуетъ, просыпается“, др.-сл. **бѹДѢТИ** (неопред. накл. **бѹДѢТИ**), лит. *budėti* „бодрствовать“; скр. *bodháyati* „будить“, др.-сл. **бѹДѢТИ** (неопр. **бѹДѢТИ**); др.-сл. **бѹДѢТИ** „проснуться“, лит. *bundù* „просыпаюсь“; лит. *budgùs* значить „проснувшійся“, но др.-сл. **бѹДРЪ** „бодрый“ переводитъ гр. *πρόθυμος*, слѣдовательно приняло уже болѣе отдаленное отъ первоначальнаго значеніе; тематическое настоящее время скр. *bódhati* значить „бодрствуетъ, внимаетъ, замѣчаетъ“ подобно соотвѣтствующему др.-сл. **блѹДѣ** (гдѣ мягкое л правильно развилось между губнымъ и *j* звука *ю*, отражающаго и.-евр. **eu*) и гомеровскому *πρόθυμαι* „развѣдывлю“, гр. аор. *ἐπρόθυμην* (откуда *πρόθυμοι*), точно также зд. *baodaḥ-* значить „воспріятіе“; др.-ирл. *buidē* развило особое значеніе — „признательность“ (сознаніе благодѣянія); отъ значенія „замѣчаю“ произошелъ переходъ къ значенію „чувствую“, какъ напр. въ зд. *baodəntō* (Яштъ XIX, 69) и, въ особенности, „чувствую запахъ“, откуда зд. *baodiš* „запахъ“: Яштъ XVII, 6: *hubaoiḍiš baodaite nṃā-pəṃ* „благоуханіе наполняетъ домъ“; съ другой стороны, съ винословнымъ оттѣнкомъ, мы получаемъ значеніе „пробуждать, привлекать вниманіе“, откуда значеніе „предлагать, приглашать“ въ др.-исл. *biōða*, др.-вр.-нѣм. *biotan* и, съ пред-

ложной приставкой, гот. *ana-biudan*, др.-вр.-нѣм. *gi-biotan* „приказывать“, гот. *faur-biudan* „запрещать“ (нѣм. *ver-bieten*); изъ того же винословнаго оттѣнка происходитъ значеніе „останавливать, наказывать“ въ лит. *baudžiù, baūsti*.

Наиболѣе конкретное, и, повидимому, самое древнее значеніе корня **g₁eus-* сохранилось въ греч. *γεύομαι* „пробую“ и въ лат. *gustus* „вкусъ“; но въ индо-иранскомъ этотъ корень имѣетъ значеніе „принимать съ удовольствіемъ, любить“; такъ скр. *jushate* значить „охотно беретъ, любить“, др.-перс. *dauštar-* „другъ“, точно также и въ албанскомъ *deša* значить „я любилъ“; съ другой стороны значеніе „выбирать“ развилось въ др.-ирл. *do-roi-gu* „онъ выбралъ“ и въ гот. *kiusan*, винословная форма *kausjan* „испытывать, выбирать“, но первоначальное значеніе „пробовать“ сохранилось въ славянскомъ заимствованномъ изъ германскаго слова **въ-коусити**, между тѣмъ какъ французскій глаголъ *choisir*, заимствованный оттуда же, воспроизводитъ только новое значеніе.

Значеніе корней можетъ быть опредѣлено только общими выраженіями, но на самомъ дѣлѣ каждый изъ нихъ чаще всего имѣлъ опредѣленное и специальное употребленіе; такъ напр. корень **prek₁-* значить „спрашивать, просить“: скр. *prechāti*, др.-сл. **просити**, лит. *praszyti*, гот. *fraihan*, др.-вр.-нѣм. *frāgēn*, лат. *poscō*, арм. *harcanem* — всѣ эти глаголы значатъ „спрашивать“ въ общемъ смыслѣ; но было и специальное употребленіе этого корня въ смыслѣ „просить женщину въ замужество, свататься“, засвидѣтельствованное лат. *proeus* „женихъ“, лит. *pīrszti* „свататься“, сербск. **прѣсити**, арм. *harsn* „невѣста, сноха“. — Корень **wedh-* значить „вести“ въ зд. *vādayeiti* „ведетъ“, др.-сл. **ведѣ**, лит. *vedù*, ирл. *fedim*, но специальное значеніе „приводить невѣсту въ домъ“ (лат. *uxorem ducere*) ясно видно въ скр. *vadhūh* „жена, сноха, невѣстка“, *vāhate* (изъ **vādhate*, слѣдуетъ отличать отъ *vāhate* „vehitur“) „женится“, зд. *vādayeiti* „женится“, лит. *vedù* „женюсь“, кимр. *duweddio* „выходить замужъ“. — Корень гр. *φέρω*, лат. *ferō* и т. д. значить „нести“ и часто также „носить“ въ смыслѣ „быть беременной“, такъ зд. *barəθri* значить „беременная“, гр. *φορός* „беременная“, *ἔφερσεν· ἐκύησεν* у Гезихія („понесла: зачала“), др.-сл. **бръжѣдѣ** „беременная“, лат. *forda* „стельная

(корова)“; гот. *ga-bairan*, др.-исл. *bega* „рождать“ (нѣм. *gebären*). — Чтобы имѣть точное представленіе о значеніи какого-либо индо-европейскаго корня, надо знать его спеціальное употребленіе, точно такъ же какъ мы узнаемъ дѣйствительное значеніе слова какого-либо языка, лишь послѣ того, какъ узнаемъ, въ какихъ сочетаніяхъ оно употребляется обыкновенно.

2. Отдѣльные слова.

Отдѣльные слова не такъ интересны, какъ корни, съ точки зрѣнія общаго строя языка, но они даютъ болѣе точныя свѣдѣнія о словарѣ. Пользуясь ими съ подобающей осторожностію, мы можемъ получить нѣсколько общихъ указаній относительно общественнаго строя и культуры народа, говорившаго на индо-европейскомъ языкѣ.

А. Названія родства.

Есть цѣлый рядъ именъ родства съ довольно опредѣленнымъ значеніемъ, которое въ нѣкоторыхъ діалектахъ иногда бываетъ расширенно:

отецъ: скр. *pitár-*, гр. *πατήρ*, лат. *pater*, др.-ирл. *athir*, гот. *fadar*, арм. *hayr*;

мать: скр. *mātár-*, др.-сл. *матеръ*, гр. дор. *μᾶτηρ*, лат. *māter*, др.-ирл. *māthir*, др.-исл. *móðer*, арм. *mayr*.

братъ: скр. *bhrātár-*, др.-сл. *братръ*, гр. *φράτωρ*, *φράτηρ* (членъ фратріи), лат. *frāter*, др.-ирл. *brāthir*, гот. *broðar*, арм. *ełbayr*.

сестра: скр. *svásar-*, лит. *seser-*, др.-сл. *сестра*, лат. *soror*, др.-ирл. *siur*, гот. *swistar*, арм. *khoyr*.

сынъ: скр. *sūnūh*, др.-сл. *сынъ*, лит. *sūnūs*, гот. *sūnus* (нѣм. *sohn*); ср. гр. *υῖός*, *υἱός*; неизвѣстно въ итало-кельтскомъ, какъ и слѣдующее слово;

дочь: скр. *duhitár-*, гр. *θυγάτηρ*, др.-сл. *дѣштеръ*, лит. *dukter-*, арм. *dustr*, гот. *dauhtrar*.

сноха: гр. *νύς*, арм. *пу* (род. *пуоу*); перешло въ основы на *-ā- въ скр. *snuṣā*, др.-сл. *снѣха*, др.-англ. *snogu*; основа на *-u- лат. *nurus*.

свекоръ: скр. *ṣvāṣuraḥ*, зд. *xvasurō*, лит. *szėsziuras*, гом. *(F)εχυρός*, лат. *socer*, алб. *vjeher*, др.-вр.-нѣм. *svehur*;

др.-вр.-нѣм. *swāgur* „Schwager“ произведено отъ того же корня со ступенью *vřddhi* (см. стр. 216), какъ и скр. *ṣvā-ṣuraḥ* „принадлежащій свекру“ отъ *ṣvāṣuraḥ*.

свекровь: скр. *ṣvaṣrūḥ*, др.-сл. *свекры*, лат. *socrus*, др.-вр.-нѣм. *swiga* и гр. *(F)εκυρά*, арм. *skesur*; гот. *swaihra*, кимр. *chwegr*.

деверь: скр. *devār-*, др.-сл. *дѣверь*, лит. *dėveris*, гр. *δᾱήρ*, лат. *leuir*, др.-англ. *tācor*, др.-вр.-нѣм. *zeihhur*, арм. *taugr*.

золовка: гр. *γάλως*, лат. *glōs*; русск. *зѡлва* и сербск. *zāova* предполагають слав. **zъльва*; (арм. *tal*).

жена мужнина брата: скр. *yātar*, др.-сл. *ятры*, лит. *jēnter-*, *inter-*, гом. *ἐινατέρης* (и дат. *ἐνατρι* въ одной поздней надписи), лат. *ianitricēs* (и арм. *ner*).

вдова: скр. *vidhāvā*, зд. *viḍava*, др.-сл. *вѣдова*, др.-прусск. *widdewū*, гот. *widuwo*, ирл. *fedb*, лат. *uidua*; неизвѣстно греческому и армянскому языку.

Такимъ образомъ всѣ ступени непосредственного родства въ семьѣ мужа обозначаются опредѣленными именами; главныя изъ нихъ принадлежать къ одному типу основъ на *-г-; слово, обозначающее „мужа“ совпадаетъ съ именемъ „господина“ (хозяина дома):

скр. *rātiḥ*, зд. *raitiš*, гр. *πόσις*, лит. діал. *patis*, ср. гот. *(brūþ)-faþs* „женихъ“; женскій родъ отъ этого слова обозначаетъ жену, какъ хозяйку дома, въ скр. *rātnī* (ср. гр. *πότνια*) и въ лит. *patī*.

Для семьи жены имена родства имѣють совершенно иной характеръ: тутъ все неустойчиво и неопредѣленно, значеніе словъ мѣняется въ различныхъ языкахъ, различны и формы словъ: гр. *πενθερός*, которое обозначаетъ „тестя“, принадлежитъ къ корню гот. *bindan* „связывать“, зд. *bandaiti* „связываетъ“, и потому первоначальное значеніе слова — „союзникъ, свойственникъ“, подобно лит. *beĩdras*, которое въ настоящее время значить „товарищъ“, др.-перс. *bandaka* (перс. *banda*) „служитель“ и скр. *bāndhuḥ* „свойственникъ“ (*сognatus* въ самомъ широкомъ смыслѣ); точно также и *πενθερός* обозначаетъ всякаго родственника по браку, въ особенностяхи „зятя“ т. е. „мужа дочери“ и „мужа сестры“. „Зять“ (мужъ дочери) называется въ скр. *jāmatar-*; зд. *zāmatar-*, — др.-сл. *зять*, лит. *žentas*, лат. *genta* (глосса),

алб. *ðenðer*, — лат. *genet*, — гр. *γαμβρός* (также „тесть“ и „мужъ сестры“ и „братъ жены“) все это формы, въ которыхъ можно замѣтить нѣкоторое сходство, которыя однако невозможно свести къ обществу источнику. Очень рано имена родста семьи мужа стали отчасти примѣняться и для обозначенія родственниковъ семьи жены, напр. нѣм. *Schwäher* „тесть“, *Schwiegermutter* „теща“, *Schwager* „шуринъ“.

Для ступеней болѣе отдаленнаго родства нѣтъ опредѣленныхъ именъ. Лат. *avos* значить „дѣдъ“ (и со стороны отца и со стороны матери); лат. *avunculus* „дядя“; кимр. *ewythr* „дядя“, др.-вр.-нѣм. *ōheim* „братъ матери“, гот. *awo* „бабка“, др.-прусс. *awis* и др.-сл. *оун* „братъ матери“, арм. *haw* „дѣдъ“. Индо-иранское *párat-* обозначаетъ „потомка“ и въ особенности „внука“, лат. *perōs* „внукъ“, *per-tis* „внучка“, ирл. *piæ* „сынъ сестры“, *pecht* „дочь сестры“, др.-вр.-нѣм. *pevo* „племянникъ“, др.-лит. *perotis* „внукъ“, племянникъ“, серб. *нѣ ѣа* „сынъ сестры“ и т. д.

Все это указываетъ на такое общественное состояніе, когда жена переходила въ семью мужа, но мужъ не имѣлъ опредѣленнаго родства съ семьею своей жены. Мы встрѣчаемся здѣсь съ тою „большою семьей“ по мужской линіи, какую мы наблюдаемъ еще и теперь у сербовъ (задруга) и у армянъ.

Домъ составляетъ общественную группу, стоящую подъ властью „домовладыки“: скр. *pátir dān* или *dāmpatiḥ*, гр. *δεσπότης* (изъ **deus-rot-ā-* „господинъ дома“), лат. *dominus*. Болѣе широкій терминъ — это названіе „группы домовъ, племени“, которое съ различными оттѣнками значенія является въ скр. *viç-*, зд. *vīs-*, др.-перс. *viθ-*, др.-сл. *вьсь*, гот. *weihs*, лат. *uīcus*; гр. *Foixos* (или также атематическая форма *Foix-* въ нарѣчій *Foixx-δε*) имѣетъ значеніе „домъ“, первоначально „большой домъ“, содержащій многочисленныя постройки, гдѣ находятъ пріютъ различные члены „большой семьи“, и потому слово *Foixos* обозначаетъ также совокупность болѣе близкихъ родственниковъ; имя „владыки деревни“ скр. *viç-pātiḥ*, зд. *vīs-paitiḥ*, приняло въ балтійскихъ то же общее значеніе, что и „домовладыка“ греч. *δεσπότης*, и мы имѣемъ лит. *vėszpats* „господинъ“, др.-прусс. *waīspattin* „госпожа“. — Имя „царя“ встрѣчается только въ санскритѣ: *gāj-*, *gājan-* и въ самыхъ западныхъ діалектахъ:

лат. *gēx*, кельт. *gīg-* (германское слово, засвидѣтельствованное гот. *geiks* „начальникъ“ и т. д., можетъ быть, заимствовано изъ кельтскаго; если оно исконно-германское слово, то въ основѣ его лежитъ другая форма **gīg-* или **gēig-*).— Слово, обозначающее цѣлый народъ, засвидѣтельствовано только въ западныхъ діалектахъ, до балтійскаго включительно, и не встрѣчается ни въ славянскомъ, ни въ индо-иранскомъ, ни въ греческомъ: др.-прусск. *tauto* „страна“, латышск. *tauta* „народъ“, гот. *iūda* (откуда *þiudans* „царь“, какъ лат. *dominus* отъ *domus*), др.-ирл. *tūath* „народъ“, осск. *touto* и умбр. *tota* „государство“.

Нѣтъ слова, которое обозначало бы „городъ“: скр. *ṛiḥ* (род. ед. *ṛiḡáḥ*), лит. *pilis* обозначаютъ „укрѣпленное мѣсто“, и соотвѣтствующее греч. слово *πόλις* (со вторичнымъ суффиксомъ) первоначально имѣло то же значеніе, которое ясно проглядываетъ въ словѣ *ἀκρόπολις*.

В. Имена животныхъ и растеній.

Изъ именъ животныхъ одни обозначаютъ домашнихъ животныхъ, какъ овца или корова, другія дикихъ звѣрей; въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы не можемъ провести границу между тѣми и другими; мы ограничимся перечисленіемъ лучше всего засвидѣтельствованныхъ именъ (самецъ и самка въ индо-европейскомъ не имѣютъ отдѣльныхъ названій):

стадо: скр. *ṛáṣu*, *ṛáṣiḥ*, др.-лит. *pekus*, др.-прусск. *resku*, лат. *resu*, *resus*, гот. *faihu*, др.-вр.-нѣм. *fiḥu*.

корова и быкъ: скр. *gāuḥ*, зд. *gāuś*, арм. *kov* (корова), латыш. *gāws* (корова), гр. *βοῦς*, лат. *bōs* (сомнитское, деревенское слово, а не латинское въ собственномъ смыслѣ), ирл. *bō*, др.-вр.-нѣм. *chuo* (корова), др.-сл. *говѣдо*. Названіе „быка“ гр. *ταῦρος*, лат. *taurus*, др.-прусск. *tauris*, др.-сл. *тоуръ* встрѣчается не вездѣ, и его нѣтъ въ индо-иранскомъ; скр. *ukṣán-*, зд. *uxśan-*, гот. *auhsa*, др.-вр.-нѣм. *ohso*, кимр. *uſh* представляетъ, повидимому, древній эпитетъ („взращающій, способствующій росту“?). „Бычекъ“ и „телка“ обозначаются въ гр. *πόρις*, др.-вр.-нѣм. *farro* (муж. р.), ср.-вр.-нѣм. *verse* (жен. р.) и скр. *ṛṭhukaḥ*, арм. *orth*, гр. *πόρις*, *πόρταξ*.

овца и баранъ: скр. *áviḥ*, лит. *avis*, гр. *ὄις*, лат. *ovis*, ирл. *oi*, др.-вр.-нѣм. *ouwi*; др.-сл. *овьнѣ*, *овьца* (= скр. *avikā*).

„Ягненокъ“ имѣтъ два имени, одно въ скр. *úgapaḥ*, пехлев. *varrak*, арм. *gaṇ*, гр. *Γαρήν*, *Γαρνός* и другое въ др.-сл. *агньць*, гр. *ἀγνός*, лат. *agnus*, ирл. *úan*. „Шерсть“ обозначается широко распространеннымъ именемъ: др.-сл. *вльма* (серб. *вѣва*), лит. *vĩlnos* (мн. ч.), гот. *wulla*, лат. *lāna*, скр. *ŭrṇā*; ирл. *olann*, кимр. *gwlan*; съ распространениемъ при помощи суфф. **-es-*: гр. *λῆνος*, дор. *λᾶνος*, лат. *lānerum*, *lānestris* „шерстяной“ и *uellus* „шерсть“; съ суфф. **-men-*: арм. *geḷmn* „руно“.

лошадь: скр. *áçvaḥ*, зд. *asrō*, др.-англ. *eoh*, лат. *equos*, ирл. *ech*, галл. *epo-*; женск. родъ: скр. *áçvā*, лит. *aszvā*, лат. *equa* „кобыла“ является результатомъ независимаго развитія каждаго діалекта, какъ на это указываетъ гр. *ἵππος*, которое обозначаетъ и „коня“ и „кобылу“.

коза и козель: скр. *ajāḥ* „козель“, *ajā* „коза“, лит. *ožỹs* „козель“, *oszkā* „коза“; иное, но близкое названіе засвидѣтельствовано гр. *αἴξ*, арм. *auc* „коза“, зд. *iz-aēna-* „кожаный“ (собственно „изъ козьей кожи“, ср. скр. *ajīnam* „кожа“ при *ajāḥ* и др.-сл. *азьмо* „кожа“ при лит. *ož-ỹs*). Зд. *būza-*, др.-вр.-нѣм. *bos*, др.-исл. *bokkr*, ирл. *bosc* значать „козель“ (но арм. *buc* „ягненокъ“). Западные діалекты имѣють особые слова: лат. *caper*, кимр. *caer-*, др.-исл. *hafr*, — лат. *haedus*, гот. *gaits* „коза“. Слѣдовательно, для „козла“ и „козы“ мы не наблюдаемъ такого единства обозначенія, какъ для предыдущихъ животныхъ.

свинья: лат. *sūs*, гр. *ῥς*, др.-вр.-нѣм. *sū*, *swīn*, кимр. *hwch*, др.-сл. *свинья*, зд. *hū-*, скр. *sūkagāḥ* „кабанъ“; другое слово, обозначающее исключительно „домашнюю свинью“, встрѣчается только на сѣверѣ и западѣ Европы и не засвидѣтельствовано ни въ индо-иранскомъ, ни въ армянскомъ, ни въ греческомъ: лат. *porcus*, ирл. *orc*, др.-вр.-нѣм. *faraḥ*, нѣм. *Ferkel*, лит. *paĩszas*, др.-сл. *праса*.

собака: скр. *çvā* (род. ед. *çúnaḥ*), зд. *spā* (род. ед. *sūnō*), лит. *szū* (род. ед. *szuĩs*), гр. *κύων* (род. ед. *κυνός*), ирл. *cū* (род. ед. *con*), гот. *hunds*; лат. *canis* имѣтъ неясную форму, вѣроятно, діалектическаго происхожденія.

волкъ: скр. *vṛkaḥ*, зд. *vāhrkō*, др.-сл. *влькъ*, лит. *vĩlkas*, гот. *wulfs* (и гр. *λύκος*, лат. *lupus*); женскій родъ со значеніемъ „волчица“ былъ созданъ, повидимому, самостоятельно въ каждомъ языкѣ: скр. *vṛkīḥ*, русск. *волчица*

лит. vilkė и vilkėnė, др.-исл. ylgr (изъ *wulγiz, древнѣе *wlkfs); гр. λύκαινα, лат. lupa.

медвѣдь: скр. ġkšaḥ, зд. arəšō, гр. ἄρκτος, лат. ursus, др.-ирл. art, арм. arj; и другая греч. форма ἄρκος, персидск. xirs (см. стр. 77 и 213).

мышь: скр. mūḥ, др.-сл. **мышь**, гр. μῦς, алб. mī, лат. mūs, др.-вр.-нѣм. mūs; арм. muck.

олень: др.-сл. **ислень**, лит. élnis, арм. eġn, гр. ἔλαφος, ἑλλός; ирл. elit (жен. р.) значить „газель“. — Др.-вр.-нѣм. elaho „лось“, лат. alcēs (мн. ч.). Олень часто называется своимъ эпитетомъ „рогатый“, повидимому, потому, что полудоминированные народы старались не называть своимъ именемъ убитое животное (ἔλαφος κεραός, Гомеръ Γ 24); отсюда лат. cervus, др.-вр.-нѣм. hiruz.

птица: скр. viḥ и (неправильно) вед. véḥ, зд. vaу-, лат. avis, арм. haw, гр. οἰωνός.

орель: др.-сл. **орьль**, лит. arėlis, гот. ara, нѣм. Aar, кимр. euyr; гр. ὄρις означаетъ „птицу“ вообще.

дроздъ: лит. strāzdas, русск. дроздъ (начальное д- по ассимиляціи), др.-исл. frōstr, лат. turdus, ново-ирл. truid.

журавль: гр. γέρανος, брит. garan (и галл. tri-garanus „съ тремя журавлями“), др.-англ. cran, др.-вр.-нѣм. chranuh, лит. gėrvė, др.-сл. **жерль**, лат. grūs, арм. krunk.

гусь: гр. γήν, γηνός (дор. γᾱν, γᾱνός), лит. žąsis, др.-сл. **гась**, др.-вр.-нѣм. gans, лат. anser (деревенское слово, съ утратою начальнаго h); скр. hamsāḥ значить „фламинго, лебедь“ и ирл. gēis „лебедь“.

утка: лат. anas (anitis), др.-вр.-нѣм. anut, лит. antis, др.-сл. **атъ**, и гр. νῆσσα, дор. νᾶσσα; ср. скр. ātīḥ „родъ водяной птицы“.

рыба: есть одно западное слово: лат. piscis, ирл. iasc, гот. fisk; въ центрѣ индо-европейской области мы встрѣчаемъ другое слово: гр. ἰχθύς, арм. jukn, лит. žuvis; наконецъ, сл. **рыба** и скр. mātsyaḥ, персидск. māhi — стоять особнякомъ. Названія отдѣльных видовъ рыбъ по большей части въ каждомъ языкѣ свои, очень немногія изъ нихъ имѣютъ этимологию, и область ихъ распространенія невелика, между тѣмъ какъ два достовѣрно старыхъ названія птицъ относятся къ водянымъ птицамъ, и мы имѣемъ также въ скр. udḡāḥ, зд. udrō, др.-сл. **выдръ**, лит. ūdra, др.-вр.-нѣм. ottaḡ

производное отъ имени воды имя водяного животного, обыкновенно со значеніемъ „выдра“ (но гр. ὕδρος, ὕδρᾱ „водяная змѣя“); а въ др.-сл. *вьбръ*, *бобръ*, лит. *bėbrus*, др.-вр.-нѣм. *bībar*, галл. *bībro-*, *bebro-* (въ именахъ собственныхъ), лат. *fiber*, *feber* мы имѣемъ производное отъ прилагательнаго „коричневый“ (лит. *bėras*) имя со значеніемъ „бобръ“ (и похожее на него животное въ скр. *babhrúh* и зд. *bawriš*).

змѣя: скр. *áhih*, зд. *aziš*, гр. ὄφις, арм. *iž* (изъ **ēgʷhi-*); лат. *anguis*, ирл. (*esc-*) *ung* („угорь“), лит. *angis*, польск. *wąż*, русск. *ужъ* (отражаетъ **жъ*); и гот. *padrs*, ирл. *pathir*, лат. *patrix*, нѣм. *Natter* „гадюка“.

муха: др.-сл. *моуѣ* (и *мъшница* „мошка“), лит. *musė*, гр. *μύα*, лат. *musca*, арм. *mun* (см. стр. 214), др.-сакс. *muggia* „комарь“.

шершень: др.-сл. *шрьшень* (серб. *ср̑ш љѣн*), лит. *szirszū* (род. ед. *szirszeñs*) и *szirszlỹs* (вин. ед. *szirszli*), лат. *crābrō* (изъ **crāsrō*), кимр. *creugyn*.

оса: *varsà*, др.-сл. *оса* (изъ **васа*), др.-вр.-нѣм. *wafsa*, лат. *uespa* (изъ **worpa*).

пчела: индо-евр. слово **médhu* въ восточныхъ діалектахъ значить и „медъ“, и „приготавливаемый изъ меду напитокъ, медъ“ (а иногда, въ тѣхъ странахъ, гдѣ была разводима виноградная лоза, и „вино“): скр. *mádhu*, зд. *маду*, др.-сл. *медъ*, лит. *medūs*, *midūs*; въ другихъ языкахъ сохранилось только значеніе „медъ — напитокъ“ (или „вино“): гр. *μέθυ*, др.-вр.-нѣм. *meto*, ирл. *mid*; другое слово, менѣе распространенное, обозначаетъ „медъ“ въ собственномъ смыслѣ: гр. *μέλι*, *μέλιτος*, гот. *miliþ*, лат. *mel*, ирл. *mil*, арм. *mełr*. Названіе „пчелы“ **bheī-* съ различными суффиксами мы находимъ въ др.-англ. *béo*, др.-вр.-нѣм. *bīni*, лит. *bitis*, др.-прусс. *bitte*, ирл. *bech*, др.-сл. *бъуела*; названіе „медовой мухи“ мы имѣемъ въ греч. *μέλισσα*, алб. *mial'tse*, арм. *mełu*; слово это было образовано, повидимому, для того, чтобы не употреблять собственнаго имени пчелы во время собиранія меду. Нѣтъ имени „улья“ потому, что собирали только медъ дикихъ пчелъ.

червякъ: скр. *kítmih*, персидск. *kīrm*, лит. *kīrmis*, ирл. *cruiṡ*, кимр. *pruf* и лат. *uermis*, др.-вр.-нѣм. *wurm*, гр. ῥόμος.

Эти имена, за рѣдкими исключеніями, какъ и имена родства, не могутъ быть сведены къ глагольнымъ корнямъ.

Имена растений еще рѣже, чѣмъ имена животныхъ,

имѣють этимологию, и даже тѣ изъ нихъ, которыя восходятъ къ индо-европейскому языку, обыкновенно встрѣчаются въ меньшемъ количествѣ діалектовъ. Замѣчательно, что „лѣсъ“ не имѣетъ названія, которое съ достовѣрностью могло бы быть признано индо-европейскимъ. Сохранившіяся слова представляютъ имена предметовъ, которыми приходилось пользоваться ежедневно; поэтому мы встрѣчаемъ слѣдующія названія:

дерево (матеріалъ): скр. *dāru* „дерево“, *dārvih* „ложка“; гр. *δῶρο* „дерево, древко копья, копье“, *δένδρον* „дерево“ (съ интенсивнымъ удвоеніемъ, см. стр. 140 и сл.), *δρῦς* „дубъ“; др.-сл. *дрѣво* (множественное собирательное *дрѣва*); лит. *dervā* „еловое дерево“, галл. *deruo-*, брет. *deru* „дубъ“; гот. *triu* „дерево“, др.-ирл. *daur* „дубъ“; и т. д.

Нѣкоторыя деревья имѣють старыя названія, по преимуществу женскаго рода; изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить:

букъ: лат. *fāgus*, др.-исл. *bók*, др.-вр.-нѣм. *buohha*; гр. *φῦξ* (дор. *φῶγξ*) — слово женскаго рода на *-о-, какъ и соотвѣтствующее латинское — обозначаетъ видъ дуба.

береза: скр. *bhūrjaḥ*, лит. *bėrzas* и др.-сл. *берѣза* (русск. берѣза), др.-вр.-нѣм. *birihha*, др.-исл. *biork*; индо-европейское слово было основой женскаго рода на *-о-, которая однако нигдѣ непосредственно не сохранилось; ср. лат. *fraxinus* „ясень“ и *farnus* „ясень“.

ива: зд. *vaēitiš* (перс. *bēd*), др.-прусск. *witwan*, гр. *ῥιτέα*, др.-вр.-нѣм. *wida*: въ дѣйствительности здѣсь имѣется въ виду гибкая вѣтвь, которая можетъ получать весьма разнообразное примѣненіе, и это значеніе „гибкой вѣтви“ мы находимъ въ скр. *vetasāḥ* „бамбукъ“, др.-сл. *вѣть*, *вѣтны*, лит. *výtis*, ирл. *fēith*, и т. д.; слово принадлежитъ къ корню скр. *vāuyati* „плететь, ткать“, лит. *vejù* „вью“ (веревку), лат. *uiēre* „плести“, *uitis* „виноградная лоза“ и т. д. Особое слово для „ивы“ мы встрѣчаемъ въ лат. *salix*, др.-ирл. *sail* (род. ед. *saillech*), др.-вр.-нѣм. *salaha*.

дубъ: др.-вр.-нѣм. *forha*, лат. *quercus* (изъ **perkʷus*, какъ *quinque* изъ **penkʷe*) и др.-вр.-нѣм. *eih*, др.-англ. *ák*, ср. лат. *aesculus*(?), гр. *αἰγύλωψ* „родъ дуба“ (?). Есть общее индо-европейское слово для „желудя“: лат. *glans*, гр. *βάλανος*, лит. *gile*, др.-сл. *желядь*, арм. *kaḥin*.

Существованіе нѣсколькихъ именъ злаковъ, повидимому,

указываетъ на существованіе культуры нѣкоторыхъ хлѣбныхъ растений, что прекрасно согласуется съ существованіемъ корня, обозначающаго „пахать“ (ср. стр. 328) и нѣкоторыхъ другихъ названій, относящихся къ земледѣлію: скр. *yávaḥ*, зд. *yavō* обозначаетъ различныя хлѣбныя растенія, и въ особенности „ячень“; точно также лит. *javaī* значитъ „зерновой хлѣбъ“, гот. *zeiā* обозначаетъ одинъ видъ зернового хлѣба, ирл. *coḡna* „ячень“; кромѣ того „ячень“ имѣетъ свое особое имя въ гр. *κῆρι*, *κῆριθή*, др.-вр.-нѣм. *gersta*, лат. *hordeum*, арм. *garī* (формы, которыя трудно свести къ одному общему типу). Слова подобнаго рода мѣняють свое значеніе съ измѣненіемъ культуры; напр. гр. *πῦρον* и лит. *pūrai* обозначаютъ „пшеницу“, но др.-сл. *пыро* переводитъ гр. *ῥυρα* „полба“, *κῆρυρος* „просо“. На основаніи этихъ сопоставленій мы можемъ заключать о существованіи культуры растений, но лингвистика не даетъ возможности опредѣлить, какихъ именно. Есть также одно слово для обозначенія „мякины“: скр. *palāvaḥ*, др.-сл. *пльва*, др.-прусс. *pelwo*, лит. *pelai*, лат. *palea*. Названіе „зерна“ (др.-сл. *зръно*, др.-прусс. *sygne*, гот. *kaurn*, др.-ирл. *grān*, лат. *grānum*) засвидѣтельствовано только въ языкахъ, знающихъ корень **sē-* „сѣять“ (др.-сл. *сѣти*, лит. *sėti*, гот. *saian*; др.-ирл. *sīl* „посѣвъ“, лат. *sēmen*) и не существуетъ ни въ индо-иранскомъ, ни въ армянскомъ, ни въ греческомъ; это тѣ же языки, въ которыхъ мы находимъ названіе „яблока“ и „яблони“: др.-сл. *авлько*, лит. *óbūlas* „яблоко“, *obelis* „яблоня“, др.-вр.-нѣм. *arful* „яблоко“, др.-ирл. *aball* „яблоко“; вѣроятно, и *Abella* въ Кампаніи (области осскаго языка) значитъ „городъ яблокъ“, не даромъ Виргилій называетъ еѣ *malifera* „богатая яблоками“; названіе „яблока“, распространенное въ сѣверныхъ и западныхъ діалектахъ, въ Италіи было вытѣснено дорическимъ словомъ *μᾶλον* (откуда лат. *mālum*), происхожденіе котораго неизвѣстно и которое обозначало культивированное яблоко; въ этомъ случаѣ мы наблюдаемъ результатъ появленія средиземно-морской и эллинской цивилизации на мѣстѣ сѣверно-европейской культуры, которая была первоначально и культурою латинскихъ и осско-умбрскихъ племенъ.

„Соль“, особенно необходимая при растительной пищѣ, имѣетъ особое названіе: лат. *sāl* (*sālis*), умбр. *salu* „salet“, ирл. *salann*, гот. *salt*, др.-прусс. *sal*, латыш. *sāls*, арм.

al и altkh, греч. ἄλς; этого названія нѣтъ въ индо-иранскомъ, гдѣ нѣтъ также индо-европейскаго корня, обозначающаго „пахать“ (см. стр. 328 и сл.).

Неопредѣленность и малочисленность засвидѣтельство-
ванныхъ названій растений составляютъ рѣзкій контрастъ съ
опредѣленнымъ значеніемъ и обиліемъ именъ животныхъ;
отсюда дѣлаютъ выводъ, что „мясо“ дикихъ и домашнихъ
животныхъ (скр. m̥ā́sáṃ, др.-сл. *месо*, арм. *mis*, гот. *mīms*)
составляло вмѣстѣ съ молокомъ (названія котораго имѣютъ
довольно различныя формы, лишь отчасти родственныя другъ
другу) самую главную часть пищи индо-европейцевъ; лат.
iūs, скр. *уѣ*, лит. *jūs*, др.-сл. *юх* обозначаютъ похлебку
изъ мяса. Слово, отражающееся въ скр. *saḡrīḥ* „масло“,
алб. *g'aīrë*, др.-англ. *sēalf*, др.-вр.-нѣм. *salba*, гр. ἔλπος·
ἔλαιον, στέαρ (Гезихій; ср. ὀπή „бутылка для масла“) обо-
значало въ индо-европейскомъ родѣ „масла“; и зд. *gaōṇam*,
перс. *gōṇan* „масло“ нельзя отдѣлить отъ ср.-вр.-нѣм. *goim*
„сливки“ (нѣм. *rahm*), др.-англ. *gēam*, др.-исл. *gióme*.

С. Названія, касающіяся религіи.

Если оставить въ сторонѣ небесныя тѣла, какъ солнце,
луну, или естественныя явленія, какъ зарю, громъ, огонь и т. д.,
которыя подъ своимъ первоначальнымъ именемъ считались
божествами въ древней Индіи и Греціи, то мы не найдемъ
ни одного обще-индоевропейскаго имени божества: вед. *Indra*
не имѣетъ соотвѣтствій внѣ индо-иранскаго языка, а греч.
Ἰνδρόων не имѣетъ соотвѣтствій внѣ греческаго. Нѣкоторыя
на первый взглядъ заманчивыя сопоставленія, какъ напр.
вед. *Gandharvāḥ*, зд. *Gandarvō* съ гр. *Κένταυρος* или
вед. *Saraṇuḥ* съ гр. Ἑρινός не идутъ далѣе двухъ языковъ,
что дѣлаетъ ихъ сомнительными а priori, и сверхъ того не
выдерживаютъ серьезной критики со стороны фонетической;
такъ напр. по поводу сопоставленія *Gandharvāḥ* и *Κένταυρος*
можно замѣтить: 1) что мѣсто ударенія различно; 2) что
индо-иранск. *g* не соотвѣтствуетъ гр. *κ*; 3) что первое *a* въ
словѣ *Gandharvāḥ* можетъ отражать первоначальное **a* или
**o*, но не **e*, такъ какъ иначе въ началѣ должно было бы
быть *j*, а не *g*; 4) что скр. *dh* не соотвѣтствуетъ гр. *τ*; 5)
что скр. *-arvaḥ* не соотвѣтствуетъ гр. *-αυρος*; поэтому, если

даже и возможно сближать миѣъ о гандхарвахъ съ миѣомъ о кентаврахъ (что однако же не очевидно само по себѣ), все же мы не имѣемъ право сближать имена. — Нѣтъ ни одного достовѣрнаго индо-европейскаго слова, которое бы обозначало жертвоприношеніе или какой-либо обрядъ.

Только индо-европейское названіе „бога“ сохранилось во многихъ языкахъ: скр. *devāḥ* (зд. *daēvō* „демонъ“), лит. *dēvas*, др.-прусс. *deiwan* (вин. пад. ед. ч.), др.-исл. *tívar* „боги“, галл. *dēvo-*, *dīvo-*, др.-ирл. *dīa*, лат. *deus* (род. ед. *dīui*); отсюда произведено прилагательное: скр. *divyāḥ*, гр. *δῖος* (изъ **diFyos*), лат. *dīus*. Но это слово значить „блестящій“ и его нельзя отдѣлять отъ названія дня, свѣтлаго неба, которое часто обожествлялось: скр. *dyáuḥ* „небо, день“, гр. *Ζεὺς*, *Διὺς*, лат. *Iuppiter* (= *Zeṽ páter* „о небо, отецъ!“; „отецъ-небо“ скр. *pitā dyáuḥ* противуполагается „матери-землѣ“, скр. *mātā pṛthivī* напр. въ R. V. I, 89, 4; гр. *Δημήτηρ* заключаетъ въ себѣ слово „мать“, которому предшествуетъ неясное слово), лат. *Iouis* (род. ед.) и *diēs* „день“, осск. род. п. *Júveis*, дат. п. *Diúveí*, *Iúveí*, др.-вр.-нѣм. *Zīo*, арм. *tiw* „день“. Люди называются смертными и земными, боги — бессмертными и небесными; эта противуположность выражается и въ языкѣ: люди называются то смертными: скр. *māṛtaḥ* „смертный, человѣкъ“, гр. *μ῀ρτός· ἄνθρωπος*, *θνητός* (Гезихій) и гом. *βροτός*, др.-перс. *martiya* и зд. *mašyō* (изъ **martya-*) „человѣкъ“, арм. *marđ* „человѣкъ“, то „земными“ (гр. *ἐπιχθόνιος*, Гомеръ θ 479): лат. *homō*, гот. *guma*, лит. *žmogùs* (ср. лит. *žemė* „земля“ и т. д. см. стр. 220); эти выраженія такъ широко распространились, что старое названіе „человѣка“ (скр. *mānuḥ* и *mānuṣaḥ*, др.-сл. *мѣжъ*, гот. *manpa* [род. ед. *manps*]) въ большинствѣ языковъ исчезло. Боги — богаты и раздаютъ богатства (*δοτῆρες ἐάων*); отсюда, вѣроятно, происходитъ собственное имя ведическаго бога *Bhāgaḥ* (буквально „надѣлитель“ или „хорошо надѣленный, богатый“) и нарицательное имя др.-перс. *bagā* „богъ“, др.-сл. **богъ** (ср. др.-сл. **оу-богъ** „бѣдный“, **богатъ** „богатый“); совпаденіе иранскаго и славянскаго, повидимому, не случайно, такъ какъ есть и другія слова, касающіяся религии, которыя совпадаютъ въ этихъ двухъ языкахъ, а именно зд. *spəntō* = др.-сл. **святъ**, лит. *szveñtas* „святой“ и зд. *srauo* = др.-сл. **слово** (между

тѣмъ какъ скр. *ṣṛá vaḥ* и гр. *κλέ(ρ)ος* значать „слава“, какъ др.-слав. *слава*, лит. *szlovė*) и, по крайней мѣрѣ въ этихъ двухъ случаяхъ, предположеніе заимствованія словъ славянами у иранцевъ, которое возможно было бы поддерживать по отношенію къ слову *богъ*, совершенно не можетъ имѣть мѣста. Индо-иранскій и итало-кельтскій языки представляютъ много соотвѣтствій въ словарѣ, изъ которыхъ самое замѣчательное это — скр. *ṣṛád dadhāti* „вѣрить“, *ṣṛaddhā* „вѣра“, лат. *crēdō* (perf. *crēdidi*), др.-ирл. *cretim* (читай *kredim*) „вѣрю“. Въ виду этого ничто не препятствуетъ сближать скр. *brahmān* — „индійскій священнослужитель“ съ лат. *flāmen*; но утверждать тождество этихъ словъ было бы произвольно.

Вообще, нигдѣ словари различныхъ индо-европейскихъ языковъ не расходятся такъ рѣшительно, какъ въ словахъ касающихся религіи, вѣроятно потому, что каждое племя имѣло свой собственный культъ; нигдѣ мы не встрѣчаемъ столь мало-достоверныхъ сближеній, а потому индо-европейская лингвистика не можетъ оказать сравнительной миѳологіи никакой серьезной поддержки.

Д. Названія нѣкоторыхъ вещей.

Названія вещей чрезвычайно легко поддаются измѣненіямъ. Когда торговля или подражаніе сосѣдямъ вводитъ новую форму вещи или новое усовершенствованіе, тогда новыя слова либо иностранныя, либо туземныя входятъ въ употребленіе и замѣняютъ старыя, такъ что съ теченіемъ времени названія одинаковыхъ предметовъ, имѣющихъ одно и то же назначеніе, оказываются различными въ языкахъ, вообще сходныхъ между собою. Названіе „топора“ можетъ иллюстрировать это явленіе.

„Топоръ“ былъ, несомнѣнно, извѣстенъ; но названія его различны почти въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ. Корень санскритскаго *tákṣati* „строить, тешетъ“ далъ др.-сл. *тесла*, др.-вр.-нѣм. *dehsala*, др.-ирл. *tāl*; корень латинскаго *zescō*, др.-сл. *сѣкъ* далъ лат. *secūris* и др.-сл. *сѣкыра*; гот. *aqizi* напоминаетъ греч. *ἀξίνη* и лат. *ascia*, хотя трудно свѣ эти три формы свести къ одному общему оригиналу; скр. *svādhitīḥ* имѣетъ отдаленное сходство съ лит. *vedegà*, др.-прусс. *wedigo*; самое разительное сходство наблюдается

въ скр. *paḡaśúḥ* и гр. *πέλεκυς*, но это слово имѣетъ неиндоевропейскій видъ и, повидимому, является очень древнимъ заимствованіемъ: съ нимъ сближаютъ ассирійское *ri-lakku* „топоръ“. Каждое изъ названій „топора“ встрѣчается только въ двухъ или трехъ языкахъ.

Достаточно указать здѣсь нѣкоторыя другія названія предметовъ, особенно широко распространенныя по индоевропейской области.

Названіе „колеса“ въ западныхъ діалектахъ: лат. *rota*, др.-ирл. *roth*, др.-вр.-нѣм. *rad*, лит. *rātas* не встрѣчается ни въ славянскомъ, ни въ армянскомъ, ни въ греческомъ; и въ индо-иранскомъ соотвѣтствующее слово скр. *rāthaḥ*, зд. *raḍ* ѿ означаетъ „повозку“: оба значенія независимо одно отъ другого восходятъ къ корню **reth-* „бѣжать“: др.-ирл. *rethim* „бѣгу“, лит. *ritù* „качусь“. Скр. *sakráṣ*, зд. *śaxra-*, др.-англ. *hweohl*, гр. *κόκλος* и, въ формѣ безъ удвоенія, др.-сл. *коло*, др.-прусс. *kelan*, др.-исл. *huel* представляютъ также индо-европейское діалектическое названіе „колеса“ (именит.-винит. мн. ч. ср. р. др.-сл. *кола* значитъ „повозка“); по первоначальному значенію слово это обозначаетъ вращающійся предметъ; корень въ немъ тотъ же, что и въ скр. *sārati* „вращается“, ср. гом. *περιπλομένων* и *περιτελλομένων ἐναυτῶν* „въ круговоротѣ лѣтъ“, *ἀμφίπολος* „прислужникъ“ (буквально „ходящій вокругъ, ухаживающій“; ср. др.-лат. *an-culāre* „служить“ и лат. *ancilla* „служанка“), гр. *πόλος* „ось“ и лат. *colus* „прялка“. Гр. *τρόχος* и ирл. *droch* „колесо“ тоже родственны гр. *τρέχω* „бѣгу“, будущее вр. *τρέξομαι*. Такимъ образомъ названія „колеса“ довольно разнообразны. Наоборотъ, „ось“ всюду обозначается корнемъ **aks-*, распространеннымъ различными вторичными суффиксами: скр. *ákṣaḥ*, гр. *ἄξων*, др.-вр.-нѣм. *ahsa*; др.-исл. *oxoll*; др.-сл. *ось*, лит. *aszis*, кимр. *eschel* (изъ **aksi-lā*), лат. *axis*. Одно и то же имя служитъ для обозначенія „пупа“ и „ступицы“ колеса: скр. *pābhīḥ* (и *pābhyaṁ*), др.-прусс. *pabis*, др.-вр.-нѣм. *paḡa* (рядомъ съ *paḡolo* „пупъ“). Корень **wegh-* „ѣхать“ былъ отмѣченъ выше на стр. 328.

„Лодка“ называется въ скр. *pāuḥ* (вин. ед. *pāvaṁ*), перс. *pāv* (др.-перс. *pāviya* „флотъ“), арм. *paḡ*, гр. *ναῦς* (вин. ед. гом. *νῆα*, іон. *νέα*), лат. *pāuis* (по образцу вин. пад. *pāueṣ*), ирл. *pauc*, др.-исл. *þógr*. „Корма“ также имѣетъ

особое имя: др.-сл. *крьма*, гр. *κρύμνη*. Корень, выражающий понятие „грести, гребецъ, весло“ былъ отмѣченъ выше на стр. 328.

Камень, служащій для растиранія, размолъ зеренъ называется въ скр. *grāvan-*, ирл. *brō*, кимр. *brecan*, лит. *grīnos*, др.-сл. *жрѣны*, гот. *-qairnus*, арм. *erkan*.

Есть одно хорошо засвидѣтельствованное названіе металла: скр. *áyañ*, зд. *ayō* „бронза(?)“, желѣзо“, гот. *aiž*, др.-вр.-нѣм. *ēg*, др.-исл. *eiğ*, лат. *aes* „бронза“; трудно сказать, было ли это именемъ „мѣди“ или уже „бронзы“. Слѣдуетъ еще указать др.-сл. *роудъ*, которое, повидимому, родственно лат. *gaudus* „руда“.

Имена драгоцѣнныхъ металловъ замѣтно различаются по формѣ въ различныхъ языкахъ, но родство ихъ несомнѣнно. Имена „золота“, культура котораго, по свидѣтельству археологій, еще древнѣе культуры мѣди: гот. *gulþ* др.-вр.-нѣм. *gold*), латыш. *zelts* и др.-сл. *зѣмѣ* (русск. зѣ-лото, польск. *złoto*) имѣютъ одинъ корень съ тремя различными ступенями вокализма: нуль, е и о; скр. *híraṇyama* = зд. *zaganīsh* имѣютъ тотъ же корень, но различные суффиксы; гр. *χρῶς* заимствовано изъ финикійскаго; лат. *aurum*, др.-прусск. *ausin* (и лит. *auksas*) не ясны. Имена „серебра“ скр. *rajatām* и зд. *erazatām* различаются вокализмомъ корня; лат. *argentum*, ирл. *argat*, корнское *argant* — съ одной стороны, и арм. *areath* — съ другой, имѣютъ одинаковый вокализмъ корня, засвидѣтельствованнаго въ индо-иранскомъ, но не вполне совпадаютъ въ суффиксахъ; еще болѣе отличается суффиксъ гр. *ἄργυρος*; германскій, балтійскій и славянскій языки имѣютъ для обозначенія серебра совершенно другія слова, родственныя между собою, но, повидимому, заимствованныя въ очень давнее время, неизвѣстно, изъ какого языка.

Каждое изъ именъ „мѣди“, „золота“ и „серебра“ встрѣчается во многихъ языкахъ, и это указываетъ на индо-европейское происхожденіе словъ; но каждое изъ именъ также и отсутствуетъ въ большинствѣ группъ, и нѣтъ доказательствъ того, чтобы обозначаемые этими именами предметы имѣли большое распространеніе въ обще-индоевропейскій періодъ. Не претендуя на полную точность, можно предполагать, что „индо-европейская“ эпоха въ той, точно неопредѣлимой области, гдѣ говорили на обще-индоевропейскомъ языкѣ, со-

впадаетъ съ концомъ періода полированного камня и началомъ періода мѣди или бронзы; слѣдовательно, раздѣленіе индо-европейцевъ произошло приблизительно въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Х.

„Желѣзо“, несомнѣнно, не было извѣстно: имена его различны въ разныхъ языкахъ; нѣтъ общаго индо-иранскаго имени, отчасти, конечно, потому, что скр. *áyaḥ* и зд. *ayō*, древнія названія „мѣди“ или „бронзы“, были перенесены на желѣзо; лат. *fergum* и гр. *σίδηρος* стоятъ особнякомъ; если въ германскомъ: гот. *eisarn*, др.-исл. *ísarn*, др.-вр.-нѣм. *īsarn*, и въ кельтскомъ: др.-ирл. *īarn*, кимр. *haiaŕn* мы находимъ одно и то же слово, то это происходитъ оттого, что развитіе обработки желѣза имѣло мѣсто въ то время, когда народы кельтскаго и германскаго языковъ имѣли одну и ту же культуру (послѣ итало-кельтскаго періода); славянскій и балтійскій языки, по той же причинѣ, имѣютъ одно названіе, почти тождественное: др.-сл. *жельзо*, лит. *geležis*, др.-прус. *gelso* (сопоставленіе съ гр. *χαλκός* „бронза“ — недоказуемо и фонетически неточно). Поздній характеръ названій „желѣза“ вполне согласуется съ тѣмъ, чего мы могли бы ожидать на основаніи данныхъ археологій.

Е. Части тѣла.

Многія изъ названій частей тѣла относятся къ числу тѣхъ, которыя представляютъ измѣненія суффиксовъ въ склоненіи, что влечетъ за собою измѣненія вокализма элемента, предшествующаго суффиксу; выше, на стр. 263, мы познакомились съ именами „колѣна“, „уха“ и „печени“; названіе „крови“ относится къ тому же разряду: скр. *ásṛk* род. ед. *asṇáḥ*, лат. діал. *assir*, *assor*, гр. *ἔαρ*, гом. *εἶαρ*, латыш. *asins*.

Между этими названіями есть большое число основъ съ нулевымъ суффиксомъ. Названіе „ноги“ было указано на стр. 212, названіе сердца на стр. 213 (ср. стр. 142 сл.); но часто эти основы съ нулевымъ суффиксомъ бываютъ распространены при помощи различныхъ вторичныхъ суффиксовъ; такъ мы имѣемъ скр. *hṛdayam*, зд. *zəṛədaēm* рядомъ съ скр. *hṛd-*, зд. *zəṛəd-*, персидск. *dil* „сердце“; гр. *καρδίᾱ*, гом. *καρδίη* и др.-ирл. *críde* рядомъ съ *xṛ* и лат. *cor* (им. и вин. мн. ч. *corda*), др.-прусск. *seyr*, *sīran*; лит. *szirdis*, др.-сл.

сръдъ-че, арм. *sirt* (творит. ед. *srti-w*) представляют то же распространение основы суффиксомъ *-ei-, которое мы находимъ въ скр. им. и вин. п. ед. ч. ср. р. *hārdi* отъ основы *hṛd-*; германскій языкъ во всемъ склоненіи провелъ суфф. *-en-, какъ напр. гот. *hairto* (род. ед. *hairtins*). Общій процессъ распространения этихъ основъ, принципы котораго были указаны выше на стр. 214 и сл., привелъ къ тому, что названія частей тѣла сильно отличаются въ различныхъ языкахъ даже въ такихъ случаяхъ, когда въ сущности мы имѣемъ дѣло съ одинаковыми наименованіями; вотъ нѣсколько примѣровъ этого явленія:

гом. *ѡсѣ* „глаза“ (им. и вин. п. дв. ч. ср. р.) и *ѡπα* (вин. ед. м. р.); др.-сл. *оуи* (им. и вин. дв. ч.) = лит. *aki* „глаза“, арм. *ačkh* „глаза“: это имя представляетъ основу съ нулевымъ суффиксомъ отъ корня, встрѣчающагося также и въ глагольныхъ формахъ: гр. *ὀπτα*, *ὀφθαλμοι*, скр. *īksate* „смотреть“. Къ лит. двойственному *aki* по аналогіи было образовано единственное число *akis*. Распространение суффиксомъ *-es- даетъ славянское единств. число *око* (род. ед. *оуѣсѣ*) и скр. двойств. *ākṣ-i* = зд. *aṣ-i*; распространение этой основы суффиксомъ *-ei- въ им. и вин. ед. ч. и суффиксомъ *-en- въ другихъ падежахъ даетъ остальные санскритскія формы: *ākṣi*, род. ед. *ākṣṇāḥ*; лат. *oculus* и беот. *ὄχταλλος*. — Сложное производное съ тематическою основою или суффиксомъ *-ā- встрѣчается въ скр. *āṇīkam*, гр. *ἐνώπιη* (и *ἐνώπιον*), др.-ирл. *enesh*, кимр. *enep* „лицо“ и въ скр. *prātīkam*, гр. *πρόσωπον* „лицо“.

зд. *uṣ-i* (им. и вин. двойств. ср. р.) „уши“, др.-сл. *оуш-и* = лит. *ausi* (къ которому было образовано ед. ч. *ausis*; лат. *auris*, конечно, является результатомъ такого же процесса); распространение суффиксомъ *-es- въ гр. *οὖς*, др.-сл. *оухо* (род. *оушесѣ*), др.-ирл. *au*, *ō* (род. ед. *auē*); распространение суфф. *-en- въ гот. *auso* (род. ед. *ausins*) и гом. *οὖστος*.

лат. *ōs* (род. *ōris*), ирл. *ā* „ротъ“, скр. *āsāḥ* = зд. *āṇhō* „рта“ (род. ед.); распространение суфф. *-en- въ скр. *āsṇāḥ* (род. ед.), суфф. *-iyo- въ им. ед. скр. *ās(i)yam*. — Гр. *ὠκ* „край (одежды)“ = лат. *ōga* „берегъ“ есть производное на *-ā-; лит. *ūstas*, *ūsta* „устье“ — производныя на *-to-, *-tā-.

гом. *ῥα* „голова“; форма распространенная суф. *-es- очень распространена и сама принимаетъ другіе суффиксы;

такимъ образомъ мы имѣемъ: скр. *ḡiraḥ* (род. ед. *ḡīr-ḡ-ḡ-āḥ*, зд. *saḡō*, лат. *cerebrum* (**k₁erə-s-ro-m*) „мозгъ“, атт. дор. *ḡāḡḡon* (**k₁erə-s-no-m*), гр. *ḡóρḡη* „високъ“ (**k₁orə-s-ā*), др.-вр.-нѣм. *hirni* (**k₁erə-s-n-iyə-m*).

скр. *bhrūḥ* (род. ед. *bhruvāḥ*) „бровь“, др.-сл. *бръвь* (изъ вин. ед. **bhruw-n*), др.-англ. *brú*; или съ начальнымъ гласнымъ перс. *abrū*, гр. *ḡφρḡς* (род. ед. *ḡφρḡ(F)ος*), сербс. *ḡбрва* (перешло въ славянскія основы на *-r-*); мы имѣемъ производное на **-ā* съ кореннымъ вокализмомъ **ē* въ др.-вр.-нѣм. *brāwa*, и производныя на **-et-* въ зд. *brvat-*, др.-ирл. *brūad* (род. двойств.), ирл. *abraít* (им. множ.).

скр. *nāsā* = зд. *nāḡḡa* (им. и вин. дв. ч.) „нось“ (род. дв. скр. *nasōḥ*), др.-перс. *nāham* (вин. ед.), лат. *nārēs*, лит. *nósis* (перешло въ основы на **-ei-*), др.-вр.-нѣм. *nasa*, др.-англ. *nosu*; тематическая форма въ др.-сл. *нось*, лат. *nāsus*. — Вокализмъ корня неясенъ.

скр. *dāntam* (вин. ед.), *datāḥ* (род. ед.) „зубъ“, лат. *dens*, *dentum* (род. мн. у Варрона), лит. *dantų* (род. мн.), *dantis* (перешло въ основы на **-ei-*), гот. *tunþu* (вин. ед., откуда им. ед. *tunþus*), др.-вр.-нѣм. *zand*, др.-ирл. *dēt*; греческій языкъ имѣетъ форму съ начальнымъ гласнымъ: *ḡḡós* (*ḡḡontos*).

зд. *ast-* „кость“; съ суффиксами **-ei-* и **-en-*: скр. *asthi* (им. и вин. ед.), *asthnāḥ* (род. ед.); съ суф. **-es-*: лат. *os* (род. ед. *ossis* изъ **osth-s-es?*); суфф. **-eu-*: арм. *oskr* (изъ **osth-w-er?*), ср. лат. *ossua*; суфф. **-eyo-*: гр. *ḡστέον*.

гр. *ḡνυξ* (*ḡνυξος*) „ноготь“; лат. *unguis*; др.-ирл. *ingen*; др.-вр.-нѣм. *pagal*; лит. *pāgas*; др.-сл. *ногъть*; скр. *pakhāḥ* и *pakhām* (см. стр. 142); ниодна форма не совпадаетъ вполне съ другою.

Случается, что основа съ нулевымъ суффиксомъ прямо не засвидѣтельствована, и мы имѣемъ только производныя отъ нея; такова, напр., основа **ōl-* въ скр. *āratniḥ* „локоть“, зд. *arəḡḡna-* „локоть“ и *frāḡḡḡni-* „локоть (мѣра)“, др.-прусс. *woltis* „предплечье“ и *woaltis* „локоть (мѣра)“, — гр. *ὤλενη*, лат. *ulna* (съ выпаденіемъ краткаго гласнаго между *l* и *n*), др.-ирл. *uile* (род. ед. *uilen*), кимр. *elin*, гот. *aleina*, др.-вр.-нѣм. *elina* — лит. *alkúnė* „локоть“, *ālektis* „локоть (мѣра)“, др.-сл. *лѣкъть*, гр. *ḡλαξ* „предплечіе“ (глосса) и *ὀλέκρḡνον*, *ὤλέκρḡνον* „локоть“, лат. *lacertus*. — Другой при-

мѣръ: гр. χορδή „кишка“ (изъ *g₁horə-dā, со вторичнымъ суффиксомъ *-dā-); лит. žárna „кишка“, др.-исл. gǫrn (мн. ч. garna), алб. zōrë; лат. haru- (зрех); скр. hirā „вена“.

Нѣкоторыя имена имѣютъ нѣкоторое сходство, но настолько различаются въ подробностяхъ, что невозможно установить общій оригиналъ. Название „языка“ имѣетъ въ серединѣ слова общій элементъ *-g₁hwā-, *-ghū-: скр. jihvā; лат. lingua, lingua; гот. tuggo; др.-сл. ~~языкъ~~, др.-прусс. insuwis; зд. hizvā- и hizū-; лит. lėžūvis, арм. lezu (последнія два слова измѣнены подъ вліяніемъ корня *leig₁h- „лизать“).—Имя „селезенки“: скр. plihā, лат. lien, зд. spēraza, др.-сл. ~~селезенка~~, ирл. selg, лит. blužnis, арм. phaysaġn, гр. σπλήν (ср. σπλάγχνα „внутренности“).

Нѣкоторыя части тѣла въ разныхъ діалектахъ имѣютъ разныя названія; такъ для обозначенія „руки“ индо-иранскій языкъ имѣетъ одно слово: скр. hāstaḥ, зд. zastō, др.-перс. dasta, которое напоминаетъ нѣсколько лит. pa-žastis „подмышка“ („то, что подъ рукою“) и гр. ἀγστός „ладонь“; въ балтійскомъ и славянскомъ названіе образовано отъ корня, значащаго „брать“ (лит. renkù „собираю“): др.-сл. ~~рѣка~~, лит. rankà; корень *g₁her- санскритскаго hāraṭi „беретъ“, лит. žeriù „собираю“ далъ гр. χείρ, арм. jeġn, алб. dore, лат. (h)ir „рука“; основа *m^on-, *m_ṛ- съ различными суффиксами является въ лат. manus, умбр. manuve (мѣст. п. ед. ч.), осск. manins, др.-вр.-нѣм. munt.

Есть двусложныя основы правильнаго образованія, хорошо сохранившіяся во многихъ языкахъ:

скр. āpśaḥ „плечо“, арм. us, гр. ὤμος, умбр. onse (мѣстн. пад. ед. ч.), лат. (h)umerus; слѣдуетъ отмѣтить разницу между скр. а и греч. ω и латинскую трехсложную форму.

скр. śróbhiḥ = зд. sraoniš „ляжка“, лит. szlaunis, др.-исл. blaun, лат. clūnis.

гр. πῆος = скр. páśaḥ; лат. pēnis изъ *presnis, ср.-вр.-нѣм. visel.

скр. kākṣaḥ = зд. kašō „подмышка“; лат. coxa „бедро“ = др.-ирл. coss „нога“, др.-вр.-нѣм. hahsa „колѣнное сочлененіе (у лошади)“, ср.-вр.-нѣм. hehse должно было обозначать сочлененіе вообще.

гр. ὀρρος „задница“, др.-вр.-нѣм. ars, арм. oġ.

Нѣкоторое количество словъ распространяется только

на три или даже на два смежных языка; таковы: гот. *munþs* „ротъ“, кимр. *mant* „челюсть“, лат. *mentum* „подбородокъ“ — гр. *στόμα* „ротъ“, зд. *stamanəm* (вин. ед.) — арм. *beran* „ротъ“, лит. *burnà* — скр. *óṣṭhaḥ* „губа“, зд. *aošta* и *aoštra* „губы“, др.-сл. *оуста* (им. и вин. мн. ч. ср. р.) и *оустына* „губа“, др.-прусс. *austa* и *austin* „ротъ“ — лат. *labium* „губа“, др.-англ. *lipra* „губа“ — и т. д.

Г. Числительные.

Обыкновенная индо-европейская система счисления есть система десятичная: для первых десяти чиселъ существуетъ десять особыхъ названій; далѣе счетъ идетъ по десяткамъ: два десятка, три десятка и т. д., при чемъ промежутки заполняются единицами: одиннадцать, двадцать пять, тридцать восемь и т. д.; наконецъ, есть особое имя для „ста“. — Порядковыя числительныя образуются отъ количественныхъ при помощи вторичныхъ суффиксовъ съ извѣстными перемѣнами вокализма (см. стр. 232 и сл.).

I. Названія единицъ представляютъ три различныхъ группы:

а. Числительное „одинъ“, обозначаемое различными прилагательными:

Одни языки имѣютъ производное отъ корня *oi-: скр. *ékaḥ* — зд. *aēvō*, др.-перс. *aiva* (ср. гр. *οἶφος* „одинъ только“), — лат. *ūnus* (др.-лат. вин. п. *oīno[m]*), др.-ирл. *ōen*, гот. *aīns*, др.-прусс. вин. ед. *aīnan* (ср. гр. *οἰνή* „тузъ“ [въ игрѣ въ кости]); другіе употребляютъ корень *sem-, засвидѣтельствованный скр. *sa-kṛt* „одинъ разъ“; лат. *semel*, *simplex* и т. д.; гр. *εἷς*, *μία* (изъ *smiyə), *ἕν*; арм. *mi*. — Порядковое представляетъ слово производное отъ корня гр. *πέρ*, *πᾶρος*, *πρὸ* и т. д., и обозначаетъ „передній, стоящій впереди“: скр. *prathamāḥ* — скр. *pūrv(i)yaḥ*, др.-сл. *прѣдънъ*, гр. *πρῶτος* — лит. *pirmas* — лат. *primus* — и т. д.

б. „Два“, „три“ и „четыре“:

Эти три числительныхъ, по согласному свидѣтельству индо-иранскаго, армянскаго, балтійскаго, славянскаго, ирландскаго и греческаго языковъ, склоняются и имѣютъ особыя формы для cadaго рода: мужескаго, средняго и женскаго, слѣдовательно носить характеръ прилагательныхъ.

„Два“: муж. р. вед. *d(u)vā́*, *d(u)váu*, зд. *dva*, др.-сл. *дѣѡ*, гом. *δύω* (гр. *δύο*), арм. *erku*, лат. *duo*, др.-ирл. *dau*, *dā*; жен. р. скр. *d(u)vé*, зд. *duyē*, др.-сл. *дѣѡѣ*, лит. *dvi*, лат. *duae*, др.-ирл. *dí*; средн. р. скр. *d(u)vé*, др.-сл. *дѣѡѣ*. Въ сложеніи употребляется форма **dwi-*: скр. *dvi-pāt*, гр. *δί-πους*, лат. *bi-pēs*, др.-англ. *twi-féte*, ср. лит. *dvi-kójis* „двуногій“, арм. *erkeam* „двухлѣтній“ (*erki-am*). Есть слово обозначающее „оба“, которое склоняется какъ **duwō(u)*, но его начало весьма различно въ разныхъ языкахъ: скр. *ubháu*, *ubhé*, гат. жен. р. *ubē*; др.-сл. *оба*, *обѣ*, лит. *abù*, *abì*; гр. *ἄμφω*, лат. *ambō*; гот. *bai*. Собираательная форма: скр. *dvaṃ*-, *ubháṃ*-, др.-сл. *дѣѡн*, *обон*, лит. *dveji*, *abeji* и лат. *bīnī* (ср. лит. *dvynū* „близнецы“), др.-исл. *tuennr*, гот. *tweihnai*. — „Дважды“: скр. *dvīh*, зд. *biš* (гдѣ *h* отражаетъ **dw*, какъ и въ лат.), гр. *δίς*, лат. *bis*. — Для порядковаго числительнаго мы встрѣчаемъ либо производное отъ количественнаго: скр. *dvitīyaḥ* „второй“, зд. *bit(i)yō*, либо форму слова „другой“ съ суффиксомъ **-tero-*, **-tro-*: гот. *anþar*, лит. *añtras*, либо другія слова.

„Три“: муж. р. скр. *trāyaḥ*, гр. *τρεῖς*, др.-сл. *трыѣ*, арм. *erekh*, лат. *trēs*, гот. (вин. п.) *þrins*, др.-ирл. *trī* и т. д.; ср. р. вед. *trī*, др.-сл. *три*, гр. *τρία*, лат. *tria*; древній женскій родъ сохранился только въ индо-иранскомъ и кельтскомъ: скр. *tisráḥ*, зд. *tišarō*, др.-ирл. *teoir*, средне-кимр. *teir*. Собираательная форма: скр. *trayaḥ*-, др.-сл. *трон*, лит. *treji* и лат. *trīnī*, *ternī*, др.-исл. *þrennr*. — „Трижды“: скр. *trīh*, зд. *þriš*, гр. *τρίς*, лат. *ter*. Зд. *þrit(i)yō*, гр. *τρίτος*, арм. *erir* „третій“ сохраняютъ **i* количественнаго числительнаго; но есть порядковыя числительныя, гдѣ этого **i* нѣтъ: скр. *trtīyaḥ*, др.-прусс. *tirtis*, лит. *trėczias*, др.-сл. *третни*; формы другихъ языковъ болѣе или менѣе загадочны.

„Четыре“: муж. р. скр. *catvāraḥ*, вин. п. *catúraḥ*; дор. *tétorēs*, атт. беот. *téttares*; др.-сл. *четыре*; арм. *ġorkh*; др.-ирл. *cethir*, др.-кимр. *petguar*, *pedwar*; жен. р. скр. *cátasrah*, зд. *čatañrō*, др.-ирл. *cetheora*, кимр. *pedair*. Собираательная форма: скр. *catvarām* „четыреугольное мѣсто, квартал“, др.-сл. *четвори*, лит. *ketverì* и лат. *quaternī*. — „Четыре раза“: скр. *catúh*, зд. *caθruš*, лат. *quater*. — Порядковое числительное имѣетъ довольно различныя формы: въ первомъ слогѣ первоначально былъ нулевой вокализмъ

*k^wtur-: скр. turíyah, зд. tūriyō (ср. зд. ā-xtūirīm „въ четвертый разъ“), гр. τέταρτο- въ τέταρτη-μέριον у Гезихія; почти во всѣхъ языкахъ позднѣе было восстановлено *e: скр. satur-tháh (въ Ригведѣ встрѣчается только turíyah), гр. τέταρτος, др.-сл. **устврѣтъ**, лит. ketviřtas.

с. Отъ „пяти“ до „десяти“:

Отъ „пяти“, представляющаго число пальцевъ одной руки, до „десяти“, представляющаго число пальцевъ другой, мы имѣемъ новый рядъ словъ, несклоняемыхъ (это напоминаетъ первыя части сложныхъ словъ) и не имѣющихъ рода; порядковое числительное образуется на *-o- или на *-tho-:

5: скр. páñca, арм. hīng, гр. πέντε, лат. quinque, др.-ирл. cōic, гот. fimf. Порядковое: гр. πέμτος, лат. quintus, др.-вр.-нѣм. fimfto, лит. peĩktas, др.-сл. **пять**; нулевой вокализмъ др.-вр.-нѣм. funfto отражаетъ, повидимому, индо-европейское состояніе, которое въ прочихъ случаяхъ было измѣнено подъ вліяніемъ количественнаго числительнаго.

6: скр. śaṭ, зд. xšwaš, арм. veç, гр. ἑξ (ἕξ), лат. sex, др.-сакс. sehs, др.-ирл. sē, кимр. chwech; порядковое: скр. śaṣṭháh, гр. ἕκτος, лат. sextus, др.-вр.-н. sehto, лит. szēsztas, др.-сл. **шесть**.

7: скр. sapta, арм. ewthn, гр. ἑπτά, лат. septem, др.-ирл. secht n-; порядковое: скр. sapta-máh, лат. septimus, лит. sėkmas и, со звонкимъ звукомъ, др.-сл. **седмѣ**, гр. ἑβδομος (ср. стр. 108).

8: вед. aṣṭā, aṣṭáu (гдѣ ṣṭ произошло изъ *k₁t), арм. uṭh, гр. ὀκτώ, лат. octō, гот. ahtau, др.-ирл. ocht n-. Порядковое: лат. octāuus, гр. ὀγδοος (другія формы образованы по аналогіи).

9: скр. náva, арм. inn, гр. ἐννέ(F)α, лат. novem, гот. niun, др.-ирл. nōi n-. Порядковое: лат. nōnus, скр. na-va-máh (гдѣ -m- подъ вліяніемъ аналогіи), гр. ἐννῆατος, гот. niunda, др.-прусс. newints.

10: скр. dáśa, арм. tašn, гр. δέκα, лат. decem, гот. taihun, др.-ирл. deich n-. — Порядковое: скр. daśa-máh, лат. decimus и гр. δέκατος, гот. taihunda, лит. desziřntas, др.-сл. **десять**.

Эти шесть числительныхъ въ славянскомъ языкѣ замѣнены отвлеченными существительными: первыя пять — основы женск. р. на -тъ-: **пять** „пятокъ“ (ср. скр. pañktīḥ „пятокъ“),

Туровскаго“¹⁾. Не смотря однако же на скромные размѣры литературнаго таланта Пахомія, который лучше всего чувствовалъ себя въ области компиляціи и весьма охотно заполнялъ свои труды общими мѣстами, дѣятельность его имѣла въ исторіи русской агіобіографіи большое значеніе. Онъ оказался въ полномъ соотвѣтствіи съ уровнемъ литературныхъ потребностей на Руси въ XV вѣкѣ и, по недостатку другихъ литературныхъ силъ, былъ, въ качествѣ агіобіографа, желаннымъ гостемъ въ Новгородѣ и Москвѣ, куда его наперерывъ приглашали и заваливали литературной работою, щедро одаряя „искуснаго въ книжныхъ слогахъ“ писателя золотомъ, серебромъ и соболями. Онъ вездѣ, по видимому, чувствовалъ себя одинаково хорошо и свободно, чуждый мѣстныхъ интересовъ и равнодушный къ живымъ теченіямъ русской дѣйствительности. Труды его получили общее значеніе назидательныхъ сочиненій, безъ отношенія ко времени и мѣсту дѣйствія описанныхъ въ нихъ событій: ихъ охотно читали и переписывали, и литературное имя серба Пахомія сдѣлалось среди русскихъ книжниковъ гораздо болѣе извѣстнымъ, чѣмъ имя его болѣе талантливаго предшественника и отчасти современника Епифанія Премудраго.

4.

Разногласія въ области религіознаго міровоззрѣнія. — Стригольники и жидовствующие. — Заволжскіе старцы. — Литературная дѣятельность Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго; ихъ послѣдователи и продолжатели.

Одной изъ весьма характерныхъ особенностей русской жизни XV и начала XVI вѣка являются усиленныя религіозныя броженія и вызванныя ими произведенія литературы.

Выше (стр. 173) было уже указано на появленіе въ XIV вѣкѣ въ Новгородѣ ереси „стригольниковъ“; въ началѣ

1) В. Яблонскій, назв. соч., стр. 285.

70-хъ годовъ XV вѣка нашла себѣ мѣсто въ томъ же Новгородѣ и ересь „жидовствующихъ“. Идейная связь между этими двумя ересями не можетъ подлежать сомнѣнію. Происхожденіе ереси жидовствующихъ, по своей фактической обстановкѣ, такъ же неясно, какъ и ереси стригольниковъ, и въ то время, напр., какъ В. Θ. Боцяновскій ставитъ ее въ связь съ гусситскими и таборитскими идеями, пришедшими съ запада и нашедшими себѣ распространеніе въ Литвѣ и Польшѣ¹⁾, другой изъ новыхъ изслѣдователей этого вопроса, г. Θ. Ильинскій, выводитъ жидовствующихъ, съ ихъ ученіемъ, изъ византійско-славянскаго богомилскаго источника²⁾, опираясь въ этомъ взглядѣ на ранѣе высказанное Θ. И. Успенскимъ мнѣніе о происхожденіи изъ богомилства же и ереси стригольниковъ. Современные ереси обличители ея, въ лицѣ Іосифа Волоцкаго, не задаваясь вопросомъ историческаго характера, приводили ее въ связь съ прїѣздомъ въ Новгородъ въ 1471 году кїевского князя Михаила Александровича или Олельковича, когда новгородцы искали себѣ защиты отъ московскаго князя въ союзѣ съ польскимъ королемъ. Князя сопровождала большая свита, и въ ней былъ ученый еврей Схарія; этотъ то Схарія и былъ основателемъ ереси жидовствующихъ. Въ числѣ первыхъ его послѣдователей явились новгородскіе священники Діонисій (Денисъ) и Алексѣй, изъ которыхъ послѣдній переименованъ былъ будто бы Авраамомъ, а его жена — Саррой. Послѣ десятилѣтняго существованія въ Новгородѣ, ересь перекинулась въ Москву и нашла себѣ тамъ нѣсколько послѣдователей, въ томъ числѣ и вліятельнаго главу Посольскаго приказа Θεодора Курицына; позднѣе, въ подозрѣніи относительно принадлежности къ ереси

1) Русскіе вольнодумцы XIV—XV вѣковъ. „Новое Слово“ 1896 № 12, стр. 169—173.

2) Русскіе богомилы XV вѣка. „Богословскій Вѣстникъ“ 1905 № 6—7, стр. 447 и слл.

и покровительства ей стоялъ и самъ московскій митрополитъ Зосима. Въ теченіе шестнадцати лѣтъ ересь жидовствующихъ не обращала на себя вниманія духовной и свѣтской власти, и только въ 1487 году случайно была открыта въ Новгородѣ. Тогдашній новгородскій архіепископъ Геннадій не замедлилъ возбудить официальное дѣло о ереси и прежде всего донесъ о своемъ открытіи великому князю и митрополиту въ Москву: получивъ отъ великаго князя наказъ „беречи, чтобъ то лихо въ земли не распростерлося“, Геннадій приступилъ къ формальному обыску еретиковъ. Благодаря одному изъ уклонившихся въ ересь и затѣмъ раскаявшемуся священнику Науму, Геннадію удалось установить главные пункты ученія жидовствующихъ и даже получить книги, по которымъ они совершали свои молитвы, но обвинить въ ереси оказалось возможнымъ пока лишь четырехъ человѣкъ; розыскъ продолжался какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ, и только 17 октября 1490 года на соборѣ въ Москвѣ, при новомъ митрополитѣ Зосимѣ, жидовствующіе были осуждены церковной властью; сколько ихъ было въ этотъ моментъ, неизвѣстно. Послѣ церковнаго осужденія еретики должны были подвергнуться гражданской казни. Въ этой стадіи дѣло шло еще медленнѣе, и лишь въ концѣ 1504 года состоялось рѣшеніе, въ силу котораго многіе еретики — въ томъ числѣ братъ умершаго Феодора Курицына Иванъ Волкъ, зять протопопа Алексѣя Иванъ Максимовъ и юрьевскій архимандритъ Касьянъ — были сожжены, а прочіе разосланы въ заточеніе и по монастырямъ¹⁾.

Сущность ученія жидовствующихъ во многомъ напоминаетъ стригольничество. Жидовствующіе стояли на той же критической и отрицательной точкѣ зрѣнія относительно православія. Они признавали одно только существо Божіе, отрицая Троицу и божественность Іисуса Христа, котораго

1) Голубинскій. И. Р. Ц., перв. пол., стр. 560—582.

они считали простымъ человѣкомъ, естественно родившимся отъ Маріи; жидовствующие не признавали, конечно, ни Іоанна Крестителя, ни апостоловъ, ни святыхъ и не придавали писаніямъ послѣднихъ никакого особеннаго значенія. Они не признавали храмы за мѣста особаго присутствія Божія, не почитали крестовъ и иконъ. У нихъ были свои священники, отпавшіе отъ православнаго священства, и совершалась втайнѣ служба, но съ полнымъ пренебреженіемъ къ обрядамъ и преданіямъ православной церкви; къ церковной іерархіи и монашеству они относились, подобно стригольникамъ, совершенно отрицательно. Въ общемъ, это ученіе не представляло собою чего-либо опредѣленнаго и являлось скорѣе смѣсью рачіоналистическихъ элементовъ съ протестомъ противъ церковнаго ученія и обрядности, доходившимъ до грубыхъ выходокъ безграничнаго фанатизма — если вѣрить обличеніямъ Іосифа въ его „Просвѣтителѣ“. Но, съ другой стороны, среди послѣдователей ереси были несомнѣнно книжные люди, весьма начитанные, съ критическимъ направленіемъ ума, съ повышенными умственными интересами, съ научными по тому временн запросами, съ гуманистическими тенденціями въ области мысли и чувства и въ практикѣ самой жизни.

Въ этой атмосферѣ жидовствующими созданы были и нѣкоторыя, главнымъ образомъ въ послѣднее время сдѣлавшіяся извѣстными, явленія литературы. Такъ, еще архіепископъ новгородскій Геннадій въ посланіи къ сарскому епископу Прохору говоритъ о „попѣ Наумѣ“, передавшемъ ему „тетрадь, по чему они (еретики) молились по-жидовски“ и „превращены псалмы на ихъ обычаи“¹⁾. Подъ этими молитвами и псалмами надо разумѣть, повидимому, т. наз. „Псалтырь жидовствующихъ“, изданную въ послѣднее время проф. М. Н. Сперанскимъ (М. 1907). Съ именемъ пред-

1) И. Хрущовъ. Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина. Спб. 1868, стр. XVI—XVII.

полагаемаго переводчика этой „псалтыри“ съ еврейскаго оригинала, Θεодора-Жидовина, соединяется и другое литературное произведение — посланіе объ истинѣ христіанской вѣры, писанное „ко всему роду іудейску“ между 1448 и 1461 годами¹⁾. Идейная разница этихъ двухъ произведений — изъ которыхъ одно, повидимому болѣе раннее, беретъ подъ защиту православіе, а другое, напротивъ, служить интересамъ жидовствующихъ — дѣлаетъ весьма сомнительнымъ вопросъ о Θεодорѣ-Жидовинѣ какъ авторѣ, хотя сама по себѣ личность его едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Этому же Θεодору приписывалось исправленіе Пятокнижія Моисеева по еврейскому тексту и переводъ съ еврейскаго первыхъ десяти главъ книги Есѣиръ, внесенной уже въ Геннадіевскую Библію; но и тутъ мы стоимъ опять передъ вопросомъ, требующимъ новыхъ данныхъ для своего окончательнаго рѣшенія²⁾. Болѣе несомнѣннымъ является происхождение отъ жидовствующихъ перевода „Логикѣ“ знаменитаго ученаго еврея XII вѣка Моисея Маймонида; этотъ переводъ находится въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки XVI в. № 943 и вызвалъ цѣнную замѣтку акад. А. И. Соболевскаго, который приводитъ данное произведение въ связь съ упоминаемой архіепископомъ Геннадіемъ „Логикой“ жидовствующихъ въ его посланіи къ архіепископу Іоасафу въ началѣ 1489 года. Тотъ же изслѣдователь склоненъ считать входящей въ область литературы жидовствующихъ и книгу „Тайная тайныхъ“, имѣющуюся въ спискахъ начиная съ XVI в. и представляющую переводъ весьма извѣстнаго въ средне-вѣковой литературѣ сочиненія, напи-

1) Напечатано М. И. Соколовымъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1902, кн. 3, отд. II, стр. 95—110.

2) Въ столь же неопредѣленномъ отношеніи къ литературной дѣятельности жидовствующихъ стоитъ и изданный И. Е. Евсѣевымъ древній переводъ съ еврейскаго книги пророка Даніила по рукописи XVI вѣка. Чтенія 1902, кн. 3, отд. II, стр. 127—164.

саннаго будто бы Аристотелемъ для Александра Македонскаго¹⁾. При такихъ скудныхъ данныхъ пока невозможно сдѣлать какихъ-либо опредѣленныхъ заключеній о литературной дѣятельности жидовствующихъ; во всякомъ случаѣ, она едва ли была значительной.

Гораздо многочисленнѣе и важнѣе по своему историческому значенію были тѣ произведенія, которыя направлены были къ обличенію ереси жидовствующихъ; во главѣ этихъ писателей стоитъ Іосифъ Волоцкій со своимъ знаменитымъ „Просвѣтителемъ“. Но эти произведенія нельзя разсматривать исключительно по отношенію къ ереси, такъ какъ съ одной стороны они опирались на цѣлое міросозерцаніе, въ которое входили и церковные, и государственные, и нравственные вопросы, а съ другой — по своему содержанію они связаны были съ рядомъ другихъ произведеній, авторы которыхъ касались отчасти тѣхъ же вопросовъ, но разсматривали ихъ съ совершенно другой точки зрѣнія: самымъ извѣстнымъ изъ нихъ въ XV вѣкѣ былъ Нилъ Сорскій.

Іосифъ Волоцкій и его „Просвѣтитель“. Іосифъ Волоцкій представляетъ замѣчательную и яркую фигуру на фонѣ событій русской жизни XV вѣка. Происходя изъ зажиточнаго рода Саниныхъ, имѣвшихъ вотчину въ Волоколамскихъ предѣлахъ, Іосифъ родился въ 1439 или 1440 году и на восьмомъ году отъ рожденія отданъ былъ учиться грамотѣ въ монастырь. Ученіе отрока шло чрезвычайно успѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ росло въ душѣ Іосифа и пристрастіе къ иночеству. Въ семьѣ Саниныхъ вообще была склонность къ монастырской жизни, а условія русской жизни во второй половинѣ XV вѣка, съ господствовавшимъ аскетическимъ настроеніемъ и съ ожиданіемъ конца седьмой тысячи лѣтъ (въ 1492 году), способны были только усилить

1) А. И. Соболевскій. „Логика“ жидовствующихъ и „Тайная тайныхъ“. Спб. 1899. Ср. Голубинскій, И. Р. Ц. II, перв. пол., стр. 604—605. 886—888.

это настроеніе; въ юношѣ возгорѣлось желаніе принести потребности земной жизни въ жертву будущему спасенію, и двадцати лѣтъ отъ роду онъ принялъ постриженіе отъ извѣстнаго своей строгой жизнью Пафнутія Боровскаго. Подъ руководствомъ этого подвижника, въ суровой обстановкѣ труда и лишеній, прошли первые годы собственныхъ подвиговъ Іосифа, вскорѣ доставившихъ ему — вмѣстѣ съ его умомъ и начитанностью — весьма почетное положеніе среди монастырской братіи. По смерти Пафнутія, Іосифъ сдѣлался игуменомъ и принялъ этотъ санъ въ Москвѣ, по волѣ великаго князя, отъ рукъ самого митрополита Геронтія. Однако въ Боровской обители Іосифъ игуменствовалъ не долго: строгія требованія новаго игумена были не по душѣ монастырской братіи, въ большинствѣ старшей его годами, и начался ропотъ. Тогда Іосифъ тайно покинулъ обитель, посѣтилъ монастыри Тверской области, прошелъ въ заволжскіе монастыри и черезъ годъ вернулся обратно, но пробылъ тутъ не долго: онъ задумалъ устроить новый монастырь по своей мысли и уставу. Этотъ монастырь и былъ основанъ въ 1479 году въ родной Іосифу Волоколамской области; въ это время ему не было еще и полныхъ сорока лѣтъ. Развитію и процвѣтанію монастыря содѣйствовали не только личныя качества основателя, но и покровительство свѣтской и духовной власти, особенно новгородскаго архіепископа Геннадія, который нашелъ въ Іосифѣ много близкихъ и родственныхъ себѣ чертъ. Съ той и другой стороны на новый монастырь посыпались милости въ видѣ денежныхъ вкладовъ и земельныхъ угодій; въ монастырь стали поступать знатные и богатые постриженники изъ бояръ. Самъ Іосифъ вскорѣ вовлеченъ былъ въ борьбу съ ересью жидовствующихъ, и дальнѣйшая жизнь его складывается изъ борьбы съ противуцерковными движеніями, изъ опредѣленія своихъ отношеній, путемъ литературной дѣятельности, къ разнымъ вопросамъ тогдашней жизни, къ

мѣстному князю и къ великому князю московскому, наконецъ изъ неустанныхъ трудовъ на пользу и процвѣтаніе своей обители. Среди этихъ работъ Іосифъ скончался 9 сентября 1515 года, назначивъ себѣ преемникомъ Даниїла, который вскорѣ сдѣлался, впрочемъ, митрополитомъ всея Руси.

Сочиненія Іосифа Волоцкаго довольно многочисленны, но содержаніе ихъ замыкается въ два вопроса: о монастыряхъ и о ереси жидовствующихъ. Будучи самъ виднымъ дѣятелемъ и организаторомъ монастырской жизни и усматривая въ ней не только высшую форму идеальныхъ стремленій человѣческаго духа, но и вѣрнѣйшее средство вѣчнаго спасенія, Іосифъ въ цѣломъ рядѣ „посланій“, обращенныхъ то къ опредѣленнымъ лицамъ, то вообще „къ вельможамъ“, „къ нѣкому о Христѣ брату“ и т. п., высказалъ свой взглядъ на основы иноческой жизни и на основы жизни вообще, являясь строгимъ моралистомъ. Въ этихъ своихъ сочиненіяхъ Іосифъ представляется намъ типическимъ выразителемъ церковно-религіознаго идеала своего времени, послѣдовательнымъ консерваторомъ и энергичнымъ защитникомъ авторитета официальной церковности. Сочиненія эти еще и до сихъ поръ не всѣ опубликованы, и наиболѣе полно разсмотрѣны, преимущественно по рукописямъ, въ трудѣ И. П. Хрущова¹). Болѣе цѣльнымъ образомъ выразился Іосифъ, какъ авторъ, въ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ ереси жидовствующихъ: это — 16 его „словъ на еретиковъ новгородскихъ“, собранныхъ имъ въ особую книгу, которая получила позднѣе, въ половинѣ XVI вѣка, названіе „Просвѣтителя“²). Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ историческія свѣдѣнія о ереси (въ предисловіи къ сочиненію, подъ именемъ „сказаніе о новоявившейся ереси“, и въ

1) Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, стр. 75—100.

2) Издавъ редакціей „Православнаго Собесѣдника“: Казань 1857; 4 изд. К. 1904.

15-мъ „словѣ“) и обширное систематическое ея обличеніе, вмѣстѣ съ ожесточеннымъ памфлетомъ противъ лжеучителей, написаннымъ съ большою страстностію и увлеченіемъ. Доводы Іосифа противъ еретиковъ не представляютъ ничего новаго въ теоретическомъ смыслѣ сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ могъ располагать русскій книжникъ и болѣе отдаленнаго времени, опиравшійся на авторитетъ византійскихъ источниковъ и церковныхъ преданій. Болѣе оригинальнымъ является онъ въ своемъ непримиримомъ тонѣ относительно ереси, для искорененія которой онъ рекомендуетъ самыя суровыя мѣры, до „градской казни“ включительно: въ этомъ отношеніи онъ вполне примыкаетъ къ мнѣнію новгородскаго архіепископа Геннадія, ссылавшагося въ одномъ изъ своихъ посланій на испанскую инквизицію, какъ на примѣръ достойный подражанія, и устроившаго явившимся въ Новгородѣ послѣ осужденія на соборѣ 1490 года еретикамъ встрѣчу, напоминающую приемы „испанскаго короля“. Въ разныхъ мѣстахъ своихъ писаній противъ жидовствующихъ Іосифъ ссылается на яко бы догматическое ученіе о „прехищреніи и коварствѣ Божіемъ“, которое уполномочиваетъ его и для человѣка на землѣ рекомендовать принципъ „богопремудростнаго и богонаученнаго коварства“. Понятно, что съ этой точки зрѣнія всѣ указанія Іосифа на полезность молитвы „со слезами и сокрушеніемъ сердца“ для исправленія еретиковъ получаютъ лишь формальный характеръ: онъ не вѣритъ покаянію еретиковъ, которое считаетъ завѣдомо „лестнымъ“, т. е. обманнымъ и неискреннимъ. Онъ рекомендуетъ свѣтской власти принять на себя дѣло наказанія еретиковъ, осужденныхъ судомъ духовнымъ; это вытекаетъ у него изъ его византійскаго воззрѣнія на первенствующее главенство свѣтской власти въ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ принципъ получаетъ у Іосифа и болѣе широкое приложеніе къ условіямъ русской жизни: находясь вообще въ наилучшихъ отношеніяхъ со своимъ мѣстнымъ княземъ, онъ

является однако же ревностнымъ сторонникомъ великокняжескаго самодержавія, становясь, т. о., въ тѣсное единеніе съ приверженцами идеи о „Москвѣ-третьемъ Римѣ“ и о широкой политической миссіи Россіи на православномъ востоцѣ; а когда, въ самомъ началѣ XVI вѣка, волоцкій князь Ѳеодоръ Борисовичъ сталъ обнаруживать притязаніе на достатки Іосифова монастыря, которое показалось игумену переходящимъ предѣлы возможнаго, то онъ не задумался передать свой монастырь покровительству великаго московскаго князя Василія Ивановича и стать въ самостоятельныя отношенія не только къ мѣстному князю, но и къ Новгородскому архіепископу Серапіону, который послалъ ему неблагословенную грамоту и въ ней, между прочимъ, писалъ: „что еси отдалъ монастырь свой въ великое государство — ино еси отступилъ отъ небеснаго, а пришелъ къ земному“ (Хрущовъ, назв. соч., стр. 210). Наконецъ, Іосифъ касается въ „Просвѣтителѣ“ и вопроса, имѣвшаго тогда важное практическое значеніе — о владѣніи монастырей имуществами. Іосифъ разрѣшалъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, видя въ монашествѣ идеаль жизни вообще, а въ монастыряхъ оплотъ государства, для котораго, въ свою очередь, вытекаетъ обязанность оказывать монастырямъ самое широкое покровительство и поддержку. Эту точку зрѣнія Іосифъ не разъ высказывалъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ и на соборахъ русскихъ іерарховъ, входя тѣмъ въ полное противорѣчіе съ партіей „заволжскихъ старцевъ“, которые стояли за монастырскую нестяжательность и вообще проводили строгую грань между идеалами духовной жизни и задачами свѣтской государственной власти.

По изложенію, „Просвѣтитель“ Іосифа Волоцкаго является однимъ изъ самыхъ характерныхъ явленій древнерусской книжности средняго ея періода. Онъ испещренъ ссылками на Св. Писаніе, святоотеческія сочиненія, особенно Тактиконъ Никона Черногорца, на Іосифа Флавія, Палею,

хроники и т. д. Авторъ совершенно не подвергаетъ критикѣ свои источники, и всякая подходящая по содержанію литературная ссылка представляетъ въ его глазахъ непререкаемый авторитетъ. Будучи писано въ разное время и по поводу различныхъ моментовъ борьбы съ еретиками¹⁾, сочиненіе это, при всемъ своемъ обширномъ объемѣ и многообразномъ содержаніи, лишено опредѣленнаго плана и многогрѣчиво, изобилуетъ направленными противъ еретиковъ грубыми словами и выраженіями, вродѣ „адовъ песь“, „сосудъ сатанинъ“, „блудный калъ“.

Ниль Сорскій и его писанія. Воззрѣнія Іосифа Волоцкаго и его послѣдователей, т. наз. „іосифлянъ“, нашли себѣ противовѣсъ въ лицѣ „заволжскихъ старцевъ“. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Ниль Сорскій. О жизни его знаемъ мы очень мало. Родился онъ около 1433 года, по мнѣнію однихъ — въ крестьянской семьѣ, а по другимъ — онъ происходилъ изъ служилаго класса; какъ было его мірское имя — неизвѣстно, прозваніе было Майковъ. Повидимому, очень рано поступилъ Ниль въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, славившійся строгой жизнью своихъ иноковъ и полной нестяжательностью; затѣмъ онъ отправился на Аѳонъ, откуда принесть сочувствіе къ скитской жизни, составлявшей середину между полнымъ отшельничествомъ и общежительнымъ строемъ большинства русскихъ монастырей; на востокѣ Ниль имѣлъ возможность пополнить и запасы своей начитанности въ духовной литературѣ, основы чему были положены имъ еще въ Кирилловой обители; но главнымъ результатомъ этого путешествія для Нила было усвоеніе имъ созерцательнаго направленія, опредѣлившаго собою весь характеръ послѣдующей его жизни и дѣятельности. По возвращеніи на Русь, Ниль задумалъ положить основаніе скит-

1) Редакторъ казанскаго изданія полагаетъ, что первоначально должны были явиться первыя 11 „словъ“, а остальные пять послѣ осужденія жидовствующихъ на соборѣ 1490 года: 4 изд., предисловіе, стр. 15.

ской жизни у себя на родинѣ, для чего и удалился (между 1473 и 1489 годами) въ заволжскіе предѣлы, въ глухое и пустынное мѣсто на берегу рѣчки Сорки. Такъ возникла Ниль-Сорская пустынь. Здѣсь, среди немногочисленныхъ своихъ послѣдователей, Ниль предавался книжнымъ занятіямъ и религіозному созерцанію. Въ противоположность Іосифу, книжныя занятія Нила шли не столько въ ширину, сколько въ глубину: онъ изучалъ преимущественно Евангеліе, апостольскія писанія, житія и ученія святыхъ отцовъ, при чемъ изученіе это имѣло критическій характеръ. Результатомъ созерцательности и книжныхъ занятій Нила явились его сочиненія — впрочемъ, весьма немногочисленныя. Одновременно съ этимъ, онъ, по приглашенію архіепископа Геннадія, принималъ участіе въ дѣлѣ суда надъ жидовствующими, обнаруживая и тутъ полную противоположность Іосифу: будучи самъ вѣрнымъ послѣдователемъ православной догмы, онъ отстаивалъ однако же мѣры кротости и снисхожденія къ заблудшимъ и открыто высказалъ свои гуманистическія воззрѣнія на соборѣ 1490 года. Не подлежитъ сомнѣнію, что точка зрѣнія Нила и его послѣдователей, напр. Паисія Ярославова, обладала извѣстнымъ авторитетомъ и не осталась безъ вліянія на окончательную судьбу обвиняемыхъ, по скольку она рѣшена была на соборѣ 1490 года. Не менѣе противоположны Іосифу Волоцкому были воззрѣнія Нила и въ вопросѣ о монастырскихъ владѣніяхъ: стоя на той точкѣ зрѣнія, что монастыри должны быть исключительно мѣстомъ духовныхъ подвиговъ и молитвы, онъ отстаивалъ полную нестяжательность монастырей, о чемъ и высказался совершенно категорически на московскомъ соборѣ 1503 года; онъ былъ также противникомъ вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церкви. Послѣдніе годы жизни Нила прошли въ уединеніи, какъ впрочемъ и вся его жизнь. Онъ умеръ въ 1508 году.

Нилу Сорскому принадлежать или приписываются нѣ-

сколько посланій о монастырской жизни, обращенныхъ къ разнымъ лицамъ (старцу Герману, старцу Гурію Тушину, неизвѣстному иноку, Вассіану Патрикѣву и др.), монастырскій уставъ и предсмертное „завѣщаніе“ ученикамъ¹⁾. Особенный интересъ представляетъ „Монастырскій уставъ“ Нила, въ которомъ онъ даетъ, въ конкретныхъ формахъ, выраженіе своего идеала иноческой жизни — свободной отъ мірской суеты, проникнутой высокимъ религіознымъ созерцаніемъ, неослабнымъ молитвеннымъ настроеніемъ и полной нравственной свободой. Общій характеръ идей Нила Сорскаго можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ. Лучшій удѣлъ человѣка на землѣ — иноческій, но иночество должно быть не тѣлеснымъ, а духовнымъ; оно должно состоять не во внѣшнихъ только подвигахъ и умерщвленіи плоти, а и въ духовномъ самосовершенствованіи; да и вообще человѣку, не только иноку, приличествуетъ преобладаніе духовнаго и идеальнаго надъ внѣшнимъ и обрядовымъ. Въ связи съ этимъ духовно-идеальнымъ настроеніемъ находится и созерцательность Нила: онъ учитъ о внутренней „умной молитвѣ“ и о „благодатныхъ слезахъ“, приводящихъ къ высокому душевному настроенію. Нравственное самосовершенствованіе человѣка должно быть разумно-сознательнымъ: инокъ никогда не долженъ упускать изъ виду „разсмотрѣнія“ и „разсужденія“. Основанія жизни предуказаны въ святыхъ писаніяхъ, но къ нимъ нужно относиться также критически. Въ основѣ разсужденій Нила объ иноческой жизни лежало психологическое направленіе, желаніе обратиться къ внутреннему міру человѣка, не ограничиваясь внѣшними указаніями. Будучи созерцателемъ по натурѣ и по выработанному настроенію, Ниль неохотно обращался

1) Разсмотрѣніе ихъ содержанія представлено въ трудѣ А. С. Архангельскаго: Ниль Сорскій и Вассіанъ Патрикѣвъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Ч. I. Преподобный Ниль Сорскій. Спб. 1882, стр. 48—127.

къ жизни дѣйствительной, но когда обращался, то обнаруживалъ идеально-гуманистическое направленіе, какъ въ отношеніяхъ къ еретикамъ, такъ и по вопросу о монастырскихъ владѣніяхъ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ Іосифѣ Волоцкомъ и Нилѣ Сорскомъ мы можемъ наблюдать выраженіе двухъ совершенно противоположныхъ теченій мысли, двухъ міросозерцаній, отчетливо рознившихся между собою въ основѣ, въ содержаніи и въ выводахъ. Въ наукѣ поднимался вопросъ о происхожденіи идей того и другого направленія. Относительно „іосифлянъ“ высказывалось мнѣніе, что ихъ образъ мыслей предполагаетъ западное вліяніе, при чемъ извѣстной ссылкой Геннадія Новгородскаго на примѣръ „шпанскаго короля“, который путемъ инквизиціи очистилъ свою землю отъ еретиковъ (Акты Археогр. Экспед. Т. I, № 380), придавалось вполне реальное значеніе²⁾. Но въ данномъ случаѣ дѣло, повидимому, обстояло проще. Для объясненія ревности Іосифа, его воззрѣній на свѣтскую власть и на монастырскія имущества и вообще всего его настроенія нѣтъ необходимости обращаться къ западу: всѣ эти элементы имѣлись частію въ византійскихъ преданіяхъ, частію въ основахъ самой русской жизни той эпохи; даровитая личность Іосифа живо восприняла эти книжныя и реальныя настроенія русской дѣйствительности и сдѣлало изъ нихъ практическое примѣненіе. Отдѣльные факты такого примѣненія — въ области религіозной нетерпимости — бывали и раньше³⁾. Относительно „заволяжскихъ старцевъ“ также имѣются попытки установить ихъ преемственную связь съ

1) Архангельскій, назв. соч., стр. 128—138.

2) И. П. Хрущовъ сравнивалъ дѣятельность Іосифа съ отношеніемъ французскаго монашества къ альбигойцамъ въ XIII вѣкѣ (назв. соч., вступленіе стр. VII), не дѣлая, впрочемъ, изъ этого сравненія никакихъ прямыхъ заключеній.

3) В. Жмакинъ. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881, стр. 58—60.

иноземными вліяніями. Такъ, К. Ѳ. Радченко категорически устанавливаетъ вліяніе аѳонскихъ „исихастовъ“ и южно-славянскихъ мистиковъ на воззрѣнія Нила Сорскаго и его послѣдователей¹⁾. Но и въ данномъ случаѣ едва-ли есть необходимость выходить за предѣлы русской дѣйствительности. Гуманное и осторожное отношеніе къ заблужденіямъ, сроднымъ еретичеству, нашло себѣ отраженіе, напр., еще въ XIII вѣкѣ въ воззрѣніяхъ Серапіона Владимірскаго²⁾; что же касается созерцательно-мистическаго настроенія Нила, то и въ этомъ отношеніи онъ не стоялъ совершенно одинокимъ въ тогдашней русской жизни, что въ достаточной мѣрѣ показано проф. А. П. Кадлубовскимъ въ анализѣ житійной литературы современной Нилу эпохи³⁾.

Съ другой стороны, то и другое направленіе, „іосифлянъ“ и „заволжскихъ старцевъ“, продолжало существовать и находить себѣ сторонниковъ и въ XVI вѣкѣ — уже послѣ того, какъ оба главные представители этихъ теченій сошли со сцены. Традиціи Іосифа продолжалъ, напр., хотя и въ болѣе мягкой формѣ, митрополитъ Даніиль, а продолжателями Нила по духу явились Максимъ Грекъ, князь А. М. Курбскій и игуменъ Троицкаго монастыря Артемій. Причина живучести этихъ направленій обуславливалась тѣмъ, что и въ самой русской дѣйствительности были на лицо элементы, питавшіе то и другое направленіе. Противоположность этихъ направленій вела или къ открытой борьбѣ, или къ скрытому нерасположенію между ихъ сторонниками. Въ XVI вѣкѣ эта противоположность была закрѣплена весьма интереснымъ литературнымъ памятникомъ — „письмомъ о нелюбкахъ“ между „іосифлянами“ и

1) Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ. Кіевъ 1898, стр. 341—342.

2) Ср. мое изслѣдованіе объ этомъ писателѣ, стр. 147—148.

3) Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ, стр. 353—369.

„заволжскими старцами“¹⁾. Можно сказать, что и въ послѣдующіе вѣка русской литературной жизни оба эти направленія, имѣя подъ собою извѣстную психологическую и историческую основу, продолжали существовать, видоизмѣняясь въ формѣ, въ способахъ и въ поводахъ къ своему обнаруженію, но оставаясь въ своемъ существѣ различными нерѣдко до полной противоположности.

5.

Историческія повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ и о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ. — Сказанія о Флорентійской уніи. — Описанія путешествій въ чужія земли.

Кромѣ разсмотрѣнной выше (стр. 178—182) „Повѣсти о взятіи Царяграда“, слѣдуетъ остановиться здѣсь еще и на другихъ произведеніяхъ этого рода въ XV вѣкѣ: группѣ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ, Повѣсти о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ и Сказаніяхъ о Флорентійской уніи.

Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Несмотря на цѣлый рядъ посвященныхъ имъ изслѣдованій²⁾, произведенія эти до сихъ поръ вызываютъ немало спорныхъ вопросовъ. Онѣ представляютъ собою группу произведеній, изображающихъ и воспѣвающихъ Куликовскую битву 1380 года. По своему содержанію и по духу повѣсти эти примыкаютъ къ болѣе раннимъ произведеніямъ того же рода на тему о татарахъ, а по своей поэтической обработкѣ, по литературнымъ приемамъ обнаруживаютъ тѣсную связь съ Словомъ о Полку Игоревѣ, являясь, т. о., косвеннымъ указаніемъ на извѣстность и поэтическій авторитетъ этого произведенія въ XV

1) Опубликовано А. В. Горскимъ: Отношенія иноковъ Кирилова-Вѣлозерскаго и Іосифова Волоколамскаго монастыря въ XVI вѣкѣ. Приб. къ Твор. Св. Отцовъ, т. X. 1851.

2) Перечень и обзоръ ихъ можно найти въ I главѣ обширной работы С. Шамбинаго: Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1906, стр. 1—47.

вѣкѣ. Кромѣ того, повѣсти эти находятся во внутренней между собой зависимости. Новѣйшій изслѣдователь вопроса, посвятившій ему специальную монографію, г. Шамбинаго считаетъ первой поэтической обработкой сюжета о Куликовской битвѣ произведеніе, которое онъ называетъ „Повѣданіемъ“ и которое раньше было извѣстно въ ученой литературѣ подъ именемъ „Задонщины“ — согласно древнѣйшему его списку, не нашедшему себѣ въ этомъ отношеніи позднѣйшаго подражанія. Онъ полагаетъ, что эта обработка, являющаяся точкой отправленія для всѣхъ послѣдующихъ литературныхъ произведеній той же группы на протяженіи XV—XVII столѣтій, основана на лѣтописной повѣсти о Куликовской битвѣ, составленной въ Москвѣ въ концѣ XIV вѣка вскорѣ послѣ самого событія и внесенной въ составъ лѣтописи (Новгородскую IV, Софійскую I и Воскресенскую); временемъ возникновенія этой поэтической обработки онъ считаетъ первую четверть XV вѣка; авторъ ея точно неизвѣстенъ, но, судя по указанію разныхъ списковъ повѣсти („Софонія іерея рязанца“, „Софонія рязанца“, „брянскаго боярина“ и т. п.), изслѣдователь полагаетъ, что имъ могъ быть какой-то брянскій бояринъ, сдѣлавшійся впоследствии іереемъ Софоніемъ, котораго нѣкоторые списки ошибочно называютъ Софроніемъ; сочиненіе это написано было съ цѣлію прославленія главныхъ участниковъ знаменитой битвы, русскихъ князей Дмитрія Ивановича и Владиміра Андреевича, при чемъ авторъ черпалъ свой матеріалъ не только изъ лѣтописной повѣсти, но и изъ устныхъ преданій; въ общемъ планѣ и въ отдѣльныхъ образахъ и выраженіяхъ онъ подражалъ Слову о Полку Игоревѣ¹⁾. Древнѣйшій текстъ этой обработки, по списку XV вѣка Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, напечатанъ арх. Варлаамомъ въ 1859 году²⁾.

1) Назв. соч., стр. 132—134.

2) Описаніе сборника XV вѣка Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Ученыя Записки II Отд. Ак. Наукъ, кн. V (1859), стр. 57—60.

Второй поэтической обработкой данного сюжета, гораздо болѣе пространной и получившей широкую извѣстность, г. Шамбинаго считаетъ ту, которая ранѣе была извѣстна въ ученой литературѣ подъ именемъ „Повѣданія и сказанія о побойщѣ вел. кн. Дмитрія Донского“, но которой онъ усвояетъ названіе просто „Сказанія“. Эта обработка возникла въ видѣ подражанія „Повѣданію“. Въ ней, въ свою очередь, могутъ быть отмѣчены четыре редакціи, явившіяся въ теченіе XV—XVII вв. подъ перомъ русскихъ книжниковъ, интересовавшихся столь популярнымъ сюжетомъ. Первую редакцію авторъ относитъ ко второй четверти XV вѣка, называя ее „Кипріановской“, т. к. она подчеркиваетъ заслуги митрополита Кипріана и, можетъ быть, составлена кѣмъ-либо изъ его сторонниковъ; великій князь Дмитрій изображенъ тутъ сравнительно блѣдно и лишеннымъ инициативы: исходъ битвы былъ predeterminedъ свыше. Вторая редакція возникла во второй половинѣ XVI вѣка, слѣд. болѣе чѣмъ черезъ столѣтіе послѣ первой; тутъ устранено все, касавшееся восхваленія митрополита Кипріана и, напротивъ, выдвинута личность обоихъ князей Дмитрія и Владиміра; въ основу положена идея о Москвѣ, какъ политическомъ центрѣ и какъ центрѣ православія. Третья редакція развилась изъ второй въ XVI—XVII и даже въ XVIII в.; тутъ подчеркнутъ престижъ царской власти московскаго государя. Наконецъ, четвертая редакція, явившаяся во второй половинѣ XVII вѣка, лишена какой бы то ни было руководящей точки зрѣнія, обнаруживая свой вполне компилятивный характеръ. Имена авторовъ этихъ редакцій неизвѣстны¹). Текстъ I редакціи „Сказанія“ напечатанъ въ 1838 году И. Снегиревымъ (Русскій Историческій Сборникъ III, кн. 1), а тексты остальныхъ установленныхъ г. Шам-

1) Тамъ же, стр. 180—185. 218—220. 310—312. 348—349.

бинаго редакцій — въ приложеніяхъ къ изслѣдованію послѣдняго (стр. 3—128).

Выводы, къ которымъ пришелъ г. Шамбинаго въ своемъ изслѣдованіи, имѣють цѣну главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что вносятъ извѣстную ясность въ сложный и запутанный вопросъ о многочисленныхъ литературныхъ обработкахъ даннаго историческаго сюжета. Представленная имъ схема, въ основныхъ своихъ чертахъ, подтверждаетъ прежнее болѣе или менѣе установившееся въ литературѣ мнѣніе о двухъ главныхъ видахъ поэтической обработки сюжета о Куликовской битвѣ („Задонщины“ — у г. Ш. „Повѣданія“ и „Повѣданія и сказанія“ — у г. Ш. просто „Сказанія“). Однако этотъ болѣе или менѣе традиціонный взглядъ встрѣчаетъ возраженіе въ одномъ изъ критиковъ труда г. Шамбинаго, А. В. Марковъ, который не только отрицаетъ нѣкоторыя частныя утвержденія Ш. (напр., его новую терминологію въ обозначеніи разбираемыхъ памятниковъ; возникновеніе лѣтописной повѣсти въ Москвѣ — б. м. она возникла въ Смоленскѣ; предположеніе относительно „брянскаго боярина“, какъ автора „Повѣданія“, считаетъ не состоятельнымъ; II ред. Ш. считаетъ древнѣе I-ой и т. д.), но высказываетъ и болѣе общую мысль о томъ, что „Сказаніе“, по терминологіи Ш., является болѣе первичнымъ литературнымъ произведеніемъ, нежели „Повѣданіе“¹⁾. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ однимъ изъ такихъ вопросовъ, на безусловное разрѣшеніе котораго нельзя надѣяться по самому характеру имѣющихся данныхъ.

Намъ представляется заслуживающей полнаго вниманія аргументація г. Маркова въ пользу того мнѣнія, что т. наз. „Сказаніе“ по терминологіи г. Ш. древнѣе „Повѣданія“ и что именно II его редакція является первичной; составле-

1) Ж. М. Н. Пр. 1908 № 4. стр. 433—446.

ніе ея критикъ относитъ къ концу XIV вѣка и во всякомъ случаѣ до 1405—1411 года (назв. ст., стр. 441—442. 444).

Что же представляетъ собою этотъ памятникъ — вѣро-
ятнѣ всего, начала XV вѣка — который, безъ большого
риска, можно считать типическимъ выраженіемъ литера-
турно-поэтической работы надъ сюжетомъ о Куликовской
битвѣ въ разсматриваемую эпоху?

Въ немъ можно выдѣлить три части: событія до битвы,
самая битва и событія послѣ битвы. Въ первой части раз-
сказывается, какъ „нѣкоторый царь отъ восточныя страны
именемъ Мамай“, „идоложрецъ и иконоборецъ злый, хрестъ-
янскій ненавистникъ и разоритель“, завидуя славѣ Батыя,
взявшаго нѣкогда Кіевъ и Владиміръ, отправился походомъ
на русскую землю съ цѣлю овладѣть Москвой. Услышавъ
объ этомъ, Олегъ Рязанскій, у котораго „бысть скудость ума
во главѣ и сотона вложи ухищреніе въ сердце его“, вра-
ждуя съ московскимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, за-
явилъ письмомъ Мамаю о своей преданности, обѣщалъ свою
помощь и къ тому же склонилъ литовскаго князя Ягайлу Оль-
гердовича. Услышавъ о движеніи Мамай, Дмитрій Ивановичъ
сталъ готовиться къ отпору, ища совѣта у митрополита Ки-
пріана и ратной помощи у брата князя Владиміра Андреевича
и другихъ русскихъ князей, обѣщавшихъ ему твердо по-
стоять за русскую землю. Когда спѣшныя приготовленія къ
походу были окончены, князь Дмитрій Ивановичъ посѣтилъ
въ Троицкой обители преп. Сергія, который не только
благословилъ его, но и далъ ему въ помощь двухъ иноковъ,
Пересвѣта и Ослябю. По возвращеніи изъ обители въ Москву,
князь, помолившись Пречистой Богородицѣ и попрощавшись
съ женою, выступилъ въ походъ, отправивъ брата своего
къ той же цѣли другой дорогою. Оба князя и другіе ихъ
соратники, князья и воеводы, съ многочисленнымъ воин-
ствомъ собрались у Коломны, чтобы отсюда вмѣстѣ идти
на встрѣчу съ непріателемъ. Между тѣмъ какъ измѣнники

Олегъ и Ягайло готовили свою помощь Мамаю, ища погибели московскаго князя, два другіе Ольгердовича, Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій, рѣшили стоять за Дмитрія и вскорѣ соединили свои полки съ его воинствомъ. Когда всѣ силы были собраны, князья рѣшили перейти Донъ, чтобы отрѣзать робкимъ всякіе пути отступленія. Наконецъ, въ ночь на праздникъ Рождества Богородицы 8 сентября обѣ вражскія рати близко подошли другъ къ другу, и на другой день предстоялъ бой. Тутъ начинается вторая часть повѣсти. Битва описана очень живыми красками: отмѣчены распорядительность и храбрость Дмитрія, самоотверженіе воинства, поединокъ Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ „печенегомъ“; къ концу дня татары уже готовы были нанести послѣдній ударъ, какъ вышелъ изъ засады со своимъ свѣжимъ войскомъ Владиміръ Андреевичъ и рѣшилъ исходъ битвы. Князь Дмитрій благодарилъ Бога и воздалъ славу князьямъ, оставшимся въ живыхъ и умершимъ въ сраженіи; затѣмъ, съ торжествомъ отправился въ Москву. Въ небольшой третьей части разсказывается о судьбѣ Мамаю, на котораго напалъ другой „царь съ востока, именемъ Тахтамышъ изъ Синія Орды“: Мамаю загнанъ былъ въ Кауу и тамъ убитъ. Повѣсть оканчивается сообщеніемъ, что, не смотря на побѣду надъ Мамаемъ, русскіе князья отпустили съ честью и съ дарами пословъ Тахтамыша, а весной каждый изъ нихъ послалъ въ Орду своихъ „киличеевъ“ со многими дарами.

Повѣсть написана съ явнымъ сочувствіемъ къ московскому великому князю и съ негодованіемъ противъ поступка рязанскаго и литовскаго князей. Разсказъ оживленъ многими поэтическими образами, взятыми изъ области народно-поэтическаго творчества и въ то же время напоминающими нѣкоторыя мѣста изъ Слова о Полку Игоревѣ, съ которыми у автора „Сказанія“ несомнѣнно имѣется извѣстная связь. Вотъ примѣры. Изъ описанія послѣднихъ приготовленій къ выступленію въ походъ: „Убо, братіе, стукъ стучить а

громъ гремятъ въ славномъ градѣ Москвѣ; стукъ стучить великая рать великаго князя Дмитрія Ивановича, а гремятъ русскіе удалцы злечеными шеломы и доспѣхи“ (у. Ш., въ прилож. стр. 11). „Князь же великій вступивъ въ златое свое стремя и сѣде на любезный свой конь, и вси князи и бояре всѣдоша на свои кони, и воеводы поѣхаша, а солнце имъ со востока сіяетъ, а по нихъ кроткій вѣтрѣцъ вѣетъ. Ужъ бо тогда аки соколы рвахуся отъ златыхъ колодицъ, а то рвахутся князи Бѣлозерскія изъ камена града Москвы, выѣхали своимъ полкомъ. . .“. „Великая же княгини Овдотья со снохою своею и съ иными княгинями и съ воеводскими женами вниде во свой златоверхій теремъ набережный и сѣде подъ южнымъ окномъ и рече: ужъ бо на тя конечное зрю, на своего государя великаго князя. А въ слезахъ не можетъ слова прорещи, и слезы льются аки рѣчныя струя. . .“ (стр. 15). „Тогда же возвѣяше силніи вѣтры по Березовице широче, тогда воздвигошася великія князя русскія, а по нихъ дѣти боярскіе успѣшно грядутъ, аки чаши медвяныя пити и стеблѣя виннаго ясти, но хотятъ чести добыти и славнаго имени въ вѣки. Возвѣявшу со востока вѣтру, а въ немъ громъ и молнія, но ни громъ, ни вѣтръ, но стукъ стучить и громъ гремятъ по зорѣ по ранней: возится князь Володимеръ Андреевичъ реку Москву на красномъ перевозѣ Брашевскомъ“ (стр. 16). Передъ самой битвой: „Князь же великій поймъ брата своего князя Володимера и литовскіе князи и вси князи и воеводы и выѣхаша на мѣсто высоко и видѣвъ образъ Спасовъ воображенъ во христіанскихъ знаменіихъ, аки нѣкія свѣтилницы солнечныя, луча испущающе и всюдѣ свѣтящеся, озаряюще все христіанское всинство, и стязи ревутъ наволоченыя, простирающеся, аки облаци тихо трепещуще, хотятъ промолвити, а у богатырей горугови аки живи пашутся, доспѣхи жъ русскія аки вода сильная во вся вѣтры колебашеся, и шеломы на главахъ ихъ аки утренняя зоря во время солнца ведре-

наго свѣтящся, еловци же шеломовъ ихъ аки поломя огня-ное пашетца, мысленно бо видѣти и жалостно слышати та-ковое русскихъ князей собраніе и удалыхъ витязей учре-жденіе... (стр. 23). „Ужъ ночь приспѣ светоноснаго празд-ника Рождество Святѣя Богородица. Дни же одолжив-шуся и сіяюще, бысть же тогда теплота и тихость въ но-щи той, и мрачныя росы явишася... По десной же странѣ во-рони кличуть и бысть гласъ великъ птичъ, вранове же играютъ по речѣ той аки горы колыбашеся, по речѣ той по Непрядвѣ гуси и лебеди непрестанно крылы плещуще, не-обычную грозу подають“ (стр. 25) и т. п. Авторъ постоянно оживляетъ свое повѣствованіе діалогической формой из-ложенія, вставкой многихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, послѣ которыхъ онъ снова возвращается „на подлежащее“. Есть отдѣльныя лирическія мѣста, вродѣ приведеннаго только что описанія всѣхъ русскихъ князей передъ битвой, но въ общемъ преобладаетъ элементъ эпическій. Отличительной особенностью, сравнительно со Сл. о П. И., въ отношеніе литературныхъ приемовъ является въ „Сказаніи“ преоблада-ніе въ авторѣ христіанско-религіознаго настроенія. Въ этомъ отношеніи „Повѣданіе Софоніи“ (или по прежнему „Задон-щина“) гораздо ближе стоитъ къ знаменитой поэмѣ XII вѣка: тамъ авторъ воспоминаетъ въ началѣ „вѣщаго Бояна въ городѣ Кіевѣ, гораздо гудца“, который, „воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскимъ княземъ“, а въ концѣ помѣщенъ плачъ русскихъ женъ о по-гибшихъ князьяхъ: „Доне, Доне, быстрый Доне! Прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси березы хараужныя, при-лелѣй моего Микулу Васильевича...“ и т. д. (Арх. Вар-лаамъ. Описаніе Сборника XV ст., стр. 57. 60). Эта сте-пень близости разныхъ обработокъ нашего памятника къ Слову о Полку Игоревѣ¹⁾ служила для прежнихъ из-

1) Вопросъ объ этой близости детально разсмотрѣнъ у А. И. Смир-нова: О Словѣ о Полку Игоревѣ. Вып. II (1879), стр. 135—180.

слѣдователей однимъ изъ важныхъ мотивовъ къ установленію ихъ сравнительной древности, но въ дѣйствительности за такой точкой зрѣнія едва ли можно признать рѣшающее значеніе, такъ какъ близостью къ Слову о П. И. далеко не исчерпывается ни содержаніе, ни обработка отдѣльных видовъ Повѣсти о Куликовской битвѣ, не говоря уже о томъ, что установленная согласно этой точкѣ зрѣнія схема заводи́ла многихъ изслѣдователей (напр. Снегирева, Тимофеева и др.), при первой попыткѣ разрѣшенія вопросовъ фактического характера — напр., относительно имени авторовъ этихъ произведеній, времени и мѣста ихъ сочиненія — въ дебри неясностей и противорѣчій.

Повѣсть о Мутьянскомъ (Мутьянскомъ) воеводѣ Дракулѣ. Этотъ памятникъ представляетъ собою произведеніе, относительно котораго также не все ясно. Содержаніе повѣсти таково. Въ Мутьянской землѣ, подѣ которой надо разумѣть Молдавію, былъ воевода „греческой вѣры христіанинъ“, именемъ Дракула „латынскимъ языкомъ, а нашимъ дьяволъ рускимъ“. Однажды пришелъ къ этому воеводѣ отъ турецкаго султана посолье со свитой. Поклонившись воеводѣ, люди эти не сняли шапокъ; когда же онъ спросилъ ихъ о причинѣ такого неприличія и получилъ отвѣтъ, что въ ихъ странѣ такой обычай, то велѣлъ эти шапки прибить имъ къ головамъ гвоздями, насмѣшливо прибавивъ при этомъ, что желаетъ тѣмъ лишь подтвердить ихъ обычай. Султанъ разсердился и пошелъ на Дракулу съ большимъ войскомъ; тотъ, удовольствовавшись первымъ успѣхомъ, вернулся домой и сталъ разсматривать раны своихъ оставшихся воиновъ; у кого рана спереди — того награждалъ, а у кого сзади — того садилъ на колѣ. Услышавъ объ этомъ, султанъ испугался, воротился домой и вскорѣ прислалъ къ Дракулѣ пословъ съ изъявленіемъ покорности и предложеніемъ дани. Но Дракула опять употребилъ тутъ особый пріемъ; онъ сказалъ, что желаетъ самъ поступить

на службу къ султану, и когда тотъ, обрадовавшись этому, велѣлъ по всей своей землѣ оказывать воеводѣ почести, Дракула, вступивъ въ турецкую землю со своимъ войскомъ, началъ опустошать села и города, избивать и садить на колья молодыхъ и старыхъ, а къ султану послалъ пословъ съ такимъ порученіемъ: „скажите царю, что видѣли; сколько могъ, столько ему и послужилъ; если ему моя служба угодна, то могу и еще послужить“. О Дракулѣ далѣе въ повѣсти рассказывается, что въ своей землѣ онъ дѣлалъ чрезвычайныя жестокости, руководясь, впрочемъ, всегда добрымъ намѣреніемъ. Особенно каралъ онъ грѣхъ прелюбодѣянія. Наказывалъ онъ также и тѣхъ, кто не умѣлъ давать ему умныхъ отвѣтовъ, и награждалъ, напротивъ, тѣхъ, которые умно отвѣчали. Такъ, пришелъ къ нему однажды отъ венгерскаго короля посолъ, „ляхъ родомъ, немалъ человѣкъ“. Воевода указалъ ему на золотой колъ и спросилъ, для чего, по его мнѣнію, этотъ колъ; тотъ отвѣтилъ, что этотъ колъ предназначенъ, вѣроятно, для тѣхъ, кого воевода захочетъ покарать особенно почетной смертью, и когда Дракула сказалъ, что этотъ колъ именно для него, то посолъ отвѣтилъ: „если я совершилъ что-нибудь достойное смерти, то дѣлай что хочешь; ты праведный судья“. Этотъ отвѣтъ понравился Дракулѣ, и онъ не только не покаралъ посла, но и съ большими подарками отпустилъ его домой. Однажды Дракула обѣдалъ и принималъ иностранныхъ пословъ среди кольевъ, на которыхъ сидѣли человѣческіе трупы. Одинъ изъ слугъ, не будучи въ состояніи перенести ужаснаго смрада, заткнулъ носъ и отвернулся, но Дракула, узнавъ причину этого поступка, велѣлъ слугу самого посадить на колъ, прибавивъ: „тамъ ти есть высоко, ино смрадъ тебя не дойдетъ“. Другой разъ онъ объявилъ по всей землѣ, что пусть всѣ, кто боленъ, слѣпъ или хромъ, придутъ къ нему — и онъ освободитъ ихъ отъ печали. Дѣйствительно, къ нему собралось много всякаго рода больныхъ, ожидая

милости. Дракула, собравъ ихъ въ большую палату и обильно угостивъ, спросилъ потомъ, не желаютъ ли они, чтобы онъ совершенно освободилъ ихъ отъ нужды и горя на этомъ свѣтѣ; получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ велѣлъ зажечь палату, и всѣ они сгорѣли. Затѣмъ Дракула совершилъ еще цѣлый рядъ новыхъ жестокостей: посадилъ на колъ пришедшаго къ нему монаха-католика за то, что тотъ не одобрилъ его поступковъ и въ жертвахъ Дракулы усмотрѣлъ невинныхъ мучениковъ и страдальцевъ; велѣлъ отсѣчь руки женѣ одного человѣка и трупъ ея посадить на колъ за то, что у мужа ея была изодрана рубанка и т. д. Наконецъ, Дракула самъ попалъ въ руки венгерскаго короля, который посадилъ его въ темницу въ Вышгородѣ, на Дунаѣ. Но и въ темницѣ Дракула не оставилъ своихъ жестокихъ привычекъ: онъ ловилъ и покупалъ мышей и птицъ и сажалъ ихъ на колъ или отсѣкалъ имъ головы; затѣмъ Дракула былъ выпущенъ изъ темницы и поселенъ въ одномъ домѣ въ Пештѣ. Когда потомъ тогдашній мутьянской воевода умеръ, то король снова предложилъ воеводство Дракулѣ, если тотъ пожелаетъ принять латынскую вѣру, и тотъ дѣйствительно на это согласился, „возлюби паче врѣменная безконечнаго, отпаде православія и отступи истины, оставивъ свѣтъ и пріавъ тьму“. Король выдалъ за него свою сестру, отъ которой воевода имѣлъ двухъ сыновей. Смерть Дракулы произошла при необыкновенныхъ обстоятельствахъ: во время войны съ турками онъ былъ убитъ своими же, неузнанный и принятый за врага. Повѣсть оканчивается сообщеніемъ о назначеніи въ Мутьянскую землю новаго воеводы Влада ¹⁾.

Прежде всего является вопросъ о происхожденіи этой

1) Памятники старинной русской литературы. Изд. гр. Кушелева-Безбородко, вып. I, стр. 399—402; А. Пыпинъ. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 344—349.

повѣсти. А. Х. Востоковъ, описывая одинъ изъ рукописныхъ сборниковъ XV—XVI вѣка (Рум. Муз. № 358), заключающій это произведеніе, высказалъ предположеніе о русскомъ происхожденіи повѣсти и даже объ ея авторѣ. Именно, на основаніи словъ въ концѣ повѣсти о томъ, что король Матеей, послѣ смерти Дракулы, взялъ свою сестру съ сыновьями въ Будинъ и что „единъ при кралеве сынъ живеть, а другой у бордонскаго бискупа былъ и при насъ умре, а третій старшій Михаилъ тутъ же на Будинѣ видѣхомъ“, Востоковъ заключилъ, что авторъ былъ очевидцемъ нѣкоторыхъ описанныхъ имъ событій и что такимъ лицомъ вѣроятнѣе всего считать извѣстнаго дьяка Федора Курицына, котораго вел. кн. Иванъ Васильевичъ посылалъ въ 1482 году къ венгерскому королю для утвержденія мирнаго договора, или кого-либо изъ его свиты¹⁾. Мысль эта однако же нашла себѣ возраженіе у А. Н. Пыпина, который полагалъ²⁾, что означенная прибавка личнаго характера, находящаяся не во всѣхъ спискахъ, можетъ принадлежать читателю, а не сочинителю повѣсти, причемъ онъ отмѣтилъ, что нѣкоторыя особенности языка въ Румянцевскомъ спискѣ, описанномъ Востоковымъ, „скорѣе называютъ не на русское, а на южно-славянское начало повѣсти“. Далѣе, по данному вопросу высказался въ краткой замѣткѣ Ѳ. И. Буслаевъ³⁾. Встрѣтивъ въ знаменитой нѣмецкой Космографіи Себастіана Мюнстера (XVI в.) указаніе на повѣсть о Дракулѣ, авторъ выразилъ мнѣніе, что повѣсть эта возникла на западѣ вскорѣ послѣ смерти Дракулы, случившейся въ первой половинѣ XV вѣка, и тогда же перешла къ намъ въ переводѣ; Буслаевъ однако пола-

1) Описаніе рукописей Румянцовскаго Музея, стр. 511—512.

2) Очеркъ литературной исторіи, стр. 217.

3) Для опредѣленія иностранныхъ источниковъ повѣсти о Мутянскомъ воеводѣ Дракулѣ. Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихоновоымъ. Т. V (1863), смѣсь, стр. 84—86.

галъ, что русская редакція повѣсти есть древнѣйшая и что Мюнстеръ могъ заимствовать свой разсказъ „изъ какой-нибудь венгерской хроники, куда вошла повѣсть уже въ сокращеніи“; наконецъ, онъ отмѣтилъ и особенный національный интересъ, который имѣла эта повѣсть въ Россіи, въ виду факта первоначальнаго православія Дракулы и позднѣйшаго перехода его въ католичество. Слѣдующее мнѣніе по этому вопросу принадлежитъ П. А. Сырку: въ сдѣланномъ имъ докладѣ объ источникахъ нашей повѣсти въ германо-романскомъ отдѣленіи Филологическаго Общества при Петербургскомъ Университетѣ въ 1889 году, покойный славистъ поддержалъ мысль Буслаева о западномъ происхожденіи памятника, причемъ склоненъ былъ признавать въ переходѣ его на русскую почву посредничество польской литературы¹⁾. Наконецъ, въ 1896 году появилось изслѣдованіе румынскаго ученаго Ивана Богдана о Владѣ Цепешѣ, историческомъ прототипѣ нашего Дракулы, бывшемъ валашскимъ господаремъ въ 1456—1462 и 1476 годахъ; нашей повѣстью авторъ интересуется лишь какъ историческимъ источникомъ для освѣщенія личности Цепеша и признаетъ ея русское происхожденіе; западныя произведенія на ту же тему, и въ томъ числѣ нѣмецкое, имѣютъ, по его мнѣнію, также сомнительное происхожденіе и по содержанію значительно разнятся отъ русской повѣсти; на основаніи языка русской повѣсти, авторъ полагаетъ, что она могла быть написана гдѣ-либо на западѣ Россіи, м. б. въ Псковѣ²⁾. Т. о., у новаго изслѣдователя вопросъ о происхожденіи нашей повѣсти получаетъ то самое предположительное рѣшеніе, которое дано ему было еще Востоковымъ.

1) Сообщеніе о рефератѣ Сырку см. въ Ж. М. Н. Пр. 1891 № 10, стр. 18—19.

2) См. объ этой книгѣ цѣнную замѣтку А. И. Яцимирскаго: Повѣсть о Мутыянскомъ воеводѣ Дракулѣ въ изслѣдованіи румынскаго ученаго. Изв. II Отд. А. Н., II (1897), кн. 4, стр. 940—963. Здѣсь, на стр. 957—959, данъ перечень списковъ повѣсти въ русскихъ библіотекахъ.

Являясь русскимъ произведеніемъ лишь предположительно, повѣсть о Дракулѣ во всякомъ случаѣ имѣетъ отношеніе къ живымъ интересамъ русской жизни. Съ одной стороны, въ ней выразительно подчеркнута измѣна Дракулы православію. Въ первую половину своей дѣятельности Дракула вѣренъ православію и ради этого авторъ какъ бы прощаетъ ему его жестокости; описывая коварное нападеніе на турецкую землю, онъ говоритъ, что Дракула „всю ту землю пусту вчини и многъ христьянъ [т. е. православныхъ] во свою землю плѣненныхъ возврати“, а печальный конецъ Дракулы приводитъ въ связь не столько съ его предшествующими жестокостями, сколько съ измѣной православію, когда тотъ оставилъ „православную вѣру христіанскую греческую“ и принялъ „латынскую прелесть“. Принимая въ соображеніе это обстоятельство, я считаю мало вѣроятнымъ предположеніе объ авторствѣ Ѳеодора Курицына относительно нашей повѣсти: видный участникъ въ средѣ жиновствующихъ, онъ едва ли бы сталъ подчеркивать господствовавшій у насъ традиціонный взглядъ на православіе и католичество въ такой степени, какъ это мы видимъ въ повѣсти. Съ другой стороны, автору повѣсти по душѣ и самовластіе Дракулы, переходящее всякіе предѣлы жестокости. Если вспомнить успѣхъ идеи московскаго самодержавія въ XV вѣкѣ, то такое настроеніе въ повѣсти нужно признать также довольно общимъ; но эта подробность, по моему мнѣнію, скорѣе указываетъ на московское происхожденіе повѣсти, нежели на западное или въ частности псковское, гдѣ именно зарождались и находили себѣ пищу теченія съ характеромъ протеста противъ Москвы. Весьма любопытно указаніе Буслаева (назв. ст., стр. 86) на то, что „со временъ Ивана Грознаго повѣсть о Дракулѣ получила для нашихъ предковъ новый интересъ по сближенію, которое дѣлали между жестокостями обоихъ этихъ правителей; такъ, эпизодъ о пригвожденныхъ къ головамъ шапкахъ

иностранныхъ пословъ приписывался Ивану Грозному“. Итакъ, въ повѣсти о Дракулѣ мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, съ русскимъ произведеніемъ, написаннымъ на популярную также и на западѣ тему, при чемъ въ основѣ сюжета лежала вполне реальная историческая личность; повѣсть, вѣришь всего, была составлена въ Москвѣ или вообще въ ближайшихъ предѣлахъ ея культурно политическаго вліянія, отражая на себѣ популярныя тенденціи церковно-религіознаго и политическаго міровоззрѣнія XV вѣка. Въ этомъ отношеніи совершенно невозможно согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ относительно этой повѣсти еще Н. М. Карамзинымъ (И. Г. Р. VII, изд. Эйнерлинга, ст. 139), который склоненъ былъ усматривать въ ней произведеніе „остроумія и воображенія“, нѣчто вродѣ „романа“: едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что русскіе читатели XV вѣка видѣли въ повѣсти о Дракулѣ не вымыселъ, а дѣйствительные факты, достойные то сочувствія, то порицанія.

Сказанія о Флорентійской уніи. Событія Ферраро-Флорентійскаго собора 1438—1439 года, на которомъ провозглашена была унія между православной и католической церквами и гдѣ представителемъ отъ русской церкви былъ московскій митрополитъ Исидоръ, вызвали въ XV—XVI в. рядъ произведеній, облеченныхъ въ разнообразную форму, начиная отъ простыхъ путевыхъ замѣтокъ и кончая попытками историко-прагматическаго изложенія¹⁾. Собственно-литературное значеніе ихъ не велико, уступая свое мѣсто значенію этихъ памятниковъ для русской церковной исторіи. Но общій характеръ, который получали вѣроисповѣдныя вопросы въ древнюю пору, отражая собою современныя настроенія чувства и мысли, не позволяетъ здѣсь совершенно обходить молчаніемъ означенную группу памятниковъ, орга-

1) Общее обозрѣніе этихъ произведеній можно найти въ статьѣ Ѳ. Делекторскаго „Критико-библіографическій обзоръ древне-русскихъ сказаній о Флорентійской уніи“. Ж. М. Н. Пр. 1895 № 7, стр. 131—184.

нически примыкающую къ тѣмъ же теченіямъ религіозной мысли, которыя мы видѣли въ разобранныхъ уже памятникахъ русской литературы XV вѣка: общій подъемъ православнаго настроенія въ духѣ византійскихъ традицій и мысль о необходимости для Москвы выступать представительницей и хранительницей православія въ границахъ болѣе широкихъ, чѣмъ интересы собственно русской церкви, явились основой и для появленія памятниковъ названной литературной группы.

Не входя въ подробности, достаточно остановиться въ интересахъ литературной характеристики XV вѣка изъ этой — впрочемъ, небольшой — группы литературныхъ явленій на іеромонахъ Симеонъ. Сужденія объ этомъ авторѣ и его произведеніяхъ не представляются пока въ нашей наукѣ вполне опредѣленными. Когда митрополитъ Исидоръ отправлялся на Ферраро-Флорентійскій соборъ, онъ взялъ себѣ въ спутники суздальскаго епископа Авраамія, а послѣдній назначилъ состоять при себѣ еще двухъ лицъ — свѣтскаго чиновника архіерейскаго суздальскаго двора, неизвѣстнаго намъ по имени, и другого суздальца — нашего іеромонаха Симеона: повидимому, первому поручено было описаніе пути русскихъ іерарховъ на соборъ и обратно, а второму — описаніе самаго собора и соборныхъ преній. Результатомъ литературной работы неизвѣстнаго суздальца явились его Путевыя Записки, описывающія путь отъ Москвы до Флоренціи и отъ Флоренціи до Суздаля. Въ старое время онѣ распространены были въ нѣсколькихъ спискахъ ¹⁾ и въ не полномъ видѣ напечатаны еще Н. И. Новиковымъ въ его „Древней Россійской Вивліюникѣ“ ²⁾, вмѣстѣ съ другимъ произведеніемъ изъ нашей литературной группы — „Повѣстью объ осьмомъ (Ферраро - Флорентійскомъ) соборѣ“.

1) „Вѣрную копію оригинала“ ихъ Ѳ. Делекторскій усматриваетъ въ рук. Московскаго Публ. Музея № 939, л. 43—58, XVII в. (назв. ст., стр. 135).

2) 1 изд. въ IV ч., стр. 293—321; 2 изд. въ VI ч., стр. 27—48.

Иеромонаху Симеону приписывается три сочинения: „Повѣсть како римскій папа Евгеній состави осмый соборъ съ своими единомышленники“ (или иначе: „Исидоровъ соборъ и хоженіе его“), „Слово избрано еже на латыню“ и Описаніе путешествія въ Италію. Однако вѣроятность принадлежности всѣхъ этихъ произведеній нашему автору далеко не одинакова. Что касается, прежде всего, „Повѣсти“, то въ принадлежности ея Симеону едвали можно сомнѣваться; въ ней онъ нѣсколько разъ называетъ себя по имени („мнѣ ту бывшу попу именемъ Симеону, то вся видѣвши и слышавши, и писавшу ми въ той часъ . . .“; „мнѣ же Симеону о томъ почюдившуся . . .“ и т. п.). Повѣсть составилаь изъ записокъ, которыя были ведены Симеономъ во время пребыванія на соборѣ. Отправившись на соборъ вмѣстѣ съ Исидоромъ и убѣдившись тамъ въ его неправомыслии и отступленіи отъ православія, Симеонъ оставилъ митрополита и изъ Венеціи, вмѣстѣ съ великокняжескимъ посломъ Ѳомой, выѣхалъ въ Россію, гдѣ прежде всего нашелъ пріютъ у новгородскаго владыки Евѡимія; здѣсь онъ и написалъ свою „Повѣсть“ — очевидно, не ранѣе марта 1458 года, когда умеръ Евѡимій, но и не вскорѣ послѣ возвращенія въ Россію, а, напротивъ, спустя довольно значительное время, и именно во второе посѣщеніе Евѡимія, претерпѣвъ между первымъ и вторымъ у него пребываніемъ рядъ злоключеній, явившихся результатомъ его отношенія къ отступничеству Исидора¹⁾. „Повѣсть“ Симеона была издана нѣсколько разъ и по разнымъ спискамъ митр. Макаріемъ²⁾, А. Поповымъ³⁾, А. С. Павловымъ⁴⁾. „Слово избрано еже на латыню“

1) Ѳ. Делекторскій, назв. соч., стр. 138—143.

2) Матеріалы для исторіи русской церкви. Ч. I Харьковъ 1861, стр. 60—75.

3) Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.). М. 1875, стр. 344—359.

4) Рецензія на назв. соч. А. Попова: Отчетъ о 19-мъ присужденіи награды графа Уварова. СПб. 1878, стр. 384—396.

представляет собою сочинение сборного характера, направленное против Исидора и постановлений „осьмого“ собора; элемент повѣствовательный перемѣпанъ въ немъ съ полемическимъ, личный рассказъ автора съ документами, напр. грамотами самого Исидора; сочинение написано въ приподнятомъ тонѣ, слогомъ витѣватымъ и довольно многорѣчиво. Издано оно А. Поповымъ ¹⁾, который приписывалъ его авторство „одному изъ русскихъ епископовъ“ и полагалъ, что оно составлено около 1461 года, такъ какъ въ немъ говорится о поставленіи въ московскіе митрополиты Θεодосія, что именно въ означенномъ году имѣло мѣсто ²⁾. А. С. Павловъ, напротивъ, выразилъ предположеніе, что сочинение это есть трудъ Пахомія Логовета ³⁾, а Θ. Делекторскій, подвергая подробному анализу доводы Павлова, считаетъ „Слово“ произведеніемъ того же іеромонаха Симеона, которому принадлежитъ и „Повѣсть“ ⁴⁾. Наконецъ, этотъ послѣдній авторъ полагаетъ ⁵⁾ принадлежащимъ перу Симеона также и описаніе путешествія въ Италію, изданное И. Сахаровымъ въ 1849 году ⁶⁾, хотя самъ издатель считалъ лицо инока Симеона „неразгаданнымъ“ и совершенно справедливо усмотрѣлъ противорѣчіе въ этомъ описаніи съ тѣмъ, что самъ же іеромонахъ Симеонъ рассказываетъ въ несомнѣнно принадлежащей ему „Повѣсти“: именно, въ Повѣсти, какъ было упомянуто, говорится о бѣгствѣ Симеона вмѣстѣ съ посломъ Θомой изъ Венеціи въ Россію, а въ Путешествіи авторъ говоритъ о своемъ совмѣстномъ возвращеніи послѣ собора съ Исидоромъ (стр. 79); точно также и осторожный А. Поповъ уклонился отъ положительнаго рѣшенія этого вопроса въ ту или другую

1) Назв. соч., стр. 360—395.

2) Стр. 359.

3) Рецензія, стр. 285—288.

4) Назв. соч., стр. 146—157.

5) Назв. соч., стр. 157—165.

6) Сказанія русскаго народа. Т. II, кн. 8, стр. 77—90.

сторону, за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ¹⁾. Мы, со своей стороны, не имѣя возможности входить здѣсь въ подробныя разсужденія, считаемъ аргументацію *Θ. Делекторскаго* относительно принадлежности іеромонаху Симеону „Слова“ и описанія путешествія недостаточно обоснованной, страдающей внутренними противорѣчіями и въ то же время слишкомъ искусственной, въ особенности касательно второго произведенія, и полагаемъ, что внѣ сомнѣнія стоитъ лишь авторство Симеона относительно „Повѣсти“ о восьмомъ соборѣ.

Что же такое представляетъ собою эта „Повѣсть“?

Изложеніе „Повѣсти“²⁾ обнаруживаетъ извѣстный планъ. Въ началѣ помѣщено небольшое вступленіе, въ которомъ сообщается о рѣшеніи папы Евгенія собрать во Флоренціи соборъ, о русскихъ депутатахъ на этотъ соборъ, въ числѣ спутниковъ которыхъ авторъ называетъ и себя, о прельщеніи „грековъ“ на соборѣ „сребролюбимъ и золотолубимъ“, объ измѣнѣ ихъ православію, о возвращеніи автора въ Россію и объ утвержденіи православія вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ въ Москвѣ. Далѣе, идетъ главная часть, въ которой разсказывается о событіяхъ на соборѣ. Сначала перечисляются главнѣйшіе участники собора какъ съ латинской (кардиналы и епископы), такъ и съ греческой стороны: между послѣдними особенно выдвигается личность Марка Еѣесскаго, къ которому авторъ относится съ восторженнымъ благоговѣніемъ, какъ къ самому авторитетному и энергическому противнику папскихъ замысловъ. Авторъ даетъ описаніе тѣхъ мѣръ, которыя принимали „латыняне“, чтобы склонить правдами и неправдами православныхъ къ уніи, разсказываетъ о переходѣ собора изъ Феррары во Фло-

1) Обзоръ, стр. 338, прим. 1.

2) По изданію *А. С. Павлова*: см. выше стр. 240. Положенный въ основу этого изданія списокъ принадлежитъ къ категоріи такихъ, въ которыхъ заключается болѣе первоначальная редакція этого памятника: *Θ. Делекторскій*, н. ст., стр. 143.

ренцію, но отъ описанія послѣдней, при всемъ удивленіи красотѣ и богатству этого города, отказывается: „того всего не могу исписати, зане се о соборѣ пишу“, т. е. не хочетъ уклоняться въ сторону отъ специально порученнаго ему дѣла¹⁾. Затѣмъ, авторъ изображаетъ окончательный успѣхъ домогательствъ папы Евгенія, завершившихся провозглашеніемъ уніи и признаніемъ общаго для обѣихъ церквей главенства папы: „папѣ сѣдшо на мѣстѣ своемъ — описываетъ авторъ послѣднюю сцену — тогда воставши митрополиты вси съ мѣстъ своихъ и придоша къ папѣ и приклякнуша къ папѣ по ерязскому праву и самому царю (Іоанну Палеологу) на колѣну припадшу, и брату деоспоту (въ др. спискѣ: диоспорѣ) и всѣмъ грекомъ“, причемъ, во время послѣдовавшей затѣмъ „мессы“, „вси вострубиша въ свирѣли, въ органы и въ бубны и во всякую игру играша“. Въ числѣ „приклякнувшихъ“ былъ, конечно, и митрополитъ Исидоръ, который подъ „клятвой“ папѣ „подписа ся и всю землю свою“. Потомъ Симеонъ сообщаетъ о своемъ выѣздѣ изъ Флоренціи, о бѣгствѣ съ дороги, о прибытіи въ Новгородъ, о встрѣчѣ со смоленскимъ княземъ Юріемъ Семеновичемъ, о своемъ заточеніи подъ стражу и объ отъѣздѣ въ качествѣ узника въ Москву. Дальнѣйшія фактическія сообщенія посвящены разсказу о прибытіи Исидора въ Москву, о сдѣланныхъ имъ шагахъ къ признанію тамъ уніи и о той роли, которую игралъ въ этомъ дѣлѣ, какъ защит-

1) Описаніе достопримѣчательностей Флоренціи нашло себѣ мѣсто какъ въ упомянутыхъ выше Путевыхъ Запискахъ неизвѣстнаго суздальца и приписываемомъ г. Делекторскимъ іеромонаху Симеону описаніи путешествія въ Италію (Древняя Росс. Вивліюэика ч. IV по 1 изд., стр. 310—313, ч. VI по 2 изд., стр. 40—42; Сахаровъ, Сказ. р. нар., II, кн. 8, стр. 86), такъ и въ Запискахъ самого Суздальскаго епископа Авраамія, отъ которыхъ дошло до насъ нѣсколько отрывковъ, между ними одинъ съ описаніемъ сценическаго представленія Благовѣщенія Богородицы въ одной изъ флорентійскихъ церквей: А. Поповъ. Историко-литературный обзоръ, стр. 400—406; Описаніе Румянцовскаго Музея, стр. 338—339; Н. Тихонравовъ. Сочиненія, т. I, стр. 275—281

никъ православія, великій князь Василій Васильевичъ. О себѣ же Симеонъ болѣе ничего не сообщаетъ. Въ заключеніе „Повѣсти“ помѣщена лирическая „похвала“ князю Василю, имѣющая отчасти форму церковной службы: „Радуйся, благовѣрный великій князь Василю . . .“ и т. д.

Т. о., въ общемъ сочиненіе іеромонаха Симеона представляетъ собою разсказъ о Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ съ точки зрѣнія православнаго русскаго человѣка, оставшагося вѣрнымъ своимъ церковнымъ преданіямъ въ этотъ критическій моментъ испытанія. Автобіографическій элементъ повѣствованія сосредоточивается главнымъ образомъ на душевныхъ, а затѣмъ и физическихъ страданіяхъ автора и на чувствѣ глубокаго удовлетворенія по поводу того, что дѣло православія на Руси было все-таки спасено, не смотря на „прелесть“ самихъ грековъ, церковно-религіозный авторитетъ которыхъ уже не существуетъ въ глазахъ суздальскаго іеромонаха: тѣмъ выше является для него авторитетъ великаго князя, которому онъ усвоитъ титулъ „благаго царя всея Руси“. Это настроеніе очень цѣнно для историка той эпохи, когда жилъ іеромонахъ Симеонъ, и составляетъ главный историко-литературный интересъ „Повѣсти“. Не смотря на приведенное выше (стр. 242, прим. 2) мнѣніе о близости разсказанной нами редакціи памятника къ оригиналу, мы однако же не можемъ судить по ней съ увѣренностью о формѣ произведенія, такъ какъ дошедшія до насъ рукописи этой редакціи относятся лишь къ XVII вѣку; едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что текстъ „Повѣсти“ потерпѣлъ со времени своего возникновенія изъ-подъ пера автора извѣстныя измѣненія: напр., умолчаніе о своей собственной судьбѣ послѣ прибытія въ Москву со стороны автора, вообще говорящаго о себѣ довольно охотно, вѣроятно, является результатомъ подобныхъ измѣненій, какъ, съ другой стороны, подъ перомъ послѣдующихъ книжниковъ трудъ Симеона подвергся несомнѣннымъ видоизмѣненіямъ и дополненіямъ, о которыхъ свидѣ-

тельствуютъ другіе списки (впрочемъ, также XVII вѣка) „Повѣсти“¹⁾. Эта же „Повѣсть“ послужила матеріаломъ для составленія упомянутаго произведенія неизвѣстнаго автора „Слово избрано еже на латыню“, а также вошла въ составъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводовъ.

Подобно предшествующему времени, и въ XV вѣкѣ появлялись литературныя произведенія, облеченныя въ форму описаній путешествій въ чужія земли. Уже изъ отмѣченной выше группы сказаній о Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ можно усмотрѣть эти литературные элементы въ Путевыхъ Запискахъ неизвѣстнаго суздальца, въ описаніи путешествія въ Италію, приписываемаго нѣкоторыми, хотя и безъ достаточныхъ основаній, іеромонаху Симеону, наконецъ въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ изъ Записокъ епископа Авраамія. Но были и другія произведенія этой категоріи. Съ одной стороны, продолжались путешествія къ святымъ мѣстамъ. Такъ, въ 1419—1422 гг. путешествовалъ въ Царьградъ, на Аѳонъ и въ Іерусалимъ іеродіаконъ Троице-Сергіева монастыря Зосима и оставилъ намъ описаніе своего паломничества²⁾; въ 1456 году ходилъ въ Іерусалимъ инокъ Варсонофій³⁾; въ 1465—66 годахъ совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ торговый человѣкъ гость Василій, описывавшій въ своихъ запискахъ⁴⁾, Впрочемъ, также почти исключительно мѣста и предметы религіознаго поклоненія. Съ другой стороны,

1) Ѳ. Делекторскій, назв. ст., стр. 165—168; А. Павловъ, назв. соч., стр. 289—291.

2) Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. Т. II, кн. 8, стр. 60—68. Издано Х. М. Лопаревымъ въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ, вып. 24. Спб. 1889.

3) Изд. С. О. Долговымъ: Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 45. М. 1896.

4) Изд. арх. Леонидомъ: Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 6. Спб. 1884.

мы имѣемъ рѣдкій и весьма любопытный памятникъ этого рода въ трудѣ Аѳанасія Никитина, совершившаго путешествіе въ Индію и Персію въ 1466—72 годахъ.

На этомъ послѣднемъ мы остановимся.

Аѳанасій Никитинъ и описаніе его путешествія. Первое извѣстіе объ этомъ памятникѣ дано было Карамзинымъ въ его Исторіи. Здѣсь онъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что „честь одного изъ древнѣйшихъ описанныхъ европейскихъ путешествій въ Индію принадлежитъ Россіи Іоаннова вѣка“, т. е. „тверскому жителю“ Аѳанасію Никитину около 1470 года. Записки его, по словамъ Карамзина, „хотя и не показываютъ духа наблюдательнаго, ни ученыхъ свѣдѣній, однако любопытны тѣмъ болѣе, что тогдашнее состояніе Индіи намъ почти совсѣмъ неизвѣстно“. Далѣе историкъ вкратцѣ передаетъ содержаніе этого памятника, которое „доказываетъ, что Россія въ XV вѣкѣ имѣла своихъ Товернѣ и Шарденей, менѣе просвѣщенныхъ, но равно смѣлыхъ и предприимчивыхъ; что Индѣйцы слышали объ ней прежде, нежели о Португаліи, Голландіи, Англіи“. ¹⁾ Въ полномъ видѣ „Хожденіе за три моря“ Аѳанасія Никитина, какъ онъ самъ называетъ свое описаніе, было издано П. М. Строевымъ въ 1820 году въ „Софійскомъ Временникѣ“, гдѣ оно помѣщается подъ 1475 годомъ, а затѣмъ нашло себѣ мѣсто по тому же тексту и по другимъ (Троицкому, Вескресенскому, Ундольскаго) въ VI томѣ П. С. Р. Л., съ объясненіями восточныхъ словъ, сдѣланными А. К. Казембекомъ ²⁾; не задолго передъ этимъ оно было издано И. Сахаровымъ въ его „Путешествіяхъ русскихъ людей“ на основаніи списка Софійскаго Временника и другихъ, съ объясненіями ориенталиста акад. Френа ³⁾.

1) И. Г. Р., изд. Эйнерлинга. Кн. II, т. 6, стр. 226—227. Въ соотвѣтствующемъ примѣчаніи (629) дано нѣсколько отрывковъ изъ самыхъ записокъ Аѳ. Никитина.

2) П. С. Р. Л. VI, стр. 330—358.

3) Сказанія русскаго народа. Т. II, кн. 8, стр. 171—182.

Передъ текстомъ „Хожденія“ имѣется въ лѣтописныхъ текстахъ, подъ 1475 годомъ, слѣдующая любопытная записъ: „Того же году обрѣтохъ написаніе Оѳонаса Тверитина купца, что былъ въ Индѣи 4 годы; а ходилъ, сказываетъ, съ Васильемъ съ Папинымъ; азъ же опытахъ, коли Василей ходилъ съ кречаты посломъ великаго князя, и сказаша ми: за годъ до Казанскаго похода пришелъ изъ орды, коли князь Юрьи подъ Казанью былъ, тогда его подъ Казанью застрѣлили. Се же написано не обрѣтохъ, въ кое лѣто пошелъ или въ кое лѣто пришелъ изъ Индѣи, умеръ; а сказываютъ, что деи Смоленска не дошедъ умеръ, а писаніе то своею рукою написалъ, иже его руки тетрати привезли гости къ Мамыреву Василью къ дьяку къ великаго князя на Москву“¹⁾. Эта небольшая замѣтка историко-изыскательнаго характера, при сопоставленіи съ другими данными и свѣдѣніями въ самомъ „Хожденіи“, позволяетъ спеціальному изслѣдователю этого памятника²⁾ установить слѣдующіе факты. Въ 1466 году былъ въ Москвѣ у великаго князя Іоанна Васильевича посолъ владѣтеля Шемахи Ширванъ-шаха Ферухъ-Есара, именемъ Асанъ-Бегъ, вызвавшій въ Шемаху и наше отвѣтное посольство, въ лицѣ Василя Папина съ товарищами. Тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ рѣшился поѣхать съ этимъ посольствомъ въ восточныя земли, имѣя въ виду торговыя цѣли. Пробылъ онъ въ этомъ путешествіи около шести лѣтъ: выѣхавъ въ 1466 году по Волгѣ, онъ посѣтилъ Персію, Индію и черезъ Турецкія земли вернулся въ 1472 году въ Россію, но, не доѣзжая родины, скончался въ Смоленскѣ. Путешествіе Никитина „за три моря“ можетъ быть раздѣлено на три части: 1. черезъ Персидскія земли, отъ южныхъ береговъ Каспійскаго моря до береговъ Персидскаго залива (1467—1469),

1) П. С. Р. Л. VI, стр. 330.

2) И. Срезневскій. Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина. Ученыя Записки II Отд. А. Н., кн. II, вып. 2 (1856), стр. 257—263.

2. по Индіи (1469—1472), 3. опять черезъ Персидскія и Турецкія земли, отъ береговъ Персидскаго залива къ Черному морю (1472).

Содержаніе „Хожденія“ таково. Выѣхалъ Аванасій Никитинъ изъ Россіи въ сообществѣ шемаханскаго посла Асанъ-Бега и его свиты, надѣясь нагнать въ пути русскаго посла Василія Папина, который отправился нѣсколько раньше. При Никитинѣ было нѣсколько товарищей-тверичей и два судна. Не доѣзжая Астрахани, путешественники подверглись нападенію со стороны татарскихъ разбойниковъ, при чемъ Никитинъ потерялъ одно судно. Другое судно потерпѣло аварію у береговъ Каспійскаго моря, и Никитину пришлось продолжать свою дорогу сухимъ путемъ, причемъ на первыхъ порахъ оказалъ имъ покровительство Ширванъ-шахъ, освободивши захваченныхъ горцами-кайтаками въ плѣнъ русскихъ, однако въ помощи возвратиться домой имъ отказалъ, потому что ихъ было много. „И мы заплакавъ — говоритъ Никитинъ — да разошлись кон куды: у кого что есть на Руси, и тотъ пошелъ на Русь, а кой долженъ, тотъ пошелъ куды его очи понесли, а иные остались въ Шемахеѣ, а иные пошли работать къ Бакъ“ (П. С. Р. Л. VI. 332). Какъ видно изъ послѣдующаго, у Никитина послѣ всѣхъ злоключеній остались на рукахъ нѣкоторыя средства, деньги и товары, и онъ отправился въ Дербентъ, по направленію къ Персіи. Переходъ по персидскимъ землямъ, не смотря на свою продолжительность, оставилъ очень мало слѣдовъ въ запискахъ Никитина: упоминаніе городовъ и мѣстъ, черезъ которыя проходилъ путешественникъ, да нѣсколько словъ о смутномъ состояніи Персіи — вотъ и все. Впрочемъ, остановившись на мѣсяцъ въ городѣ Реѣ, къ окрестностямъ котораго принадлежатъ тогда еще незначительный Тегеранъ, Никитинъ передаетъ, что здѣсь убиты были дѣти Шуасеня-Али, внучата Магомета, и за это Магометъ проклялъ тамошній край, почему погибло въ развалинахъ 70 городовъ.

„Въ этомъ небольшомъ замѣчаніи — говорить Срезневскій — скрывается то, что Никитинъ присутствовалъ въ Реѣ на представленіи знаменитой персидской мистеріи, воспоминающей погибель Хусейна, сына Али, внука Магометова, и его семейства, отмѣченной русскимъ путешественникомъ XVII вѣка Ѳедотомъ Котовымъ и подробно описанной русскимъ путешественникомъ нашего времени И. Н. Березинымъ“¹⁾. Объ Индіи, куда затѣмъ отправился Никитинъ и гдѣ пробылъ почти три года, онъ сообщаетъ уже гораздо больше. Въ Чувилѣ, гдѣ онъ высадился послѣ морского переѣзда въ Индію изъ Персіи, Никитинъ получилъ первыя впечатлѣнія отъ Индійскаго народа: люди ходятъ нагіе, не покрывая ни головы, ни груди, и босые; у „князя“ ихъ покрывало на головѣ и на бедрахъ, „княгиня“ и „слуги боярскіе и княжін“ также носятъ нѣкоторую одежду; дѣти до семи лѣтъ остаются совершенно голыми, и всѣ черны: „язъ хожу куды, ино за мною людей много, дивятся бѣлому человѣку“. Достигши города Чунера, Никитинъ остановился тутъ на два мѣсяца на зимовку. Мѣстный „ханъ“ ѣдитъ на людяхъ, хотя у него есть много слоновъ и хорошихъ лошадей. Этотъ ханъ отнялъ у Никитина привезеннаго имъ съ собой жеребца и, узнавши, что обиженный имъ — русскій, сказалъ: „и жеребца отдамъ и 1000 золотыхъ дамъ, если станешь въ нашу магометанскую вѣру, а если не станешь въ нашу вѣру, то и жеребца не отдамъ и 1000 золотыхъ съ твоей головы возьму“; къ счастію, въ это время пріѣхалъ Махметъ Хоросанецъ и не только упросилъ хана не поуждать Никитина въ ихъ вѣру, но и жеребца выручилъ. „Ино, братья русьстіи — восклицаетъ по этому поводу нашъ путешественникъ — кто хочетъ пойти въ Индѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнувъ Махмета да поиди въ Гундустанскую землю“ (стр. 334).

1) Назв. ст., стр. 266.

Затѣмъ, на своемъ пути Никитинъ останавливается въ городѣ Бедерѣ: здѣсь торгуютъ конями, камкой, шелкомъ и другимъ подобнымъ товаромъ, черными людьми, съѣстными вещами, овощами — для русской земли товара тутъ нѣтъ; люди тутъ все черные, все злодѣи, а жены ихъ безчестны; всюду чародѣйство, воровство, обманъ и отравы. Бедеръ — столица бусурманскаго Гундустана; городъ большой, людей много. Дворъ бедерскаго султана окруженъ стѣнами съ семью воротами; въ воротахъ сидятъ по сту сторожей, да по сту писцовъ, которые записываютъ имена всѣхъ входящихъ и выходящихъ; иностранцевъ не пускаютъ. Дворъ чудесный, все въ немъ украшено изваяніями и золотомъ, и послѣдній камень изваянъ и покрытъ золотомъ. Ночью городъ стерегутъ 1000 человекъ: они ѣздятъ на коняхъ, въ доспѣхахъ, со свѣточами въ рукахъ. Послѣ небольшой поѣздки по торговымъ дѣламъ въ другіе города, Никитинъ воротился въ Бедеръ и оставался здѣсь четыре мѣсяца. Сблизившись со многими изъ жителей, онъ бесѣдовалъ съ ними о вѣрѣ, описывая христіанскую вѣру и спрашивая объ ихней: они вѣрують въ „Адама“ и „Бута“ (Будда) — это Адамъ и весь родъ его. Вѣръ у нихъ 84: всѣ вѣрують въ Буту, но поклонники одной вѣры не сближаются съ поклонниками другой ни въ питѣѣ, ни въ пищѣ, ни въ женитьбѣ. Никитинъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія о пищѣ индіанъ и о томъ, какъ ее принимаютъ. Вмѣстѣ съ индійцами Никитинъ посѣтилъ ихъ священный городъ Первотъ (Парватъ), гдѣ во время большого поста бываетъ ярмарка; тутъ наблюдательность Никитина опять обращается на вѣрованія туземцевъ и на способы ихъ богопочитанія. Возвратившись изъ Первота снова въ Бедеръ, за 15 дней до магометанскаго улу-бай-рама, Никитинъ отпраздновалъ тутъ Свѣтлый Праздникъ: эта была четвертая Пасха, которую онъ проводилъ въ чужой землѣ. Трудно ему было высчитывать, будучи среди иновѣрцевъ, когда придется этотъ

праздникъ: „А великаго дни Воскресенія Христова не вѣдаю. . . А со мною нѣтъ ничего, никоя книги, а книги есмя взяли съ собою съ Руси; ино коли мя пограбили, ини ихъ взяли, и язъ позабылъ вѣры хрестыанскія всея и праздниковъ хрестыанскихъ, ни Велика дни, ни Рожества Христова не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не знаю“ (стр. 337; ср. стр. 339—340). Далѣе, въ описаніи Никитина, по мнѣнію Срезневскаго ¹⁾, имѣется значительный пропускъ, такъ какъ мы вдругъ встрѣчаемся съ заявленіемъ путешественника: „а иду я на Русь“: безъ этого пропуска пришлось бы предположить, что по возвращеніи изъ Первота Никитинъ оставался въ Бедерѣ безвыѣздно еще цѣлый годъ. Изъ другихъ мѣстахъ описанія видѣннаго Никитинымъ въ Индіи, заслуживаютъ вниманія свѣдѣнія о животныхъ этой страны: объ обезьянахъ, о змѣяхъ, о птицѣ „гукукѣ“: если эта птица, летающая обыкновенно ночью, сядетъ на чѣмъ-либо домѣ, то въ немъ кто-нибудь умретъ, а если кто задумаетъ ее убить, то изо рта у нея выходитъ огонь. Объ индійской флорѣ авторъ сообщаетъ очень мало интереснаго. Наконецъ, весьма любопытно описаніе выѣзда Бедерскаго султана на прогулку во время байрама. Онъ выѣхалъ съ 20-ю визирями великими. Съ ними выѣхали 300 слоновъ, наряженныхъ въ булатные доспѣхи и въ окованные городки; на каждомъ изъ слоновъ по шести человѣкъ въ доспѣхахъ, съ пушками и пищалями, а на „великомъ слонѣ“ двѣнадцать человѣкъ; на всякомъ слонѣ два большихъ знамени („прапорца“); къ клыкамъ ихъ привязаны огромные мечи вѣсомъ по кентарю, а къ рыламъ по три желѣзныхъ гири, промежду ушей посаженъ человѣкъ въ доспѣхахъ, съ большимъ желѣзнымъ крюкомъ для управленія слономъ. Кромѣ слоновъ, выѣхали съ султаномъ тысячи коней безъ всадниковъ, всѣ въ золотѣ, сто верблюдовъ съ барабанами („нагарами“), триста труба-

1) Назв. ст., стр. 279—280.

чей, триста плясуновъ, триста наложницъ. Султанъ ѣхалъ верхомъ на конѣ, убранномъ въ золотѣ, на золотомъ сѣдлѣ; на султанѣ кафтанъ весь сажень яхонтами; на его шапкѣ шишакъ большой алмазъ; лукъ его изъ золота съ яхонтами; три сабли его кованы золотомъ. Передъ султаномъ скакалъ пѣшій индѣецъ (кафаръ), играя „теремцемъ“ (зонтикомъ), и за нимъ много пѣшихъ индѣйцевъ; тутъ и бѣшенный („благой“) слонъ, весь наряженный въ камку, съ желѣзной цѣпью во рту, идетъ и „обиваетъ“ коней и людей, чтобы кто не приступилъ близко къ султану. Братъ султана выѣхалъ на золотой кровати подъ шелковымъ балдахинномъ, съ золотою же маковкой; его везли четыре коня, убранные въ золото; около него множество людей, чуть не голыхъ, у которыхъ только бедра завѣшаны были платомъ, а передъ ними пѣвцы, плясуны, и всѣ съ мечами наголо, съ саблями, со щитами, сулицами, копьями, съ прямыми длинными луками, и кони всѣ въ доспѣхахъ съ сагайдаками. Еженедѣльно, по вторникамъ и четвергамъ, султанъ выѣзжаетъ на „потѣху“ (увеселительное зрѣлище) съ тремя визирями, съ матерью и женою. Съ нимъ выходитъ тогда десять тысячъ конниковъ, пятьдесятъ тысячъ пѣшихъ, двѣсти слоновъ въ золотыхъ доспѣхахъ, а передъ нимъ сто трубачей, сто плясуновъ, триста коней осѣдланныхъ въ золотѣ, сто обезьянъ, сто непотребницъ гяурокъ. Братъ султана выѣзжаетъ на „потѣху“ съ матерью и сестрою по понедѣльникамъ. Тогда выѣзжаютъ съ нимъ 2000 женъ на коняхъ и на золоченныхъ „кроватяхъ“, а передъ ними 100 коней, осѣдланныхъ въ золотѣ, очень много пѣшаго народа, два визиря, десять визыреней, 50 слоновъ въ суконныхъ попонахъ, по 4 человекъ на каждомъ, нагишомъ, только въ платѣ на бедрахъ, и много женщинъ пѣшихъ и нагихъ съ водою для питья и обмыванья. Бояръ обыкновенно носятъ на серебряныхъ кроватяхъ: передъ кроватью ведутъ до 20 коней въ золотыхъ „снастяхъ“, а за нею идутъ 300 конни-

ковъ, 500 пѣшихъ, 10 трубачей, 10 барабанщиковъ, 10 свирѣльниковъ¹⁾.

Въ Дабилѣ, „пристанищѣ великаго моря Индѣйскаго“, Никитинъ простился съ Индѣей: „И ту окаянный язъ рабище Аванасіе Бога вышняго, Творцу небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по христіанской и по крещеніи Христовѣ и по говѣйнехъ Святыхъ Отецъ устроенныхъ и по заповѣдехъ апостольскихъ и устремихся умомъ поити на Русь“ (стр. 343). Снова черезъ Персію и затѣмъ турецкія земли Никитинъ въ сентябрѣ 1472 года прибылъ въ Трапезундъ; дальнѣйшій переѣздъ по Черному морю привелъ его въ Крымъ, къ Балаклавѣ и Кафѣ. Здѣсь Никитинъ могъ сказать: „милостію Божіею преидохъ же три моря“. Этими словами и приведенной затѣмъ мусульманской молитвой въ подлинникѣ кончаются записки Никитина. О пути его до Смоленска мы ничего не знаемъ.

Лѣтописецъ говоритъ, что Никитинъ написалъ „Хожденіе“ „своей рукою, иже его руки тетради привезли гости“. Быть можетъ, это надо понимать такъ, что лѣтописецъ самъ имѣлъ подъ рукою подлинникъ труда Никитина. Текстъ этихъ записокъ не отличается особенной литературной обработкой: въ немъ, какъ было указано, есть пропускъ, б. м. не одинъ, есть и повторенія (напр., о постахъ и праздникахъ, какъ ихъ трудно соблюдать въ чужой землѣ). Въ серединѣ текста во многихъ мѣстахъ есть вставки на восточныхъ языкахъ, переданныя русскими буквами, а также отдѣльныя восточныя слова для обозначенія видѣнныхъ предметовъ. Эти вставки разобраны ориенталистами и обнаруживаютъ, что Никитинъ прибѣгалъ къ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда чувство благопристойности или опасеніе религіознаго соблазна побуждали его къ этому: такимъ способомъ онъ передаетъ интимныя сообщенія о жен-

1) П. С. Р. Л. VI, стр. 340—343. Здѣсь мы пользуемся передачей этого описанія у Срезневскаго: назв. ст., стр. 285—287.

щинахъ въ Индіи и молитвы. Весьма интересно то настроеніе, которое переживалъ, въ лицѣ Никитина, простой русскій человѣкъ XV вѣка, попавшій на долгое время въ совершенно чуждый ему восточный міръ; по временамъ на него находило отчаяніе и религіозный индеферентизмъ: „а правую вѣру Богъ вѣдаетъ, а правая вѣра Бога единого знати, имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чисто чисто“ (стр. 343). Многому насмотрѣлся онъ въ чужихъ краяхъ и описалъ это съ достаточной объективностью, но въ концѣ концовъ родина была ему милѣе всѣхъ странъ на свѣтѣ. Между его записями на разныхъ восточныхъ языкахъ есть одна такого содержанія: „Да сохранить Богъ землю русскую! Боже, сохрани ее! Въ семъ мірѣ нѣтъ подобной ей земли. Да устроится русская земля“ (стр. 357).

Историческое значеніе „Хожденія“ Никитина опредѣляется съ точки зрѣнія того же болѣе широкаго масштаба, какъ и значеніе „Паломника“ игумена Данила. Будучи одинокъ, какъ русскій путешественникъ XV вѣка въ Индію и вообще на востокъ, Аванасій Никитинъ долженъ быть сравниваемъ съ западно-европейскими путешественниками той же эпохи. Разсматривая ихъ съ этой точки зрѣнія, И. И. Срезневскій дѣлаетъ такой выводъ: „По времени, когда писаны, записки его принадлежать къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ своего рода: рассказы Ди Конти и отчеты Васко ди Гама одни могутъ быть поставлены вровень съ Хожденіемъ Никитина. Не ниже ихъ это Хожденіе ни по слогу, хотя и можетъ оно намъ теперь казаться слишкомъ мало литературнымъ, ни по простодушію и отрывочности замѣчаній, ни по довѣрчивости къ рассказамъ туземцевъ, заставлявшей его иногда повторять и невѣроятное. А что умно разнообразна была наблюдательность Никитина, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. И въ этомъ отношеніи Никитинъ не ниже, если не выше его современниковъ“¹⁾. Вы-

1) Назв. ст., стр. 305—306.

дающій ориенталистъ И. П. Минаевъ, разсматривая трудъ Никитина въ той ~~части, которая касается Индіи~~, находитъ ~~въ немъ~~, „не одинъ драгоцѣнный фактъ, важный для пониманія старо-индѣйской жизни и просмотрѣнный его современниками, заходившими въ Индію“. Тотъ же ученый полагаетъ, что „сравненіе записокъ Аѳ. Никитина съ западными географическими памятниками XV и XVI вв. не окажется къ невыгодѣ русскаго путешественника: уступая имъ часто въ красотѣ изложенія и богатствѣ фактическихъ подробностей, тверитъ Никитинъ превосходить весьма многихъ безпристрастіемъ, наблюдательностью и толковостью; трезвость, отличающая всѣ его сообщенія, и вѣрность наблюденія даютъ право сравнивать его замѣтки съ самыми выдающимися изъ старинныхъ путешествій“¹⁾.

В. Литературныя явленія XVI вѣка.

1.

Основные черты литературы XVI вѣка. — Продолжающаяся борьба въ области церковно-религіозныхъ вопросовъ. — Митрополитъ Даніилъ. — Вассіанъ Патрикѣвъ.

XVI вѣкъ въ русской литературѣ имѣетъ много точекъ соприкосновенія со своимъ предшественникомъ. Говоря о литературныхъ явленіяхъ XV вѣка, намъ не разъ приходилось указывать на то, что многія изъ нихъ имѣли свое продолженіе въ слѣдующемъ столѣтіи: таковы, напр., работы въ области лѣтописи, историческая повѣсть, церковная или политическая публицистика. Особенно широкое развитіе публицистической литературы по вопросамъ церковной и гражданской жизни составляетъ характерную особенность

1) Старая Индія. Замѣтки на „Хожденіе за три моря“ Аѳанасія Никитина. Ж. М. Н. Пр. 1881, № 6, стр. 166.

XVI столѣтія. Основою этой литературы является сама русская жизнь, шедшая неудержимо впередъ въ своемъ государственномъ и культурномъ развитіи и выдвигавшая разнообразныя точки зрѣнія на самые важные вопросы индивидуальнаго, общественнаго, религіознаго и политическаго міросозерцанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ русской жизни этой переходной эпохи наблюдается крупный переломъ и поворотъ отъ старыхъ византійскихъ преданій къ новымъ началамъ, шедшимъ съ запада; этотъ процессъ находитъ свое отраженіе и въ литературѣ — сначала пока одной своей стороною: сторонники стараго византійскаго уклада жизни собираютъ свои силы, создаютъ крупныя литературныя предпріятія въ духѣ прошлаго и стараются укрѣпить свою позицію призывомъ къ возстановленію „поисхатавшейся“ старины; другая сторона этого процесса — постепенное ознакомленіе и усвоеніе началъ западной жизни — достается уже на долю послѣдующаго столѣтія. Т. о., русскіе литературные дѣятели XVI вѣка имѣли передъ собою чрезвычайно богатый матеріалъ и побужденія для своей работы. Факты этой дѣятельности весьма многочисленны, и задача историка литературы затрудняется лишь выборомъ самыхъ характерныхъ явленій этого рода. Литература по прежнему остается рукописной, и только во второй половинѣ XVI вѣка печатный станокъ начинаетъ робко обслуживать нѣкоторыя неотложныя потребности церкви и религіознаго просвѣщенія. Продолжаютъ существовать еще прежнія литературныя формы: поученія, посланія, повѣсти и сказанія, описанія путешествій, житія святыхъ и проч., но вмѣстѣ съ тѣмъ въ области литературы впервые выдѣляются колоссальныя литературныя работы, вродѣ Четыхъ-Миней или Степенной Книги, а равно и крупныя писательскія индивидуальности, напр. князь А. М. Курбскій или Максимъ Грекъ — съ рѣзко очерченнымъ литературнымъ самосознаніемъ и недюжинной образованностью, значительно увеличивающими

не одну только историческую, но и собственно литературную цѣнность этихъ произведеній и авторовъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы остановимся только на самыхъ крупныхъ литературныхъ явленіяхъ XVI вѣка.

Умственные и религіозныя броженія XV вѣка, раздѣлившія русскихъ мыслящихъ людей на два противоположныхъ лагеря, продолжаютъ существовать и въ XVI вѣкѣ подѣ тѣми же видами „іосифлянъ“ съ одной стороны и „заволжскихъ старцевъ“ — съ другой. Борьба этихъ двухъ противоположныхъ міровоззрѣній продолжается, втягивая въ свою сферу не одни только вопросы монастырской жизни или отношеній господствующей церкви къ еретикамъ, но и важнѣйшіе вопросы внутренней политики государства: съ этой точки зрѣнія является, напр., весьма характернымъ литературнымъ явленіемъ извѣстная „Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ“ и ярко выраженное духовное родство князя А. М. Курбскаго съ Максимомъ Грекомъ и старцемъ Артеміемъ. Вмѣстѣ съ этимъ, продолжающійся процессъ усиленія власти московскаго великаго князя и окончательное завершеніе его въ лицѣ царя Ивана Грознаго создаютъ почву и для полемики на чисто политическія темы, выдвигая на литературную арену такихъ дѣятелей, какъ И. С. Пересвѣтовъ или самъ царь Иванъ IV.

Обратимся сначала къ борьбѣ въ области церковно-религіозной. Самыми видными фигурами въ этой борьбѣ, падающей главнымъ образомъ на вторую четверть XVI вѣка, являются митрополитъ Даніилъ, Вассіанъ Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ.

Внѣшніе факты этой борьбы, въ главныхъ чертахъ, были таковы. Вышедшій изъ школы самого Іосифа Волоцкаго и поставленный въ 1515 году въ игумены Волоколамскаго монастыря, Даніилъ, еще до вступленія на митрополию, былъ прекрасно подготовленъ къ дѣятельности въ духѣ своего учителя; онъ былъ человѣкъ книжный, строгій подвижникъ

и сторонникъ консервативныхъ воззрѣній въ вопросахъ вѣры и церковной политики; въ качествѣ игумена, онъ обнаружилъ въ себѣ хорошаго администратора, опытнаго и энергичнаго хозяина и вообще человѣка съ практическимъ и житейскимъ смысломъ. Эти данныя, въ связи съ положеніемъ игумена въ знаменитой обители, нерѣдко посѣщаемой великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ (1505—1533), скоро выдвинули его на видъ: въ 1522 году онъ возведенъ былъ въ санъ митрополита всея Руси, въ качествѣ преемника оставившаго свою кафедру сторонника „заволяжскихъ“ идей и неугоднаго великому князю митрополита Варлаама. Условія, при которыхъ Даниилъ, главнымъ образомъ благодаря личному вмѣшательству въ это дѣло великаго князя, сдѣлался митрополитомъ, создавали ему весьма трудное положеніе: и при дворѣ великаго князя, и среди тогдашняго духовенства были лица противоположнаго ему образа мыслей, и съ ними Даниилу предстояла неизбежная борьба, осложняемая столь же неизбежнымъ вмѣшательствомъ въ политическіе или даже чисто семейные вопросы касательно великаго князя, напр. разводъ его съ прежней супругой Соломоніей и женитьба, ради цѣлей престолонаслѣдія, на Еленѣ Глинской: и въ этомъ вопросѣ Даниилъ всецѣло сталъ на сторону великаго князя. Какъ по этому, такъ и по другимъ вопросамъ однимъ изъ первыхъ противниковъ Даниила выступилъ Вассіанъ Патрикѣвъ.

Князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣвъ, по прозванію Косой, безспорно является весьма замѣтной фигурой на фонѣ русскихъ событій XVI вѣка. Происходя отъ знатнаго отца, оказавшагося въ опалѣ у Ивана III и принужденнаго постричься въ монахи, Вассіанъ (въ мѣрѣ Василий) рано принялъ на себя также иночество и поселился въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. При новомъ великомъ князѣ Василии Ивановичѣ, оставаясь инокомъ, онъ получилъ значительное вліяніе при дворѣ, обусловленное не только его

знатнымъ происхожденіемъ, но и выдающимися личными качествами — умомъ, книжностью и твердымъ характеромъ. Авторитетъ Вассіана въ книжномъ дѣлѣ въ глазахъ московскаго придворнаго круга выразился, между прочимъ, въ порученіи ему надзора за переводной дѣятельностью Максима Грека, передъ которымъ, впрочемъ, самъ Вассіанъ безусловно преклонялся; Вассіану также принадлежитъ цѣлый рядъ собственныхъ литературныхъ трудовъ, явившихся частію поводомъ нерасположенія къ нему митрополита Даніила, частію сопровождавшихъ дальнѣйшій ростъ этихъ отношеній. Вникая въ занимавшій тогда очень многихъ вопросъ о вотчинныхъ правахъ монастырей и смотря на него съ точки зрѣнія „заволжскихъ старцевъ“, Вассіанъ самъ составилъ сборникъ церковныхъ правилъ, законченный имъ въ 1517 г. Вассіану принадлежитъ и значительная доля участія въ вызовѣ въ Россію, ради книжныхъ дѣлъ, ученаго Максима Грека, явившагося въ Москву въ 1518 году и сразу ставшаго съ Вассіаномъ въ тѣсныя дружескія отношенія, а великій князь благоволилъ имъ обоимъ. Другимъ важнымъ вопросомъ, занимавшимъ Вассіана не безъ вліянія Максима Грека, было состояніе тогдашнихъ русскихъ церковныхъ книгъ: вскорѣ онъ убѣдился въ ихъ крайней неисправности и не стѣснялся выражать это въ самой рѣзкой формѣ. Близко стоялъ Вассіанъ также и къ политическимъ интересамъ своей эпохи; онъ не сочувствовалъ абсолютизму свѣтской власти вообще и въ частности былъ противъ ея вмѣшательства въ церковные вопросы, желая видѣть въ послѣднихъ господство авторитета самой церкви; раболопство церковныхъ владыкъ передъ свѣтской властью было ему несимпатично. И если нельзя сомнѣваться въ глубокѣмъ вліяніи Максима Грека на Вассіана въ вопросахъ церковной книжности, то не менѣе вѣроятнымъ представляется и обратное вліяніе Вассіана на Максима Грека въ дѣлахъ гражданской и церковной политики. Оба друга усвоили

совершенно опредѣленный образъ мыслей и настроеніе, ставившее ихъ передъ неизбѣжнымъ столкновеніемъ съ противоположной имъ точкой зрѣнія на вещи въ лицѣ „іосифлянина“, консерватора въ вопросахъ вѣры и благочестія, митрополита Даніила; это столкновеніе явилось также и результатомъ перемѣны положенія „заволжцевъ“ при дворѣ великаго князя, которому пришлось воспользоваться услугами Даніила въ дѣлѣ о разводѣ, вызвавшемъ крайне несочувственное отношеніе въ Максимѣ Грекѣ и Вассіанѣ. О Максимѣ рѣчь будетъ особо; что же касается Вассіана, то осужденіе его друга и единомышленника на соборѣ 1531 года какъ бы предрѣшало и его собственную судьбу. Дѣйствительно, въ томъ же году онъ былъ привлеченъ за свою „Кормчую“ (упомянутый выше сборникъ церковныхъ правилъ) къ суду, на которомъ онъ не только защищалъ свое право свободнаго учительства, выраженное въ Кормчей, но и необходимость монастырей отказаться отъ обладанія имѣніями; этотъ послѣдній вопросъ былъ разрѣшенъ Вассіаномъ въ особомъ каноническомъ трактатѣ, составляющемъ приложение къ его Кормчей (см., напр., рук. И. П. Б—ки F. II, № 74). На этомъ соборѣ имѣли мѣсто пространныя бесѣды Даніила съ Вассіаномъ по различнымъ вопросамъ церковно-религіозной жизни — о монастыряхъ и жизни иноковъ, о священныхъ и богослужебныхъ книгахъ, о церковныхъ догматахъ, о святыхъ и проч. — при чемъ выяснилась полная противоположность воззрѣній обоихъ антагонистовъ¹⁾: въ результатѣ оказалось осужденіе Вассіана на заточеніе въ монастырь. Мѣстомъ заточенія для Вассіана былъ избранъ тотъ самый Волоколамскій монастырь, съ именемъ котораго въ памяти его узника связывалось представленіе о главномъ средоточіи идей, шедшихъ въ разрѣзъ со всѣми

1) Преніе Даніила митрополита Московскаго и всея Руси съ старцемъ Васьяномъ, 1531 года мая 11 дня: Чтенія Общ. Ист. и Др. 1847 № 9, отд. IV, стр. 1—28.

духовными идеалами Патрикѣва. Какова была дальнѣйшая судьба Вассіана, въ точности неизвѣстно; характерное сообщеніе кн. А. М. Курбскаго, будто Вассіанъ погибъ насильственнымъ образомъ отъ рукъ иноковъ враждебнаго ему монастыря, едвали достовѣрно; во всякомъ случаѣ около 1545 года Вассіана уже не было въ живыхъ. — Объемъ литературной дѣятельности Вассіана не вполне выясненъ. Кромѣ Кормчей и неясно выразившагося участія Вассіана въ дѣлѣ перевода Максимомъ Грекомъ богослужебныхъ книгъ, Вассіану принадлежатъ нѣсколько полемическихъ сочиненій: „Предисловіе Нила и Вассіана, ученика его, на Іосифа Волоцкаго игумена“ (въ духѣ скитскаго „устава“ Нила Сорскаго), „Слово отвѣтно противу клеветующихъ истину евангельскую и о иноческомъ житіи и устроеніи церковнѣмъ“ (объ иноческой жизни и владѣніи монастырей имуществами) и др.¹⁾ Собирая въ одно цѣлое тѣ черты, которыя даютъ намъ жизнь и литературная дѣятельность Вассіана, мы получаемъ весьма внушительный и оригинальный образъ этого князя-инока, твердо стоявшаго на выработанной имъ почвѣ воззрѣній и понятій, вполне искренняго и, при всемъ своемъ критицизмѣ, глубоко вѣрующаго. Этотъ критицизмъ, характерный для Вассіана, особенно цѣненъ для историка какъ черта времени и въ частности той „заволжской“ школы, къ которой онъ принадлежалъ по своимъ воззрѣніямъ. Другой такой чертой является пристрастіе Вассіана къ нравственнымъ вопросамъ и сужденіямъ, его сочувствіе низшему классу, всѣмъ неправильно гонимымъ, въ томъ числѣ и „еретикамъ“, въ ряды которыхъ пришлось стать потомъ и ему самому. Конечно, въ области книжности Вассіанъ былъ не болѣе какъ простой, талантливый

1) Напечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1863. III, стр. 102—112 180—210. О предположительно приписываемыхъ Вассіану сочиненіяхъ см. статью В. Б о д я н о в с к а г о въ „Критико-біографическомъ Словарѣ“ С. А. Венгерова, Т. IV, отд. 2, стр. 188—189.

начетчикъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и его собственныя сочиненія, но онъ — хотя и смутно — понималъ важность знанія, что особенно видно изъ его отношеній къ Максиму Греку.

2.

Максимъ Грекъ. — Его жизнь. — Судьба сочиненій Максима въ Россіи. — Труды по исправленію богослужебныхъ книгъ. — Переводы. — Догматико-полемическія сочиненія; ихъ теоретическій характеръ. — Назидательныя и обличительныя сочиненія: о монастырской жизни, объ идеалѣ правителя, о народныхъ суевѣріяхъ, объ апокрифахъ. — Историческое значеніе личности и дѣятельности Максима Грека въ Россіи.

Гораздо богаче фактами и литературными результатами была жизнь и судьба другого антагониста Даніила — ученаго Максима Грека. Годъ рожденія Максима въ точности неизвѣстенъ; полагаютъ, что онъ родился около 1480 года¹⁾. Мѣстомъ рожденія былъ городъ Арта (въ Албаніи); семья Максима была, повидимому, зажиточная и образованная. Максиму дано было хорошее образованіе, не ограничившееся предѣлами Греціи, которая жила въ ту пору подъ турецкимъ владычествомъ. Молодые люди изъ грековъ, желавшіе получить высшее образованіе, обыкновенно отправлялись тогда въ Италію, куда стекалось и множество грековъ, искавшихъ убѣжища отъ турецкихъ стѣсненій въ своемъ отечествѣ. Нерѣдко они приносили съ собой не только знаніе греческаго языка и литературы, но и старинныя ру-

1) Это болѣе или менѣе общепринятое предположеніе, впервые высказанное А. В. Горскимъ (Прибавленія къ Тв. Св. Отцовъ. Ч. XVIII. 1859, стр. 144), стоитъ въ противорѣчій съ указаніемъ позднѣйшаго „житія“ Максима Грека, сочиненнаго неизвѣстнымъ авторомъ; оно опредѣляетъ время рожденія Максима 6956, т. е. 1448 годомъ и, согласно этому (т. к. Максимъ умеръ въ 1556 году), въ концѣ житія дѣлается выводъ, что Максимъ „поживе... всѣхъ лѣтъ живота своего во преподабѣи и правдѣ истиннѣ 108 лѣтъ и 2 мѣсяци и 13 дне“ (Бѣлокуровъ, С. А. О бібліотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи, прилож. стр. XLIII. LXXXII).

кописи, чтобы спасти ихъ отъ рукъ восточныхъ варваровъ; итальянскіе города соперничали между собою въ радушномъ приѣмѣ и покровительствѣ греческимъ пришельцамъ, приглашали ихъ въ качествѣ учителей и открывали имъ каѳедры своихъ университетовъ. Этотъ притокъ умственныхъ силъ и книжныхъ сокровищъ древней эллинской и позднѣйшей греческой цивилизаціи чрезвычайно много способствовалъ т. наз. итальянскому „возрожденію“, создавъ изъ многихъ итальянскихъ городовъ (Флоренція, Римъ, Неаполь, Миланъ и др.) выдающіеся умственные и образовательные центры. Максимъ Грекъ явился въ Италію въ качествѣ ученика и съ жаромъ предался научнымъ занятіямъ. Онъ побывалъ въ Венеціи, Феррарѣ, Падуѣ, Флоренціи и другихъ итальянскихъ городахъ, сводилъ личное знакомство съ знаменитѣйшими представителями итальянской образованности, приглядывался въ жизни; много читалъ не только „христіанскихъ писаній“, но и „сложенныхъ внѣшними мудрецы“: въ числѣ послѣднихъ онъ самъ цитируетъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Гезіода и Гомера, Платона, Аристотеля, Фукидида, Плутарха и др. Были впечатлѣнія и отъ людей другого рода; самымъ яркимъ изъ нихъ надо считать знакомство съ Іеронимомъ Савонаролой во Флоренціи, о которомъ Максимъ позднѣе самъ рассказываетъ, что онъ былъ „латинникъ и родомъ и ученіемъ, преполонъ всякія премудрости и разума богодохновенныхъ писаній и внѣшняго наказанія, сирѣчь философіи, подвижникъ презлѣнъ и божественною ревностію довольно украшаемъ“ (Соч. III. 158). Трагическая судьба Савонаролы, погибшаго на кострѣ 22 мая 1498 года, его твердость и нравственная высота уже тогда представлялись Максиму идеальнымъ образцомъ, достойнымъ подражанія. Есть извѣстіе, переданное мимоходомъ Курбскимъ (въ „Исторіи Флорентійскаго Собора“ : Сказанія, II. 1833, стр. 247) и принимаемое нѣкоторыми новѣйшими біографами (напр., издателями „Сочиненій“

Максима Грека I, изд. 2, стр. 5), что Максимъ, въ поискахъ научнаго образованія, не удовольствовался Италіей, но побывалъ и въ Парижѣ, гдѣ учился у знаменитаго Яна Ласкариса; но такъ какъ Максимъ говоритъ о гальскихъ училищахъ лишь по слуху („яко же слышахъ отъ нѣкихъ“ : Соч. III. 146), то можно сомнѣваться въ достовѣрности этого сообщенія. „Латинскія“ науки и „внѣшнія“ познанія не помѣшали Максиму сохранить свою приверженность къ греческому православію и глубокую вѣру, но пребываніе на Западѣ помогло ему выработать безпристрастный взглядъ на „неправомудренныхъ“ латынянь: онъ признаетъ у нихъ „попеченіе и прилежаніе евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей и ревность за вѣру Спаса Христа, аще и не по совершенному разуму“ (Соч. III, стр. 164—165). Максимъ завершилъ свое образованіе на Аѳонѣ, куда прибылъ около 1507 года и вскорѣ постриженъ былъ въ Благовѣщенскомъ Ватопедскомъ монастырѣ. Быть можетъ, на выборъ мѣста постриженія повліяли книжныя богатства этой обители. Пробывъ около 10 лѣтъ въ Ватопедѣ, Максимъ былъ назначенъ отъ монастыря къ отъѣзду въ Россію, въ виду просьбы великаго князя Василя Ивановича прислать ему въ Москву ученаго человѣка для книжныхъ занятій; при этомъ со стороны игумена Анфима Максимъ снабженъ былъ очень лестной рекомендаціей, какъ „свѣдущій въ божественномъ писаніи и способный къ изъясненію и переводу всякихъ книгъ“; правда, Максимъ не зналъ русскаго языка, но зналъ греческій и латинскій, и игуменъ выражалъ надежду, что Максимъ скоро научится и русскому языку¹⁾. Надежда эта впослѣдствіи въ полной мѣрѣ оправдалась, хотя намъ представляется болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что Максимъ отправился въ Россію уже не безъ знакомства со сла-

1) (А. В. Горскій). Максимъ Грекъ Святгорецъ. Приб. къ Твореніямъ Святыхъ Отцовъ. Ч. XVIII. 1859, стр. 172.

вянскимъ языкомъ, пріобрѣтеннаго имъ еще на родинѣ по книгамъ болгарскаго происхожденія ¹⁾. Максимъ, вмѣстѣ съ двумя другими сопровождавшими его ватопедскими иноками, Неофитомъ и Лаврентіемъ, прибылъ въ Москву 4 марта 1518 года. Здѣсь ему и его спутникамъ былъ оказанъ весьма радушный пріемъ какъ со стороны великаго князя, такъ и митрополита Варлаама. Можно думать, что главнѣйшей цѣлью приглашенія ученаго инока со стороны великаго князя было исправленіе текста богослужебныхъ книгъ и переводы другихъ, ближайшимъ образомъ Толковой Псалтыри, необходимыхъ для русской церкви въ ея борьбѣ съ все болѣе и болѣе усиливавшимся еретическимъ броженіемъ; да и вообще, при разнообразныхъ спорахъ, возникавшихъ въ сношеніяхъ съ еретиками, нуженъ былъ книжный и знающій человекъ, на авторитетъ котораго можно бы было положиться. Въ ученой литературѣ о Максимѣ Грекѣ долго держалось мнѣніе, что первымъ дѣломъ Максима по пріѣздѣ въ Москву былъ разборъ обширной великокняжеской библіотеки, отъ которой Максимъ будто бы пришелъ въ восторгъ, сказавъ, что ни Греція, ни Италія не имѣютъ такихъ сокровищъ, но мы не имѣемъ никакихъ слѣдовъ существованія этой библіотеки, ни даже документальныхъ на нее указаній, не смотря на произведенныя въ 1890-хъ годахъ тщательныя разысканія. С. А. Бѣлокуровъ, которому принадлежитъ самый значительный вкладъ въ эти любопытныя разысканія, утверждаетъ, что приписываемыя Максиму слова удивленія передъ богатствомъ великокняжеской библіотеки составляютъ плодъ фантазіи позднѣйшаго книжника и что вообще такой библіотеки вел. кн. Василія Ивановича доселѣ не сохранилось и никогда не было ²⁾. Гораздо вѣроятнѣе, что прежде

1) Соболевскій, А. И. Переводная литература Московской Руси, стр. 261—264.

2) О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1898, стр. 244—245. 336.

всего принялся Максимъ за переводъ Толковой Псалтыри. На помощь ему въ этомъ дѣлѣ, ради русскаго языка, даны были двое русскихъ, Дмитрій Герасимовъ и Власій, оба хорошо знавшіе латинскій языкъ, и кромѣ того два писца — Михаилъ Медоварцевъ и инокъ Сергіева монастыря Силуанъ. Первое время дѣло, несомнѣнно, пошло нѣсколько туго: Максиму приходилось переводить съ греческаго все-таки сначала на латинскій, и уже сотрудники его пересказывали этотъ переводъ по-русски; однако черезъ годъ и пять мѣсяцевъ обширная и трудная работа была окончена, и переводъ Толковой Псалтыри, заключавшій въ себѣ толкованія разныхъ авторовъ, былъ представленъ Максимомъ великому князю при краснорѣчивомъ посланіи (Соч. II. 296—319); въ концѣ этого посланія Максимъ просилъ наградить его русскихъ сотрудниковъ, а его самого отпустить обратно на Аѳонъ, при чемъ авторъ выразилъ пожеланіе, чтобы Константинополь оказался во власти православнаго царя, каковымъ приличнѣе всего быть великому князю московскому. Однако просьба Максима объ отпускѣ домой исполнена не была; его щедро наградили, но удержали на дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ, поручивъ новые труды, между которыми на первомъ мѣстѣ стояли: переводъ своднаго толкованія на Дѣянія Апостольскія, переводъ Метафрастова Житія Богородицы и пр., а затѣмъ исправленіе текста Тріоди и другихъ богослужебныхъ книгъ — Часослова, праздничной Минеи и Апостола. Среди ученыхъ трудовъ, Максимъ Грекъ входилъ въ ближайшія сношенія съ окружающими его при великокняжескомъ дворѣ и у митрополита русскими людьми, присматривался къ русской жизни. Мы уже видѣли, что къ нему благоволилъ митрополитъ Варлаамъ и передъ его авторитетомъ склонялся вліятельный Вассіанъ Патрикѣвъ; но со вступленіемъ на митрополичью кафедру Даниила положеніе Максима, оказавшагося въ близкихъ сношеніяхъ съ „заволжцами“, ухудшилось: это было вскорѣ послѣ совер-

шенія перваго переводнаго труда Максима въ Россіи. Недостатка въ поводахъ къ недоразумѣніямъ, конечно, не было, и главнымъ такимъ поводомъ явились ученые труды Максима. Къ дѣлу исправленія книгъ Максимъ отнесся исключительно съ точки зрѣнія научно-критической, какъ богословъ и филологъ, не принимая въ соображеніе характера тогдашняго русскаго просвѣщенія. Совершенно естественно, что при сложной работѣ, которую приходилось производить Максиму на первыхъ порахъ съ огромными техническими затрудненіями, онъ неизбѣжно долженъ былъ впадать въ противорѣчія съ установившейся буквой старыхъ, неисправныхъ текстовъ, — и это было ему поставлено въ вину. На соборѣ 1525 года онъ подвергся формальному суду, на которомъ оглашены были строгія сужденія Максима Грека о состояніи тогдашнихъ русскихъ текстовъ богослужебныхъ книгъ: въ мнѣніи ученаго филолога усмотрѣли дерзкую хулу на догматы вѣры. Къ этому присоединились сужденія Максима по столь важному тогда вопросу, какъ владѣніе монастырей имѣніями (Максимъ относился къ нему отрицательно), въ связи съ распущенностью тогдашняго русскаго монашества, защита имъ интересовъ Константинопольскаго патріарха, несочувствіе его разводу вел. князя съ Соломоніей, — и въ результатъ оказалось категорическое осужденіе Максима и заключеніе его въ Волоколамскій монастырь. Не трудно представить себѣ то настроеніе, которое переживалъ Максимъ въ своемъ заточеніи; ученый и образованный инокъ, глубоковѣрующій православный и носитель высокихъ нравственныхъ идеаловъ, онъ оказался, вдали отъ родины, въ полной власти невѣжественныхъ фанатиковъ съ ихъ церковно-придворной политикой, до которой Максиму не было никакого дѣла. Стѣсняемый физически во враждебной ему обстановкѣ монастырскаго заточенія, онъ еще болѣе страдалъ нравственно; въ это время имъ написанъ рядъ обличительныхъ „словъ“ и „посланій“, въ которыхъ онъ,

въ чрезвычайно рѣзкомъ тонѣ, подвергалъ критикѣ русское монашество и церковную іерархію, своекорыстіе вельможъ и общую безнравственность и порочность, начиная съ верховъ и кончая простымъ, невѣжественнымъ и суевѣрнымъ, народомъ. Эта дѣятельность Максима раздражала его враговъ, которымъ вскорѣ представился поводъ нанести новый ударъ Максиму. Его обвинили въ преступныхъ политическихъ сношеніяхъ съ турецкимъ посломъ Скиндеромъ и, вскорѣ послѣ смерти послѣдняго въ Москвѣ (1530), привлекли Максима къ суду, на которомъ онъ обвиненъ былъ еще и въ томъ, что во время волоколамскаго заточенія „покаянія и исправленія не показываше и неповинна себе во всемъ глаголаше, и отреченная мудрствоваше и посланія писаше“; наконецъ, ему предъявили обвиненіе и въ томъ, что онъ допустилъ неисправности въ переводѣ Житія Богородицы и зачеркнулъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ два мѣста, а въ Троицкой вечернѣ большой отпустъ — по мнѣнію Даніила, „догматъ премудрый“. Измученный Максимъ Грекъ обнаружилъ на судѣ 1531 года значительный упадокъ духа, призналъ себя виновнымъ въ „нѣкихъ малыхъ описяхъ“, слагалъ нѣкоторыя вины на переписчиковъ, особенно на Медоварцева, и даже трижды повергался передъ соборомъ ницъ, прося себѣ прощенія или, по крайней мѣрѣ, снисхожденія¹⁾. Какъ уже было указано, Максимъ былъ на соборѣ 1531 года осужденъ и отправленъ на заточеніе въ Тверской Отрочъ монастырь, съ отлученіемъ отъ причастія Св. Таинъ. Это событіе является самымъ горькимъ моментомъ во все болѣе и болѣе возрастающихъ злоключеніяхъ Максима въ Россіи, и дальнѣйшія событія были для него болѣе благоприятны; помогло этому не публичное оправданіе Максима

1) Превіе Даніила митрополита Московскаго и всея Руси со инокомъ Максимомъ Святогорцемъ: Чтенія Общ. Ист. и Др. 1847 № 7, отд. II, стр. 1—21.

въ обращенныхъ къ нему обвиненіяхъ, изложенное въ „Исповѣданіи вѣры“ въ первые годы его тверского заточенія (Соч. I, стр. 19—32), а внѣшнія обстоятельства. Въ концѣ 1533 года умеръ вел. кн. Василій Ивановичъ, а въ 1538 и правительница великая княгиня Елена: это повлекло за собою и паденіе главнаго антагониста Максима, митр. Даніила. Однако облегченія своей участи Максиму пришлось ждать еще очень долго, и лишь въ 1551 году, по ходатайству Троицкаго игумена Артемія, Максимъ освобожденъ былъ изъ своего тверского заточенія и съ почетомъ принятъ на житіе въ Троице-Сергіевъ монастырь, гдѣ онъ оставался до конца своей жизни, предаваясь молитвенному созерцанію и литературнымъ трудамъ. Въ эти годы Максимъ, уже давно разобщенный съ родиной, повидимому оставилъ мысль объ отъѣздѣ изъ Россіи. Царь Иванъ Васильевичъ не разъ оказывалъ ему знаки своего вниманія и вызывалъ на церковно-общественную работу (напр., при обличеніи ереси Матвея Башкина въ 1554 году), но Максимъ уклонился отъ этихъ приглашеній, ссылаясь на свою старость и немощи; конечно, въ этихъ отказахъ играли извѣстную роль и горькія воспоминанія своего собственнаго прошлаго. Максимъ Грекъ скончался въ 1556 году. Такъ окончилась эта долгая жизнь на Руси ученаго пришельца, представляющая собою въ высшей степени характерную страницу русской жизни XVI вѣка. Печальная судьба Максима Грека, призваннаго въ качествѣ авторитета по церковно-богословскимъ вопросамъ и затѣмъ дважды осужденнаго за свои мнимыя „вины“ средой, стоявшей гораздо ниже его въ отношеніи нравственныхъ понятій и образованности, является яркой иллюстраціей степени русскаго просвѣщенія той эпохи. Вѣрная оцѣнка Максима была еще не по плечу московскимъ людямъ XVI вѣка, но принесенныя имъ жертвы, конечно, не были для будущихъ судебъ русскаго просвѣщенія напрасны.

Литературная дѣятельность Максима Грека довольно обширна и разнообразна¹⁾. Писалъ ли онъ что-нибудь до своего прѣзда въ Россію, мы не знаемъ; поэтому мы можемъ судить о немъ, какъ о писателѣ, лишь по тѣмъ произведеніямъ, которыя написаны имъ въ Россіи.

На первомъ мѣстѣ по своему историческому значенію, между этими сочиненіями, могутъ быть поставлены переводныя работы и труды по исправленію текста богослужебныхъ книгъ. Толкованіе на Псалтырь и вмѣстѣ съ тѣмъ

1) Сочиненія Максима Грека изданы были Казанской Духовной Академіей, подъ ред. И. Я. Порфирьева, въ трехъ томахъ, въ 1859—1862 годахъ; первый и третій томы этого собранія вышли вторымъ изданіемъ (I. Казань 1894, II. Казань 1897). Изданіе это, снабженное краткимъ біо-библіографическимъ предисловіемъ, не можетъ быть признано ни полнымъ, ни вполне критическимъ. Что касается полноты, то въ него вошли только тѣ сочиненія Максима, которыя до появленія этого изданія не были напечатаны: исключеніе сдѣлано, по словамъ редактора, лишь для „Исповѣданія Символа вѣры“, тѣсная связь котораго со всѣми другими догматико-полемическими сочиненіями сдѣлала необходимымъ его перепечатку и въ этомъ собраніи. Изъ невошедшихъ въ это изданіе сочиненій, нѣкоторыя напечатаны были еще въ XVII в. (напр., переводъ Бесѣды І. Златоуста на Евангеліа Матвея: М. 1664 и Іоанна: М. 1665 и др.), другія сдѣлались достояніемъ научнаго интереса въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка (см. предисловіе при I т., стр. 13). Съ другой стороны, нельзя безусловно ручаться за то, что всѣ произведенія, вошедшія въ казанское изданіе, непременно принадлежатъ перу Максима Грека. Вопросъ объ источникахъ для собранія сочиненій Максима Грека почти не затронутъ въ нашей ученой литературѣ, хотя для этого имѣется обширный и весьма интересный матеріалъ. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ списковъ сочиненій Максима Грека датированъ 1563 годомъ, т. е. сдѣланъ лишь черезъ 7 лѣтъ послѣ смерти автора (см. А. Поповъ. Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати А. И. Хлудова. М. 1872, стр. 150—158); этимъ экземпляромъ не воспользовался редакторъ казанскаго изданія. Въ концѣ XVI вѣка очень интересовался сочиненіями Максима Вологодскій архіепископъ Іона, о трудахъ котораго въ этомъ отношеніи свидѣлствуетъ его собственная записка на сдѣланномъ имъ въ 1592 году спискѣ Толковой Псалтыри Максима, находящемся нынѣ въ составѣ бібліотеки А. И. Хлудова. Изъ этой записки явствуетъ, что Іона составилъ свой экземпляръ Толковой Псалтыри въ Вологдѣ („семь безугубнымъ мѣстѣ“): „а писана — прибавляетъ онъ объ этой книгѣ — не съ единого списка, но съ различныхъ добрыхъ переводовъ“ (А. Поповъ. I Прибавленіе къ Описанію

исправление псалтырного текста были, какъ уже упомянуто выше (стр. 266), первымъ литературнымъ результатомъ пребывания Максима въ Россіи. Исторія этого труда недостаточно изучена въ подробностяхъ. Исправленія текста псалмовъ нашли себѣ мѣсто въ спискахъ и отдѣльно отъ толкованій; разные экземпляры такихъ списковъ указываютъ на неодинаковое количество поправокъ, внесенныхъ Максимомъ въ псалтырный текстъ, а также на неодинаковость исправленій однихъ и тѣхъ же мѣстъ въ разныхъ спискахъ¹⁾.

рук. и каталогу книгъ церковной печати 6-ки А. И. Хлудова. М. 1875, стр. 3—4). Тутъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло не съ простымъ переписчикомъ труда Максима Грека, но съ его редакторомъ. Однако этимъ не ограничились интересы Іоны относительно литературной дѣятельности Максима. Въ числѣ рукописей бывшей библіотеки И. Н. Царскаго (нынѣ входящей въ извѣстное Уваровское собраніе, въ с. Порѣчье, Можайск. у., Моск. губ.) имѣется списокъ сочиненій Максима (два тома, №№ 241 и 242) конца XVI вѣка, съ записью того же Іоны, отъ 5 ноября 1600 года, о томъ, что „книга эта писана съ добрыхъ переводовъ, а трудовъ и потовъ много положено, какъ правила сію святую книгу“ (П. Строевъ. Рукописи И. Н. Царскаго. М. 1848, стр. 200). Ясно, что и тутъ мы имѣемъ передъ собою редакціонныя работы надъ сочиненіями Максима Грека, сдѣланныя подъ наблюденіемъ архіепископа Іоны. Въ какой мѣрѣ эти редакціонныя труды Іоны имѣли вліяніе на текстъ сочиненій Максима Грека во многихъ ихъ спискахъ XVII—XVIII вв., судить объ этомъ безъ спеціальнаго изученія вопроса очень трудно. Интересно, наконецъ, отмѣтить, что въ одномъ изъ такихъ списковъ XVIII вѣка, въ предисловіи „читателемъ любезнѣйшимъ“, сообщается о томъ, что „любомудрые настоятели“ пожелали „книгу дивнаго и изящнаго въ философехъ Максима Грека... люботщательнымъ исканіемъ и многотруднымъ подвизаніемъ прилежно изслѣдiti и благоусердно собрати и праведно согласивше исправить, и еже возжелѣста, сіе и сотвориста“; далѣе отмѣчено, что вообще собранія сочиненій Максима имѣются въ двухъ видахъ — „малое“ въ 77 главахъ и „великое“ въ 115 главахъ (см. А. Поповъ. Описаніе 6-ки А. И. Хлудова, стр. 158). Любопытные, но не проверенные критически матеріалы объ объемѣ литературной дѣятельности Максима представлены въ статьѣ (Терещенко): О трудахъ Максима Грека. Ж. М. Н. Пр., ч. III (1834), стр. 243—278. — Какъ предшествующія, такъ и послѣдующія ссылки сдѣланы мною по казанскому изданію (I. 1894, II. 1860, III. 1897).

1) Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи. Ч. I. Казань 1881, стр. 12—18.

Въ концѣ своей жизни (1552) Максимъ возвратился къ этой части своего труда, какъ о томъ можно заключать изъ послѣсловія къ нѣкоторымъ спискамъ Максимовой Псалтыри, принадлежащаго ученику Максима Нилу Курлятеву; здѣсь попутно дана и характеристика Максима Грека какъ переводчика, при чемъ приведено сравненіе его въ этомъ отношеніи съ митр. Кипріяномъ: именно, что „старецъ Максимъ философъ въ русской земли жилъ многа лѣта и до конца русской языкъ и грамоту узналъ извѣстно..., а Кипріянь митрополить погречески извѣстно не умѣлъ и руского языка довольно не зналъ же“¹⁾. О другихъ трудахъ Максима Грека въ этой же области также было уже упомянуто (стр. 267—268). Самъ Максимъ смотрѣлъ на эти свои труды не съ одной лишь точки зрѣнія догматическаго правосмысла, но также и современныхъ ему потребностей русской церковной практики и русской жизни: „Азъ благодатью Христовою — писалъ онъ въ „Исповѣданіи вѣры“ — всѣми моими списаніи и самымъ бывшимъ переводомъ и исправленіемъ божественныхъ книгъ вашихъ учю всякаго человѣка прямо мудрствовать о воплощемся Божѣ Словѣ... Азъ моими списаніи всякую латынскую ересь и хулу іудейскую и языческую обличаю... себѣ же и всякому благовѣрному иноку думаю жителствовать и свое житіе устроить во святыхъ божіихъ заповѣдехъ и преданіихъ и уставѣхъ“ (Соч. I. 23—25). Болѣе пространное объясненіе своихъ трудовъ по исправленію книгъ Максимъ даетъ въ своихъ „Словахъ отвѣщательныхъ“ по поводу взведенныхъ на него обвиненій о допущенной будто бы имъ порчѣ книгъ и разныхъ ошибкахъ,

1) Тамъ же, I, стр. 19—20. Возраженіе на вторую часть этой характеристики см. у архим. Амфилохія: Труды IV Археол. Съѣзда. Т. II. Казань 1891, стр. 1—6. О знакомствѣ Максима съ русскимъ языкомъ, очевидно пріобрѣтенномъ имъ вслѣдствіе его даровитости и общихъ филологическихъ познаній довольно быстро, имѣются отзывы и другого ученика и сотрудника Максима — Силуана: Изслѣдованія по русскому языку. Изд. II Отд. А. Н., I. Спб. 1895, стр. 628.

причемъ излагаетъ свой взглядъ и вообще на положеніе этого вопроса въ тогдашней Россіи: прежніе тексты священныхъ и богослужебныхъ книгъ полны грубѣйшими ошибками, явившимися результатомъ незнакомства переводчиковъ съ греческимъ языкомъ и полного невѣжества переписчиковъ; Максимъ Грекъ приводитъ любопытные и весьма яркіе примѣры такихъ ошибокъ на этой почвѣ (Соч. III. 66—68). „Отъ сихъ и ссиевыхъ описей — заключаетъ авторъ — явлени суть старіи предводницы, не совершенно увѣдавшие еллинскій языкъ, или паки ини нѣцци малоумніи послѣ ихъ хотяще то исправить, и наибольши испортили“ (Соч. III. 69). Радѣя объ интересахъ русскаго церковнаго просвѣщенія и зная по опыту, какъ трудно встрѣтить въ Россіи свѣдущихъ переводчиковъ, Максимъ написалъ специальную статью „О пришлецахъ-философахъ“ въ руководство тѣмъ лицамъ, которыя будутъ имѣть возможность вліять на выборъ переводчиковъ и исправителей церковныхъ книгъ. Подъ этими „философами“ онъ разумѣетъ книжныхъ людей, которые приходили на Русь съ цѣлію приложить свои знанія по книжному дѣлу. Изъ нихъ, по словамъ Максима, лишь очень немногіе были „совершенны“ въ „книжномъ искусствѣ“, большею же частію знали его только „исполу“ или же „и отнюдъ не вкусивше художнаго вѣдѣнія книжнаго, рекше грамотійскаго и риторскаго“, а между тѣмъ желали „корыстовати“ и „кормыхатися“; и вотъ — для „искушенія всякаго хвалящагося“ изъ этихъ людей Максимъ сочиняетъ греческіе стихи двумя размѣрами, съ переводомъ на русскій языкъ, при чемъ даетъ такое наставленіе: „аще нѣкто по моемъ умертвіи будетъ пришедъ къ вамъ, иже аще возможетъ превести вамъ строкъ тѣхъ по моему переводу — имите вѣры ему, добръ есть и искусенъ; аще ли не умѣетъ совершенно превести по моему преводу, не имите вѣры ему, хотя и тмами хвалится, и первѣе вопросите его, коею мѣрою сложены суть строки сіи, и аще речеть: пройскою и

элегійскою мѣрою, истиненъ есть; аще рците ему: коликими ногами [т. е. стопами] обоя мѣры совершается? и аще отвѣщаетъ, глаголя, яко пройска убо шестію, а элегійска пятію, ничто же прочее сомнитися о немъ, предобръ есть, примите его съ любовію и честію и, елико время у васъ жити произволяетъ, жалуйте его нещадно“ (Соч. III. 231—232). Въ общемъ, дѣятельность Максима Грека по части переводовъ и исправленія книгъ не была расположена по какому-либо опредѣленному плану: ни самъ Максимъ, ни кто-либо другой въ Москвѣ не руководили этимъ дѣломъ въ широкомъ смыслѣ слова; дѣлалось, повидимому, то, что представлялось возможнымъ по имѣвшемуся подъ руками книжному матеріалу, вызывалось случайными съ чьей-либо стороны требованіями и запросами или казалось болѣе неотложнымъ самому Максиму и близкимъ ему людямъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе эта дѣятельность Максима имѣла большое не только фактическое, но и принципиальное значеніе: она устанавливала въ глазахъ русскихъ людей печальное положеніе вопроса о русскихъ священныхъ богослужебныхъ и вообще церковныхъ книгахъ и приготавлиала почву для болѣе систематической работы по исправленію книгъ въ XVII вѣкѣ.

Другіе труды Максима Грека, если обойти здѣсь молчаніемъ его спеціальныя филологическія и грамматическія произведенія²⁾, могутъ быть раздѣлены на два большихъ отдѣла: догматико-полемическихъ сочиненій съ одной стороны, и нравственно-назидательныхъ и обличительныхъ съ другой. Къ первому отдѣлу могутъ быть отнесены сочине-

1) Кромѣ упомянутыхъ уже болѣе или менѣе крупныхъ переводныхъ предпріятій, Максиму принадлежитъ и рядъ сравнительно мелкихъ переводныхъ работъ учительнаго, историческаго и житійнаго характера, особенно изъ Метафраста: Соболевскій, А. И. Переводная литература, стр. 264—279.

2) См. о нихъ цѣнныя изслѣдованія и матеріалы акад. И. В. Ягича: Разсужденія южнославянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ, въ „Изслѣдованіяхъ по русскому языку“, т. I, стр. 582—633.

нія противъ язычества („еллинской прелести“), магометанства, іудейства и жидовствующихъ, армянъ, католиковъ и лютеранъ. Несмотря на значительную популярность въ русскомъ обществѣ церковно-полемиическихъ вопросовъ въ XVI вѣкѣ, эти сочиненія Максима Грека имѣютъ, по своему происхожденію, наименьшую связь съ дѣйствительностью; скорѣе можно думать, что въ нихъ отразились впечатлѣнія и настроеніе мысли того періода жизни автора, когда онъ жилъ у себя на родинѣ, учился на западѣ и подвизался на Аѳонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, говорить русскимъ людямъ XVI вѣка о религіозныхъ заблужденіяхъ древне-греческаго язычества (Соч. I № 5) было дѣломъ совершенно теоретическимъ, но, напр., въ Италіи, при крайнемъ увлеченіи возмущавшимся классицизмомъ и религіозной міеологіей древнихъ грековъ, обличенія Максима Грека получаютъ свое извѣстное жизненное оправданіе; въ меньшей степени, но то же можно сказать и о магометанствѣ (Соч. I №№ 6. 7. 8), которое видѣлъ Максимъ господствующимъ у себя на родинѣ, тогда какъ о религіозной опасности со стороны татаръ въ Россіи XVI вѣка можно говорить лишь съ очень большими ограниченіями. Что касается армянъ (Соч. I № 9), то хотя именно въ первой половинѣ XVI вѣка они получили въ Польшѣ и на западѣ Руси весьма прочное положеніе, однако ихъ дѣятельность замыкалась главнымъ образомъ торговыми интересами и мало выражалась въ религіозной пропагандѣ. Обличенія Максима противъ „латынянъ“ имѣютъ подъ собою уже нѣкоторые дѣйствительные факты. Незадолго до прибытія Максима въ Россію явился туда также и одинъ пришлецъ съ католическаго запада, сдѣлавшійся извѣстнымъ, подъ именемъ Николая Нѣмчина, перепиской съ разными русскими людьми по религіознымъ вопросамъ: такъ, онъ писалъ о единствѣ православія и католичества ростовскому архіепископу Вассіану Санину, о имѣющей послѣдовать въ 1524 году кончинѣ міра дяку Мисюрю Муне-

хину, который сообщилъ это посланіе извѣстному старцу Псковскаго Елеазарова монастыря Филовею, написавшему въ 1522—23 гг. на него опроверженіе ¹⁾). Николай Нѣмчинъ писалъ также и къ Максиму по тому же вопросу о соединеніи церквей и вызвалъ со стороны послѣдняго рядъ обличительныхъ произведеній (Соч. I, №№ 11. 14. 15. 21. 25). Однако характеръ полемики Максима по этому вопросу не носить въ себѣ ничего особенно оригинальнаго, равно какъ и его сочиненія противъ лютеранства (Соч. I, №№ 23. 24). То же самое приходится сказать и объ его обличительныхъ посланіяхъ противъ іудейства и жидовствующихъ (Соч. I, №№ 2. 3. 4): тутъ онъ не представляетъ почти ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже ранѣе было сказано Геннадіемъ и Іосифомъ Волоцкимъ, хотя имѣлъ передъ собою также конкретные факты, напр. въ видѣ іудейской пропаганды нѣкоего Исаака-Жидовина.

Изъ обширной группы нравственно-назидательныхъ и обличительныхъ произведеній Максима Грека видное мѣсто занимаютъ сочиненія, посвященныя вопросу объ иночествѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательна, по важному автобіографическому матеріалу, „Повѣсть страшна и достопамятна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ“ (Соч. I, № 26). Авторъ рассказываетъ тутъ о католическихъ монастыряхъ во Франціи и Италіи, и въ частности говорить о началѣ и устройствѣ Картезіанскаго монастыря, основаннаго въ XI вѣкѣ, не называя однако же его по имени (см. Опис. рук. Синод. Б-ки II. 2, стр. 555), но отзываясь съ большимъ сочувствіемъ о благочестіи, нестяжательности и смиреніи иноковъ. Онъ, между прочимъ, говоритъ: „Гдѣ у нихъ особно нѣкое желаемо брашно, или питіе, или овощъ нѣкій, или ино что наслажающее гортань? гдѣ у нихъ стяжанія злата и серебра?“

1) Л. Майковъ. Послѣдніе труды. 2. Николай Нѣмчинъ, русскій писатель конца XV—нач. XVI вѣка. Изв. II Отд. А. Н., т. V (1900) № 2, стр. 379—389—391.

гдѣ у нихъ празнословіе, или сквернословіе, или смѣхъ безвремененъ и безчиненъ? пїянство же и преизлишнее сладкихъ яденій ниже слышатся у нихъ, сребролюбіе же и лихоиманія и росты и лукавый нравъ мерзко у нихъ и проклято слышаніе, одѣянїя же ихъ власяна и вся бѣла, чистоту житїя ихъ и пребыванїя образующа, лжа же и ослушаніе и прекословіе исчезоша вся у нихъ въ конецъ“ (I, стр. 149). Едва ли можно сомнѣваться, что въ этой нѣсколько идеализированной картинѣ отмѣчено отсутствіе такихъ именно качествъ у католическихъ монаховъ, наличность которыхъ Максимъ наблюдалъ въ Россіи: конечно, строгая обстановка аѳонской монашеской жизни не могла служить тутъ матеріаломъ для подобныхъ сравненій съ жизнью иночества на западѣ. Характерно, что въ концѣ своего разсказа, боясь упрековъ въ предосудительномъ пристрастіи, Максимъ оговаривается такъ: „Сея же пишу не яко да покажу латинскую вѣру чисту, совершенну и прямоходящу во всѣхъ — да не будетъ во мнѣ таково безуміе — но да яко покажу православнымъ, яко и не у правомудренныхъ у латынехъ есть попеченіе и прилежаніе евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей и ревность за вѣру Спаса Христа, аще и не по совершенному разуму“ (I, стр. 164—165). Ближайшее отношеніе къ условїямъ жизни русскаго иночества имѣетъ „Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ“ (Соч. II, № 3), затрогивающее вопросъ о владѣнїи монастырей имуществами. Максимъ Грекъ стоялъ въ этомъ вопросѣ на сторонѣ „заволжскихъ старцевъ“, и это ясно выражено въ данномъ произведеніи. Послѣднему дана діалогическая форма. Бесѣда идетъ между Филоктимономъ (любостязательнымъ) и Актимономъ (нестязательнымъ). Первый доказываетъ свою мысль такими соображенїями: монахи должны имѣть досугъ для молитвы, котораго они будутъ лишены, если окажутся въ необходимости обходить города и села для сбора подаянїя; по словамъ

самого Христа, всякій его послѣдователь можетъ уже въ этой жизни рассчитывать получить возмездіе „сторицей“, а такимъ возмездіемъ и является до извѣстной степени матеріальная обезпеченность монастырей; богатство не можетъ повредить, если оно употребляется какъ слѣдуетъ; наконецъ, во владѣніи монастырей имуществами нѣтъ личнаго грѣха ни для кого изъ монаховъ, такъ какъ это имущество общее и не принадлежитъ никому изъ нихъ въ отдѣльности (Соч. I, 89. 90. 92. 114). Эти аргументы опровергаются противной стороной какъ разсужденіями, такъ и ссылками на Св. Писаніе; между прочимъ, съ особенной силой указывается тутъ на злоупотребленія монастырей своими средствами, на отдачу денегъ въ ростъ бѣднымъ людямъ, которые потомъ подвергаются разоренію послѣдняго имущества за невозможность выплатить вовремя монастырю долгъ съ процентами (Соч. I, 94. 98).

Въ трехъ произведеніяхъ Максимъ Грекъ касается вопросовъ внутренней политики Россіи и обязанностей лицъ, близко стоящихъ у кормила правленія. Въ „Главахъ поучительныхъ начальствующимъ правовѣрно“, обращенныхъ, вѣроятно, къ вел. кн. Василию Ивановичу, авторъ старается показать, какимъ долженъ быть прежде всего самъ царь. По его словамъ, царь долженъ быть чуждъ плотскихъ дурныхъ помышленій, уклоняться отъ „студныхъ пѣсенъ и душегубительнаго глумленія смѣхотворныхъ кощунниковъ“, не слушать завистливой клеветы, удерживаться отъ гнѣва и злословія, не вооружаться противъ невинныхъ, не желать пріобрѣтенія чужихъ имѣній (Соч. II, 158). Въ особенности долженъ онъ избѣгать трехъ пороковъ, свойственныхъ лицамъ высокаго сана: сластолюбія, сребролюбія и славолюбія (II, 179—180), долженъ устраивать жизнь своихъ подданныхъ „правдою и благозаконіемъ“ и вообще „правду“ и „умную души доброту“ считать основными необходимыми свойствами монарха (II, 157. 159. 164). Царь долженъ быть

источникомъ блага для своихъ подданныхъ и уподобляться солнцу, сіяющему на праведныхъ и неправедныхъ, и дождю, падающему на благихъ и лукавыхъ (II, 167). Умъ царевъ долженъ быть въ постоянномъ „трезвѣніи“, постоянно обращенъ къ добру, и по этому поводу Максимъ высказываетъ даже своего рода теорію о *tabula rasa* относительно ума — что доброе настроеніе его воспитывается постояннымъ внѣдреніемъ въ него хорошихъ привычекъ: „Умъ всякъ чело-вѣческій — говоритъ онъ — еще по образу и по подобію Божію созданъ глаголется, обаче ничтоже по навиканію разликуеть воска и бумаги. Яко же бо на тѣхъ, якова же письмена хочетъ кто, начертаеть, тѣмъ же образомъ и чело-вѣческій умъ: въ нихъ же ни буди привыкнеши его обычаехъ и ученіихъ или благихъ или злыхъ, въ тѣхъ же до конца пребываетъ и любезно водворяется“ (II, 165). Въ своемъ благочестіи и благости царь долженъ быть чуждъ всякаго лицемѣрія и не уподобляться тѣмъ, которые „всю надежду спасенія полагають во единомъ лишеніи мясъ и рыбъ и елея во время священныхъ постъ, а еже обидѣти и лихоимствовать бѣдныя подручники и въ судилища влачити ихъ и враждебнѣ ихъ ратовати и озлобляти различнѣ не престають“ (II, 161). Наконецъ, Максимъ совѣтуетъ царю въ особенности наблюдать „страннолюбное исправленіе“, т. е. умѣніе принимать иностранцевъ, заботиться о нихъ во время ихъ пребыванія въ Россіи и не удерживать ихъ насильно, когда они пожелаютъ вернуться домой: при такомъ обхожденіи съ ними, иностранцы будутъ разглашать о насъ добрую славу у себя дома, а это послужить, въ свою очередь, на пользу государства. Вообще Максимъ придаетъ большое значеніе сношеніямъ русскихъ съ образованными иностранцами, которые искусны во „всякихъ премудростяхъ и художествахъ словесныхъ и хитростяхъ житейскихъ“ (II, 182—184). Соображая обстоятельства, не трудно видѣть, что для нарисованной имъ идеальной картины Максимъ

бралъ матеріалъ изъ окружавшей дѣйствительности и своей собственной судьбы въ Россіи. Въ другомъ произведеніи („Слово пространѣ излагающе съ жалостію нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія“ : Соч. II, № 26) Максимъ представляетъ аллегорически Россію въ видѣ жены, сидящей при пути: она наклонила голову на колѣна, стонетъ и безутѣшно плачетъ, въ черной одеждѣ, приличествующей вдовѣ. Авторъ заводитъ съ ней разговоръ, спрашиваетъ о причинѣ такого настроенія, и она, прежде всего, предостерегаетъ его предавать ея слова письму, чтобы не навлечь на себя „напастъ нѣкую и ненависть“. Потомъ она объявляетъ, что имя ей „Василія“ (т. е. βασιλεία, царство), что правящіе ею люди, которые должны бы быть крѣпки и сильны, вносятъ своими дѣйствіями только пагубу и постоянное смятеніе; они — славолюбцы и властолюбцы и заботятся не о благѣ народа, а о его порабоженіи, подвергая подданныхъ нравственнымъ и матеріальнымъ пыткамъ безъ пользы для государства и лишь въ угожденіе себѣ; главная ихъ страсть — сребролюбіе и лихоимство, совершенно помрачившія ихъ души: эти люди „беззаконно и богопротивно нынѣ пируютъ, гуслими и сурнами и тимпаны и смѣхотвореніи всяческими, сквернословіи же и бусловіи себя обливають“ (II. 332); они пагубно вліяютъ и на самого царя, внушая ему „неправедный гнѣвъ“ и „звѣрскую ярость“ (II. 327). Очевидно, что тутъ изображены временщики-бояре, какъ наблюдалъ ихъ Максимъ Грекъ въ роли приспѣшниковъ носителя верховной власти, при дворѣ московскаго великаго князя. Наконецъ, въ третьемъ произведеніи, „Посланіи къ начальствующимъ правовѣрно“, Максимъ указываетъ, между прочимъ, на необходимость въ „земской державѣ“ „единомыслія и друголюбія“ среди воеводъ и бояръ, что обуславливаетъ государству внѣшнюю силу (II. 339).

Кромѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ русской жизни, которые — какъ мы видѣли — вызывали со стороны

Максима Грека тѣ или инія литературныя произведенія, его общее знакомство съ народной жизнью въ Россіи должно было открыть передъ нимъ множество пороковъ и заблужденій. Для умнаго, по тогдашнему европейски образованнаго и религіозно-настроеннаго, пришельца русскій народный бытъ, понятія и нравы XVI вѣка, вызывавшіе даже дома суровую критику и обличенія (въ церковныхъ поученіяхъ, посланіяхъ, постановленіяхъ Стоглаваго Собора и т. п.), являлись сплошнымъ большимъ мѣстомъ. Литературные результаты отношенія Максима Грека къ этимъ отрицательнымъ явленіямъ русской жизни выразились двояко. Съ одной стороны, это были обличенія исконныхъ пороковъ человѣческой природы въ извѣстной стадіи ея общественнаго развитія: эти пороки составляли главное содержаніе той схемы (см. стр. 27—29), которой руководились древне-руссіе составители церковныхъ поученій и всякаго рода обличительныхъ и назидательныхъ сочиненій. Воспитанный въ значительной степени на церковно-византійской литературѣ, не остался безъ вліянія этой схемы и Максимъ Грекъ (ср. Соч. II, стр. 246), но не эти произведенія (напр., Соч. II №№ 10. 11. 15. 16. 20) являются характерными для Максима. Гораздо ярче представляется онъ съ этой стороны какъ авторъ, обличающій нѣкоторыя спеціальныя заблужденія и суевѣрія. Таково, напр., замѣчательное „Посланіе на безумную прелесть и богомерзкую мудрствующихъ, яко погребанія для утопленнаго и убитаго бываютъ плодотлительны стужи земныхъ прозябеній“ (Соч. III № 25). Поводомъ къ этому посланію послужило суевѣрное представленіе, что самоубійцы, утопленники и вообще погибшіе неестественной смертью, лежа въ землѣ, могутъ быть причиной неурожая и другихъ подобнаго рода общественныхъ бѣдствій. Хотя церковныя постановленія запрещали обычное погребеніе лишь самоубійць, но народное воззрѣніе присоединяло къ нимъ и всѣхъ другихъ, умершихъ неестественной смертью, которая толкова-

лась какъ наказаніе за грѣхи и подавала поводъ къ приравненію ихъ къ самоубійцамъ. Для такихъ отверженниковъ существовалъ особый родъ погребенія, выработанный бытовой практикой древне-русской жизни: ихъ не отпѣвали и не клали на кладбищахъ при церквахъ, но отвозили неотпѣтыми въ т. наз. „убогіе дома“, которые находились обыкновенно внѣ городской черты. Это были большія ямы, надъ которыми иногда устраивались, въ видѣ простыхъ сараевъ, „молитвенные храмы“; туда бросали тѣла и оставляли ихъ незасыпанными до седьмого четверга по Пасхѣ (семика); въ этотъ день пѣлась общая панихида и желающими приносились кутья и свѣчи. Послѣ панихиды тѣла засыпались, и выкапывалась яма для будущихъ покойниковъ ¹⁾. Суевѣрный народъ, считая этихъ уже такимъ образомъ погребенныхъ людей причиною разныхъ общественныхъ бѣдствій, вырывалъ ихъ изъ могилы. Что эта форма суевѣрія, намеки на которую можно встрѣтить еще у византійскихъ писателей, была даже и на Руси довольно давней, можно видѣть изъ обличенія ея въ XIII вѣкѣ Серапіономъ (см. выше, стр. 149). Максимъ Грекъ съ большой силой обличаетъ это „безумнѣйшее и богомерзкое“ заблужденіе. Онъ старается внушить ту мысль, что причина бездождія, несвоевременнаго мороза и т. п. заключается не въ этихъ несчастныхъ мертвецахъ, а въ „нашемъ беззаконномъ жителѣствѣ“. Т. о., онъ стоитъ тутъ исключительно на точкѣ зрѣнія церковнаго моралиста, не пытаясь войти въ сущность дѣла и разсѣять суевѣріе доводами разума и простого объясненія явленій природы, и дальнѣйшая аргументація Максима исполнѣ отвѣчаетъ этой точкѣ зрѣнія на дѣло: этого не позволяютъ себѣ дѣлать не только непросвѣщенные христіанствомъ люди, но даже животныя, напр. дельфины. Между прочимъ, Максимъ приводитъ, въ качествѣ доказательнаго при-

1) Голубинскій, И. Р. Ц. I. 2, 1 изд., стр. 396.

мѣра, случай изъ своихъ собственныхъ наблюденій: въ Перекопѣ одинъ татаринъ, уличенный въ воровствѣ, былъ повѣшенъ на городскихъ воротахъ для назиданія всѣмъ входящимъ и выходящимъ; на третій день царь велѣлъ его снять, и два татарина, вынесли тѣло въ поле, омыли его, обвили бѣлымъ саваномъ и погребли, показавши тѣмъ подобающее уваженіе къ мертвому тѣлу завѣдомо дурного человѣка: „Татарове же — съ горечью замѣчаетъ по этому поводу Максимъ Грекъ — еще и чюжи суть евангельскаго и апостольскаго законоположенія и просвѣщенія, обаче, аки человѣци словесніи и ти суще, праведно быти мнѣть милость показати всегда къ таковымъ и погребанія сподобляти; христіане же, благочестивый языкъ избранный, божіе наслѣдіе и людіе божіи превозлюблены, безпрестани просвѣщаеми и учими всякими богодохновенными писаніи, оле студа моего! и дельфиновъ безсловеснѣйши и татаръ суровѣйши елико въ томъ являються“ (Соч. III. 141—142). Цѣлую серію составляютъ обличенія Максима Грека противъ астрологическихъ увлеченій, имѣвшихъ большое распространеніе среди грамотнаго русскаго люда въ XV—XVI вѣкахъ¹⁾. „Звѣдозаконіемъ“ и „звѣдозрительной прелестью“ занимались въ XV вѣкѣ, напр., и жидовствующие, а при Максимѣ Грекѣ однимъ изъ сторонниковъ астрологіи былъ тотъ самый Николай Нѣмчинъ, который, какъ мы видѣли (см. выше стр. 276), усиленно рекомендовалъ идею о соединеніи церквей; онъ склонилъ къ астрологіи и кое-кого изъ русскихъ, напр. боярина Ѳедора Карпова и какого-то игумена. Максимъ пишетъ посланіе къ этому боярину (Соч. I № 16), а также „Слово на Николая Нѣмчина, прелестника и звѣздохотца“ (Соч. I № 21); кромѣ того, имъ

1) Служившія къ этому книги „О часахъ добрыхъ и злыхъ“, „О дняхъ добрыхъ и злыхъ“, „О лунныхъ дняхъ“, „Астрологія“, „Звѣздохотецъ“ и др. см. въ сборникѣ Н. С. Тихонравова: Памятники отреченной русской литературы. Т. II, стр. 382—424.

написанъ рядъ другихъ произведеній на ту же тему (Соч. I № № 17. 18. 19. 20. 22). Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ онъ не только оспариваетъ возможность предугадывать будущую судьбу по звѣздамъ, но и считаетъ астрологію занятіемъ безбожнымъ и грѣховнымъ, такъ какъ Богъ есть единственная причина всѣхъ явленій внѣшняго и внутренняго міра. Вмѣстѣ съ этимъ, Максимъ указываетъ и на то, что вѣра въ разнаго рода предзнаменованія противорѣчитъ свободѣ нашей воли и нашей нравственной отвѣтственности за доброе и за злое: „Аще ли же по обношенію звѣздному вся дѣла наша бываютъ, то по нужи творимъ все еже творимъ, а еже по нужи бываютъ, то ни добро, ни зло есть; да еще ни добра, ни зла творимъ по произволенію нашему, то ни хваламъ, ни вѣнцомъ, ни хуламъ, ни мукамъ есме достойни“ (Соч. I, стр. 310).

Наконецъ, Максимъ не оставилъ безъ возраженія и еще одно убѣжище умственныхъ и религіозныхъ заблужденій русскаго общества въ XVI вѣкѣ — разнаго рода апокрифическія сказанія, составлявшія, какъ уже мы знаемъ (см. выше стр. 130), въ извѣстныхъ своихъ частяхъ, достояніе первыхъ вѣковъ русской письменности и получившихъ въ XV и XVI вв. особенно широкое распространеніе.

Изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ Максимъ обратилъ вниманіе на извѣстное сказаніе о „рукописаніи“ Адама¹⁾. Въ своемъ возраженіи (Соч. I, № 26) Максимъ касается изъ этого обширнаго апокрифа лишь эпизода о томъ, „яко первозданный Адамъ далъ на себе прельстившему его діаволу рукописаніе вѣчныя работы“. Доводы Максима, направленные къ мысли о недостоверности подобнаго „мудрословія“, носятъ исключительно теоретическій характеръ, со

1) Содержаніе его см. у Порфирьева, И. Я. Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, стр. 90—96. 208—216, и Тихонова. Памятники отреченной русской литературы, I, стр. 1—17.

ссылками на разныя мѣста Св. Писанія; выводъ изъ нихъ — наша внутренняя духовная свобода, обезпеченная искупительной жертвой Спасителя.

Болѣе значительное распространеніе въ народѣ новозавѣтныхъ апокрифовъ дало поводъ Максиму посвятить имъ три статьи. Первая — „Слово обличительно вкупѣ и развращательно лживаго писанія Афродитіана Персянина зломудреннаго“ (Соч. III, № 20). Содержаніе апокрифа, котораго Максимъ не рассказываетъ, м. б. въ виду его извѣстности, таково. Въ Персидской землѣ, во время рожденія Спасителя, было особое чудо. Въ знаменитую кумирницу, наполненную золотыми и серебряными идолами, пришелъ однажды царь, чтобы узнать смыслъ видѣнаго имъ сна. Жрецъ Прупъ сказалъ ему, что въ прошедшую ночь всѣ боги ликовали и говорили, что „Ира съ этого времени наречется Ураніей (т. е. небесной), потому что ее возлюбило великое солнце, что она обѣщана за древодѣля: имя ей Марія“. Царь остался въ кумирницѣ до вечера и тогда увидалъ, какъ всѣ идолы, при наступленіи ночи, начали пѣть и играть. Онъ ужаснулся и хотѣлъ тотчасъ же уйти, но жрецъ остановилъ его, сказавши, что настало время, когда Богъ явитъ великое чудо. Въ эту минуту кровля кумирницы раскрылась, въ нее вошла звѣзда и стала надъ „кумиромъ источника“; всѣ кумиры, кромѣ послѣдняго, пали ницъ, а надъ нимъ показался вѣнецъ изъ анфракса и измарагда. Персидскіе мудрецы, призванные для объясненія этого явленія, сказали, что въ Виелеемѣ родился царь и Спаситель міра; они посовѣтовали царю послать въ Іерусалимъ волхвовъ для поклоненія родившемуся царю. Царь немедленно отправилъ волхвовъ съ дарами. Звѣзда стояла надъ кумирницей до тѣхъ поръ, пока не отправились волхвы, съ которыми она пошла и руководила ихъ въ пути. Пришедши въ Іерусалимъ и нашедши тамъ Матерь съ Младенцемъ, волхвы сначала сдѣлали ей нѣсколько вопросовъ, чтобы

убѣдиться, точно ли это она, затѣмъ поклонились ей и воздали хвалу. „Отрокъ же — рассказывали потомъ волхвы — сидѣлъ на землѣ, какъ будто ему два года, и говорилъ. Онъ былъ мало похожъ на мать, которая была высока, со смуглымъ и кругловатымъ лицомъ. Списавши портреты съ матери и сына, мы занесли ихъ въ свою страну и положили на кумирницѣ. . . Каждый изъ насъ подержалъ отрока на рукахъ; поклонившись и поцѣловавъ его, мы дали ему въ даръ золото, ливанъ и смирну. Отрокъ же смѣялся и хлопалъ руками, одобряя наши слова“. Послѣ этого явился ангелъ и запретилъ волхвамъ идти къ Ироду, а велѣлъ отправиться въ свою страну. Въ концѣ разсказа присоединено прославленіе Бога и воззваніе ко всѣмъ христіанамъ подражать волхвамъ и принести въ даръ Спасителю правую вѣру отъ души, чистоту отъ тѣла, истину отъ языка ¹⁾. Апокрифъ этотъ имѣлъ цѣлью объяснить, какимъ образомъ восточные волхвы, о приходѣ которыхъ родившемуся Іисусу рассказываетъ Евангеліе, узнали о рожденіи Спасителя. Существуетъ мнѣніе, требующее впрочемъ болѣе детальнаго пересмотра, что славянскій переводъ этого памятника съ греческаго подлинника впервые появился на русской почвѣ въ очень раннюю эпоху, до XIII вѣка (древнѣйшій русскій текстъ этого перевода имѣется въ рукописи XIII вѣка Имп. Публ. Б-ки, Толст. отд. I № 8, напечатанный Н. С. Тихонравовымъ и А. Н. Пыпинымъ), и затѣмъ перешелъ въ южно-славянскія литературы; второй переводъ явился въ Сербіи во второй половинѣ XIV или первой половинѣ XV вѣка и, въ свою очередь, перешелъ въ Россію: повидимому, Максимъ

1) Порфирьевъ, И. Я. Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, стр. 13—15. 149—155; Тихонравовъ. Памятники отреченной русской литературы, II, стр. 1—4; Кушелевъ-Безбородко. Памятники старинной русской литературы, III, подъ ред. А. Н. Пыпина, стр. 73—75.

Грекъ зналъ его въ этомъ второмъ переводѣ¹⁾. Своему обличенію Максимъ Грекъ предпослалъ небольшое введеніе, въ которомъ, прежде всего, указать на то, что подобнаго рода „отъ нѣкихъ писуемыхъ книги отринуты и гнушаются подобаетъ“, такъ какъ онѣ „хульны и скверны“ и отлучаютъ насъ отъ Бога, а между тѣмъ „списаніе Афродитіана“ у „нѣкихъ православныхъ“ „честно и прелюбимо“. Затѣмъ, Максимъ выставляетъ три критерія, при наличности которыхъ всякое „писаніе“ можетъ быть признано „достоувѣрнымъ и твердымъ“: во-первыхъ, оно должно быть написано извѣстнымъ и признаннымъ церковью авторомъ; во-вторыхъ, оно должно быть согласно съ апостольскими догматами и преданіями и, въ-третьихъ, оно не должно заключать въ себѣ внутреннихъ противорѣчій. Съ точки зрѣнія этихъ требованій Максимъ разбираетъ „списаніе“ Афродитіана, чтобы прійти къ выводу, поставленному уже въ самомъ началѣ, объ его недостоувѣрности. Имя Афродитіана и его „санъ“ совершенно неизвѣстны церкви. Далѣе, онъ страдаетъ недугомъ безвѣрія, и его произведеніе наполнено сужденіями и фактами, противными церковнымъ догматамъ и преданіямъ. Кумирницы съ идолами считаетъ онъ за храмы, а жрецовъ — за священнослужителей; Иру приравниваетъ къ Дѣвѣ Маріи; сообщаетъ невѣроятный и неизвѣстный изъ богодохновенныхъ писаній фактъ, что идолы радовались о зачатіи Иры и говорили какъ люди: да и откуда могли знать объ этомъ идолы, когда эта великая тайна была скрыта отъ самыхъ мудрыхъ на землѣ? Кромѣ того, изъ-за чего радовались идолы такому событію, съ которымъ необходимо связывалась ихъ конечная погибель? Близкое рожденіе Спасителя возвѣщено было архангеломъ Гавріиломъ, а не звѣздою. Передаваемые въ апокрифѣ разговоры между

1) Щеголевъ, П. Е. Очерки изъ исторіи отреченной литературы. I. Сказаніе Афродитіана. Изв. II. Отд. А. Н. т. IV (1900), кн. 4, стр. 1323—1325.

іудеями и персидскими волхвами, просившими указаній, не подтверждаются евангельскимъ повѣствованіемъ; точно также ничего не говорится въ евангеліяхъ о томъ, что во время посѣщенія волхвовъ Спаситель сидѣлъ на землѣ, игралъ и смѣялся. Наконецъ, въ „списаніи“ Афродитіана заключаются и внутреннія противорѣчія, изъ которыхъ Максимъ Грекъ главнымъ образомъ указываетъ на одно: въ началѣ говорится, что волхвы видѣли Іисуса сидящимъ на землѣ двухлѣтнимъ младенцемъ, который радовался похваламъ, а въ концѣ упоминается о немъ какъ о младенцѣ въ ясляхъ, что совершенно несогласимо одно съ другимъ. Заключаетъ свое обличеніе Максимъ указаніемъ на то, что „слова Афродитіанова не слова Божія, но истуканныхъ бѣсовскихъ прелщенія въ пагубу слушающимъ я“ (Соч. III. 122). Весьма вѣроятно, что именно подъ вліяніемъ обличенія Максима Грека „списаніе Афродитіана“ было внесено въ „индексъ“ отреченныхъ книгъ, что однако же, съ другой стороны, не помѣшало ему занять свое мѣсто въ Четвѣхъ Минеяхъ митр. Макарія ¹⁾. Изъ двухъ другихъ статей, направленныхъ противъ названныхъ апокрифовъ, первая („Сказаніе о Іудѣ предатели на Аполлинаріа“: Соч. III № 21) имѣетъ въ виду сказаніе, будто Іуда, по возвращеніи полученныхъ имъ за предательство 30 сребренниковъ, не тотчасъ же удавился, но жилъ еще „лѣта довольно“ и что въ это время члены его тѣла опухли. Этотъ рассказъ Максимъ „многажды“ слышалъ отъ „многихъ крѣпцѣ глаголющихъ“; онъ внесенъ былъ также въ „Страсти Христовы“ ²⁾. Въ своемъ возраженіи Максимъ Грекъ не ограничивается указаніемъ на отсутствіе этого рассказа въ подлинныхъ евангельскихъ повѣствованіяхъ, но пользуется доводами и изъ области фیزیологіи: „Аще утроба его (т. е. Іуды) вся изліяся (какъ пере-

1) Щеголевъ, П. Е., назв. соч., стр. 1313. 1330.

2) И. Порфирьевъ. Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 50.

а подъ хоруговь Ошменскою и з ыиными ся бояры становити по тому, яко и ииышии бояре напы повету Виленьского службою боярскою намъ служатъ“¹⁾).

Что касается добровольной уступки паномъ земли своему служилому шляхтичу, то явленіе это, надо думать, имѣло широкое распространеніе. Это видно уже изъ того, что статутъ 1529 года нашелъ нужнымъ даже опредѣлить закономъ подробности надѣленія панскихъ слугъ землею отъ ихъ господъ. Онъ постановилъ, что дареніе панами имѣній своимъ слугамъ-шляхтичамъ должно происходить съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей²⁾ и можетъ быть двухъ видовъ: 1) дареніе земли съ сохраненіемъ обязанности служить пану и 2) дареніе безусловное, съ правомъ служить съ этимъ имѣніемъ „кому хотя“³⁾. Акты хорошо знаютъ примѣры такого безусловнаго даренія панами имѣній своимъ слугамъ и переходы послѣднихъ въ ряды бояръ господарскихъ⁴⁾. Наконецъ, панскіе бояре обращались въ бояръ господарскихъ и съ переходомъ панскихъ имѣній къ господарю „спадкомъ“, какъ выморочныхъ послѣ пановъ. Но на изученіи „спадковой“ шляхты намъ придется остановиться ниже. Поэтому мы и можемъ теперь только ограничиться на нее указаніемъ.

Въ такомъ состояніи застала повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ тотъ классъ, изъ котораго она должна была

1) А. Вил. XXIV. № 66. Этотъ господарскій листъ выданъ, какъ значится въ напечатанномъ текстѣ, 18 февраля 1548 года, 14 индикта. Тутъ, конечно, невѣрно или обозначеніе года, или обозначеніе индикта, такъ какъ 1543 годъ имѣлъ индиктъ 6 (Ср. Н. Горбачевскій, Археографическій календарь . . . Вильна 1869, стр. 7). Во всякомъ случаѣ, между временемъ выдачи Сурымтовичамъ продажнаго листа паномъ Юшковичемъ (23 іюня 1528 года, индиктъ 1) и поступленіемъ ихъ въ число бояръ господарскихъ прошло достаточно времени, и можно пожалѣть, что документъ молчитъ о томъ, кому Сурымтовичи служили за это время.

2) Необходимость присутствія при этомъ актѣ „людей добрыхъ стороннихъ“ и необходимость выдачи паномъ соотвѣтствующаго документа подъ печатами пана и этихъ свидѣтелей, а также подтвержденіе дарственнаго листа великимъ княземъ.

3) I ст., III, 15.

4) Примѣръ выпуска боярина съ землею изъ своей службы паномъ — А. Вил. XXIV, № 47.

создать своихъ „повѣтниковъ“, повѣтовыхъ шляхетныхъ обывателей. Шляхетскіе повѣты съ введеніемъ этой реформы должны были образоватъ лица, обладавшія „почтивымъ шляхетствомъ“ и ослѣстью въ соотвѣтствующихъ повѣтахъ. Посмотримъ, какъ доказывалась принадлежность лица къ шляхетскому сословію и что служило основаніемъ, достаточнымъ для того, чтобы считаться признаннымъ шляхтичемъ. Со времени изданія „артыкула“ 1522 года о „выводе шляхетства за примовою“¹⁾ способами доказыванія шляхетства лица были 1) листы, документы, 2) показанія другихъ шляхтичей. Этотъ „артыкулъ“ легъ затѣмъ въ основу и соотвѣтствующихъ постановленій статутовъ 1529, 1566 и 1588 годовъ, получивъ въ нихъ обстоятельное опредѣленіе²⁾. Остановимся сначала на первыхъ, т. е. на тѣхъ документахъ, которые признавались обезпечивающими право принадлежности къ шляхетскому сословію для лица, имѣвшаго возможность на нихъ сослаться.

Документами, удостоверяющими шляхетство, признавались грамоты господарей, судные акты и боярскіе реестры. По своему содержанію господарскія грамоты, привлекавшіяся къ доказыванію шляхетства, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько видовъ. Первымъ изъ нихъ обозначимъ акты пожалованія господаремъ земли на одной военной службѣ, безъ несенія какихъ-либо иныхъ съ нея повинностей. Примѣромъ этого вида грамотъ можетъ служить листъ великаго князя Александра, данный Ковенскому намѣстнику, пану Станку Костевичу 18 августа 1493 года. Въ этомъ листѣ великій князь говоритъ о томъ, что Ковенскій намѣстникъ просилъ его дать господарскому боярину Пацу Грынковичу Ревутову землю въ Ковенскомъ повѣтѣ, оставшуюся пустою, „безъ службы“, послѣ смерти бездѣтнаго Ревута. Прежде съ этой земли шла такая служба — „човномъ унизъ чого послать“. Господарь даетъ Пацу Грынковичу эту землю съ принадлежащимъ къ ней издавна, о службѣ съ нея говоря такъ: „нехай онъ тую землю держыть и намъ съ тое земли службыть во двухъ

1) См., объ этомъ артикулѣ выше, стр. 198.

2) I ст., III, 11. II ст., III, 16. III ст., III, 19. О доказываніи шляхетства въ по-реформенное время см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 239 и сл.

зброяхъ, якъ иншые бояре“¹⁾. Когда почти черезъ сто лѣтъ послѣ этого пожалованія, въ 1572 году, потомки этого Паца Грынковича, Пацевичи, обратились къ Ковенскому старостѣ²⁾ съ жалобою на помѣру ихъ Ревутовской земли на волоки, наравнѣ съ тяглыми землями, то онъ, разсмотрѣвъ эту грамоту великаго князя Александра, постановилъ: „а такъ мы, обачывшы то, ижъ они здавна шляхтою, людъми вольными, были, а ижъ тую кривду отъ мерничого невинне на себе поносятъ, учынили есмо ихъ отъ тыхъ платовъ и подачокъ вшелякихъ вольными; мають они з тое земли службу земскую военну[ю], водлугъ листу велик[о]го князя Александра, якъ передъ тымъ звыкли, службыти, а большъ ни якихъ повинностей, ровно съ тяглыми поддаными, не мають полнити“. Господарскихъ листовъ, жалующихъ земли на одной военной службѣ, извѣстно немало, и, конечно, всѣ они впослѣдствіи могли служить для получавшихъ ихъ и ихъ потомковъ „доводомъ листовнымъ“ на право принадлежности къ шляхетскому сословію Великаго Княжества Литовскаго.

Итакъ, вольность ото всѣхъ повинностей кромѣ земской военной службы и самая эта служба признавались признаками, отличающими шляхтича отъ лицъ, шляхетства не имѣющихъ. Но, присматриваясь къ сохраннымъ источникамъ случаямъ доказыванія правъ на шляхетство, необходимо сдѣлать выводъ, что не только соединеніе въ документахъ указаній на наличность обоихъ этихъ условій, но даже указаніе на одно изъ нихъ признавалось достаточнымъ какъ доказательство шляхетства. Документы, свидѣтельствующіе, что данное лицо или его предки несли земскую военную службу, принимались безъ всякихъ дополнительныхъ къ нимъ свѣдѣній, какъ несомнѣнная основа для признанія шляхетства. Такими документами были списки служившихъ земскую военную службу. Послѣ переписи военнослужившихъ землевладѣльцевъ, произведенной въ 1528 году, составленные тогда списки оказались въ значеніи переписи шляхты Великаго Княжества Литовскаго, и нахожденіе чьего-либо имени въ нихъ стало признаваться доказательствомъ шля-

1) А. Вил. XXIV. № 85.

2) Панъ Янъ Ходкевичъ, грабя на Шкловъ и на Мышъ, староста Жомойтскій, администраторъ и гетманъ земли Инфлянтской, староста Ковенскій, державца Плотельскій и Тельшовскій.

хетства лица, которому это имя принадлежало¹⁾. Вотъ почему шляхта такъ заботливо вносила потомъ части этого „пописа“ въ книги своихъ повѣтовъ — онѣ служили дѣлу опредѣленія шляхетскаго происхожденія повѣтовой шляхты. Выпись списка бояръ Лидскихъ, Ейшишскихъ, Радуньскихъ, Коневскихъ, Жолудекихъ и Троцкихъ изъ книгъ господарской канцеляріи „большой Великого Князства Литовского экстрактомъ ухвалы — колько хто з обывателей Великого Князства Литовского ку обороне земской з именей своихъ коней ставити мають, на великомъ вальномъ сейме у Вильни въ року тысеча пятьсотъ двадцать осмомъ постановленое“, — выданная 1 іюля 1639 года подъ титуломъ короля Владислава IV-го, прямо называетъ эту „уфалу“ спискомъ шляхты: „тое списанье вышей помененыхъ бояръ-шляхты“²⁾. Въ 1796 году панъ Томашъ Якубовскій представилъ для внесенія въ земскія книги Лидскаго повѣта часть этой выписи, а именно списокъ бояръ Ейшишскихъ съ прибавленіемъ заголовка списка бояръ Радуньскихъ. Приписка на этомъ документѣ также иллюстрируетъ практическое значеніе „пописа“ 1528 года даже въ XVIII столѣтіи³⁾.

Кромѣ „ухвалы“ или „пописа“ 1528 года, какъ доказательство шляхетства упоминаются въ актахъ реестры хоружихъ. Такъ, державца Олитскій и Немоноитскій Станиславъ Райскій, производя волочную помѣру въ Плотельской, Тельшовской и другихъ волостяхъ, „ку замку Плотельскому прислухающихъ“, и забравъ въ волоки земли нѣсколькихъ бояръ, въ своемъ листѣ отъ 13 августа 1554 года говоритъ о послѣднихъ: „которыхъ бояръ хоружій Тельшовскій и з иными бояры старыми на регестре ми ихъ дали подъ печатями своими и написали ихъ за бояры“⁴⁾. Вообще списки бояръ въ военныхъ „пописахъ“ были источниками для опредѣленія шляхетства и служили основаніемъ для признанія шляхтою лицъ, въ нихъ внесенныхъ⁵⁾.

1) Ср. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 446.

2) А. Вил. XXIV. № 30. Ср. *ibidem*, № 31.

3) А. Вил. XXIV. № 32. О „пописѣ“ или „ухвалѣ“ 1528 года см. выше, стр. 7 и сл.

4) А. Вил. XXIV. № 103.

5) См., напр., *ibidem*, № 52. Ср. „квитъ отъправованя службы военъной“ — *ibidem*, № 240.

Доказываніе шляхетства военною земскою службою было однимъ путемъ, на который становился „доводъ листовный“ права на принадлежность къ шляхетскому сословію. Другой путь — доказываніе свободы земельного владѣнія отъ какихъ-либо повинностей, при чемъ для земель бояръ эта свобода соединяется съ обязательствомъ нести военную службу, для земянъ же — иногда и безъ этого послѣдняго. Примѣры перваго встрѣчаются въ актахъ очень часто, и мы видѣли одинъ изъ нихъ уже выше. Что касается примѣровъ второго, то они очень рѣдки въ приведенныхъ въ извѣстность источникахъ. Вотъ одинъ изъ этихъ примѣровъ. 2 іюля 1494 года въ Вильнѣ великимъ княземъ Александромъ господарскимъ Переволоцкимъ людямъ Слонимскаго повѣта, Семену Созоновичу, Прону Демьяновичу и Ходору Василевскому съ ихъ братіей, былъ данъ листъ ¹⁾ слѣдующаго содержанія. Эти люди били челомъ господарю и положили передъ нимъ листъ великихъ князей Витовта и Казимира „въ томъ, ижъ велики князь Витофъ надалъ деду ихъ, на имя Близницу, подводъ не давати, а ни корму и никоторыхъ подачокъ давати, и [ни] какое службы не служити для того, що домъ ихъ на дорозе, и коли велики князь Витольдъ по дворахъ ездывалъ, и въ дому ихъ стоивалъ, а потомъ“ великій князь Казимиръ „далъ и сыномъ ихъ свой [листъ] по тому жъ и въ дому ихъ стоивалъ, а они подымають станцыю, ино и“ самому Александру „ся пригодитъ коли въ дому ихъ стояти“. Въ виду этого великій князь постановляетъ: „и далисьмо имъ сесь нашъ листъ подлугъ листовъ великого князя Витофъта и одца нашего, короля его милости, — подводъ имъ не надобе давати а ни корму, а никоторое подачки, и никакое службы имъ не служити, нехай будетъ такъ, какъ было за великого князя Витофъта и Зыгмунта и за одца нашего, короля его милости, бо мы старины не рухаемъ, а новины не уводимъ“. Настоящій документъ въ серединѣ XVI столѣтія былъ признанъ совершенно достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы потомки этого Близнеца считались обладающими правами шляхетства. Въ листъ Сигизмунда Августа, данномъ 6 іюня 1560 года Слонимскому старостѣ, пану Григорію Воло-

1) А. Вил. XXIV. № 139.

вичу и господарскому ревизору Андрею Илговскому, потомки Близнаца называются господарскими земьянами Слонимскаго повѣта. Надо при этомъ отмѣтить, что господарь рѣшилъ настоящее дѣло послѣ совѣщанія съ радными панамъ Княжества, этими официально признанными хранителями правъ, вольностей и традицій Великаго Княжества Литовскаго. Самое рѣшеніе Сигизмунда Августа въ пересказываемомъ его листѣ изложено такъ: „ино мы, з паны радными нашими ихъ милостю намовившисе и бачачи, ижъ тотъ листъ на шляхецтво имъ служитъ, для того, въ повинность жадную абы не были приворочаны, тотъ есмо листъ короля его милости Александра при mocy zostавили и приказуемъ вамъ ¹⁾), ажебысте и братьи ихъ ку службе тяглою и жадной повинности не примушали и никоторое трудности для того не чинили, але осадили бысте ихъ и братью ихъ не платить, але яко вольныхъ земянъ, заховуючися въ томъ ведле сего росказаня и листу нашого“. Послѣднія слова листа Сигизмунда Августа являются отвѣтомъ на жалобу Переволоцкихъ земянъ на привлеченіе ихъ къ тяглою службѣ во время волочной помѣры. Передъ нами, такимъ образомъ, освобожденіе отъ всякихъ повинностей въ концѣ XV столѣтія и опредѣленіе этого освобожденія въ XVI-мъ равнозначащимъ признанію шляхтичемъ лица, имъ пожалованнаго.

Какъ боярская служба доказывалась не только специальными документами, выданными отдѣльнымъ лицамъ, но и общими списками, „реестрами“ бояръ, такъ и свобода имѣнія отъ „подачекъ“ кромѣ листовъ, выданныхъ на эти имѣнія, доказывалась общими списками земель и лицъ, съ которыхъ шли „подачки“ въ скарбъ. Эти списки — „реестры скарбные“. Отсутствіе въ нихъ имени господарскаго боярина служило доказательствомъ его шляхетства, такъ какъ „бояре путные и панъцерные, которые повинности полнити и чынъшъ давати повинъни, меновите въ рейстрахъ скарбныхъ суть описаные“ ²⁾. Но кромѣ всего этого шляхетство могло быть доказываемо ссылкой на документы, въ которыхъ данное лицо обозначено паномъ, шляхтичемъ или земляниномъ. Такъ, въ одной изъ записей 1592 года, сдѣлан-

1) Т. е. Воловичу и Илговскому.

2) Нпр., А. Вил. XXIV, № 239. Ср. *ibidem*, № 205 и др.

ныхъ въ Жомоитскихъ земскихъ книгахъ, встрѣчаемъ листъ Сигизмунда III-го, утверждающій Балтромая Петровича Монтвидовича при „шляхетской вольности“ на основаніи того, что въ „квитахъ“ по установленному Варшавскимъ сеймомъ 1578 года побору, а также и въ другихъ листахъ и квитахъ отецъ Монтвидовича названъ „земениномъ земли Жомоитской“ ¹⁾. Доказательствомъ шляхетства могутъ быть въ концѣ концовъ вообще всякіе документы, которые такъ или иначе способны показать дѣйствительное пользованіе шляхетскими правами или простое обозначеніе даннаго лица, или его предковъ шляхтичами ²⁾. Нельзя не признать, что „доводъ листовный“, съ одной стороны, усвоилъ традицію „артыкула о выводе шляхецтва за примовою“ двадцатыхъ еще годовъ XVI столѣтія ³⁾, а, съ другой стороны, не совсѣмъ крѣпко закрывалъ двери для прохода въ ряды шляхты передъ лицами, которыхъ права на шляхетство были не совсѣмъ безспорны, — въ самомъ дѣлѣ, не всѣ изъ такихъ обозначеній лицъ панами, земянами и т. п. въ дѣйствительности, конечно, дѣлались послѣ тщательной провѣрки шляхетства лицъ, ими обозначенныхъ.

Мы разсмотрѣли основанія для признанія шляхетства, почерпаемыя изъ документовъ, представляемыхъ „на помощь шляхетству своему“ ⁴⁾. Свидѣтельскія показанія о шляхетствѣ, когда приходилось его доказывать, также выдвигали тѣ же основанія. Вотъ образецъ такого показанія. Доказывавшій въ 1583 году свое шляхетство господарскій бояринъ Ретовской волости Жомоитской земли Станиславъ Юцайтисъ, кромѣ листовъ, „ставилъ на доводъ шляхетства своего боярь его королевской милости земли Жомоитское“ — одного Медыгянской волости, другого Жоранской и третьяго Ретовской волости, „повинного своего“. Эти бояре показали подъ присягою: Станиславъ Юцайтисъ „есть з роду шляхтичъ и, яко предкове

1) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III. Стр. 53 (№ 1).

2) Иногда при доказываніи шляхетства ссылаются на пожалованіе великимъ княземъ челоуѣка „велдомого“, что и рѣшаетъ вопросъ о шляхетствѣ лица. Нпр., А. Вил. XXIV, №№ 48 и 235.

3) См. выше, стр. 198.

4) А. Вил. XXIV. Стр. 269.

его, которые неподалеку насъ мешькають, завъжды заровно з нами службу земскую военную конно служили“¹⁾. Подобныхъ свидѣтельскихъ показаній о земской службѣ при доказываніи шляхетства акты знаютъ много. Иногда это признаніе выражается и такими словами документа: доказывающаго шляхетство „все бояре-шляхта себе за брата менили быть стародавнымъ бояриномъ“²⁾. Иногда приглашенные для доказыванія шляхетства шляхтичи даютъ показаніе о „кровности“ съ ними доказывающаго шляхетство, о томъ, что онъ съ ними одного рода, но и къ этому они часто прибавляютъ служеніе съ ними имъ земской службы³⁾. Свидѣтельскія показанія, конечно, должны были приводить тѣ же основанія для шляхетства, какъ и „доводъ листовный“, часто являясь вспомогательнымъ матеріаломъ для послѣдняго. „Хоружіе и шляхта стародавняя“ признають доказывающихъ шляхетство своей „братіей“, а реестры скарбные доказываютъ отсутствіе ихъ именъ въ спискахъ „бояръ путныхъ“ и „людей тяглыхъ“⁴⁾.

Сводкою почти всѣхъ основаній для доказыванія шляхетства можетъ считаться листъ Сигизмунда Августа, данный въ Вильнѣ 3 іюля 1560 года⁵⁾ для руководства комиссарамъ въ Ейшишской и Радуньской волостяхъ, панамъ Яну Шимковичу⁶⁾ и Григорію Воловичу⁷⁾ и господарскому дворянину Размусу Богдановичу Довгирду. Въ этомъ листѣ великій князь говоритъ, что ему дана такая „справа“ о положеніи дѣлъ въ этихъ волостяхъ: „многіе з подданныхъ“ господарскихъ, „бояръ путныхъ и людей тяглыхъ, безъ воли и листовъ“ господаря, „за поклонами, черезъ урядниковъ тамошнихъ въ шляхецкое право впускали и, закрываючисе вольностью шляхецкого роду, которые подъ собою мають одны одчизные, а другіе тежъ дочеснымъ

1) А. Вил. XXIV. № 118.

2) А. Вил. XXIV. № 107.

3) Нпр., А. Вил. XIII, № 15. Ср. Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III, стр. 95 (№ № 76, 87) и др.

4) Ср. А. Вил. XXIV, стр. 224—225.

5) А. Вил. XXIV. № 141.

6) Маршалокъ господарскій и писарь, староста Тыкотинскій.

7) Староста Метибоговскій, городничій Городенскій, державца Ейшишскій, Воранскій, Коневскій, Дубицкій и Зельвенскій.

правомъ въ то вшедши, у волоки померити и въ порадокъ справить волочное подле постановеня“ великаго князя „приводити не допускають ревизоромъ“ господарскимъ; тѣ же, чьи земли уже помѣрены на волоки, не платятъ съ этихъ земель платовъ. Сигизмундомъ Августомъ были посланы комиссары „для выведеня о шляхецтве тыхъ таковыхъ подданныхъ“ его „и тежъ о забране кгрунтовъ“ его. „За писанемъ“ великаго князя передъ этими комиссарами „хоружіе и шляхта стародавняя тыхъ дворовъ“ должны были дать свѣдѣнія о предъявлявшихъ притязаніе на шляхетство и признать ихъ своею братією. Но отрицательныхъ результатовъ этой справки мало для непризнанія шляхетства. Сигизмундъ Августъ требуетъ, чтобы были привлечены доказательства „регестры скарбными и инными слушными знаки и доводы“ съ другой стороны, со „стороны“ его „господарское“, которая заподозриваетъ шляхетство этихъ лицъ. Эти доказательства должны обнаружить, что они „суть не шляхта, але бояре путные и люди тяглые“. Господарь не хочетъ „никому вольности права уближеня чинити“ и допускаетъ этихъ лицъ „на выводъ нляхетства“ передъ посылаемыми имъ комиссарами, согласно статуту¹⁾.

Въ приведенномъ сейчасъ листѣ Сигизмунда Августа ясно замѣтно нежеланіе уменьшать число шляхты. Это желаніе совершенно естественно. Его объясняетъ не только опасеніе великаго князя возстановлять противъ себя растущую въ своемъ значеніи шляхту, какъ сословіе Княжества, но и забота о военныхъ силахъ Литовско-Русскаго государства, основу которыхъ шляхта составляла и которыхъ требовалось такъ много въ виду тяжелыхъ войнъ этого времени. Иногда эту заботу встрѣчаемъ совершенно ясно выраженною въ господарскихъ листахъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія²⁾.

1) Документъ далѣе даетъ описаніе этого вывода.

2) Вотъ начало одного изъ листовъ Сигизмунда Августа, даннаго въ Кнышинѣ 12 іюля 1564 года: „чинимъ явно симъ нашимъ листомъ всемъ воебѣцъ и каждому зособна, ижъ мы господарь, хотячи розширити и розмножити у панстве нашимъ Великомъ Князстве Литовскомъ людьми рыцарскими народу шляхецкого, абы на потомне часы у панстве нашимъ Великимъ Князстве Литовскомъ могло быть розширене боярь шляхты наше ку потребе нашей господарской п ку оброне речы поспо-

Заботясь о неуменьшеніи числа шляхты, верховная власть, естественно, относилась совершенно снисходительно къ тому, что „люди простые“ въ большомъ числѣ „за листомъ и вызволенемъ права шляхецкое вошли“¹⁾, и такое вступленіе „простыхъ людей“ въ ряды шляхты было тѣмъ легче, что власть, какъ мы это видѣли выше²⁾, должна была отказаться отъ требованія герба для шляхетства, т. е. должна была отвергнуть формальную основу, на которой она могла бы стоять при разрѣшеніи вопросовъ о принадлежности или непринадлежности отдѣльныхъ лицъ къ шляхетскому сословію. Въмѣсто этой формальной и внѣшней, совершенно ясной основы, право на шляхетство стало базироваться на основѣ бытовой — службѣ и землевладѣніи, — а въ силу этого должно было признать и всю неопредѣленность и невозможность строгаго и вполнѣ точнаго опредѣленія своей базы, такъ какъ разнообразіе быта не легко поддавалось укладыванію его явленій въ опредѣленные формы.

Ссылки на гербы въ доказательство правъ на шляхетство и въ эпоху послѣ реформы 1565—1566 годовъ не слишкомъ часто встрѣчаются при „выводахъ“ и признаніяхъ шляхетства³⁾. Да эти ссылки и невозможно было дѣлать большинству шляхтичей второй половины XVI столѣтія при томъ способѣ, которымъ образовалось шляхетское сословіе Великаго Княжества Литовскаго. Но въ эпоху уже существованія повѣтоваго строя, введеннаго реформою 1565—1566 годовъ, провѣрка шляхетскихъ правъ должна была производиться, конечно, строже, чѣмъ въ болѣе раннее время. Этого требовали преимущества, которыя получило повѣтовое шляхетство. Права повѣтоваго шляхтича были слишкомъ велики для того, чтобы верховная власть могла допускать къ обладанію ими новыхъ лицъ такъ же легко, какъ она вводила ихъ въ ряды шляхты въ болѣе раннее время. Съ другой стороны, и сама повѣтовая шляхта, ревниво охраняя свое значеніе въ повѣтахъ, далеко не была склонна смотрѣть сквозь

литей противко непріятелюмъ нашимъ и тому панству нашому Великому Князству Литовскому“ А. Вил. XXIV. № 169.

1) Ср. А. Вил. XXIV, стр. 222.

2) Стр. 197 и сл.

3) Нпр., А. Вил. XIII, № 15.

пальцы на пользованіе повѣтовыми шляхетскими правами, приобрѣтаемое лицами, по ея мнѣнію, „простыми“. Сомнѣнія въ повѣтовомъ шляхетствѣ отдѣльныхъ лицъ, предъ-являемыя шляхтою во время разбора дѣлъ повѣтовыми судами или на повѣтовыхъ сеймикахъ, хорошо извѣстны Литовско-Русскимъ актамъ. Какъ увидимъ ниже, повѣтовая шляхта въ годы послѣ реформы 1565—1566 годовъ враждебно относится къ повѣтовымъ правамъ господарскихъ татаръ и конныхъ мѣщанъ, съ которыми она спокойно уживалась раньше, до приобрѣтенія исключительныхъ правъ шляхетскими корпораціями повѣтовъ. Но тенденцію къ обособленію себя отъ „простыхъ“ людей можно подмѣтить среди шляхты и нѣсколько раньше этой реформы, когда шляхетское движеніе стало уже ясно намѣчать то положеніе, которое стремилась занять шляхта въ государствѣ и которое она заняла дѣйствительно съ эпохи II-го статута. Такъ, въ одной записи Городенскаго суда, сдѣланной въ 1556 году¹⁾, господарскіе подданные Василь и Никонъ Даниловичи заявляютъ: „ижь дей мы завжды службу господарскую военную посполъ съ бояры служили, есть есьмо шляхта, а не хлопи простые, кгде и братью маючи въ себе шляхту, людей добрыхъ, готови есьмо тую братью свою передъ вами поставити и тыми шляхетства своего подпереть“. Но оказалось, что шляхтичи, представленныя суду Даниловичами, показали лишь слѣдующее: „ижь дей мы о шляхетствѣ того Василя а Никона не ведаемъ, а есть ли они шляхта, або ни, только они землю зъ нами одну шляхетскую держать, которую отецъ ихъ у близкихъ нашихъ купилъ“. Судъ послѣ этого показанія призналъ Даниловичей принадлежащими къ „хлопескому стану“.

Однако вполне обособиться отъ тѣхъ группъ повѣтоваго населенія, которымъ въ эпоху послѣ реформы 1565—1566 годовъ шляхта стала отказывать въ признаніи равныхъ съ собою правъ, ей не удалось. Въ то же время нѣкоторыя группы населенія, внѣ всякаго сомнѣнія не принадлежавшія къ составу шляхетскаго повѣта, продолжали напоминать иногда о бывшихъ своихъ связяхъ съ тѣмъ боярствомъ, ко-

1) А. Вил. XVII. № 982.

торое было основнымъ ядромъ повѣтоваго шляхетства времени послѣ реформы. Такъ, въ 1593 году панцырные и путные бояре Полоцкіе представили Сигизмунду Вазѣ „листъ-привилей продка“ его, „славное памяти короля его милости Стефана, съ подписомъ руки его королевское милости и съ печатью Великого Князства Литовского, данный всимъ паномъ Полоцкимъ, рыцерству-шляхтѣ, обывателемъ воеводства Полоцкого, въ которомъ“ выписанъ и привилей Сигизмунда Августа, „тежъ на певные вольности и наданья обывателемъ, всимъ мѣщаномъ и всей земли Полоцкой данный“. При этомъ Полоцкіе бояре панцырные и путные заявили господарю, что „тежъ они до того жъ привилею належать, нижи ижъ не завжды, для частыхъ потребъ своихъ, оного досегнути могутъ“. Сигизмундъ III исполнилъ ихъ просьбу, приказалъ переписать подтвердительный привилей Баторія въ свой листъ и выдалъ его „всимъ бояромъ“ своимъ „панцернымъ и путнымъ воеводства Полоцкого, съ подписомъ“ своей руки и съ привѣшенною печатью Великаго Княжества Литовскаго¹⁾. Отсутствіе совершенно опредѣленнаго разграниченія бояръ и бояръ-шляхты наканунѣ реформы 1565—1566 годовъ заставляло власть Великаго Княжества Литовскаго и въ годы послѣ введенія этой реформы разбирать обѣ эти, такъ близко сходявшіяся группы населенія, чтобы за одной признавать повѣтовые шляхетскія права, а другой въ нихъ отказывать²⁾.

Но, не успѣвъ еще вполнѣ отграничиться отъ группъ населенія, стоявшаго ниже ея, повѣтовая шляхта реформой 1565—1566 годовъ слила съ собою въ повѣтовые шляхетскія

1) А. Вил. XIII. № 21. О распространеніи въ до-реформенное время на путныхъ слугъ Полоцкихъ обязательства господаря не отдавать ихъ въ частное подданство см. Отчетъ о присужденіи премій П. Н. Батюшкова, СПб. 1904, стр. 85 (Разборъ сочиненія М. Довнара-Запольскаго „Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ“. Рецензія профессора М. К. Любавскаго).

2) См., нпр., „Привилей бояромъ повету Слонимского Леню Ивановичу, Марку Климовичу, Василию Борисовичу а Петру Ходоровичу Проствиловичомъ на шляхетство“, выданный Сигизмундомъ Августомъ въ Люблинѣ, 15 января 1569 года (Лит. Метр. $\frac{1}{49}$ л. л. 39—40). Пересказъ этого документа — И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 240—242.

корпораціи тѣ группы населенія, которыя стояли въ предшествующее время выше ея. Князья и паны, стоявшіе внѣ до-реформенныхъ повѣтовъ по своей военной службѣ и подосудности, а также и по участію въ сеймованьѣ, стали въ новые повѣты, какъ повѣтовая шляхта¹⁾. Вмѣстѣ съ нею стояли тамъ же и повѣтовые, земскіе и дворные урядники. Паномъ сталъ теперь называться каждый шляхтичъ, и самое значеніе „пановъ“, какъ особой по своему положенію группы населенія Великаго Княжества Литовскаго, обладавшей прежде особыми правами, стало забываться, такъ какъ они слились съ повѣтовой шляхтою въ общешляхетскихъ или панскихъ правахъ. Объ этомъ прежнемъ особомъ положеніи пановъ напоминали лишь обращенія господарскихъ универсаловъ, которые князей и пановъ ставили, по старой традиціи, выше не только остальной шляхты, но и воеводъ и пановъ радныхъ. Всѣ эти группы населенія теперь считались объединенными въ одномъ „почтивомъ“ и „урожомъ“ шляхетствъ, для пріобрѣтенія котораго лицами, не обладавшими имъ раньше, стало требоваться уже не прежнее бытовое, довольно сбивчивое въ отдѣльныхъ случаяхъ, основаніе, а основаніе формальное — „пасованье“ господаря съ пожалованіемъ герба²⁾.

Итакъ, первымъ условіемъ для обладанія шляхетскими правами въ повѣтѣ было „учтивое шляхетство“ лица. Вторымъ, не менѣе необходимымъ, — обладаніе осѣлостью, лежащей въ обводѣ повѣта. Если точное опредѣленіе границъ имѣній само по себѣ должно было составлять серьезную задачу шляхты и верховной власти, то въ виду указаннаго значенія повѣтовой осѣлости эта задача становится особенно важною³⁾.

1) Группы, на которыя шляхта Великаго Княжества Литовскаго раздѣлялась официальными документами, выражающими официальное пониманіе этого раздѣленія (князья, паны, урядники и рядовая шляхта), мы старались рассмотреть на страницахъ 254—471 цитированной въ предыдущемъ примѣчаніи нашей работы.

2) Ср. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 242—243.

3) За подтвержденіемъ границъ своихъ имѣній повѣтовые шляхтичи обращаются и къ господарю. См., напр., „Потвержене паномъ Кгодебскимъ границъ имени ихъ Бродницкого въ повете Пинскомъ“. Лит. Метр. $\frac{1}{72}$ л. л. 169 об. — 181 об. (Дата: Варшава, вальный сеймъ, 5 апрѣля 1589 года).

Какъ мы видѣли выше¹⁾, одинъ изъ повѣтовыхъ судовъ — подкоморскій — получилъ специальное назначеніе вѣдать дѣла о границахъ шляхетскихъ имѣній и точно устанавливать эти границы. Послѣднія обозначались природными условіями мѣстности, искусственно проводимыми рубежами и насыпаемыми стѣнками и копцами, а также знаками на деревьяхъ. Такое вниманіе къ точному опредѣленію границъ шляхетскихъ имѣній было необходимо, такъ какъ эти имѣнія были не только имуществомъ народа-шляхты, но и основою для его повѣтовыхъ правъ, т. е. именно тѣхъ правъ, которыя и дѣлали его „народомъ“ государства. Повѣтовымъ обывателемъ шляхтичъ былъ только на основаніи своей осѣлости въ повѣтѣ. „Маршалокъ короля его милости, а з оселости землянинъ земли Жомойтское“ — читаемъ въ одномъ документѣ 1596 года²⁾. Шляхтича, не владѣющаго имѣніемъ-осѣлостью въ данномъ повѣтѣ, не станетъ вѣдать и повѣтовый судъ³⁾. Повѣтовыми правами пользуются лишь такіе шляхтичи, чьихъ имѣнія-осѣлости находятся въ округѣ, составляющемъ повѣтъ, и группируются около его центра⁴⁾.

Но весьма значительное число шляхтичей владѣло имѣніями, лежавшими не въ одномъ, а въ двухъ или нѣсколькихъ повѣтахъ. При этомъ такое разбросанное землевладѣніе было достояніемъ не только выдающихся своимъ экономическимъ положеніемъ лицъ; обыватели, которые должны быть признаны людьми средняго достатка, нерѣдко владѣли осѣлостями въ различныхъ повѣтахъ одновременно. Источники очень хорошо знаютъ это явленіе⁵⁾. Завѣщанія

1) Стр. 107—108.

2) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. IV. Ст. 58 (№ 25).

3) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. VII. Ст. 85—86 (№ 514).

4) Такъ, въ одномъ листѣ Генриха, данномъ въ Краковѣ 8 мая 1574 года, переводящемъ господарскаго землянина Семена Грушу съ его имѣніемъ Бокшишки изъ Трабскаго присуда „до свободъ, вольности, вряду и судовъ кгородскихъ, земскихъ и подъ хоруговъ повету Ошменьскаго“, такъ говорится объ имѣніяхъ шляхты этого повѣта: „... до повету Ошменьскаго, где нѣтъ обыватели“ Великаго Княжества Литовскаго, „коло Ошмены оселости свои маючіе, належать“. Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. 69 об. („Листъ пана Семена Груши на вольность отъ присуду Трабьскаго“).

5) Такъ напримѣръ, 12 августа 1586 года Упитскій староста Янъ Яновичъ Волменскій (каштелянъ Полоцкій) выдалъ свой городскій позовъ

крупных пановъ и ихъ раздѣльные акты перечисляютъ длинные ряды имѣній, принадлежащихъ панамъ и находящихся въ различныхъ земляхъ Великаго Княжества Литовскаго¹⁾. Повѣтовые урядники также сплошь и рядомъ выступаютъ въ актовыхъ книгахъ повѣтовыхъ судовъ обладателями имѣній въ разныхъ повѣтахъ²⁾. Наконецъ, и рядовые шляхтичи въ тѣ же книги вносятъ свои „справы“ по своимъ имѣніямъ, лежащимъ въ различныхъ повѣтахъ³⁾. Иногда случалось, что подданные имѣнія земянина, которое лежало въ одномъ повѣтѣ, жили „домами своими“ на территоріи другого, пограничнаго повѣта⁴⁾.

Обладаніе имѣніями въ различныхъ повѣтахъ создавало для шляхтичей, владѣвшихъ ими, подсудность, несеніе земской военной службы, подчиненіе администраціи и возможность сеймикованья также въ различныхъ повѣтахъ. Шляхтичъ, владѣвшій имѣніями въ нѣсколькихъ повѣтахъ одновременно, признавался обывателемъ ихъ всѣхъ, со всѣми правами и обязанностями, соединенными съ принадлежностью къ каждому изъ этихъ повѣтовъ. Подсудность различнымъ повѣтовымъ судамъ по ослѣностямъ влекла за собою обязанность и право вѣдаться по дѣламъ, связаннымъ съ землевладѣніемъ въ опредѣленномъ повѣтѣ, повѣтовыми судами и урядами этого послѣдняго, а не какого-либо другого, въ

„земяномъ и земянкамъ господарскимъ повету Менского и Упитского, пану Яну Юрьевичу Сологубу и сестрамъ“ его „роженымъ, паней Зофін Юрьевой Пресецкой а паней Гальшгце Станиславовой Нининской, Юрьевнамъ Сологубовнамъ, а пану Якубу Якубовичу Сологубу“. Въ этомъ позвѣ староста говоритъ, обращаясь къ этимъ лицамъ: вы вызываетесь „до вряду и суду кгородского повету Упитского, з оселости тое, которую въ повете Упитскомъ в ыменью Лясахъ маєте“. А. Вил. XXVI. № 292. Примѣровъ владѣнія шляхтичами имѣніями въ разныхъ повѣтахъ актовья книги повѣтовыхъ судовъ даютъ очень много. Вотъ нѣсколько такихъ указаній: Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I, стр. 93 (№ 93), 118 (№ 228), 119 (№ 249), 146 (№ 336), 147 (№ 363); II, стр. 4—5 (№ 70), 16 (№ 14), 17 (№ 17), 106 (№ 50), 123 (№ 326) и др.

1) Нпр., А. Вил. XXII, № 632 (завѣщаніе Смоленскаго воеводы Василія Тишкевича и его жены Настасьи Андреевны), *ibidem* № 647 (раздѣльный актъ пановъ Василія и Θεодора Олехновичей Мелешковъ) и др.

2) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 17 (№ 17) и др.

3) Нпр., А. Вил. XXXII, № 174 и др., или Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 4—5 (№ 70).

4) Нпр., А. Вил. XXVI, № 243.

которомъ также находились имѣнія даннаго шляхтича. Дѣло его ведется „у судовъ належныхъ, то есть въ поветехъ, где которые именья прислухаютъ“¹⁾. Если даже дѣло возникаетъ въ судѣ того повѣта, въ которомъ шляхтичъ только что приобрѣлъ имѣніе, но еще не вступилъ во владѣніе имъ, послѣднее обстоятельство можетъ быть выдвигаемо на судѣ въ качествѣ основанія для требованія освобожденія вызваннаго къ суду по такой осѣлости отъ отвѣта передъ даннымъ повѣтовымъ судомъ²⁾.

Итакъ, повѣтовая подсудность не допускала сліянія въ одно цѣлое всѣхъ имѣній шляхтича, лежавшихъ въ различныхъ повѣтахъ, а требовала того, чтобы каждое изъ

1) „Листъ уמוцованый Аньдрею Мацкевичу на дохоженье правомъ именей, отъ воеводы Полоцкого его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] записанныхъ по малжонце его, пани Петрунели Радивиловне“. Лит. Метр. ^{II A}₅₁ л. л. 176 об. — 177. Дата листа: Люблинъ, 16 апрѣля 1569 года. Въ этомъ листѣ такъ говорится отъ имени Сигизмунда Августа: „... тогда съ певныхъ а слущныхъ прычинъ впродъ речоный воевода Полоцкій (т. е. панъ Станиславъ Станиславовичъ Довойно) оныя две части именей Литовскихъ и Подляськихъ, также золота, серебра и речей рукомыхъ, отъ вышей менованое малжонки его (т. е. „небощыцы“ пани Петрунели Радивиловны) ему записанныхъ, намъ г[о]с[по]д[а]ру пустиль а все право свое на насъ влилъ и то певными записы своими достаточне описалъ, хочечи и самъ тое sprawy пры томъ, кому бы то отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра въ судовъ належныхъ злецоно было, попирати. Ино, ижъ некоторые sprawy около именей помененыхъ и маетности рухомое, пану воеводе Полоцкому отъ малжонки его а отъ пана воеводы намъ г[о]с[по]д[а]ру записанныхъ, у судовъ належныхъ, то есть въ поветехъ, где которые именья прислухаютъ, з воеводиною Витебскою Станиславою Кишиною, пани Ганьною Радивиловною и детьми ее точити ся мають, тогда мы г[о]с[по]д[а]рѣ во всихъ таковыхъ справахъ, которые бы съ панею воеводиною Витебскою и з детьми ее около оныхъ двохъ частей именей и маетности рухомое, воеводе Полоцкому, пану Станиславу Довойну отъ малжонки его, небощыцы пани Петрунели Радивиловны, а отъ пана воеводы намъ г[о]с[по]д[а]ру записанныхъ, въ кождомъ повете, въ якого кольвекъ права, которого жъ кольвекъ часу прыточили, злецаемъ и симъ листомъ нашимъ поручаемъ з стороны нашею г[о]с[по]д[а]рское, подле права, намъ г[о]с[по]д[а]ру отъ пана воеводы Полоцкого даного, писару земьскому повету Виленьского Аньдрею Мацкевичу правне поступовати и мовити а водле права посполитого и статуту земьского въ праве зыскъ и страту прыимовати. И на то есмо Андрею Мацкевичу дали сесь нашъ листъ з нашою печатью и съ подписомъ руки нашею г[о]с[по]д[а]рское“. Ср. II ст., IV, 17 и III ст., IV, 27.

2) Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 98—99.

нихъ разсматривалось какъ отдѣльное цѣлое по повѣту, въ которомъ оно находилось. Иначе слагались для ослѣга въ нѣсколькихъ повѣтахъ одновременно шляхтича условія земской военной службы. Статутъ 1566 года въ артикулѣ „о шляхтѣ, которые у разныхъ повѣтѣхъ имѣнья мають“¹⁾, постановляетъ, что шляхтичи, владѣющіе имѣніями въ нѣсколькихъ повѣтахъ одновременно, должны „въ томъ повѣтѣ, въ которомъ“ они будутъ „наиголовнѣйшее имѣнье свое мѣти, зо всихъ имѣней своихъ отчизныхъ, выслужонныхъ, купленыхъ и жонинныхъ“ сами въ военной службѣ становиться „и почтъ свой ставити“. То же самое повторяетъ и статутъ 1588 года²⁾. Такимъ образомъ, обладаніе однимъ и тѣмъ же шляхтичемъ имѣніями въ нѣсколькихъ повѣтахъ выводило часть военныхъ силъ изъ однихъ повѣтовъ, чтобы поставить ихъ подъ хоругвью другого, — шляхтичъ, владѣвшій имѣніями одновременно въ различныхъ повѣтахъ, выставялъ своихъ ратниковъ и становился самъ въ одномъ повѣтѣ, въ которомъ находилось его главное земельное владѣніе. „Попись“ 1567 года даетъ рядъ примѣровъ исполненія этого требованія закона. Такъ, Пинскій хоружій Василій Феодоровичъ Феодюшко выставилъ съ Пинскимъ повѣтомъ при „пописѣ“ четырехъ конниковъ „збройне“ и двухъ драбовъ съ имѣній, лежавшихъ въ повѣтахъ Пинскомъ и Берестейскомъ³⁾, или шляхтичъ Собостьянъ Яновичъ Хрицоновичъ съ Опшменскимъ повѣтомъ выставилъ „збройно“ двухъ конниковъ и одного драба и со своего Опшменскаго имѣнія, и „съ-подъ Менска з Гребеня“⁴⁾.

Повѣтовой администраціи шляхтичъ, ослѣный въ нѣсколькихъ повѣтахъ, подлежалъ также по своимъ ослѣностямъ. Онъ платитъ серебщизну одновременно поборцамъ ея во всѣхъ повѣтахъ, въ которыхъ находятся его имѣнія⁵⁾. Ад-

1) II ст., II, 8.

2) III ст., II, 8.

3) Съ имѣнія Шемерынскаго и съ другихъ дворцовъ въ Пинскомъ повѣтѣ и съ купленнаго дворца (Издитовъ) и со Здитовецкаго имѣнія жены въ повѣтѣ Берестейскомъ. „Попись“ 1567 года, л. 694.

4) „Попись“ 1567 года. Л. 104 (ст. 576 изданія).

5) Такъ, Упитскій староста въ 1586 году вызвалъ предъ свой урядъ пана Миколая Радивиля (князь на Олыкѣ и Несвижѣ, каштелянъ Троцкій) въ неуплатѣ имъ съ его Шавленской державы Упитскому по-

министрація соотвѣтствующихъ повѣтовъ приводитъ въ исполненіе судебныя приговоры, постановленныя по отношенію къ такому шляхтичу, и преслѣдуетъ его за совершенныя имъ преступленія¹⁾. Что касается до права участія на повѣтовомъ сеймикѣ, то законъ не ставилъ никакого ограниченія выбору шляхтичемъ, владѣющимъ имѣніями въ нѣсколькихъ повѣтахъ, сеймика, на которомъ онъ желаетъ присутствовать, если на это имѣетъ право по своей ослѣлости. Законъ говоритъ объ участіи въ занятіяхъ повѣтоваго сеймика „шляхты того жъ повѣту“, ничего не прибавляя о размѣрахъ или значеніи имѣнія шляхтича, которое лежало въ одномъ повѣтѣ, по сравненію съ его имѣніями, находившимися въ другихъ повѣтахъ²⁾. Правда, сеймовыя листы, разсылаемые передъ сеймиками изъ канцеляріи Княжества панамъ, иногда приглашаютъ послѣднихъ присутствовать на сеймикѣ того повѣта, въ которомъ они имѣютъ „головнейшую оселость свою“³⁾. Но во-первыхъ, далеко не всѣ, владѣвшіе имѣніями одновременно въ нѣсколькихъ повѣтахъ, получали такіе особые листы передъ сеймиками, если уже считать это указаніе за ограниченіе права доступа на сеймики всѣхъ повѣтовъ, въ которыхъ находились имѣнія пана, что едва ли возможно дѣлать; а во-вторыхъ, въ перечняхъ участниковъ отдѣльныхъ повѣтовыхъ сеймиковъ встрѣчаемъ имена урядниковъ другихъ повѣтовъ⁴⁾, а эти урядники должны были быть „добре“ ослѣлыми въ тѣхъ повѣтахъ, въ которыхъ они

борцѣ установленнаго Варшавскимъ сеймомъ податка за 1581—1583 годы. А. Вил. XXVI, № 296. Примѣры вызова повѣтовыми поборцами по неуплатѣ побора съ имѣній лицъ, владѣвшихъ земельными имуществами въ разныхъ повѣтахъ — Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. VII, ст. 95 (№ 574), 96 (№ 580, в), 102 (№ 611, а), 104 (№ 625), 105 (№ 626) и др.

1) Такъ, Упитскій земскій судъ постановилъ 6 іюня 1586 года послѣ разсмотрѣнія жалобы Упитскаго поборцы на неуплату княземъ Криштофомъ Радивиломъ установленныхъ въ 1578 и 1579 годахъ поборовъ съ его имѣній Бирженскаго и Радивилишкаго: „мы врьдъ з особъ своихъ посылаемъ, абы на именяхъ его милости пана воеводы Виленскаго (т. е. князя Криштофа Радивила), въ повете Упитскомъ лежачыхъ, екзекуцію учинили“. Ibidem. Ст. 102 (№ 611, а).

2) II ст., III, 5. III ст., III, 6.

3) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія, стр. 225.

4) Нпр., А. Вил. IV, стр. 45—46, 69 и др.

занимали повѣтовые уряды. Право осѣлой въ нѣсколькихъ повѣтахъ шляхты выбирать для своего присутствованія любой сеймикъ было даже оффиціально признано Городенскимъ сеймомъ 1566—1567 годовъ. Въ рецессѣ этого сейма читаемъ: „шляхтичу вольно быти которого кольвекъ похочеть и на которомъ кольвекъ соймику“¹⁾. Конечно только, въ этомъ постановленіи нужно подразумѣвать и требованіе осѣлости въ соответствующемъ повѣтѣ, которое ясно выступаетъ изъ текста и II-го, и III-го статутовъ въ ихъ артикулахъ, говорящихъ о составѣ повѣтовыхъ сеймиковъ²⁾.

Въ шляхтѣ, владѣвшей имѣніями одновременно въ нѣсколькихъ повѣтахъ, имѣемъ такую группу повѣтовыхъ обывателей, которая распространяла свои права по земле-владѣнію за предѣлы одного повѣта. Рядомъ съ нею Литовско-Русскіе повѣты имѣли въ своихъ границахъ и такихъ шляхтичей, которые не были вполне самостоятельными владѣльцами даже одного имѣнія, лежавшаго въ обводѣ одного повѣта. Это были 1) шляхтичи, владѣвшіе „спольными“ имѣніями, и 2) тѣ сыновья шляхты, которые еще не успѣли тѣмъ или инымъ способомъ пріобрѣсти себѣ собственнаго земельного имущества въ повѣтѣ.

„Спольное“ владѣніе хорошо извѣстно Литовско-Русскимъ актамъ. Они знаютъ и дома, находящіеся въ общемъ владѣніи шляхтичей³⁾, и спольныя имѣнія⁴⁾, и „себреныя“ отчизныя земли⁵⁾, и спольныя лѣса⁶⁾. Иногда такія спольныя владѣнія остаются нераздѣльными лишь до времени, когда совладѣльцы раздѣляютъ ихъ между собою, иногда же такого раздѣла вовсе не происходитъ, и совладѣльцы или продолжаютъ ими владѣть по-прежнему сообща, или отчуждаютъ ихъ, также сообща, въ другія руки. Примѣръ перваго имѣемъ хотя бы въ передачѣ Вилькомирскимъ земаниномъ Крыштофомъ Миколаевичемъ Товтгиномъ въ 1596 году имѣнія Попивескаго своему младшему брату, пану Якубу Ми-

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 451.

2) II. ст., III, 5. III ст., III, 6.

3) Нпр., А. Вил. XXVI, № 277.

4) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III, стр. 71 (№ 51); VII, ст. 49 (№ 310).

5) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. VII, ст. 52 (№ 328).

6) Нпр., *ibidem*, ст. 54 (№ 334).

колаевичу Товтгину. Панъ Крыштофъ имѣлъ „въ деръжаню и въ моцы своей имениа сполные и нерозделные з братею“ своею „рожоною молодшою, яко братъ старшы и опекунъ позоставшы по небощыку отцу“ ихъ. Остальные его братья въ данное время „по службахъ забавни суть, а панъ Якубъ, братъ“ его „молодшы, маючы тежъ зуполные лета“, просилъ его, „ижъ бы части его, ему належачую, яко отчызну тыхъ именичъ, поступилъ“. Панъ Крыштофъ, „ведаючы о томъ, ижъ онъ летъ своихъ естъ дорослы, не хочечы з нимъ о тое заводить се“, уступилъ „на часть его, ему належачую, место четвертое части, до прыезду иншого брати и до делу ровного з братею иншою“ своею „молодшою, именичо“ ихъ „сполное Попивеское со всимъ на все, яко се тое именичо само въ себе маеть“, со всѣмъ, къ нему принадлежащимъ, и выдалъ въ удостовѣреніе этого свой „добровольный листъ“ ¹⁾. Въ другихъ случаяхъ имѣемъ продолженіе спольнаго владѣнія и даже залогъ или продажу его совладѣльцами сообща ²⁾. Литовско-Русскій законъ требуетъ, чтобы съ нераздѣленныхъ между братьями-шляхтичами имѣній совладѣльцы выставляли на военную службу „межы себе годнѣйшого, лѣтъ дорослыхъ“ ³⁾, и дѣлаеть рядъ постановленій, касающихся вообще спольныхъ имѣній ⁴⁾. Пописы земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго также знаютъ службу со спольныхъ имѣній. Такъ, „Пописъ“ 1567 года, напримѣръ, въ Вилькомирскомъ повѣтѣ указываетъ Миколоя Бартошевича, который былъ съ братомъ своимъ Петромъ „не у-въ оддеде“ ⁵⁾, а также рядъ другихъ шляхтичей, служившихъ со спольныхъ имѣній ⁶⁾. Шляхтичи, владѣвшіе спольными

1) А. Вил. XXXII. № 49.

2) Нпр., см. продажные листы Вилькомирскихъ земянь Жаворонковъ, выданные въ 1596 году — *ibidem*, № № 101—103. Отчужденіе земли мужемъ и женою вмѣстѣ — нпр., *ibidem*, № № 45, 79 и др. Отчужденіе сестрами ихъ общаго владѣнія — нпр., *ibidem*, № 61. Акты знаютъ примѣры и названія спольнаго имѣнія осѣлостью — нпр., „оселость свою, именье свое властное спольное, нераздельное“. А. Вил. XXVI. № 288.

3) П ст., II, 1. III ст., II, 1.

4) Нпр., II ст., VI, 9; IX, 17 или III ст., VI, 9; IX, 26.

5) „Пописъ“ 1567 года. Л. 157 (ст. 624 изданія).

6) Еще примѣръ: въ повѣтѣ Браславля Литовскаго „Иванъ Федоровичъ з ыменья спольнаго з братею своею, з ыменья съ Молвы выслать слугу Петра Матеевича“. *Ibidem*, л. 171 (ст. 637 изданія).

имѣніями, были полноправными повѣтовыми обывателями, хотя ихъ осѣлость и не была ихъ единоличнымъ владѣніемъ. Они были „почтивые“ шляхтичи и осѣлые въ повѣтахъ, т. е. удовлетворяли требованіямъ, которыя ставилъ законъ для пользованія повѣтовыми шляхетскими правами.

Въ спольномъ владѣніи имѣніями встрѣчаемся съ лицами, которыя, владѣя шляхетскою землею въ повѣтѣ сообща, должны были признаваться осѣлыми повѣтовыми обывателями, нужды нѣтъ, что ихъ осѣлости-имѣнія были „спольными“ или „себреными“, а не единоличными владѣніями. Въ иномъ положеніи находились взрослые сыновья шляхтичей, не выдѣленные родителями и не успѣвшіе еще сами пріобрѣсти имѣнія-осѣлости въ повѣтѣ. Они едва ли могли признаваться вполнѣ полноправными повѣтовыми обывателями, такъ какъ и не имѣли лично принадлежавшей имъ осѣлости, и не несли обязанностей повѣтовой шляхты, лишь служа иногда военную земскую службу съ имѣніемъ своихъ родителей, если послѣдніе это имъ поручали¹⁾. Для того, чтобы сдѣлаться полноправными повѣтовыми обывателями, имъ необходимо было пріобрѣсти имѣніе-осѣлость въ повѣтѣ. Вотъ почему такъ часто встрѣчаемъ въ актовыхъ книгахъ земскихъ судовъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ дарственные листы родителей-шляхтичей, отцовъ и матерей, своимъ сыновьямъ, достигавшимъ совершеннолѣтія. Родители передаютъ своимъ сыновьямъ цѣлыя имѣнія, или ихъ части, надѣляя ихъ черезъ это собственною осѣlostью²⁾. При этомъ такая передача земли сыновьямъ наблюдается одинаково, какъ въ средѣ владѣющихъ крупными земельными имуществами пановъ, для которыхъ не было осо-

1) II ст., II, 12. III ст., II, 12.

2) Напримѣръ, въ актовыхъ книгахъ Россіенскаго земскаго суда за 1595—1598 годы имѣется довольно длинный рядъ такихъ записей: Опись док. Вил. П. Арх. др. акт. кн. IV, ст. 1 (№ 5), 6 (№ 42), 7 (№ 52), 23 (№ 182), 25 (№ 199), 33 (№ 260), 39 (№ 306), 46 (№ 354), 47 (№ 362), 51 (№ 390), 52 (№ 395), 61 (№ 41), 74 (№ 134), 79 (№ 170), 83 (№№ 199 и 202), 85 (№ 211), 94 (№ 276), 102 (№ 337), 103 (№ 340), 106 (№№ 367 и 368), 128 (№ 143), 156 (№ 135), 157 (№ 148), 160 (№ 169), 167 (№ 223), 181 (№ 56), 192 (№ 143), 193 (№ 153), 195 (№ 173), 196 (№ 181), 199 (№ 199), 201 (№ 212), 219 (№ 115), 225 (№ 163), 228 (№ 181), 235 (№ 235), 257 (№ 114), 259 (№ 130), 262 (№ 156), 263 (№ 189), 275 (№ 28), 276 (№ 38), 301 (№ 80), 302 (№ 92), 305 (№ 115), 317 (№ 204).

бенно трудно выдѣлить своему сыну часть своихъ владѣній, такъ и въ средѣ простыхъ, часто очень небогатыхъ земель. Примѣромъ перваго можетъ быть хотя бы сдѣланное въ Жомоитскомъ земскомъ судѣ 6 декабря 1573 года заявленіе пана Мальхера Войтеховича Шемета о томъ, что отецъ призналъ его совершеннолѣтнимъ и отдалъ ему въ самостоятельное пользованіе рядъ имѣній въ Минскомъ, Вилькомирскомъ, Ковенскомъ, Слонимскомъ и Оршанскомъ повѣтахъ¹⁾; примѣрами второго — дарственный листъ Жомоитскаго землянина Павла Якубовича Бычка отъ 12 мая 1585 года своему сыну Николаю на имѣніе Авижли²⁾, или дарственный листъ Жомоитскаго же землянина Урбана Венцлавовича отъ 3 іюля 1596 года двумъ сыновьямъ Езофу и Станиславу Урбановичамъ³⁾. Кромѣ актовъ надѣленія шляхтичами и шляхтянками своихъ сыновей осѣлостями, сохранились подобнаго же содержанія акты, выданные ими родственникамъ и усыновленнымъ⁴⁾.

Живя при своихъ родителяхъ, сыновья шляхтичей передаютъ имъ и отвѣтственность за свои проступки. Акты судовъ сохранили примѣры вызова отцовъ въ судъ къ отвѣту за преступленія ихъ сыновей. Такъ, 5 іюня 1589 года Жомоитскій земскій судъ разсматривалъ жалобу землянина Павла Балтроевича на землянина Балтроея Петкевича, сынъ котораго Станиславъ нанесъ побои Балтроевичу и его ограбилъ. Повѣренный Петкевича доказывалъ, что его довѣритель неотвѣтствененъ за дѣянія своего сына, который живетъ не при немъ, а находится на службѣ у бискупа Жомоитскаго. Но противная сторона доказывала, что преступникъ жилъ во время совершенія преступленія при Петкевичѣ и требовала признанія отвѣтственности по-

1) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I. Стр. 76 (№ 246).

2) Ibidem. Стр. 153 (№ 21).

3) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. IV. Ст. 94 (№ 276). Въ этомъ послѣднемъ примѣрѣ землянинъ даритъ своимъ сыновьямъ половину имѣнія, кромѣ сельца, въ которомъ „сидитъ“ онъ самъ.

4) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I, стр. 7 (№ 107, а) — дарственный листъ усыновленному, та же Опись IV, ст. 35 (№ 271) — дарственный листъ зятю, ст. 239 (№ 260) — дарственный листъ братьямъ, ст. 260 (№ 141) — дарственный листъ „швагру“, ст. 197 (№ 184) — дарственный листъ пасынку.

слѣдняго. Жомойтскій земскій судъ согласился съ нею и рѣшилъ дѣло въ ея пользу¹⁾. Эта отвѣтственность за проступки своихъ сыновей должна была въ отдѣльныхъ случаяхъ усиливать желаніе шляхтича выдѣлить своего сына: съ полученіемъ своей собственной осѣлости послѣдній не только становился полноправнымъ повѣтовымъ обывателемъ, но и снималъ съ плечъ отца отвѣтственность за свои дѣянія.

Осѣлость шляхтича въ повѣтѣ могла быть наслѣдственною или благопріобрѣтенною²⁾. Какъ наслѣдственное имѣніе, она могла быть „отчиною“, „материзною“, „дядьковщиною“ и вообще полученною по наслѣдству или по передачѣ отъ „близкихъ“ и „кровныхъ“. Имѣніе благопріобрѣтенное поступало въ руки шляхтича черезъ посредство всѣхъ гражданскихъ актовъ, передающихъ на него права новому владѣльцу: купля, дареніе, мѣна, залогъ. Наконецъ, пріобрѣтались имѣнія и путемъ пожалованія ихъ господаремъ. До Берестейскаго сейма 1566 года право безусловнаго распоряженія своими имѣніями не принадлежало шляхтѣ. Лишь этотъ сеймъ призналъ это право за шляхтою и внесъ его въ статутъ 1566 года³⁾. Мобилизаціи шляхетскаго землевладѣнія былъ съ этого времени открытъ широкій просторъ, и она происходила въ весьма крупныхъ размѣрахъ. Актовые книги повѣтовыхъ судовъ полны записей документовъ по передачѣ повѣтовыми шляхетными обывателями другимъ владѣльцамъ своихъ имѣній, или ихъ частей. Такъ, на Михайловскихъ рокахъ 1570 года Слонимскому земскому суду были предъявлены къ внесенію въ земскія книги⁴⁾ 17 продажныхъ актовъ⁵⁾, 12 актовъ дарственныхъ⁶⁾,

1) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II. Стр. 72 (№ 426). Ср. ниже о сыновьяхъ шляхтичей, какъ „неосѣлой“ шляхтѣ.

2) И. И. Лаппо. Ор. cit. Стр. 472 и сл.

3) Ср. *ibidem*, стр. 517 и сл. Въ актахъ судовъ иногда даже встречаемъ, при ссылакахъ на измѣненія, внесенныя во II статутъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года, выраженіе „въ поправу Берестейской“. Нпр., А. Вил. XXVI, № 287.

4) А. Вил. XXII. Стр. 302 и сл.

5) №№ 575, 579, 585, 600, 602, 603, 604, 609, 625, 640, 641, 643, 644, 648, 649, 650, 651.

6) №№ 580, 597, 599, 610, 611, 619, 621, 622, 623, 631, 637, 639.

2 — мѣновныхъ¹⁾, 13 — закладныхъ²⁾ и одна вѣновная запись³⁾. Сверхъ того въ записяхъ той же сессіи того же земскаго суда имѣются документы уступки⁴⁾, раздѣла⁵⁾, выкупа⁶⁾ и завѣщанія⁷⁾ имѣній. Несомнѣнно, что число записей по мобилизаціи шляхетскихъ имѣній для одной сессіи и для одного повѣта весьма значительно, но при этомъ можетъ быть поставленъ вопросъ и о томъ, всѣ ли записи Михайловскихъ роковъ 1570 года внесены въ ту книгу Слонимскаго земскаго суда, которую имѣемъ въ изданіи, такъ какъ эти записи заканчиваются лишь 13-мъ октября.

Возьмемъ примѣръ другой сессіи земскаго суда и въ другомъ повѣтѣ. Обратимся къ актовой книгѣ Россіенскаго земскаго суда земли Жомойтской⁸⁾ за 1581 годъ⁹⁾. Изъ 263 записей, сдѣланныхъ въ ней за 20 дней Михайловскихъ роковъ (съ 30 сентября по 19 октября), 54 представляютъ собою дарственные листы¹⁰⁾, 92 — продажные¹¹⁾, 1 — уступочный¹²⁾, 6 — заставные¹³⁾, 16 — завѣщанія¹⁴⁾, 20 — раздѣлы и соглашенія¹⁵⁾, 10 — мѣны¹⁶⁾, 10 — вѣновныя записи¹⁷⁾, 2 — введъ

1) №№ 601 и 628.

2) №№ 605, 606, 607, 608, 612, 614, 615, 616, 624, 634, 636, 642, 645.

3) № 613.

4) №№ 587, 626, 652.

5) №№ 583, 638, 647. Наслѣдство — №№ 586, 588.

6) № 582.

7) №№ 569, 570, 573, 620, 629, 632.

8) Ср. выше, стр. 91—96.

9) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I. Стр. 61—77.

10) №№ 1, 9, 16 (движимость), 18, 22, 26, 29, 30 (деньги на имѣнія), 31, 41, 45, 48, 55, 59, 62, 71, 73, 74, 75, 80, 90, 91, 92, 95, 97, 101, 107, 109, 122, 126, 127, 129, 145, 147, 156, 158, 162, 167, 168, 173, 176, 177, 180, 181, 184, 193, 194, 196, 198, 204, 210, 211, 215, 216.

11) №№ 2, 8, 10, 14, 17, 19, 23, 28, 33, 34, 38, 42, 47, 49, 50, 58, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 72, 77, 79, 81, 82, 83, 85, 86, 87, 89, 94, 103, 104, 106, 110, 112, 113, 114, 116, 117, 120, 121, 123, 128, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 149, 150, 151, 154, 155, 160, 163, 164, 166, 171, 172, 178, 179, 182, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 197, 199, 203, 205, 206, 212, 213, 214, 217, 237, 238, 261.

12) № 3.

13) №№ 4, 21, 125, 142, 165, 202.

14) №№ 5, (6), 24, 46, 52, 54, 78, 84, 98, 102, 105, 108, 115, 133, 148, 161, 169.

15) №№ 11, 12, 36, 37, 40, 53, 88, 99, 118, 146, 152, 170, 200, 223, 230, 233, 239, 240, 251, 260.

16) №№ 39, 56, 61, 111, 141, 159, 174, 183, 207, 262.

17) №№ 57, 60, 96, 119, 124, 143, 153, 157, 208, 209.

во владѣніе ¹⁾, 1 — обязательство вернуть имѣніе ²⁾, 1 — выдѣлъ сына отцомъ ³⁾. Продажные акты составляютъ около 34½% всѣхъ записей Михайловскихъ роковъ Россійскаго земскаго суда въ 1581 году; продажные и дарственные — болѣе 50% общаго числа записей.

Такимъ образомъ, передъ нами чрезвычайно широко развившаяся мобилизація шляхетскаго землевладѣнія. Переходъ шляхетскихъ имѣній изъ рукъ въ руки, собственно говоря, не долженъ былъ отражаться на земской военной службѣ. Тотъ, кто приобрѣталъ шляхетскую землю, принималъ на себя и обязанность нести съ нея эту службу. Но, конечно, въ дѣйствительности интересы военной службы должны были несомнѣнно страдать отъ этой такъ широко развившейся мобилизаціи шляхетскихъ имѣній. Во-первыхъ, отчужденіе частей имѣній и раздѣлы вносили извѣстную путаницу въ опредѣленіе того, кто и какую часть тяжести военной земской службы долженъ былъ нести съ этихъ частей раздѣливавшагося шляхетскаго имѣнія, что приобрѣтало особенное значеніе, въ виду постоянно обнаруживаемаго шляхтою желанія избѣгнуть этой службы ⁴⁾. Во-вторыхъ, по мѣрѣ роста числа отчуждаемыхъ и раздѣляемыхъ шляхетскихъ имѣній, увеличивалось число шляхты „убогой“ и „неосѣлой“. Первая сохраняла свои права въ повѣтѣ, но не могла нести шляхетскихъ повинностей въ достаточно полныхъ размѣрахъ, являясь шляхетскимъ пролетаріатомъ, вторая, лишаясь осѣлости, утрачивала и повѣтовые права. Наконецъ, отчужденіе шляхетскихъ имѣній увеличивало число такихъ шляхтичей, которые владѣли имѣніями въ разныхъ повѣтахъ, а это обладаніе осѣлостями въ различныхъ повѣтахъ создавало, какъ мы видѣли выше, серьезныя неудобства для отправленія правосудія въ повѣтахъ и для организаціи военной земской службы по повѣтовому дѣленію шляхты.

1) №№ 144, 224.

2) № 201.

3) № 246.

4) Неаккуратность прибытія шляхты въ военные сборы мы видѣли выше (стр. 60—61). Въ XVII столѣтіи вѣрная королю и Речи Посполитой шляхта жаловалась на совершенное уклоненіе ея „братія-шляхты“ отъ военныхъ обязанностей во время войны съ Москвою въ 1654 году. Ист.-Юр. Мат. XXI. Стр. 339—342.

Но былъ видъ имѣній, который не подлежалъ дробленію и отчужденію. То были имѣнія, которыя жаловались господаремъ „леннымъ правомъ“ и „до живота“ владѣльца или „до ласки господарской“¹⁾. Эти земли были такими пожалованіями господаря, такими „выслугами“ на немъ, которыя давались безъ права распоряженія. „Леннымъ правомъ“, напримѣръ, „держалъ“ 200 волокъ земли, „за даниною“ великаго князя Сигизмунда Августа, князь Андрей Михайловичъ Курбскій. Послѣ его смерти „безъ пристойного потомка“ эта земля вернулась въ распоряженіе великаго князя: „право, ему наданое, устало, и тые села, яко добра, намъ господару належачые, на насъ и до вольного шафунку нашего прышли“, говоритъ Сигизмундъ III въ своемъ привилеѣ, отдающемъ прежнее владѣніе князя Курбскаго пану Габріелю Войнѣ, подканцлеру Великаго Княжества Литовскаго, державцѣ Красносельскому. Эта земля — „спадокъ“ господаря „власный“. Получающій ее панъ Габріель Война „самъ, дѣти, потомки и щадки его милости мужчизного рожаю“ будутъ ее со всѣмъ, къ ней принадлежащимъ, „держати, и волни того ку пожитку своему уживати правомъ леннымъ на вѣчность, покуль мужчизного рожаю потомковъ его милости ставати будетъ; а гдѣ бы се вже потомки мужчизного рожаю звели, ино тые добра“ на королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ „спадати мають“ — такъ опредѣляетъ права владѣльца имѣнія, пожалованнаго „леннымъ правомъ“, привилеѣй Сигизмунда III-го, данный 12 іюня 1589 года²⁾.

Но „леннымъ правомъ“ имѣніе можетъ быть пожаловано не только самому получающему его лицу и его мужскимъ потомкамъ, но и его женѣ вмѣстѣ съ ними. Такое пожалованіе, напримѣръ, было сдѣлано Сигизмундомъ Августомъ 12 мая 1568 года князю Михаилу Андреевичу

1) II ст., III, 34. Ср. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 517.

2) А. Ю. и З. Р. I. № 192, I. Объ имѣніяхъ, пожалованныхъ князю А. М. Курбскому см. Н. Д. Иванішевъ, *Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни* (Сочиненія. Кіевъ 1876. Стр. 153—197), Н. Устряловъ, *Жизнь князя Курбскаго* (Введеніе къ Сказаніямъ Князя Курбскаго) и Предисловіе къ VII-му выпуску Описи док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. (объ этомъ Предисловіи см. выше, стр. 97, прим. 3).

Оболенскому въ Обельской волости ¹⁾. Согласно привилею этого великаго князя пожалованное имѣніе будутъ держать „князь Михайло Андреевичъ Оболенскій, его жона, дѣти и потомки ихъ властные мужского рожаю, леннымъ правомъ“. Жена получившаго такое имѣніе, овдовѣвъ, можетъ сохранить эту „осѣлость“ и послѣ выхода замужъ вновь. Это какъ разъ и было въ случаѣ съ женою князя Оболенскаго, пани Теодорой Теодоровной Мироновною, которая послѣ смерти перваго мужа вышла замужъ за господарскаго земянина, князя Станислава Юрагу Гедройтя. Стефанъ Баторій, послѣ представленія ему ея новымъ мужемъ привилея Сигизмунда Августа, утвердилъ за нею это имѣніе въ 1577 году слѣдующими словами своего листа: „маеть она тые вси маетности до живота своего, водлѣ первшого привилья и данины продка нашего и сего листу нашего, уживати“ ²⁾.

Привилеевъ на имѣнія „леннымъ правомъ“ или указаний на нихъ сохранилось достаточно. Такъ, Сигизмундъ Августъ пожаловалъ городничію Полоцкаго замка Фронцу Бартошевичу Жуку „въ земли Полоцкой сельцо, названное Путилковичы, ему самому, жонѣ, дѣтемъ и потомкомъ его мужчизного рожаю, леннымъ правомъ, вѣчными часы“ ³⁾; или тотъ же великій князь 1 мая 1568 года пожаловалъ 14 волокъ въ Могилевской волости съ моргами, огородами и „пляцами“ въ Могилевскомъ мѣстѣ Могилевскому протопопу Ивану Захариничу и его брату Сасину „на вѣчность“, имъ, ихъ женамъ и мужскимъ потомкамъ ⁴⁾. Привилеи на

1) 64 волоки, 61 моргъ, 84 прута.

2) А. З. Р. III. № 87.

3) А. Ю. и З. Р. I. № 196.

4) О самомъ пожалованіи господарскій листъ говоритъ такъ отъ имени Сигизмунда Августа: „А такъ мы, маючи ласкавое баченье, ижъ брать ихъ Ярѣмола Захарьичъ на службе нашей г[о]с[по]д[а]рьской и земской горло свое положилъ, а хотячи ихъ самыхъ и потомковъ ихъ ку службамъ нашимъ г[о]с[по]д[а]рьскимъ и земскимъ тымъ охотнейшихъ способити, оные кгрунты наши, вышей мененые и въ семъ нашомъ листе описаные . . ., имъ есмо на службе земской дали и симъ листомъ нашимъ даемъ на вечность. Мають они сами, жоны, дети и потомки ихъ мужского рожаю тыхъ всихъ вышей мененыхъ и описаныхъ кгрунтовъ своихъ, отъ насъ имъ даныхъ, то есть . . ., на себе держати, уживати, а намъ съ того службу земскую служити будутъ повинъни, по тому, яко и иные бояре наши тамошніе Могилевскіе служатъ“. Лит. Метр.

имѣнія „леннымъ правомъ“ говорятъ о правѣ эксплоатаціи этихъ имѣній и ничего не говорятъ о правѣ распоряженія — послѣдняго „ленное право“ не даетъ, какъ не даютъ его и „право пожизненное“ или владѣніе „до воли и ласки господарской“. Статутъ 1566 года отъ имени великаго князя совершенно опредѣленно говоритъ: „которые бы леннымъ правомъ або доживотьемъ, або до воли и ласки наше господарское мѣли, тыхъ маемъ заховати водлѣ привилеѣвъ ихъ и ласки наше господарское“¹⁾. Статутъ 1588 года опускаетъ тотъ артикулъ II-го статута, въ которомъ находятся эти слова²⁾. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что шляхта Княжества стремилась уничтожить ограниченія, существовавшія для владѣльцевъ такихъ имѣній, и смотрѣть на послѣднія какъ на простыя выслуженныя или пожалованныя отъ государя имѣнія, распоряжаться которыми она имѣла право уже согласно статуту 1566 года³⁾. Но на пути для пріобрѣтенія этого права стояли ограничительныя слова господарскихъ листовъ-пожалованій на такія имѣнія, ясно его ограничивающія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Послѣ утвержденія III-го статута эти ограниченія дѣйствуютъ, какъ мы видѣли выше изъ привилея, даннаго Сигизмундомъ Вазою въ 1589 году пану Габріелю Войнѣ, хотя шляхта и стремилась къ ихъ уничтоженію⁴⁾.

При знакомствѣ съ повѣтомъ и его шляхтою, послѣдняя выступаетъ полноправнымъ сословіемъ, держащимъ въ

^{1) A}
⁴⁹ л. л. 15—15 об. Заголовокъ документа въ книгѣ Метрики: „Привилей протопопе Могилевскому Ивану и брату его Сасину Захариничомъ на некоторіе крgunты у волости Могилевской правомъ леннымъ“. Дата: Городна, 1 мая 1568 года. Еще примѣръ — Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. VII, ст. 132 (№ 778).

1) II ст., III, 34.

2) Артикулъ статута 1566 года „О вольности шафовати выслугою своею“, въ которомъ находятся эти слова (II ст., III, 34) долженъ бы слѣдовать за 41-мъ артикуломъ III-го раздѣла статута 1588 года.

3) II ст., III, 34.

4) Такъ, инструкція Берестейскаго сеймика, созданнаго на 28 сентября 1666 года (въ изданіи въ заголовкѣ недосмотръ — 1661 г.), данная его посламъ на предстоящій сеймъ говоритъ: „lenne dobra, w wojewodztwach Połockim y Witebskim będące, aby exemplo wojewodztwa Smolenskiego y powiatu Starodubowskiego, in bona haereditaria żołnierzowi cedantur“. А. Вил. III. Стр. 380.

руках мѣстную жизнь и властно заявляющимъ свои желанія. Величіе значенія шляхты, подъ которымъ въ дѣйствительности скрывалось много зависимости отъ „можныхъ“ пановъ, способно скрыть отъ глазъ наблюдателя ту часть ея, которая далеко не имѣла возможности гордо держать свою голову въ шляхетскихъ собраніяхъ, задавленная бѣдностью и истомленная тяжелою земледѣльческою работою. Это были шляхтичи „малое оселости“¹⁾, которые образовали группу такъ называемой „убогой“ шляхты. Убогую шляхту встрѣтимъ въ постановленіяхъ и универсалахъ о поборахъ, въ „ревизіяхъ“ и „пописахъ“, да изрѣдка въ актовыхъ книгахъ судовъ. Она теряется въ источникахъ рядомъ со шляхтою, владѣвшею значительными имѣніями, и даже со шляхтою частно-служилою, не имѣя времени и возможности, за постоянными трудами и заботами о своемъ скудномъ хлѣбѣ, оставить по себѣ много слѣдовъ въ актовыхъ книгахъ судовъ шляхетскихъ. А между тѣмъ, чѣмъ далѣе подвигалось время, тѣмъ болѣе должно было увеличиваться число убогой шляхты, въ силу дробленія шляхетскихъ имѣній и бѣднѣнія ихъ обладателей.

При обложеніи шляхты серебщиною, шляхта убогая выдѣляется въ особую группу. Такъ, „листъ, до всихъ воецѣ писанный о податкахъ, на сойме установленныхъ, абы ихъ отдавали, а сами на войну ехали водле повинности зъ оселостей своихъ“, выданный изъ Кнышина 1 января 1567 года²⁾, говоритъ: „а убогая шляхъта, которые людей своихъ не мають, тые драба ставити и складатися на него не повинни“. Такое же выдѣленіе убогой шляхты въ особую группу, не имѣющую возможности нести тяжесть повинностей по равной съ остальною шляхтой раскладкѣ, встрѣчаемъ постоянно въ сеймовыхъ постановленіяхъ и универсалахъ, облагающихъ шляхту исключительными поборами и повинностями³⁾. Полоцкая Ревизія 1552 года на-

1) См. это выраженіе, нпр., на л. 40 об. 65-ой книги Записей Литовскихъ Метрики.

2) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 135 об. — 139 об. Въ пагинаціи книги погрѣшность: л. 137 отсутствуетъ, а прямо послѣ листа 136 помѣченъ листъ 138.

3) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 452 (арт. 3). См. также поборовые универсалы во II-мъ томѣ Voluminum Legum.

зываетъ въ рядахъ Полоцкой шляхты Володька Игнатовича Невельскаго, который со своего имѣнія „господарю его милости водле можности конемъ служить“¹⁾. Но этотъ Невельскій обѣднѣлъ случайно. Его отчизное имѣніе Невле съ 335-ю дымами „въ сторону Московскую отышло“, и онъ несетъ военную земскую повинность съ имѣнія, которымъ владѣть „въ заставе отъ землянки Полоцкое Костюшковое Ольфромеевича“, а въ этомъ имѣніи сидятъ лишь два вольныхъ человѣка, дающіе ему четвертый снопъ. Пописы знаютъ шляхту, не имѣющую возможности даже служить военной земской службы на конѣ, а вынужденную отбывать ее пѣшими. Такъ, „Попись“ 1567 года отмѣчаетъ пѣшей шляхты 10 человѣкъ въ Ошменскомъ повѣтѣ²⁾, 3-хъ — въ Вилькомирскомъ³⁾, 23-хъ — въ Троцкомъ⁴⁾, 29 — въ Городенскомъ⁵⁾, 48 — въ Лидскомъ⁶⁾, 28 — въ Слонимскомъ⁷⁾ и т. д.

Бѣдность убогой шляхты рисуется нѣкоторыми актами очень ярко. „Убогую“ шляхтянку можно встрѣтить служащею пастушкой, т. е. нанявшеюся на ту работу, которую въ хозяйствѣ обыкновенно несла „дѣвка дворная“⁸⁾. Такъ, въ актовѣ книгѣ Россіенскаго земскаго суда за 1590 годъ находимъ запись жалобы землянина Матея Мартиновича на землянку Малгорету Адамовичъ, сынъ которой Касперъ, по приказанію пани Малгореты, напалъ съ дворною челядью на стадо Мартиновича, угналъ это стадо въ свой дворъ, а пастушку его, шляхтянку Ганну Якубовну и „жонку дворную кійми, нагайками и дубцами збили и зранили“⁹⁾. Бѣдность заставляла убогихъ шляхтичей отдавать своихъ дѣтей въ услуженіе¹⁰⁾ къ болѣе богатому своему сосѣду или даже къ далеко живущему пану. Убогій шляхтичъ самъ папешъ

1) Полоцкая Ревизія 1552 года. Стр. 162—163.

2) „Попись“ 1567 года. Л. 134 (ст. 602 изданія).

3) Ibidem. Л. 167. об.

4) Ibidem. Л. 199 (ст. 673 изданія).

5) Ibidem. Л. 239 об. (ст. 712 изданія).

6) Ibidem. Л. 310.

7) Ibidem. Л. 360 об.

8) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II. Стр. 148 (№ 686).

9) Ibidem. Стр. 145 (№ 647).

10) Нпр., ibidem, стр. 78—79 (№ 480).

ниву¹⁾. Онъ роднится брачными союзами съ простыми подданными, женясь на дочери подданнаго²⁾, или выдавая замужъ за подданнаго свою дочь³⁾, хотя это и противорѣчило его шляхетской „чести“⁴⁾. Бѣдность нерѣдко дѣлала невозможною защиту своихъ правъ, какъ землевладѣльца, и убогій шляхтичъ оказывался иногда вынужденнымъ передавать свои права на свое имѣніе лицу, болѣе способному эти права отстаивать. Такъ поступили, напримѣръ, въ 1593 году Жомойтская землянка Ганна Петровна и ея мужъ Андрей Матеевичъ, которые, „маючи кривду и уцыскъ велики отъ суседовъ своихъ“, желающихъ ихъ „вытиснути“ изъ ихъ отчизнаго имѣнія, и, по своей бѣдности, „не маючи чымъ съ тыми суседми своими того права вести, подали се въ моцъ и во владность“ землянину Еразмусу Григорьевичу Сурвилу, а послѣдній „поднялся отъ тыхъ суседовъ, покулъ права ему станеть, боронити“, и съ этою цѣлью они перевели на него свои права по имѣнію⁵⁾. Та же бѣдность и слабость силъ для отстаиванія своего имѣнія отъ сосѣдей иногда заставляли шляхтича разставаться со своимъ привилегированнымъ положеніемъ осѣлаго шляхетнаго обывателя повѣта и переходить въ городъ, въ среду мѣщанъ, или поступать въ простые бояре къ сильному человѣку. Такъ, Полоцкій шляхтичъ Мартинъ Трухоновичъ Щитъ „для убозѣтва своего“ переселился въ Полоцкое мѣсто⁶⁾, а Жомойтскій землянинъ Григорій Рингулайтисъ поступилъ въ бояре къ Жомойтскому бискупу Мальхеру Гедройту, отдавши себя и свое имущество подъ власть и защиту бискупа на вѣчныя времена, съ правомъ вернуть къ себѣ

1) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II. Стр. 13 (№ 188). Ср. обстановку жизни боярина — *ibidem*, стр. 152 (№ 732) или стр. 117 I-го выпуска Описи (№ 210).

2) Ср. Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III, стр. 115 (№ 274) — господарскій подданный и его жена дарятъ своему зятю-землянину и его женѣ своего бѣжавшаго невольнаго челядника.

3) Нпр., *ibidem*, стр. 34 (№ 231).

4) Ср. недовольство шляхтича выходомъ его сестры замужъ за человѣка „стану простого“. Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I. Стр. 102—103 (№ 263).

5) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III. Стр. 73 (№ 84).

6) И. И. Лаппо. *Op. cit.* Стр. 483.

его потомковъ, успѣвшихъ изъ подъ этой власти, и съ правомъ для бискупа полного распоряженія переданнымъ ему Рингулайтисомъ имѣніемъ ¹⁾).

Таково было положеніе „убогой“ шляхты. Равная въ идеѣ съ остальною братіей-шляхтою, она далеко не была такою въ реальной жизни. Пользуясь всѣми правами и неся обязанности повѣтовыхъ шляхетныхъ обывателей, убогая шляхта, конечно, легко, благодаря своему тяжелому матеріальному положенію, поддавалась воздѣйствію возможныхъ пановъ, боровшихся между собою изъ-за вліянія въ повѣтѣ, и, подобно частно-служилой шляхтѣ, должна была явиться средствомъ для проведенія вліятельными участниками собраній повѣтовой шляхты своихъ желаній подъ угрозою мести или въ ожиданіи награды.

Убогая шляхта, какъ бы ни были невелики размѣры ея имѣній-осѣлостей въ повѣтахъ, признавалась закономъ полноправными шляхетными повѣтовыми обывателями. Въ иномъ положеніи была шляхта „неосѣлая“. Она не входила въ составъ шляхетской корпораціи повѣта, такъ какъ не имѣла въ обводѣ послѣдняго осѣлости. Въ повѣтахъ неосѣлая шляхта была или пришлая, или мѣстнаго происхожденія. Пришлые неосѣлые шляхтичи могли появляться въ повѣтахъ, служа повѣтовымъ обывателямъ или проживая въ границахъ повѣта безъ всякой службы. Неосѣлую шляхту мѣстнаго происхожденія составляли шляхтичи, утратившіе свои имѣнія или еще не успѣвшіе ихъ пріобрѣсти въ свое обладаніе. Шляхтичъ могъ продать или утратить свое имѣніе, и это низводило его въ разрядъ неосѣлыхъ. Добывать средства къ жизни онъ могъ частною службою или какимъ-либо другимъ способомъ, какъ, напримѣръ, арендою участка чужой земли. Такъ, послѣдній способъ избралъ въ 1592 году Жомойтскій землянинъ Балтромей Юшкевичъ, который, продавъ свое имѣніе Бержаны землянину Яну Гружевскому, „не маючи ся где зъ жоною и дѣтьми проводить и мешкане меть“, взялъ въ аренду у того же Гружевскаго проданное ему свое имѣніе, обязавшись платить ему по двѣ копы грошей въ годъ, причемъ Гружевскому было предоставлено право,

1) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III. Стр. 100 (№ 23).

въ случаѣ неуплаты денегъ въ срокъ, „пограбити (его)¹⁾ такъ много, яко за копъ две будетъ стало“²⁾.

Въ положеніи неосѣлыхъ должны были находиться и дѣти повѣтовыхъ шляхтичей. Одни изъ нихъ оставляли имѣнія своихъ родителей для заработка или самостоятельной жизни, другіе жили при родителяхъ, не имѣя собственной повѣтовой осѣлости. Имъ эту осѣлость еще предстояло получить путемъ дара родителей или послѣ нихъ наслѣдованія, или же какимъ-либо другимъ способомъ, какъ выслугою на панѣ, покупкою, или въ приданое за женою. Всѣ эти способы хорошо извѣстны актамъ, и мы уже видѣли примѣры ихъ выше³⁾.

Приобрѣтеніе повѣтовой осѣлости было крайне желательно каждому шляхтичу, еще не обладавшему ею: она не только давала ему повѣтовые права, она гарантировала его личности ббольшую охрану. Въ одной записи Литовской Метрики, сдѣланной 22 марта 1566 года, читаемъ, что неосѣлаго преступника „заразомъ“ можно предать суду и подвергнуть наказанію⁴⁾, т. е. безъ врученія ему заблаговременно

1) Скобки въ изданіи.

2) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III. Стр. 11 (№ 146).

3) См. выше, стр. 229 и сл.

4) Вотъ эта записъ. — „Лета Бож[ьего] Нарож[енья] 1566, м[е]с[е]ца марта 22 дня, въ пятницу. Г[о]с[по]д[а]рь король его милость и великій князь Жыггимонтъ Августъ рачилъ росказати до книгъ канцлярейскихъ записати. Смотрели того дела, за росказанемъ г[о]с[по]д[а]рьскимъ, на дворе короля его милости ихъ милость панъ Виленскій гетманъ навѣщшый Великого Князства Литовского староста Городенскій панъ Григорей Александровичъ Ходкевича, староста Жомойтскій маршалокъ земскій Великого Князства Литовского панъ Янъ Еронимовичъ Ходкевича, маршалокъ дворный подканцлерый Великого Князства Литовского староста Берестейскій и Могилевскій панъ Остафей Воловичъ на року, дня нинешнего припаломъ, за мандатомъ его королевское милости жаловалъ служебникъ державцы Немоноитского, пана Яна Палуского, Станиславъ Щепановичъ на боярина г[о]с[по]д[а]рьского повету Троцкого Якуба Вертуту о томъ, яко бы сынъ того Якуба Вертуты Миколай, за росказаньемъ отца своего, съ помочниками своими, вѣтъ ведома для которе прычины, часовъ теперъ прошлыхъ, въ року шестьдесятъ шостомъ м[е]с[е]ца февраля пятогонадцать дня, перенемши на добровольной дорозе недалеко отъ местечка Немоноицкого, войта волости Немоноицкое Матея Балтроевича Мелешка на смерть забилъ и замордовалъ, при которомъ дей бою о колько-десять копъ грошей, певезей г[о]с[по]д[а]рь-

судебной повѣстки — „позва“, которая обязательно доставляется передъ судебнымъ разбирательствомъ ослѣлому шляхтичу и даетъ послѣднему возможность приготовиться къ своей защитѣ на судѣ. И сами шляхтичи, и верховная власть были, поэтому, тѣмъ болѣе озабочены возстановленіемъ повѣтовой ослѣлости шляхты въ томъ случаѣ, когда она утрачивалась силою исключительныхъ событій, которыя переживало государство. Такъ, когда большая часть Полоцкаго воеводства была захвачена Иваномъ Грознымъ, Сигизмундъ Августъ раздаетъ многимъ Полоцкимъ шляхтичамъ земли въ другихъ повѣтахъ и воеводствахъ „до очищенья“ ихъ имѣній отъ Московскаго захвата¹⁾. Эта раздача земель

скихъ цыншовыхъ, которіе тотъ войтъ при себе мелъ, згнуло. Въ которомъ мандате его королевское милости того доложено, ижъ бы тотъ Якубъ Вертута ку праву самъ сталъ и сына своего поставилъ. А такъ оный Якубъ Вертута, передъ ихъ милостю паны-радами у права стоячи, отказъ чинилъ: ижъ дей я николи своему сыну того забойства чинити не казалъ и того не ведаю, если могъ сынъ въ томъ виненъ або не виненъ, бомъ дей я самъ въ тотъ часъ, которого того войта забитымъ поведать, въ дому своемъ не былъ, алемъ при дворе г[о]с[по]д[а]рьскомъ у Вильни мешкалъ и сына дей ми николи не припоручено, и теперъ дей о немъ не ведаю, где есть, бо, зъ Вильня приѣхавши, и въ дому своемъ не засталъ. И ихъ милость панове-рада у суду пытати рачили того служебника пана Палуского: чимъ бы того доводилъ, ижъ тотъ войтъ за росказаньемъ Якуба Вертуты отъ сына его замордованъ быти мелъ, естли того сына его ему припоручили? И оный служебникъ пана Палуского, якъ на то, ижъ бы тотъ Якубъ Вертута сыну своему росказати мелъ, такъ тежъ на то, же бы его ему припоручилъ, никоторого доводу не вчинилъ, одѣно голыми словами то на Якуба поведилъ. Съ тыхъ прычынъ ихъ милость панове-рада Якуба Вертуту отъ того мандату волнымъ вчинили. А што ся дотычетъ сына его Миколая, который въ томъ мужобойстве обвиненъ, того ихъ милость панове-рада стороне жалобной, яко неоселого, искати росказали, и, кгда бы кольвекъ былъ пристигненъ, тамъ з нимъ, яко з неоселымъ, заразомъ справедливость вделана быти маеть. Што есть для памети до книгъ канцляреи г[о]с[по]д[а]рьское записано. И на то собе Амброжій, Петръ, Матей Матеевичъ и выписъ съ книгъ г[о]с[по]д[а]рьскихъ канцлярейскихъ взяли. Писанъ у Кнышыне“. Лит. Метр. ^{II A}₅₁ л. л. 4 об. — 5 об. Заголовокъ документа въ книгѣ Метрики: „Справа державцы Немонойтского з Якубомъ Вертутою о забитые войта волости Немонойтское Матея Мелешька отъ сына его Миколая Вертуты“.

1) Нпр., Лит. Метр. ^{I A}₄₉ л. 49 („Яцку Быстрейскому на тридцать и три волоки у волости Лйдской въ селе Кулбакахъ до очищеня именея его Полоцкихъ“. Дата: Кнышинъ, 10 ноября 1569 года). Послѣ воз-

была не только нѣкоторымъ возстановленіемъ матеріальныхъ средствъ подданныхъ государственной власти, которая не сумѣла ихъ отстоять отъ внѣшняго врага, но и возстановленіемъ ихъ шляхетскаго полноправія, утраченнаго ими, благодаря слабости государства. Утрата имѣнія-осѣлости была въ то же время и утратою правъ осѣлаго шляхтича, и акты знаютъ примѣры того, какъ приходилось затѣмъ возстановлять эти права лицамъ, попавшимъ въ такое положеніе¹⁾. Господарскіе привилеи, жаловавшіе землю за заслуги лицамъ, земельныхъ владѣній не имѣвшимъ, говорятъ, что черезъ это пожалованіе такіа лица получаютъ и осѣлость. Такъ, въ листѣ Генриха ротмистру Александру Гванини на мѣстечко Филипово въ Перстунскомъ лѣсничествѣ читаемъ, что Гванини просить господаря дать ему за его службу „опатренье“ и „оселость“, и эту просьбу король исполняетъ, „взявши ведомость о службахъ“ его²⁾.

Въ средѣ повѣтовой шляхты должна быть отмѣчена и шляхта, осѣлая въ повѣтахъ, но служившая панамъ и шляхтичамъ, болѣе обеспеченнымъ матеріально. Отношеніе этой служилой шляхты къ шляхетскому повѣту имѣло свои особенности, создаваемая ея частно-служебнымъ положеніемъ. По своимъ имѣніямъ-осѣlostямъ служилая шляхта подлежала повѣтовымъ судамъ и администраціи и несенію военной земской службы подъ повѣтовою хоругвью, хотя лично, съ установленными закономъ извѣстными ограниченіями, должна была подчиняться суду и власти своихъ пановъ, которымъ служила³⁾. Источники хорошо знаютъ эту двоякую подчиненность и подсудность служилой шляхты. Въ одной

вращенія земель Полоцкаго воеводства отъ Москвы Стефанъ Баторій выдалъ въ Вильнѣ 7 мая 1580 года „листъ potvrđenja prava шляхце целой воеводства Полоцкаго“. Лит. Метр. $\frac{1B}{22}$ л. л. 71 об.—77 об.

1) См., нпр., привилей Сигизмунда III-го, выданный 10 іюня 1592 года Григорію Самбору „на возстановленіе его шляхетскихъ правъ и вольностей, которыхъ лишился дѣдъ его Андрушко Самборовичъ“, утратившій и отчизное, и выслуженное имѣніе, а затѣмъ поселившійся на „волокахъ волочныхъ“. Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. IV. Ст. 233 (№ 224).

2) „Листъ пана Кгваниновъ на Филипово“. Лит. Метр. $\frac{1A}{57}$ л. л. 110 об.—111 об. Дата: Краковъ, 1 іюня 1574 года.

3) О служилой шляхтѣ см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 453—461.

изъ записей Вилькомирскаго городского суда, сдѣланной 8 февраля 1596 года, читаемъ такія слова о служиломъ шляхтичѣ Лаврынѣ Улчицкомъ: „панъ Улчыцки, хотяжъ княжати его милости Кошырскому служить, ведже оселнымъ шляхтичомъ у Великомъ Князствѣ Литовскомъ есть и справедливости себе доводити можетъ“¹⁾. И дѣйствительно мы имѣемъ рядъ примѣровъ выступленія служилыхъ шляхтичей по своимъ дѣламъ въ судахъ повѣтовыхъ²⁾, хотя еще больше встрѣчаемъ примѣровъ защиты ихъ интересовъ въ этихъ судахъ не ими самими, а ихъ панами³⁾.

Но, съ другой стороны, самъ статутъ 1566 года признаетъ право суда пана надъ своимъ слугою-шляхтичемъ, отнимая отъ него лишь дѣла „о почтивость“, но оставляя дѣла „злѣдѣйства, забійства и иныхъ речей выступковъ“, предоставляя панскому суду даже наказаніе смертною казнью, требуя лишь, чтобы при панскомъ судѣ надъ служилымъ шляхтичемъ были „шляхта, люди добрые“⁴⁾. III статутъ, оставляя въ силѣ эти постановленія предшествоващаго кодекса, добавляетъ лишь къ нимъ право осужденнаго апеллировать на рѣшеніе панскаго суда въ трибуналъ⁵⁾. Литовско-Русскіе акты хорошо знаютъ эту широту власти пана надъ своимъ служебникомъ-шляхтичемъ — „зо мною, яко слугою своимъ, водлугъ воли его поступовати и карати, чому вжо противнымъ не будучы, подъ волю его, яко пана своего, подлегати маю и виненъ буду“, говоритъ одинъ шляхтичъ про права надъ собою въ своемъ заставномъ листѣ, относящемся къ 1596 году⁶⁾. Сами паны хорошо знаютъ свои „моць и владзу“ по отношенію къ своимъ служилымъ шляхтичамъ⁷⁾, но, конечно, такой же „владзѣ“ и повѣтовыхъ урядовъ послѣдніе подлежали по своимъ осѣлостямъ.

Несенію земской военной службы осѣлая въ повѣтахъ

1) А. Вил. XXXII. Стр. 36.

2) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. VII, ст. 113 (№ 665).

3) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 15 (№ 204), 146 (№ 668).

4) II ст., III, 8.

5) III ст., III, 11.

6) А. Вил. XXXII. Стр. 323.

7) Ср. Описаніе Рукоп. Отд. Вилевской Публ. Библіотеки, вып. IV, Приложенія, стр. 13.

служилая шляхта подлежала такъ же, какъ и остальные повѣтовые обыватели. Статутъ отъ имени господаря требуетъ: еслибы осѣлый въ повѣтѣ шляхтичъ „служылъ въ котораго пановъ радъ нашихъ, або (до) врядниковъ, або тежъ всякого иного, ино и тотъ будетъ повиненъ подъ хоговю на мѣстцу установити брата або кривного своего, або такъ добраго шляхту, якъ самъ, абы съ тымъ мѣстца не опустилъ, а ни се омѣшкалъ, подъ страченьемъ имѣнья своего“¹⁾. Рядъ примѣровъ исполненія этого требованія закона даетъ „Попись“ 1567 года. Вотъ нѣсколько такихъ примѣровъ изъ переписи шляхты Опшменскаго повѣта. Маршалокъ князя воеводы Троцкаго (т. е. Стефана Андреевича Збаражскаго) Михаль Стаховскій выставилъ въ Опшменскомъ повѣтѣ со своего имѣнія, находившагося въ этомъ повѣтѣ, коннаго вооруженнаго слугу Миколая Юрьевича²⁾; Станиславъ Стравинскій самъ служить пану Нарушевичу, а со своего имѣнія Лычичъ выставилъ коннаго вооруженнаго слугу Химицкаго³⁾. Размѣры имѣній нѣкоторыхъ изъ частнослужилыхъ шляхтичей бываютъ иногда настолько значительны, что ихъ владѣльцы выставляютъ въ повѣтовомъ ополченіи даже не по одному, а по нѣскольку человѣкъ. Такъ, въ томъ же Опшменскомъ повѣтѣ Мартинъ Томасовичъ Черепко, бывшій урядникомъ „отъ пана подскарбѣго“ (т. е. пана Миколая Павловича Нарушевича) въ Пенянахъ, выставилъ со своихъ Опшменскихъ имѣній трехъ коней и одного драба⁴⁾; Станиславъ Лагоновскій самъ служилъ Виленскому воеводѣ (т. е. пану Миколаю Юрьевичу Радивилу), а со своего закупнаго (отъ пана Ильинича) имѣнія Скомарова, лежавшаго въ Опшменскомъ повѣтѣ, выставилъ трехъ конниковъ и двухъ драбовъ, выславъ на свое мѣсто Яна Войтеховскаго⁵⁾. По другимъ повѣтамъ „Попись“ 1567 года также даетъ немало примѣровъ⁶⁾. Нѣкоторые изъ повѣтовыхъ

1) II ст., II, 7. Ср. III ст., II, 7.

2) Л. 103 об. (ст. 576 изданія).

3) Л. 107 (ст. 579 изданія).

4) Л. 121 об. (ст. 592 изданія).

5) Л. 118 (ст. 588—589 изданія).

6) Нпр., въ Берестейскомъ повѣтѣ („Повѣтъ Берестейскій, Каменецкій и Кобринскій“) Станиславъ Могилницкій самъ былъ при почтѣ

шляхтичей, сами служа въ жолнерахъ у ротмистровъ¹⁾, также выставляли со своихъ имѣній въ повѣтахъ причитающихся съ нихъ конныхъ ратниковъ. Такъ, Семень Груша въ Ошменскомъ же повѣтѣ выслалъ на конѣ своего слугу Станислава Якубовича, въ то время какъ самъ „пенези бралъ въ роте пана Никодымовича“²⁾.

Итакъ, при отбываніи земской военной службы частно-служилый шляхтичъ оставался при своемъ панѣ, замѣняя себя въ земскомъ ополченіи другимъ лицомъ. Интересъ его пана въ данномъ случаѣ отвлекалъ его отъ личнаго исполненія его шляхетскихъ обязанностей въ повѣтѣ. Что касается участія въ повѣтовомъ сеймикованьѣ, то, конечно, служилый шляхтичъ, какъ осѣлый въ повѣтѣ, имѣлъ право этого участія. Безъ сомнѣнія на сеймикѣ при этомъ онъ могъ служить и интересамъ своего пана. Можно предположить, что вельможные паны, по крайней мѣрѣ иногда, не должны были упускать изъ виду возможности усиленія своего вліянія на повѣтовыхъ сеймикахъ черезъ своихъ слугъ-шляхтичей, осѣлыхъ въ повѣтахъ. Имѣнія этими шляхтичами пріобрѣтались не только до поступленія на панскую службу, но и во время ея несенія³⁾. Естественно предположить, что иногда при выборѣ имѣнія для пріобрѣтенія служилый шляхтичъ принималъ въ расчетъ и выгоды своего пана, по желанію и требованію этого послѣдняго, или даже безъ нихъ; не менѣе естественно предположить и то, что сами паны, надѣлая своихъ служебниковъ-шляхтичей въ полную собственность кусками земли изъ своихъ имѣній, не упускали изъ виду того, что эти куски земли становились повѣтовыми осѣлостями ихъ слугъ, а стало быть, и открывали панамъ путь къ усиленію своего вліянія въ

пана Ильинича, а въ повѣтѣ со своихъ имѣній Ондронова Острова (Кобринскаго повѣта) и Могилницы (Дорогидскаго повѣта) ставилъ своихъ слугъ Яна Чапскаго и Яна Гинцу, всего двухъ коней збройно. Л. 689.

1) О ротмистрахъ и ихъ ротахъ см. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 421—435.

2) „Попись“ 1567 года. Л. 129 об. (ст. 598 изданія).

3) Дарственныхъ листовъ отъ пановъ ихъ служебникамъ извѣстно очень много, нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I, стр. 12 (№ 177), 109 (№ 60), 122 (№ 298); II, стр. 2 (№ 26), 111 (№ 133) и длинный рядъ другихъ примѣровъ въ различныхъ изданіяхъ.

собраніяхъ повѣтовой шляхты: при умѣломъ пользованіи этою возможностью увеличенія числа зависимыхъ отъ него повѣтовыхъ шляхтичей, можный панъ легко могъ усиливать свое вліяніе на тотъ или другой шляхетскій повѣтъ.

Но рядомъ съ шляхтичами, поступавшими вновь на панскую службу, крупные паны имѣли подѣ собою своихъ земянъ и бояръ-шляхту, издавна, иногда изъ поколѣнія въ поколѣніе, жившихъ на ихъ земляхъ. Существованіе этой панской шляхты въ до-реформенное время мы видѣли выше¹⁾. Послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ панская шляхта оставалась у пановъ по прежнему. Источники хорошо знаютъ земянъ и шляхтичей панскихъ въ эпоху послѣ реформы²⁾. Эта шляхта не была простыми служебниками пановъ, какими дѣлались господарскіе полноправные повѣтовые шляхтичи. Это были ослѣные въ панскихъ имѣніяхъ старые бояре и старые слуги, которые находились подѣ властью пановъ. Какъ въ годы до реформы совершался переходъ такихъ панскихъ бояръ и земянъ въ ряды бояръ господарскихъ³⁾, такъ онъ могъ совершаться и въ эпоху послѣ реформы. Примѣръ такого перехода имѣемъ въ листѣ Альбрехта Радивиля, данномъ въ Клецкѣ 12 сентября 1578 года его служебнику, пану Вавринцу Михайловичу

1) Стр. 204 и сл.

2) Нпр., земянинъ Юрія Радивиля, бискупа Краковскаго и кардинала, князя на Олыкѣ и Несвижѣ (А. Вил. XXXII, № № 149 и 161), земянинъ Голсвчинскій вельможнаго князя Щаснаго Головчинскаго, шляхетный панъ Жданъ Пашковичъ Барановичъ (Ист.-Юр. Матеріалы XXX, Отдѣлъ Третій, №№ 177 и 181) и т. д. Въ одной изъ записей Слонимскаго гродскаго суда за 1584 годъ читаемъ такіа слова „пріятеля“ княгини Андреевой Вишневецкой, воеводиной Волинской, старостиной Любецкой, Берестейскаго земскаго писаря, пана Θεодора Потѣя: „тотъ Александеръ Стецковичъ, не будучи жаднымъ земениномъ короля его милости такъ, яко се въ позве быти менить, але будучи власнымъ слугою, земениномъ и подданымъ здавна ее м[и]л[ости] именѣя Узловецкого и будучы збегомъ, шкодникомъ, подступцою и зрадцою и злодеемъ ее милости, который, маючи на рукахъ своихъ не малую маетность ее м[и]л[ости] а не учинившы ее м[и]л[ости] личбы, яко шкодникъ утекши, смялъ тутъ ее милость на враде ожаловати и до суду въ невинности приповзвать“. Вил. Центр. Архивъ, № 7865. Слонимскаго гродскаго суда № $\frac{3}{A}$ (1584 г.). Л. 249.

3) См. выше, стр. 206—209.

Кирножицкому¹⁾. Въ этомъ листѣ читаемъ, что Радивилъ „старого служебника“ дома Радивиловъ, Кирножицкаго, служившаго его отцу и ему самому, надѣляетъ „на вечность“ шестью волоками земли отъ своего Клецкаго замка, „з моцы, з влады и всякого держаня и уживаня“ своего, „въ присудъ и подъ хоруговъ повѣту Новгородского выпустивши и вылучивши“. Эти шесть волокъ представляютъ собою Дойлидскій островъ, „на которомъ теперь мешкаль земенинъ“ Радивила „Клецкій Иванъ Ждановичъ“, и часть земли Радивиловыхъ татаръ села Малыщицкаго. Выдѣленные шесть волокъ отдаются Кирножицкому, его женѣ, дѣтямъ и потомкамъ на вѣчныя времена, съ правомъ полного распоряженія. Они будутъ владѣть этою землею, по словамъ Радивила, „служечи съ того службу земскую военную, на сеймехъ вальныхъ уфаленую, не въ почете нашомъ, але господарю королю его милости, подъ хоругвою и въ присуде повету воеводѣства Новгородского будучи а уживаючи на томъ всехъ вольностей и свободъ шляхетскихъ, какъ яко иншіе всѣ обыватели Великого Князства Литовского, земяне господарьскіе шляхта, з ыменей своихъ служатъ и вольностей, правъ и всякихъ свободъ шляхетскихъ уживають, а намъ съ того и потомкамъ нашимъ никоторое повинности онъ самъ, жона, дети и потомки его николи полнити не будутъ повинни“.

Такимъ образомъ, передъ нами переводъ въ шляхетскій повѣтъ панскаго шляхтича, совершаемый самимъ паномъ путемъ надѣленія его осѣлостью изъ панскихъ имѣній, лежащихъ въ повѣтѣ, какъ территоріальномъ округѣ. При переводѣ въ шляхетскій повѣтъ своего шляхтича панъ не только не спрашиваетъ на это согласія господаря, но даже ни слова не говоритъ объ „урожономъ шляхетствѣ“ лица, которое, освобождаясь отъ панской власти, вступаетъ въ ряды повѣтовой шляхты. Первое можетъ быть признано и не нужнымъ: законъ совершенно ясно опредѣляетъ право на принадлежность къ повѣтовой шляхтѣ всѣхъ шляхтичей, владѣвшихъ осѣлостями въ повѣтовомъ обводѣ. Указаніе на второе читатель долженъ бы ожидать встрѣтить въ листѣ

1) Описаніе Рукоп. Отд. Вил. Публ. Библіотеки. Выпускъ IV. Приложенія, № 13.

Радивила. Но вмѣсто словъ объ „уроженомъ шляхетствѣ“ Кирножицкаго онъ находитъ лишь именованіе послѣдняго паномъ, т. е. шляхетскимъ титуломъ, установившимся для шляхты послѣ уравнинія ея съ панами Великаго Княжества Литовскаго. Можно думать, что Кирножицкому и не требовалось никакихъ другихъ доказательствъ его шляхетства: это именованіе его паномъ могло служить достаточнымъ основаніемъ для признанія его шляхтичемъ, и, получивъ осязательность въ повѣтовомъ обводѣ, панскій шляхтичъ сталъ полноправнымъ членомъ повѣтовой корпораціи того шляхетскаго повѣта, въ обводѣ котораго эта осязательность находилась.

Такъ просто совершался переходъ панскихъ шляхтичей въ шляхетскіе повѣты въ эпоху послѣ реформы 1565—1566 годовъ. Онъ сталъ еще проще, чѣмъ былъ въ до-реформенное время, когда требовалось для каждаго отдѣльнаго случая вступленія въ ряды бояръ и земянъ господарскихъ разрѣшеніе великаго князя.

Совершенно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стояла панская шляхта къ ея панамъ, стояла такъ называемая „спадковая“ шляхта къ великому князю. Его права на эту шляхту основывались не на томъ, что онъ былъ господаремъ ея, какъ всей остальной шляхты Княжества, а на томъ, что она жила на земляхъ, которыя принадлежали великому князю, какъ пану-собственнику. „Спадокъ“ — выморочное имущество, которое „по ближнемъ, по пустой руцѣ“, за отсутствіемъ наслѣдниковъ, „спадаетъ“¹⁾ на великаго князя. Съ теченіемъ времени такихъ „спадковыхъ“ земель оказалось въ рукахъ господаря значительное количество²⁾. На нихъ жили и тяглые люди, и слуги, и земяне, и бояре всѣхъ видовъ, которые мы видѣли выше. Въ числѣ бояръ было много такихъ, которые или уже именовались шляхтою, или должны были быть признаны ею, какъ служившіе

1) Ср. II ст., VII, 7.

2) Списокъ спадковыхъ земель великаго князя см. на стр. 153—154, (прим. 1) изслѣдованія М. В. Довнаръ-Запольскаго Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, томъ I. Интересный списокъ Трабской спадковой шляхты съ указаніемъ ея повинностей и происхожденія ея имѣній — А. Вил. XXIV, № 75. Къ господарю земли частныхъ лицъ могли переходить не только „спадкомъ“, но и черезъ записи (II ст., III, 35; III ст., III, 42).

издавна, изъ поколѣнія въ поколѣніе, только военную службу, безъ несенія другихъ повинностей и безъ уплаты „посѣдей“. Повѣтовая реформа ставила ребромъ вопросъ о повѣтовыхъ правахъ и обязанностяхъ спадковой шляхты. Какъ осѣлая шляхта, спадковые шляхтичи должны бы были слиться съ „повѣтниками“, но между повѣтомъ и ими стояла та же панская власть, которую мы видѣли надъ панскою шляхтою, хотя эту власть и держалъ въ своихъ рукахъ самъ великій князь, такъ заботившійся, по его собственнымъ заявленіямъ, „о розмноженіи стану шляхетского“. Повѣтовая шляхта, сразу послѣ реформы 1565—1566 годовъ, стала хлопотать о сліяніи съ собою шляхты спадковой. Но эти хлопоты встрѣтили энергичный отпоръ государя, не желавшаго отказываться отъ своихъ правъ по отношенію къ населенію своихъ „имѣній спадковыхъ“¹⁾. На сдѣланное на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 годовъ заявленіе шляхты о томъ, что Клецкіе земляне „надъ право посполитое и вольности ихъ шляхетскіе“ отдѣлены отъ повѣтовой хоругви Новгородской и ихъ „подъ послушенство и въ присудъ Клецкій примушаютъ“, Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ: „разознанье и выкладъ судебный данинъ, potvrжденье и листовъ предковъ нашихъ и самыхъ насъ никому иному не належитъ, только намъ государю властне“; поэтому они должны „правне поступовати“, представивъ великому князю „мандаты“ Клецкихъ державцевъ, считаемые ими противозаконными, которые будутъ разсмотрѣны имъ вмѣстѣ съ ихъ привилеями²⁾. На просьбу Бѣльскаго повѣта, представленную на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, о присоединеніи къ повѣту шляхты Тыкотинской, Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ еще опредѣленнѣе: „ижъ Тыкотинъ есть имене спадковое, тогда шляхта Тыкотинская, водле звыклого обычаю давного, въ суду и во всемъ маеть послушенство чинити ку вряду тамошнему Тыкотинскому“³⁾, т. е. она остается въ прежнемъ положеніи и не сливается со шляхетскимъ Бѣльскимъ повѣтомъ.

Статутъ 1566 года, гарантируя Литовско-Русской шляхтѣ „неданье“ шляхтичей и ихъ имѣній никому, сохраняетъ всѣ

1) См. выше, стр. 83—84 и 164.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 462.

3) Ibidem. Стр. 493.

права господара на спадковую шляхту, съ правомъ пожалованія ея господаремъ кому онъ пожелаетъ: „вѣдже кому быхмо, зъ ласки наше, дали и давати хотѣли, родичомъ Великого Князства имѣнья наши спадковые, и въ нихъ бояре, хотя бы шляхта была, а имѣнница свои здавна и ново тежъ черезъ данину оныхъ пановъ, по комъ на насъ господаря тые спадки пришли, мели¹⁾ и имъ служыли, а листы подтверженъемъ нашимъ не вызволили, въ томъ моцы рукъ и щодроблности наше и потомковъ нашихъ не замыкаемъ“—гласить II статутъ отъ имени великаго князя²⁾. То же самое повторяетъ и статутъ 1588 года³⁾.

Приведенныя сейчасъ слова Литовско-Русскаго закона совершенно опредѣленно сохраняютъ въ рукахъ господара всѣ его права на распоряженіе спадковыми имѣніями и шляхтою, которая въ нихъ живетъ. Она отнюдь не уравнена въ правахъ съ остальною массою шляхты, которую составили господарскіе бояре и господарскіе земяне. Послѣднимъ оба статута гарантировали, что ни они, ни ихъ имѣнія никогда не будутъ раздаваться господаремъ, по отношенію же къ шляхтѣ спадковой великій князь сохранилъ это право до-реформеннаго времени, какъ сохранили его и паны по отношенію къ своей шляхтѣ. Но тѣ же приведенныя выше слова статута 1566 года, повторенныя и статутомъ 1588 года, совершенно ясно говорятъ и о происхожденіи шляхты спадковой. Это такіе шляхтичи, которые уже въ давнее время или недавно получили отъ пановъ, которымъ принадлежало имѣніе до его „спадка“ на великаго князя, земли и этимъ панамъ служили, не освобожденные ими отъ службы на себя съ подтверженіемъ этого освобожденія и перехода на господарскую службу великимъ княземъ. Иными словами, въ положеніи спадковой шляхты оказались такіе шляхтичи панскихъ имѣній, которые до „спадка“ послѣднихъ на господара не успѣли перейти изъ рядовъ панскихъ бояръ и земянъ въ ряды бояръ и земянъ господарскихъ однимъ изъ

1) Въ изданіи II-го статута въ XXIII-й книгѣ Временника Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. совершенно напрасно слово „мели“ взято въ скобки.

2) II ст., III, 4.

3) III ст., III, 5.

тѣхъ способѣхъ, которые отмѣчены были нами выше¹⁾. Послѣ „спадка“ панскаго имѣнія на господаря, послѣдній вступилъ во всѣ права прежняго пана по отношенію къ такимъ шляхтичамъ и отнюдь не хотѣлъ отъ этихъ правъ отказываться, какъ мы уже видѣли выше.

То, что даетъ для характеристики спадковой шляхты приведенная выше выписка изъ статута, дополняется свѣдѣніями, почерпаемыми изъ Литовско-Русскихъ актовъ. Вотъ, что говоритъ, напримѣръ, о спадковой шляхтѣ Мстибогова листъ Сигизмунда Августа, данный въ Кнышинѣ 12 іюля 1564 года²⁾. Господарь имѣетъ „въ рукахъ своихъ маетность спадковую по небощыку Станиславовичу Рекутовичу, старостику Жмойцкому³⁾, который съ того свита безпотомне смертю зышолъ.“ Эта „маетность Мстибовъ⁴⁾“ во всими приналежностями на“ великаго князя „господара спадкомъ до рукъ и шафования“ его „пришла“ еще въ великокняженіе Алѣксандра Казимировича. Въ этихъ „маетностяхъ, во Мстибове“, бояре-шляхта на разныхъ мѣстахъ „земли держали одъ небощика, славной памяти Станислава Яновича Рекутовича, старосты⁵⁾ Жмойцкого, которые то бояре-шляхта, держечы тые именича свое за выслугами продковъ своихъ, не даючы ничего пану Станиславу Яновичу Рекутовичу, старосты Жмойцкому, на которые то маетности, именича свое, каждый з нихъ листовъ-твердости мети не мели, однакожь кождый з нихъ з своего именича, иной повинности, дани и подачковъ пану своему не даючы, только на потребу, когда указывала потреба на тотъ часъ пана ихъ зошлого, небощыка пана Станислава Яновича Рекутовича, старосты Жмойцкого, и потомка его, пана Станислава Станиславовича Рекутовича, ку оброне речы посполитой военное, а по смерти пана Станислава Станиславовича, старостича Жмойцкого, намъ господару, еще продкомъ нашимъ, остала“. Эти „бояре-шляхта Мстибовскіе“ служили великимъ

1) См. стр. 207- 209.

2) А. Вил. XXIV. № 169.

3) Сынъ старосты Жмоитскаго Станислава Яновича Рекуты (см. о послѣднемъ А. Вил. XXIV, №№ 65 и 115).

4) Мстибовъ то же самое, что Мстибеговъ. Ср. М. К. Любавскій, Обл. дѣл. и мѣстн. упр., стр. 164.

5) Въ изданіи: „старостъ“.

князьямъ Александру и Сигизмунду Старому и служатъ самому Сигизмунду Августу „конемъ службу военную“, какъ и „иная шляхта-бояре“ господарскіе въ повѣтъ Волковыйскомъ. Не имѣя документовъ на свои имѣнія, къ Сигизмунду Августу пріѣхали „бояре-шляхта“ его „Мстибовскіе, Грегорій Миколаевичъ Семичовъ Стоцкій и Андрей Станиславовичъ Стоцкій“, и били ему челомъ о пожалованіи и подтвержденіи имъ господарскимъ листомъ имѣнія въ Стокахъ и объ оставленіи ихъ самихъ и ихъ дѣтей и потомковъ „при свободахъ и вольностяхъ“. Сигизмундъ Августъ исполнилъ ихъ просьбу, найдя ее „слушною“ самъ, а также „за причиню и радю пановъ-радъ“, въ то время при немъ бывшихъ. Оба Стоцкіе, названные уже въ настоящемъ листѣ господарскими землями Волковыйскаго повѣта, вмѣстѣ съ ихъ жонами и потомками, получили подтвержденіе на „тую маетность, имениче Стоки, надъ речкою Стокою“, съ правомъ полного распоряженія. Съ этого имѣнія Стоцкіе должны Сигизмунду Августу и его преемникамъ „на потребу речы посполитое и войну противъ непріятелеви“ господаря, „коли будетъ ухвалено на посполитое рушене, посполу з иншою шляхтою“ господарскою, „у повети Волковыскомъ коня ставети, яко и во всехъ земляхъ того панства“ его, Великаго Княжества Литовскаго. Далѣе документъ говоритъ отъ имени великаго князя: „и при тыхъ вольностяхъ и свободахъ ихъ самыхъ, впродъ реченныхъ Михала Семича Стоцкихъ и Андрея Стоцкого заховуемъ, жоны, дети и потомковъ ихъ на вечные часы, яко иная бояра-шляхта наша во всехъ панствахъ Великаго Княжества Литовскаго, которыи, маючы въ рукахъ своихъ добра столу нашего господарскаго, кому хотечы и кого кольвекъ особе отдать, шафовать, яко власностями своими“.

Передъ нами въ настоящемъ документѣ иллюстрація на реальномъ примѣрѣ того, что въ сжатомъ видѣ даетъ статутъ въ приведенныхъ выше словахъ о спадковой шляхтѣ. Но этотъ документъ даетъ и образецъ перевода великимъ княземъ своихъ спадковыхъ шляхтичей въ ряды полноправной шляхты господарской. Этотъ переводъ такъ похожъ на освобожденіе панами ихъ шляхтичей отъ панской власти, только тутъ освобожденіе отъ послѣдней соединяется въ одинъ моментъ съ принятіемъ ихъ въ ряды шляхты госпо-

дарской, въ то время какъ въ аналогичныхъ случаяхъ для панской шляхты эти моменты раздѣлялись. Оно такъ и должно было быть: панъ спадковой шляхты былъ одновременно и господаремъ Великаго Княжества Литовскаго.

Въ годы послѣ реформы 1565—1566 годовъ переводъ спадковыхъ шляхтичей въ шляхетскіе повѣты совершался также въ видѣ особыхъ пожалованій великаго князя, по челобитьямъ отдѣльныхъ спадковыхъ шляхтичей, т. е. какъ исключеніе изъ общаго правила. Такъ, въ привилеѣ Стефана Баторія, данномъ Юрію Жигимонтовичу въ Ригѣ 22 апрѣля 1582 года¹⁾, читаемъ, что этотъ Жигимонтовичъ просилъ короля, чтобы онъ „его зъ именемъ его Борисовичами, въ старостве Кобрынскомъ лежакомъ, отъ послушенства и присуду замку Кобрынского волными учинившы, до повету Берестейскаго выпустилъ и прилучылъ и ему, яко иншой шляхте Берестейской, подъ хоругвою поветовою часу войны съ почтомъ, съ того имениа его Борисовичъ повиннымъ, служити и становити ся дозволилъ“²⁾. Король, принимая во вниманіе его „чоломбите“ и ходатайство пана Остафія Воловича³⁾ и нѣкоторыхъ другихъ радныхъ пановъ, засвидѣтельствовавшихъ передъ нимъ „годность“ Жигимонтовича къ службамъ господарскимъ и земскимъ военнымъ, исполнилъ его просьбу. Привилей отъ имени Стефана Баторія гласитъ: „пререченого Юря Жигимонтовича, дети и потомки его, съ тымъ именемъ его звышописанымъ Борисовичами, зо всими кгрунты его, землями и з людми, на нихъ оселыми, такъ, яко се само въ себе, въ границахъ и обыходахъ своихъ здавна мело и теперь маеть, на вечные часы отъ послушенства и присуду замку Кобрынского вызволяемъ и выпускаемъ, а до повету и присуду Берестейскаго его прилучаемъ“. Переимѣна, создаваемая въ положеніи спадковаго шляхтича этимъ переводомъ его въ шляхетскій повѣтъ, обозначается слѣдующими словами при-

1) Лит. Метр. $\frac{I A}{69}$ л. л. 88—88 об. (на пагинацію этой книги вполне полагаться нельзя, такъ какъ она не совсѣмъ выдержана).

2) Въ привилеѣ говорится отъ имени короля: „пустили и прилучили“, „дозволили“.

3) Панъ Виленскій, канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, староста Берестейскій и Кобрынскій.

вилея: „такъ, ижъ, естлибы хто до нихъ какое дело мелъ, вѣко не до суду Кобрынскаго, але до суду земскаго и кгородскаго Берестейскаго, по тому, яко и иншая шляхта Берестейскаго повету, позывати се мають и службу военную не индей, одно подъ хоруговою поветовою Берестейскою, з ыншою шляхтою служити повинни будуть“. Конечно, послѣ этого господарскаго привилея, ни „теперешній староста Кобрынскій“, ни его преемники по уряду „и ниhto никоторое кривды ему и потомкомъ его чинити и до присуду Кобрынскаго оныхъ съ тымъ именемъ ихъ приворочати и прилучати не мають и моцы мѣти не будуть“¹⁾.

Такимъ образомъ, съ переводомъ спадковаго шляхтича въ шляхетскій повѣтъ онъ становится подъ повѣтовую хоругвь и подъ присудъ повѣтовыхъ судовъ, со всѣми остальными правами шляхетныхъ обывателей повѣта, освобождаясь отъ власти и суда старосты-державцы, какъ господарскаго управителя того спадковаго имѣнія, въ которомъ лежала его осѣлость. Привилеевъ такого содержания сохранилось довольно много. Но иногда о переводѣ имѣнія въ шляхетскій повѣтъ приходилось хлопотать шляхтичу, и не принадлежавшему лично къ спадковой шляхтѣ. Это бывало тогда, когда шляхтичъ пріобрѣталъ какимъ-либо способомъ имѣніе, лежавшее въ предѣлахъ спадковыхъ земель и не присоединенное еще господаремъ къ шляхетскому повѣту. Въ такомъ положеніи былъ, напримѣръ, господарскій земянинъ Семень Груша, который владѣлъ вблизи Трабъ купленнымъ имѣніемъ Бокнишками на рѣкѣ Якунѣ. Трабскіе державцы, какъ жаловался Груша королю и великому князю Генриху, „его ку повинностямъ и присудомъ двора Трабскаго примущають и немалые трудности о то, жебы онъ зъ оногo имейца вышей менованого уряду Трабскаго послушенъ былъ, ему задають“²⁾. Такимъ образомъ, совершенно полноправный шляхтичъ, пріобрѣтая покупкою, наслѣдованіемъ или другимъ какимъ-либо способомъ кусокъ земли, принадлежавшій раньше спадковому шляхтичу, не успѣвшему осво-

1) Тотъ же привилей — Лит. Метр. $\frac{I A}{67}$ л. л. 166 об. — 167 и тамъ же „другій разъ омылкою списанъ“ — л. л. 167 — 167 об.

2) Лит. Метр. $\frac{I A}{57}$ л. л. 69 об. — 70. „Листъ пана Семена Груши на вольность отъ присуду Трабскаго“ (дата: Краковъ, 8 мая 1574 года).

бодиться отъ ограниченія его правъ, долженъ былъ хлопотать о снятіи съ него этихъ ограниченій по прибрѣтенной землѣ, если не желалъ имъ подчиниться. Освобожденіе Семена Груши отъ присуда Трабской державы и подчиненія ея державцамъ было сдѣлано Генрихомъ въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ и Стефанъ Баторій освободилъ въ приведенномъ выше его привилеѣ Жигимонтовича отъ власти и суда старостъ Кобринскихъ¹⁾. Подобнаго содержанія привилеевъ, обоихъ сейчасъ указанныхъ видовъ, сохранилось довольно много. Всѣ они переводятъ въ шляхетскіе повѣты или самихъ отдѣльныхъ спадковыхъ шляхтичей съ ихъ имѣніями, или одни эти имѣнія, прибрѣтенныя полноправными шляхетными обывателями повѣтовъ²⁾.

1) Семена Грушу, его жену, дѣтей и потомковъ, гласить привилей отъ имени короля Генриха, „зъ ыменейцомъ его Бокъшишъками и зо всякими кгрунъты, которые онъ при державе Трабской ку оному именью Бокъшишкомъ держитъ, съ присуду и въсякого послушеньства зъ державы нашео Трабское вынявши и вольнымъ его учинивши, до свободъ, вольности, вряду и судовъ кгородскихъ, земскихъ и подъ хоруговъ повету Ошменъского прилучаемъ, такъ, ижъ вже преречоный Семенъ Груша, малъжонка, дети и потомки его жадного послушеньства и повинъности до вряду Трабского зъ ыменейца своего Бокъшишокъ и зо всихъ кгрунътовъ, которые ку тому именьцу належать, чинити повинъни не будутъ, але всякіе sprawy свои, хто бы што до него, абы онъ до кого мелъ, передъ врядомъ повету Ошменъского отъправовати и службу земскую военъную подъ хоруговъю оногъ жъ повету служити мають вечными часы, уживаючи зъ онымъ именьцомъ всякое вольности и свободъ, яко инъшіе обыватели-шляхъта Великого Князства Литовского волности и свободъ своихъ уживають, якожъ каш[т]еляну Берестейскому, державцы Трабскому, пану Яну Гайку и напотомъ будучимъ державцамъ Трабскимъ приказуемъ, ижъ бы Семена Груши ку жаднымъ повинъностямъ и подъ послушеньство вряду Трабского не притегали и никоторое трудности имъ о то вечно не задавали“.

2) Напримѣръ — „Листъ судьи земскому, пану Адаму Патею на вызволене именья его въ волости Кобринской подъ присудъ воеводства Берестейского“ (Лит. Метр. $\frac{1}{67}$ л. л. 179—179 об.; дата: Бѣльскъ, 1 августа 1582 года; тотъ же привилей — Лит. Метр. $\frac{1}{69}$ стр. 116—117), „Листъ Александру Девечце на вызволене именья его купленого, названого Патрики, отъ присуду Кобринского и прилучене въ поветъ Берестейскій“ (Лит. Метр. $\frac{1}{67}$ л. л. 179 об. — 180 об.; дата: Бѣльскъ, 1 августа 1582 года), „Ивану Гоголю и брати его на вызволене съ присуду Кобринского зъ именьемъ его Кивовертами подъ хоруговъ воеводства Берестейского“ (ibidem, л. л. 189—190; дата: Варшава, 1582 годъ),

Въ нѣкоторыхъ спадковыхъ великокняжескихъ земляхъ переводъ господаремъ спадковыхъ шляхтичей въ шляхетскіе повѣты былъ произведенъ въ весьма широкихъ размѣрахъ. Такъ, это было сдѣлано въ Кобринскомъ округѣ. Въ 1588 году только что вступившему на Польско-Литовскій престолъ Сигизмунду Вазѣ господарскіе земяне „воеводства Берестейского, округу Кобринского“ заявили, что Сигизмундъ Августъ „дати рачиль княжатою, панятою, шляхтѣ-рыцтерству и всимъ обывателемъ воеводства Берестейского привилей свой господарскій зъ стороны описанья границъ и поколь ся влада и присудъ того воеводства стегати маеть, также около порядку судовъ новыхъ и врьдовъ судовыхъ земскихъ, кгородскихъ и подкоморскихъ оною, водлугъ статуту Великого Князства Литовского, и о иныхъ речахъ, въ томъ же окружъ воеводства Берестейского, описуючи повѣтъ Кобринскій, шляхту-рыцтерство зъ ихъ оселостями и имѣньями въ едноть, подъ хороговъ и присудъ воеводства Берестейского, што все ширей въ томъ листѣ его милости Жикгимонта Августа есть описано и доложено“. Кобринскіе земяне сказали Сигизмунду III-му, что они, въ силу этого листа, постоянно служили земскую службу подъ одною хоругвью съ Берестейскою повѣтовою шляхтою, а также и пользовались, и пользуются въ настоящее время повѣтовыми Берестейскими судами. Они просятъ, однако, новаго господаря „для всякихъ

„Привилей Цасному, Михаилу а Ивану Верещакомъ о вызволене ихъ зыменемъ ихъ Каменемъ отъ присуду Кобринского и прилучене въ повѣтъ Берестейскій“ (ibidem, л. л. 200 об. — 201; дата: Варшава, 3 октября 1582 года), „Прывилей земяномъ Буйкомъ на прывороченье ихъ до повету Ошменьского отъ державы Трабъской“ (Лит. Метр. $\frac{1}{70}$ л. л. 3 об. — 4 об.; дата: Краковъ, 8 сентября 1583 года; тотъ же привилей Буйкамъ — Василію, Езофу и Станиславу Григорьевичамъ — находится на стр. 189—190 книги 69-ой Литовскихъ Записей Метрики), „Прывилей Адаму а Аньдрию Табенцъкимъ на вызволенье ихъ отъ суду Кобриньского до повету Берестейского“ (Лит. Метр. $\frac{1}{70}$ л. л. 29—29 об.; дата: Берестье, 12 ноября 1583 года), „Прывороченье Парыса Радовицкого до повету Ошменьского съ прысуду Кгераноиньского“ (ibidem, л. л. 85 об. — 86 об.; дата: Вильна, 20 марта 1584 года), „Вызволенье Станиславу Лопатецкому имения его Падуковщизны съ прысуду Вольпеньского до повету Волковыского“ (ibidem, л. л. 103—105; дата: Вильна, 6 апрѣля 1584 года). Нѣсколько подобныхъ документовъ и издано: нпр., А. Вил. XIII, № 19.

припалыхъ потребъ“ о подтвержденіи имъ ихъ правъ, создаваемыхъ этимъ сліяніемъ съ Берестейскимъ шляхетскимъ повѣтомъ. Сигизмундъ III въ отвѣтъ на эту просьбу Кобринскихъ земянъ постановилъ: „мы, господарь, ижъ не звыкли есмо никому вольностей ихъ умнейшати, але и овшемъ ихъ примножати, а присмотрѣвшисе добре привилею короля его милости Жикгимонта Августа, въ книгахъ нашихъ канцлерейскихъ вписаному, у которомъ ясне описуетъ, же вся шляхта, обыватели округу Кобринского, до воеводства Берестейского суть злучоны и до всякихъ вольностей и правъ, тому воеводству наданныхъ, припущоны, которыхъ яко здавна, такъ и теперъ уживають, въ томъ тежъ и водле конституціи сойму вального Любельского, въ року прошломъ тисеча пятьсотъ шестьдесятъ девятомъ учиненое, заховуючисе и прозбы ихъ, до насъ донесенные, видечи быти слупшыне, ласкаве есмо позволили, а тотъ привилей короля его милости объясняючи, симъ листомъ нашимъ шляхтѣ воеводства Берестейского округу Кобринского варуемъ“, что они уравниены въ правахъ съ Берестейскою повѣтовою шляхтою и что Кобринскій урядъ „вжо до нихъ и оселостей ихъ ничего мѣти и до суду замку Кобринского оныхъ примушати и трудности никоторое имъ въ томъ чинити и тежаровъ жадныхъ имъ задавати не маеть и не будетъ мочь“¹⁾.

Итакъ, Сигизмундъ III призналъ всю Кобринскую спадковую шляхту полноправными обывателями Берестейскаго шляхетскаго повѣта. Листъ его, данный ей съ этимъ признаніемъ, датированъ Берестьемъ и 21-мъ ноября 1588 года, т. е. выданъ именно въ ту эпоху, когда Сигизмундъ III былъ такъ озабоченъ привлеченіемъ на свою сторону Великаго Княжества Литовскаго послѣ побѣды при Бычинѣ надъ конкурентомъ на престолъ, Австрійскимъ эрцгерцогомъ Максимилианомъ. Коронованный безъ согласія Литовско-Русскихъ становъ, король долженъ былъ всѣми способами стараться примирить съ собою Княжество. Онъ „на Литве присягу повторилъ, бовемъ былъ безъ нашихъ коронованъ“, какъ выражается Евлашевскій²⁾; онъ долженъ былъ сдѣлать

1) А. Вил. II. № 66.

2) Мемуары, относящіяся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ II. Кіевъ 1896. Стр. 28.

и существенныя уступки въ требованіяхъ Литовско-Русскихъ становъ¹⁾. При такой то обстановкѣ получила признаніе повѣтовыхъ правъ и Кобринская спадковая шляхта. Но нужно серьезно сомнѣваться, чтобы „объясненіе“, которое давалъ Сигизмундъ III листу Сигизмунда Августа о введеніи при осуществленіи реформы 1565—1566 годовъ новаго повѣтоваго строя въ Берестейскомъ повѣтѣ — а этотъ листъ, конечно, и былъ представленъ Кобринскою шляхтою королю²⁾ — совпадало съ пониманіемъ правъ Кобринскихъ спадковыхъ шляхтичей самимъ Сигизмундомъ Августомъ и его ближайшими преемниками. Что всѣ эти господа отнюдь не считали Кобринскую спадковую шляхту полноправными шляхетными обывателями Берестейскаго повѣта, совершенно ясно доказывается ихъ привилеями, выданными отдѣльнымъ Кобринскимъ шляхтичамъ на право сліянія съ шляхетскимъ повѣтомъ³⁾.

Но были повѣты, которые почти цѣликомъ образовались изъ спадковыхъ земель. Это — повѣты Пинскій, Ковенскій и Городенскій. Пинское княжество было спадкомъ на Сигизмунда Августа послѣ его матери Боны Сфорца, владѣвшей имъ на основаніи привилея Сигизмунда Стараго отъ дня Св. Франциска 1519 года⁴⁾. Такимъ же спадкомъ послѣ Боны были и Кобринъ, и другія ея владѣнія⁵⁾. Но Пинскъ и его

1) Ср. J. Szujski, Dzieje Polski, tom III (W Krakowie 1894), str. 146. Самое утвержденіе III-го статута Сигизмундомъ Вазою привилеемъ отъ 28 января 1588 года, съ такою опредѣленною въ этомъ кодексѣ тенденціею самостоятельности Княжества и охраны ея отъ Польши въ разрѣзъ требованіямъ „братской“ Уніи, мы считаемъ одною изъ такихъ уступокъ Княжеству. Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, I, стр. 222—224.

2) См. этотъ листъ въ копіи, выданной при Стефанѣ Баторіи 13 апрѣля 1578 года на л. л. 92 об.—98 об. книги Литовской Метрики $\frac{I\ A}{59}$ — „Видимусъ около границъ воеводства Берестейскаго и о порядку судовъ и иныхъ речахъ“. Подобнаго содержанія листы были посланы Сигизмундомъ Августомъ при введеніи повѣтовой реформы и въ другіе повѣты. Ср. выше, стр. 69, прим. 4 и Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 53.

3) См. выше стр. 256 и стр. 257 прим. 2.

4) Описаніе Рукописнаго Отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. Выпускъ III. Стр. 50 (Приложенія, № 10).

5) Привилей Сигизмунда Стараго, данный Бонѣ также въ день Св. Франциска 1519 года, см. *ibidem*, стр. 51 (№ 11).

округъ не остались спадковымъ господарскимъ владѣніемъ послѣ реформы 1565—1566 годовъ, хотя они были не только спадкомъ послѣ Боны, но и послѣдней были уже отданы какъ спадковыя земли великаго князя, перешедшія къ нему „iure caduco“ послѣ смерти Пинской княгини Александры Семеновны Олельковича, вдовы послѣдняго Пинскаго князя Ѳеодора Ярославича ¹⁾. Листъ Сигизмунда Августа, данный въ Пинскій повѣтъ изъ Вильны 28 января 1566 года, опредѣляющій границы и дѣятельность судовъ Пинскаго повѣта, признаетъ всю Пинскую шляхту полноправными повѣтовыми обывателями, безъ какихъ-либо ограниченій ихъ правъ ²⁾. Такое чрезвычайно благопріятное разрѣшеніе вопроса для Пинской спадковой шляхты было, надо думать, создано тѣмъ, что при введеніи реформы 1565—1566 годовъ, когда стремились къ болѣе правильному и равномерному раздѣленію государственной территоріи Княжества на повѣты, съ болѣе или менѣе крупными центрами во главѣ ихъ, было признано невозможнымъ Пинскъ и его округъ не сдѣлать самостоятельнымъ повѣтомъ. Также стали самостоятельными повѣтами и округа Ковна и Городна, хотя первый былъ спадкомъ послѣ первой жены Сигизмунда Августа Варвары Радивиловны ³⁾, а второй — спадкомъ опять-таки послѣ Боны ⁴⁾.

Такимъ образомъ, вопросъ о повѣтовыхъ правахъ спадковой шляхты былъ разрѣшенъ далеко не одинаково для нея всей. Съ одной стороны, оказалась переведенною въ шляхетскіе повѣты шляхта нѣкоторыхъ спадковыхъ земель цѣликомъ, съ другой — въ другихъ спадковыхъ имѣніяхъ господаи переводили въ шляхетскіе повѣты отдѣльныхъ шляхтичей лишь по ихъ челобитьямъ и по ходатайствамъ тѣхъ

1) Въ привилеѣ Сигизмунда Стараго Бонѣ на Пинскъ читаемъ: „... castrum et oppidum Pynsk, cum curijs et districtibus, ad ea pertinentibus, que post obitum uxoris ducis Phedori, filie olim magnifici Iwanowycz Jaroslavicz, ad nos nostramque disposicionem iure caduco fuerunt suntque devoluta“. Ibidem. Стр. 50.

2) Вил. Центр. Архивъ, № 13014. Пинскаго гродскаго суда № 27. Стр. 353—358. Пересказъ этого листа см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 53—55.

3) М. В. Довнаръ-Запольскій. Op. cit. Стр. 153, прим. 1.

4) Ibidem. Стр. 154, примѣчаніе.

или другихъ радныхъ пановъ. Само собою разумѣется, что такое разрѣшеніе вопроса не можетъ быть признано ни полнымъ, ни справедливымъ по отношенію къ спадковой шляхтѣ, какъ цѣлому. Самый вопросъ о спадковой шляхтѣ возникалъ только послѣ созданія шляхетскихъ повѣтовъ реформою 1565—1566 годовъ. До нея его не было, такъ какъ тогда вся шляхта, и спадковая и неспадковая, находилась въ одинаковомъ положеніи господарскихъ бояръ и земянъ, судимая и управляемая господарскими намѣстниками-державцами, безъ тѣхъ шляхетскихъ правъ, которыя были признаны II-мъ статутомъ.

Въ положеніи спадковой шляхты послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ передъ нами несомнѣнно наслѣдіе стараго до-реформеннаго строя Великаго Княжества Литовскаго, который не вполне укладывался въ новыя рамки, созданныя реформою. Но не одна спадковая шляхта нарушала стройность реформы. Ее нарушали и права военно-служилаго мѣщанства, и права военно-служилыхъ татаръ.

Господарскіе татары, служившіе земскую военную службу, составляли особую группу среди повѣтовой шляхты ¹⁾. Отношеніе къ нимъ повѣтовой шляхты было иное, чѣмъ отношеніе ея къ шляхтѣ спадковой: татаръ она старалась отдѣлить отъ шляхетскаго повѣта, въ то время какъ шляхту спадковыхъ имѣній, наоборотъ, стремилась съ нимъ слить. Положеніе господаря оказалось также инымъ по отношенію къ его татарамъ, чѣмъ къ его спадковой шляхтѣ: первыхъ онъ отстаивалъ въ ихъ повѣтовыхъ правахъ, вторую ревниво старался отъ этихъ правъ удержать. Господарскіе татары, служившіе земскую военную службу, были далеко не во всѣхъ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго. Татарское

1) На изученіи господарскихъ татаръ намъ уже пришлось остановиться въ нашей работѣ „Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія“ (томъ I, стр. 461—471). Причинами, заставляющими насъ вновь возвращаться къ господарскимъ татарамъ на настоящихъ страницахъ, являются: 1) выходъ въ свѣтъ въ 1906 году XXXI-го тома Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, заключающаго въ себѣ много очень цѣнныхъ для изученія этой группы населенія документовъ, и 2) необходимость разсмотрѣть положеніе господарскихъ татаръ въ ихъ отношеніи къ шляхетскому повѣту послѣ реформы 1565—1566 годовъ.

землевладѣніе развилось, главнымъ образомъ, въ повѣтахъ собственной Литвы и Руси Литовской, гдѣ татары осѣли еще въ XIV и XV столѣтіяхъ.

Начнемъ наше изученіе господарскихъ татаръ, какъ повѣтовыхъ обывателей, съ разсмотрѣнія ихъ правъ по землевладѣнію, бывшему основой, на которой держались всѣ права шляхтича въ повѣтѣ. Какъ мы видѣли выше, шляхетское землевладѣніе характеризуется во вторую половину XVI столѣтія двумя основными чертами: 1) правомъ распоряженія и 2) свободой ото всѣхъ повинностей кромѣ земской военной службы и уплаты податковъ, постановляемыхъ сеймомъ¹⁾. Право распоряженія своими имѣніями въ совершаемыхъ татарами гражданскихъ актахъ выступаетъ не такъ опредѣленно, какъ это наблюдается въ подобныхъ же актахъ, исходящихъ отъ шляхты-христіанъ: съ одной стороны, имѣемъ примѣры безусловнаго пользованія имъ татарами, съ другой — образцы его отрицанія. Вотъ примѣръ перваго. 9 января 1591 года земскому суду Городенскаго повѣта была представлена выпись изъ гродскихъ книгъ того же повѣта о продажѣ Городенскому земянину Ивану Семеновичу²⁾ земли господарскими татарами Городенскаго повѣта Селемшею и Хазбеемъ Яцковичами Осайтовичами. Въ этой выписи³⁾ находится продажный листъ на ниву, „поле голое“, выданный Осайтовичами⁴⁾, въ которомъ они пишутъ такъ. Будучи „пилно потребни пенезей а не маючы отъ-коль запоможения въ часъ теперешній дорогій и неурожайный, року теперъ девятьдесятого, а такъ для тыхъ причинъ и для службы господарское земское военное продали“ Ивану Семеновичу, его женѣ, дѣтямъ и потомкамъ свою ниву, лежащую противъ дома ихъ имѣнница Свяцка надъ рѣкою Остапшею. Деньги за проданную ниву⁵⁾ они получили, „а

1) Отъ военно-служилыхъ, шляхетныхъ господарскихъ татаръ необходимо отличать татаръ, жившихъ торгомъ и промысломъ. См. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 467.

2) Документъ представленъ земскому суду черезъ пріятеля Семеновича, пана Ивана Свяцкаго.

3) Дата явки въ Городенскія гродскія книги: 2 мая 1590 года.

4) Селемша и Хазбей Яцковичи Осайтовича и Селемшина жена, Умна Обдуловна Булатовича.

5) 20 копѣ грошей „личъбы литовское“.

тую ниву вышей описаную, на тры бочки земли, пану Ивану Семеновичу, паней малъжонце его, дѣтемъ и потомкомъ ихъ милостей завели въ моцъ и въ держане ихъ милости подали на вечные часы, отдаляючы отъ тое земли сами себе, дети и потомки“ свои „вечными часы“. Осайтовичи передають полное право пользованія и распоряженія, причемъ обязуются „своимъ власнымъ накладомъ“ защищать права купившаго отъ „близкихъ, крѣвныхъ“ своихъ, въ случаѣ ихъ вмѣшательства въ совершенную продажу¹⁾.

Передъ нами полное распоряженіе татарами своею землею, безъ всякихъ его ограниченій. Иногда акты прямо указываютъ и основаніе для этого права — постановленіе Берестейскаго сейма 1566 года, предоставляющее право распоряженія своими имѣніями шляхтѣ Великога Княжества Литовскаго. Государскій татаринъ Новгородскаго воеводства Усеинъ Маликбашичъ, продавая въ 1570 году свое имѣніе пану Остафію Воловичу, говоритъ въ своемъ продажномъ листѣ: „ведъ же уживаючы въ томъ волюности, на сойме прошломъ Берестейскомъ въ року минуломъ тисеча пятьсотъ шестьдесятъ шостомъ уфаленое, ижъ каждому шляхтичу волно своею властьюю именемъ подле воли своее шафовать, и къ тому за дозволеньемъ и правомъ господарскимъ, его милости пану Троцькому²⁾ данымъ, ни щей намовы и припущенья, одно по своей доброй воли и добре се на то розъмисливъшы, спустилъ и продалъ есми“ пану Остафію Воловичу, его женѣ, дѣтямъ и потомкамъ „всю часть именья“ своего „Крошиньскаго и дворца Стайковъ“, какъ они перешли къ нему отъ его отца. Продажа совершена съ передачею полного права распоряженія имѣніемъ покупателю³⁾. Такимъ образомъ, господарскій татаринъ ссылается на право, данное Берестейскимъ сеймомъ 1566 года всей шляхтѣ Литовско-Русской, и пользуется имъ при совершеніи акта отчужденія своего имѣнія. Ту же ссылку сплошь и рядомъ дѣлають и шляхтичи-христіане въ своихъ продажныхъ листахъ⁴⁾. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ

1) А. Вил. XXXI. № 51.

2) Т. е. пану Остафію Воловичу.

3) А. Вил. XXXI. № 19.

4) Нпр., А. Вил. XXVI, №№ 307, 309, 311 и др.

татаринъ упоминаетъ въ своемъ продажномъ листѣ и о дозволеніи, данномъ господаремъ пану Остафію Воловичу на покупку татарскихъ земель¹⁾, т. е. обосновываетъ свое право отчужденія не только обще-шляхетскимъ правомъ, но и специальнымъ господарскимъ разрѣшеніемъ на приобрѣтеніе отчуждаемой татарской земли, даннымъ лицу, ее приобрѣтающему. Съ этимъ вполне гармонируютъ слова листа Стефана Баторія, данного тому же пану Остафію Воловичу въ 1585 году и разрѣшающаго послѣднему вновь покупку земель господарскихъ татаръ: „подле права посполитого вечность именей татарскихъ никому иному не належить, толко намъ господару“²⁾. Нужно признать, что законъ и практика не совсѣмъ совпадали во взглядѣ на право господарскихъ татаръ распоряжаться своими имѣніями, и право распоряженія является въ актахъ то имъ принадлежащимъ, то нѣтъ³⁾.

Сами господарскіе татары называютъ свои земли, землями шляхетскими⁴⁾. Татары называются въ актовыхъ кни-

1) Въ началѣ своего продажнаго листа Усейнъ Маликбашичъ пишетъ: „которое именье Крошынъ, у воеводѣстве Новгородскомъ лежащее, отецъ мой Маликбаша Ордынецъ на господари короли его милости и великомъ кнези Литовскомъ, светое и славное памяти Жыкгимонте, выслуживши, мене, сына своего, з братею моею старшою, Мортую и Асаномъ, на ономъ именью Крошынскомъ оставилъ, одножъ якъ отецъ мой, такъ и мы, сынове его, водле права своего тымъ именемъ нашимъ шафовать и его продавать волни не были; а такъ, ижъ господаръ король его милость и велики князь Жыкгимонтъ Августъ, панъ нашъ милостивый, велможному пану его милости, пану Остафію Воловичу, пану Троцькому, подьканцлерому Великого Князѣтва Литовьского, старосте Берестейскому и Кобриньскому, з ласки своее господарское, право вечное на тое именье Крошынъ дали и въ насъ оное именье Крошынъ и дворецъ Стайки, ку тому жъ именью прислухающий, на вечность ку пити . . . позволить рачылъ“. А. Вил. XXXI. Стр. 25—26.

2) А. Вил. XXXI. № 34. Ср. слова разрѣшительнаго листа на покупку имѣній Крошынъ и Заулье, данного пану Остафію Воловичу въ 1566 году Сигизмундомъ Августомъ: „не маючи, яко иныше татарове, моцы и волности ничого отъ того именья безъ особливого позволенія и ведомости наше господарское некоторымъ обычаемъ никому заводити и впуцати“. Ibidem. № 10.

3) Примѣры продажи татарами своихъ земель безъ какихъ-либо указаній на право отчужденія — ibidem, №№ 51, 52, 53 и др. Примѣры съ указаніемъ ограниченія этого права — ibidem, № 10 и др.

4) Нпр., А. Вил. XXXI, стр. 82 и др.

гахъ повѣтовыхъ судовъ землянами¹⁾ и являются осѣлыми въ повѣтахъ²⁾. Какъ и остальная шляхта, господарскіе татары служатъ земскую военную службу со своихъ имѣній, не смѣшиваясь въ этой службѣ съ наемными войсками. Татаръ знаютъ на своихъ страницахъ „пописы“ земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго³⁾. Если переписывалось вмѣстѣ съ земскимъ войскомъ и войско наемное, то татарскія хоружества, какъ и хоружества шляхетскія повѣтовые вносятся въ реестры переписи отдѣльно отъ наемниковъ. Такъ, 3 октября 1592 года на городскіе Минскіе рочки господарскій татаринъ Минскаго повѣта, князь Аликечъ Бегимовичъ Уланъ представилъ для записи въ городскія повѣтовые книги выданный по его просьбѣ изъ господарскаго скарба „реестръ съ книгъ подъ датою року тисеча пятсотъ тридцать четвертого, индикъта сегого, месеца іюля сегого дня, пописованья войска Великаго Князства Литовскаго, людей пенезъныхъ и поветовыхъ, въ которомъ реестре межъ иншими ротами пенезъными и хоружствами поветовыми есть описано хоружство татарское службы земское поветовое Ахметя Улана тыми словы . . .“⁴⁾. Въ „ухвалѣ“ Виленскаго сейма 1528 года, части которой, какъ мы видѣли выше⁵⁾, повѣтовая шляхта вносила въ книги своихъ судовъ, какъ основаніе для своихъ правъ на „урожаемое шляхетство“, также переписаны и господарскіе татары⁶⁾, и они стоятъ тамъ между боярами и землянами, переписанными по воеводствамъ и землямъ. Съ переходомъ татарской земли въ руки шляхтича-

1) Нпр., *ibidem*, №№ 182, 183 и др.

2) Нпр.: „земянинъ татаринъ господарскій повету Лидскаго Исмаиль Алеевичъ Талковскій, писаровичъ господарскій арабскій, чоловекъ учтивый, добре оселый“ (*ibidem*, стр. 211), или — „жалуючи и оповѣдаючи на татарына господарскаго, въ повете Меньскомъ оселого, на Обрахмана Ойдаревича“ (*ibidem*, стр. 46).

3) См. выше, стр. 33.

4) А. Вил. XXXI. № 83.

5) Стр. 211—212.

6) Послѣ окончанія переписи земскаго войска Троцкаго повѣта текстъ „ухвалы“ 1528 года начинается „Реестръ князей и влановъ татарскихъ“ (л. 108 об., ст. 109 изданія). Послѣ этого заголовка стоитъ: „въ томъ же реестре кождый съ нихъ менованъ есть — на кольку конехъ мають служити“. Весь списокъ татаръ занимаетъ л. л. 108 об. — 117 (ст. 109—120 изданія). Послѣ его окончанія начинается „Реестръ землянъ Мельницкихъ“.

христианина служба съ этой земли, по признанію верховной власти Княжества, не мѣняется. Такъ, листъ Сигизмунда Августа, данный 27 декабря 1566 года пану Остафію Воловичу съ разрѣшеніемъ купить татарскія имѣнія, Крошинское и Засуле, отъ имени великаго князя говоритъ: „ино мы, бачечы, же въ томъ намъ господару и речы посполитой никоторая шкода не будетъ, кгдажъ служба земская съ тыхъ обоухъ именей не зменшится“¹⁾. На свою земскую службу господарскіе татары несутъ расходы не меньшіе, чѣмъ остальная шляхта, и такъ же, какъ и ей эти расходы бываютъ иногда тяжелы²⁾.

Рядомъ съ татарами господарскими встрѣчаемъ и татаръ панскихъ³⁾, т. е. имѣемъ то же явленіе, которое мы наблюдали выше по отношенію къ остальной шляхтѣ, также дѣлывшейся на землянъ господарскихъ и панскихъ или княжескихъ. Въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго для татаръ, какъ группы населенія Княжества, по сравненію съ остальною Литовско-Русскою шляхтою. Даже эти панскіе татары обращаются къ повѣтовымъ урядамъ по своимъ нуждамъ⁴⁾, не говоря уже о татарахъ господарскихъ, имѣющихъ повѣтовую ослѣлость⁵⁾ и становящихся въ земскомъ войскѣ около хоружія своего стяга, или, какъ онъ иногда называется, хоружія повѣта⁶⁾.

1) А. Вил. XXXI. № 10.

2) Нпр., *ibidem*, №№ 4—7.

3) Нпр.. „татарка ясне велможного пана его милости пана Криштофа Миколаевича Радивила, княжати на Биржахъ и з Дубинокъ“ и т. д. (*ibidem*, № 88), или его же татары (*ibidem*, № 99).

4) Нпр., А. Вил. XXXI, № 99.

5) Иногда въ своихъ листахъ господарскіе татары говорятъ прямо о возможности обладанія татарами ослѣлостью въ различныхъ повѣтахъ, которую они могутъ имѣть въ будущемъ. Такъ, господарскіе татары Городенскаго повѣта Селемша и Хаабей Яцковичи Осайтовича и жена Селемши Умна Обдуловна Булатовича, продавая свою ниву Городенскому господарскому землянину, пану Ивану Семеновичу, говорятъ въ своемъ продажномъ листѣ, что панъ Семеновичъ, въ случаѣ нарушенія его правъ на эту землю со стороны самихъ Осайтовичей или ихъ близкихъ, можетъ ихъ „позвать“ всѣхъ, „або одного, которого“ пожелаетъ, „до которого кольвекъ владу кгородского або земьского Городенского и до которого хотя повѣту, где кольвекъ на тотъ часъ оселость свою мети“ они будутъ. *Ibidem*. № 51.

6) Нпр., „князю Магметю Давлетъ Бахтевичу, мурзе, хоружому татарскому стягу и повету Новгородского.“ *Ibidem*. № 108.

Шляхетство господарскихъ татаръ признавалось закономъ и властью Великаго Княжества Литовскаго¹⁾. Въ случаѣ подозрѣнія въ не-шляхетствѣ, высказываемаго кѣмъ-либо по отношенію къ татарину, его принадлежность къ шляхетскому сословію доказывалась совершенно такъ же, какъ это дѣлалось и для остальныхъ шляхетныхъ обывателей Княжества, оказывавшихся заподозрѣнными въ ихъ шляхетствѣ. Примѣръ „вывода“ шляхетства татаръ имѣемъ въ листѣ Сигизмунда Августа отъ 26 апрѣля 1557 года²⁾. Въ этомъ листѣ читаемъ слѣдующее. Сигизмунду Августу били челомъ его подданные, татары Виленскаго повѣта, Богданъ, Миско и Ордюшко Тактамовичи со своею братією Каргажичи. Они „оповедали“, что по приказанію Сигизмунда Стараго „выведанье чынилъ роду ихъ, за наганенемъ на нихъ татарына повету Виленъскаго Габина Норкевича, царевичъ Острынскій Азубекъ Солтанъ“, который далъ свой листъ, вписанный цѣликомъ въ настоящій листъ Сигизмунда Августа. Царевичъ Азубекъ Солтанъ въ своемъ листѣ говоритъ: когда онъ находился при господарѣ на сеймѣ въ Петровѣ, передъ нимъ „объявили“ господарскіе подданные Богданъ, Миско и Ордюшко Тактамовичи „и зъ нынѣшними братею и родомъ своимъ, зо всіми Каряжичы“, что Крычинскій татаринъ Виленскаго повѣта Габинъ Норкевичъ „прыганилъ брату его Миску на честь, менечы, яко бы онъ былъ просты чоловіекъ, а не шляхчытъ.“ Миско пожаловался намѣстнику Виленскаго воеводы, пану Кунцу, и послѣдній „тому татарыну всказалъ былъ передъ собою стати“. Норкевичъ „передъ нимъ се становилъ“, но „предъ ся ему и передъ правомъ на честь ганилъ“. Тогда панъ Кунецъ

1) См. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 465—467. Въ актовыхъ книгахъ повѣтовыхъ судовъ также найдемъ прямыя указанія, что дѣла господарскихъ татаръ входятъ въ „справы земьскіе шляхетскіе“ (нпр., А. Вил. XXXI, № 105).

2) А. Вил. XXXI. № 144. Документъ представляетъ собою выписъ изъ канцелярейскихъ книгъ Княжества подтвержденія Сигизмундомъ III-мъ (отъ 6 марта 1595 года) листа Сигизмунда Августа (отъ 26 апрѣля 1557 года), пересказываемаго нами въ текстѣ. Заглавіе документа въ книгѣ Новгородскаго земскаго суда, по тексту которой онъ изданъ въ XXXI-мъ томѣ Актовъ, изд. Виленскою Комиссією, такое: „Vidimus s xiag także kancliareiskich na szliachetstwo tatarom jxm, wydany pod datą a. 1595 marca 6 dnia“.

„тому Миску на выводъ далъ, жебы свой родъ вывелъ“. Послѣ этого Богданъ съ Мискомъ и Ордюшкомъ, пріѣхавъ въ Петровъ, просили господаря, „жебы его милость ихъ притстяхъ ихъ zostавилъ“, и великій князь приказалъ Азубеку Солтану, „о ихъ роду выведавши, листъ свой имъ дати“. Азубекъ Солтанъ „самъ о ихъ роду добре сведомъ, же они суть люди добрые“, но этимъ онъ не удовлетворился и, исполняя господарское приказаніе, „пыталъ“ у князя Кондюка, посла Перекопскаго царя Асламъ-Гирея, „если былъ шляхетского роду“. Князь Кондюкъ „поведилъ, ижъ родъ есть въ Орде Карачи Кыпъчакъ кнежецки добры, а они есть того роду“. Въ виду этого Азубекъ Солтанъ постановилъ: „а такъ, кгдажъ ся есми отъ того посла о ихъ роду достаточне доведаль, ижъ они есть люди добрые, притстяхъ ихъ есми zostавилъ, и маеть имъ навезъка быти по дванадцати рублей грошей¹⁾, какъ иной шляхте, и вжо черезъ то не маеть нихто имъ и всему роду ихъ, и ихъ детемъ, и напотомъ будучымъ ихъ счадкомъ на честь прыганяти, бо они есть роду Карачи Кыпъчака, княжацкого доброго“. Сигизмундъ Августъ на основаніи этого листа Азубека Солтана рѣшилъ такъ: „мы, з ласки наше господарское, на ихъ чоломбите то есмо вчынили — прит томъ листе царевича Острыньского ихъ zostавуемъ; мають они и ихъ потомковѣ въ каждого вряду нашего подле оногo листу царевичева захованы быти.“ Итакъ, Тактамовичи были признаны людьми „шляхетского роду“ послѣ справки объ ихъ родѣ у Крымскаго посла. Принадлежность къ княжескому роду Крыма опредѣлила несомнѣнность ихъ права быть шляхтичами и Великаго Княжества Литовскаго.

Основаніе, на которомъ Тактамовичи были признаны шляхтичами то же, которое требовалось для признанія принадлежащимъ къ шляхтѣ Княжества челоуѣка, переселившагося въ него изъ другого государства и принадлежавшаго тамъ къ сословію, приравниваемому по своему значенію къ Литовско-Русской шляхтѣ²⁾. Но въ источникахъ выдвигаются и инныя основанія для признанія татаръ шляхтичами.

1) Т. е. согласно 14-му артикулу III-го раздѣла статута 1529 года („О бой шляхтича, хто бы его збилъ“).

2) I ст., III, 11. Ср. II ст., III, 17 и III ст., III, 21.

8 мая 1593 года на Минскихъ градскихъ рочкахъ разсматривалось такое дѣло¹⁾. Государскаго татарина Минскаго воеводства Кульзimana Зекирича и жену его Хавю Ахметевну выгналъ изъ ихъ имѣнія Минскій землянинъ, панъ Янъ Менчинскій, напавъ на ихъ дворъ и имѣніе со своими сыновьями и слугами. Нападеніе было сдѣлано съ оружіемъ въ рукахъ, хозяева избиты и изранены, а ихъ имущество захвачено. При разборѣ дѣла въ Минскомъ градскомъ судѣ²⁾ „умоцованный“ Менчинскаго и его жены, панъ Станиславъ Коричевскій поднялъ вопросъ о шляхетствѣ Кульзimana. Онъ, „подавши з розделу дванадцатого артыкулу десятого а з розделу четвертого артыкулу семьдесятъ шостого и артыкулу петдесятого з розделу одинадцатого, домавялсе, абы князь Кульзimanъ, хотя не естъ мурзою, водле тыхъ артыкуловъ то показалъ, если маеть отъ господаря короля, пана нашего милостивого надане и если бывалъ и бываетъ на службахъ господарьскихъ въ ротахъ, або при гетманехъ господарьскихъ, и въ реестрахъ военныхъ естли естъ написанъ“. Содержаніе указанныхъ Коричевскимъ артикуловъ III-го статута слѣдующее. 10-й артикулъ XII-го раздѣла³⁾ отъ имени господаря постановляетъ: „которые мурзы, князи, татарове закону бесурмянского мають оселость, именье земскіе, з наданья продковъ нашихъ и насъ самыхъ и естли тые бывають на службахъ нашихъ господарьскихъ и земскихъ, въ ротахъ або при гетманехъ нашихъ, и въ рейстрахъ военныхъ суть написаны, таковымъ навезка маеть быти яко шляхтичу, а жонамъ ихъ совито . . .“ и т. д. Этой группѣ татаръ противопоставляются татары, которые „фурлюномъ се живять“, а также которые занимаются огородничествомъ, торговлею „быдломъ“, дубленіемъ кожъ и ремеслами; имъ навезка опредѣлена въ рубль грошей (женамъ ихъ въ двойномъ размѣрѣ). 76-ой артикулъ IV-го раздѣла⁴⁾, требуя вообще, чтобы къ свидѣтельству на судѣ допускались лишь христіане, о принятіи свидѣтельскихъ показаній татаръ говоритъ: „а къ тому мають быти при-

1) А. Вил. XXXI. № 101.

2) На судѣ вели дѣло съ обѣихъ сторонъ „умоцованные“.

3) „О головыцнахъ и навезкахъ татаромъ“.

4) „О светъкахъ, якіе мають быти у права приймованы“.

пушоны ку сведецству и татарове тые, которые на службу“ господарскую „военъную ездять, яко то въ привилью продъка“ Сигизмунда III-го „писано мають“. Наконецъ, 50-й артикулъ XI-го раздѣла¹⁾, не говоря ни слова спеціально о татарахъ, имѣеть въ виду случай, когда „по сказаньи“ судомъ „на-везки шляхетское“ заявляетъ „сторона противная“, что она не увѣрена въ дѣйствительномъ шляхетствѣ лица, которому ей нужно платить эту навезку. Въ такомъ случаѣ, требуетъ статутъ, лицо, претендующее на шляхетскую навезку, должно ѣхать въ землю и повѣтъ, откуда оно родомъ, и тамъ, собравъ „братью, стрывѣвъ, або кривныхъ своихъ, передъ врядомъ тамошнимъ кгородскимъ або земскимъ, до которого ся ему борздей трафить, маеть вывести ся, ижъ есть шляхтичъ“. Урядъ этотъ затѣмъ напишетъ свой удостовѣряющій шляхетство даннаго лица „листь отвороный“ въ судъ, въ которомъ возникло дѣло²⁾.

На требованіе, предъявленное Станиславомъ Коричевскимъ, Кульзиманъ „поведилъ, ижъ то, жемъ есть учъсти-вый шляхтичъ, и теперъ людьми добрыми показать готовъ, лечъ въ томъ, што ми сторона задаетъ, того на тотъ часъ не могучи показать, домавялсе о учинене часу, хочечи се и въ томъ, водле артыкулу петдесятого з розделу одинадцатого, выправить“. Судъ послѣ этого, придерживаясь 50-го артикула XI-го раздѣла статута, приказалъ Кульзиману Зекиричу „доводъ на навезку шляхетскую показать“ по этому артикулу и по 10-му артикулу XII-го раздѣла статута.

Передъ нами примѣръ способа провѣрки шляхетскихъ правъ господарскаго татарина, цѣнный тѣмъ, что онъ соединяетъ артикулы статута, говорящіе спеціально о татарахъ, съ артикуломъ, который говоритъ лишь о шляхтѣ вообще. Сводя вмѣстѣ указанія всѣхъ этихъ артикуловъ, получаемъ слѣдующія основанія для признанія татарина шляхтичемъ: 1) титулъ мурзы или князя, принадлежность самого татарина или его рода къ высшему разряду общества того Татарскаго царства, въ которомъ жилъ раньше онъ или его родичи, 2) осѣлость въ видѣ земскаго имѣнія, съ котораго

1) „О оказанью шляхетства за сказаньемъ навезки“.

2) Затѣмъ артикулъ статута говоритъ о дальнѣйшемъ теченіи дѣла въ судъ и о неосѣломъ чловѣкѣ.

идеть земская военная служба, и 3) военная служба въ ротахъ или при гетманахъ господарскихъ, которая влечетъ за собою внесеніе татарина въ военные реестры, т. е. въ списки земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго. Если первое изъ этихъ основаній имѣло мѣсто при индигенатѣ выходцевъ изъ другихъ государствъ, вступающихъ въ ряды шляхты Княжества, то два послѣднихъ требовались отъ Литовско-Русской шляхты вообще для пользованія шляхетскими правами.

Земская служба неслась господарскими татарами съ ихъ имѣній, и переходъ татарскаго имѣнія къ рядовому шляхтичу или крупному пану не отражался на ея интересахъ по признанію самой верховной власти, такъ заботившейся о сохраненіи земской военной службы съ имѣній, какъ мы это видѣли выше. Господарскіе татары служатъ со своихъ имѣній „войну“, выставляя или по одному, или по нѣскольку вооруженныхъ конныхъ воиновъ, смотря по размѣрамъ имѣній, какъ это дѣлаетъ и шляхта. Въ „пописахъ“ Литовско-Русскаго земскаго войска встрѣчаемъ татаръ, выставлявшихъ и по довольно значительному числу коней¹⁾. Въ татарскихъ имѣніяхъ бывали не только тяглые люди, но и слуги путные, бояре и бояре панцырные²⁾. Послѣдніе, конечно, становились въ „почты“ татаръ, какъ становились и бояре шляхты въ „почты“ своихъ хозяевъ. Неся военную службу, татаринъ имѣетъ въ запасѣ коня или коней, для нея предназначенныхъ³⁾. Онъ долженъ постоянно считаться съ возможностью военнаго „рушенія“, какъ должна считаться съ нею и шляхта вообще. Но все-таки военная земская служба господарскихъ татаръ не совсѣмъ совпадаетъ съ этою службою шляхты. Господарскіе татары становятся въ ней подъ своими особыми стягами, образуя особыя хоружества, не

1) Такъ, Магметъ Якубовичъ, хоружій Ноиманскаго стяга, вмѣстѣ со своимъ братомъ Обдулюю выставилъ въ 1567 году съ отчизнаго имѣнія 6 коней, съ отцовской и своей купли 1 коня и съ двухъ жениныхъ имѣній также 1 коня („Попись“ 1567 года, л. 836). Въ 1565 году въ Городенской татарской хоругви поставили по 5 коней хоружій Матей Суланъ и Богданъ Форсовичъ („Попись“ 1565 года, л. 119, ст. 425—426 изданія).

2) См., нпр., А. Вил. XXXI, № № 5, 6, 7, 11, 12, 16, 18 и др.

3) Нпр., „коня сибитковатога почтового“ (А. Вил. XXXI, № 27).

совпадающія съ хоружествами повѣтовой шляхты. „Попись“ 1565 года называетъ Виленскую, Городенскую, Троцкую и Новгородскую татарскія хоругви¹⁾. „Попись“ 1567 года переписываетъ татарскія хоружества стяговъ Городенскаго, Ноиманскаго, Мерешлянскаго, Ялоирскаго, Ордынскаго и хоружество Аисы Азаровича въ повѣтъ Троцкомъ²⁾. Записи Литовской Метрики знаютъ и другія татарскія хоружества³⁾. Рядомъ съ отдѣльными записями разсылки татарамъ военныхъ листовъ, встрѣчаемъ ихъ внесенными въ общія записи военныхъ листовъ, рассылаемыхъ всѣмъ, служащимъ въ Княжествѣ военную земскую службу⁴⁾. Присматриваясь къ обозначеніямъ татарскихъ хоружествъ „Пописомъ“ 1567 года, т. е. официальнымъ документомъ ближайшаго времени къ введенію повѣтовой реформы, необходимо отмѣтить 1) возможность несовпаденія границъ татарскаго хоружества съ границами повѣта и 2) возможность существованія нѣсколькихъ татарскихъ хоружествъ въ предѣлахъ одного и того же повѣта. Первое отмѣчается по отношенію къ хоружеству Ноиманскому, находившемуся въ Виленскомъ и Ошменскомъ повѣтахъ, второе — по отношенію къ хоружествамъ Ноиманскому же, Мерешлянскому и Ялоирскому, которыя находились въ одномъ Виленскомъ повѣтѣ. Изъ этого ясно, что предѣлы татарскаго хоружества не должны совпадать съ предѣлами повѣта, что было обязательно для повѣтоваго шляхетскаго хоружества. Далѣе, господарскіе татары не имѣютъ никакого отношенія къ повѣтовому хоружію и къ повѣтовой хоругви шляхты, кото-

1) См. выше, стр. 32.

2) Перепись татаръ въ этомъ „Пописѣ“ начинается заголовкомъ: „Попись татаръ домовыхъ Великого Князства Литовьскаго“ (л. 828). Переписи отдѣльных хоружествъ имѣютъ слѣдующіе заголовки: „Хоружство Городенское; хоружимъ Магметъ Уланъ Юхновичъ“ (л. 828), „Хоружство Магмета Якубовича стягу Ноиманскаго повѣту Виленскаго и Ошменскаго“ (л. 836), „Хоружство Мортузы Олишкевича стягу Мерешлянскаго повѣту Виленскаго“ (л. 841), „Хоружство Ялоирское повѣту Виленскаго; хоружимъ Абъдрухманъ Воиничъ“ (л. 844), „Хоружство стягу Ордынскаго повѣту Новгородскаго; хоружимъ Сеить Манцеръ Касымовичъ“ (л. 847 об.), „Хоружство Аисы Азаровича повѣту Троцкаго“ (л. 851).

3) См. выше, стр. 33, прим. 2 и И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 468.

4) См. *ibidem.* стр. 467.

рые объединяють около себя шляхту во время рушенія земскаго войска повѣта. Татары становятся особнякомъ своими стягами, около своихъ собственныхъ маршалковъ и хоружихъ. Такимъ образомъ, у нихъ не было военной связи съ повѣтовою шляхтою, которая объединяла послѣднюю въ военную корпорацію, и со шляхтою повѣта ихъ могли соединять лишь другія стороны организаціи повѣтоваго шляхетства. Повѣтовый судъ дѣйствительно сливалъ татаръ-шляхту съ повѣтовыми обывателями — примѣровъ веденія татарами своихъ дѣлъ въ повѣтовыхъ судахъ сохранилось очень много. Должна была быть связью обѣихъ этихъ шляхтъ и повѣтовая администрація, въ особенности въ значеніи власти, приводящей въ исполненіе судебные приговоры, и власти, собирающей поборы, устанавливаемые сеймомъ и собираемые повѣтовыми шляхетными поборцами. Сліянію татаръ съ повѣтовою шляхтою вполнѣ мѣшали двѣ силы: ихъ особая религія и ихъ особые нравы. Завѣщанія татаръ, подобно завѣщаніямъ шляхтичей-христіанъ, заключаютъ въ себѣ часто заботы завѣщателя о погребеніи своего тѣла. Но это погребеніе должно быть совершено по обычаямъ инымъ, чѣмъ у остальной шляхты. „А тело мое грѣшно онъ же малъжонокъ мой, князь Абрагимъ, водле звычаю нашего поховать маеть“ — пишетъ въ своемъ „тестаментѣ“ отъ 6 августа 1598 года господарская татарка Минскаго воеводства Айша Алеевна, писаровна „арапская Абрагимова съ Айсича“. Составляя свое завѣщаніе, она пригласила къ себѣ въ числѣ четырехъ свидѣтелей своей послѣдней воли и муллу, „духовника нашего, молъю Мечыца Долѣбуцкаго“¹⁾. Татары Княжества, пользуясь шляхетскими повѣтовыми судами, имѣютъ въ то же время и своего кади. „Я, дервишъ Челебиръ Хадчы Мурзичъ, кадый всехъ татаръ Великаго Князства Литовскаго, татарынъ господарскій повету Виленскаго“, читаемъ въ одномъ актѣ 1584 года²⁾. Подписи татаръ на документахъ иногда дѣлаются по-русски³⁾, иногда же „писмомъ арабскимъ“⁴⁾, или „писмомъ татарскимъ“⁵⁾.

1) А. Вил. XXXI. № 179.

2) Ibidem. № 122.

3) Нпр., А. Вил. XXXI, стр. 53.

4) Нпр., ibidem, стр. 186.

5) Нпр., ibidem, стр. 284.

На листахъ гражданскихъ актовъ татаръ въ качествѣ ихъ свидѣтелей-„печатарей“ подписывались и татары¹⁾, и не-татары²⁾, и по этимъ подписямъ и печатамъ иногда выясняются знакомство и связи татаръ съ лицами значительнаго положенія среди шляхты³⁾. Но, несмотря на эти связи, нужно отмѣтить и сохраненное источниками враждебное отношеніе повѣтовой шляхты къ шляхетнымъ татарамъ. Акты знаютъ „немалые кривѣды и втиски“ имѣніямъ татаръ „отъ князей, пановъ и земянъ-шляхты околичныхъ“, что заставляетъ даже иногда татаръ разставаться со своими имѣніями, „хотечы на иномъ спокойнейшомъ мѣстѣцы хлебокормленье мети“⁴⁾. Можно найти въ актахъ судовъ Княжества и мотивировку, которую могла давать повѣтовая шляхта своему нежеланію относиться къ татарамъ, какъ къ „братіи-шляхтѣ“. Въ одной записи Городенскаго земскаго суда отъ 14 октября 1594 года⁵⁾ читаемъ: „сторона позваная, Иванъ Семеновичъ, самъ обличне до суду постановивши и черезъ умоцованого своего, пана Рафала Заневъского, збивавши нѣ-которыми причинами позы, а ижъ слушными а правными причинами тые позы збить допущены быть не могли, тогъды, яко бы до речи приступивши а отказъ чинечи, мовиль, ижъ позывае татаринъ хрестіанина-шляхтича, тогъды межы ними естъ великая розность, не толко ижъ въ повинности зъ собою не суть, але розъными въ нацеяхъ и въ вере...“⁶⁾. Шляхтичъ въ данномъ примѣрѣ признаетъ великую разницу между татаринѣмъ и шляхтичемъ-хрестіаниномъ, отказываетъ первому въ какихъ-либо связяхъ, въ „повинности“, съ повѣтовою шляхтою, такъ какъ онъ и она принадлежать къ различнымъ вѣрамъ и національностямъ. Ревниво относясь къ своему исключительному положенію среди остальнаго населенія, шляхта въ общемъ не могла не видѣть въ татарахъ нежелательныхъ для нея претендентовъ на шляхетское равенство съ нею, хотя нерѣдко и уживалась съ

1) Нпр., *ibidem*, стр. 93 или 186.

2) Нпр., *ibidem*, стр. 79.

3) Нпр., *ibidem*, № 129.

4) А. Вил. XXXI. № № 11, 18 и др.

5) *Ibidem*. № 135.

6) *Ibidem*. Стр. 206.

татарами мирно. Уравненіе въ правахъ пановъ, шляхты и бояръ православныхъ, католическихъ и разновѣрныхъ, данное Сигизмундомъ Августомъ 7 іюня 1563 года, относится къ лицамъ „яко Литовского, такъ и Руского народу, одно бы были вѣры хрестіянскоѣ“¹⁾, и татары ни по національности, ни по религіи не подходили подъ эти требованія.

Долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, могли ли татары-шляхта принимать участіе въ повѣтовомъ сеймиковаѣ. Приведенныя выше данныя источниковъ категорически говорятъ о шляхетствѣ татаръ и объ ихъ повѣтовой ослѣлости. Это требуетъ утвердительнаго отвѣта на поставленный сейчасъ вопросъ. Но есть нѣсколько замѣчаній, съ которыми необходимо считаться при разрѣшеніи этого вопроса. Въ записяхъ разсылки сеймовыхъ листовъ, созывающихъ повѣтовые сеймики, татарскія хоружества не упоминаются. Не встрѣчаются также и подписи татаръ на документахъ, вышедшихъ отъ сеймиковъ, сколько можно судить по извѣстнымъ намъ документамъ этого рода. Но есть и акты, которые могутъ давать нѣкоторый поводъ предполагать доступъ для татаръ на повѣтовые сеймики. Такимъ актомъ, напримѣръ, является „Листъ до всехъ воецъ о уставе серебцизну и иныхъ платовъ и о готовности на войну, яко на рушенъе посполитое“, данный Сигизмундомъ Августомъ въ Вильнѣ 3 января 1566 года²⁾. Въ приведенномъ въ Литовской Метрикѣ, въ качествѣ образца этихъ листовъ, листъ въ Кіевскій повѣтъ Сигизмундъ Августъ обращается къ „княземъ, паномъ, воеводамъ, старостамъ, кнегинямъ, панямъ, державцамъ, вдовамъ, хоружимъ, бояромъ и двораномъ нашимъ, татаромъ и всякого стану подданымъ нашимъ, тымъ, которые оселости свои, иминья подъ правомъ земьскимъ, въ повете Кіевьскомъ мають, стану такъ духовного, яко и свецкого, у границахъ нижей писаныхъ“. Послѣ описанія границъ Кіевскаго повѣта обращеніе это продолжаетъ: „а въ тыхъ же границахъ войтомъ, бурмистромъ, радцамъ и всимъ мещаномъ и тежъ жидомъ и татаромъ“. Говоря о сборѣ серебцизны, этотъ листъ отъ

1) А. З. Р. III. № 32.

2) Лнт. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 96—99.

имени великаго князя гласить: „тогда на соймкахъ поветовыхъ, которые есмо всимъ поветомъ, з ласки наше, дали, вземъши отъ бирчихъ земскихъ ведомость, маеть быти ещче половица того податку вышей помененого съ каждое головы выдано на часъ, листы нашими назначонный; который же податокъ, на теперешнемъ сойме уфаленный, безъ каждого мешканья до тыхъ бирчихъ поветовыхъ отнесенъ и отданъ быти маеть черезъ вранниковъ и слугъ вашихъ народу шляхецкого, а которые таковыхъ вранниковъ и слугъ народу шляхецкого не мають, тые сами отдати и при отданью того податку передъ тыми жъ бирчими присегу вчинити мають“. Такимъ образомъ, универсалъ этотъ, раздѣляя все населеніе повѣта, а въ томъ числѣ и татаръ, на владѣющихъ имѣніями подъ „правомъ земскимъ“ и такими имѣніями не владѣющихъ, называетъ татаръ-шляхту въ числѣ повѣтовыхъ обывателей. Самый контекстъ обращенія листа въ словахъ „которые оселости свои, иминья подъ правомъ земскимъ, въ повете“ рядомъ со словами „на соймкахъ поветовыхъ, которые есмо всимъ поветомъ, з ласки наше, дали“, заставляетъ считать, что этимъ листомъ выражается мысль объ участіи татаръ-шляхты въ сеймиковыхъ собраніяхъ повѣтовъ. Но отсутствіе упоминаній о татарахъ въ сеймовыхъ листахъ и въ записяхъ ихъ разсылки все-таки остается на лицо, и впечатлѣніе этого факта усиливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что записи разсылки сеймовыхъ листовъ не знаютъ въ своихъ спискахъ именъ татарскихъ царевичей рядомъ съ князьями и панами, получающими эти листы лично, въ то время какъ записи разсылки листовъ военныхъ хорошо знаютъ первыхъ рядомъ со вторыми ¹⁾).

Противъ участія татаръ въ сеймиковыхъ собраніяхъ повѣтовой шляхты говоритъ и то, что они, какъ земскіе воины, стояли внѣ повѣтовъ въ значеніи хоружествъ. Какъ ни какъ, повѣтовая земская служба была главною основою шляхетской корпорации повѣта. Самъ по-реформенный шляхетскій повѣтъ образовался именно на этой основѣ, да и повѣтовые военныя собранія шляхты могли обращаться къ

1) Нпр., М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, № 50.

обсужденію повѣтовыхъ и государственныхъ дѣлъ¹⁾. Татары же стояли внѣ повѣта, какъ военнаго дѣленія шляхетскаго земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго. Въ своихъ просьбахъ о сохраненіи шляхетскихъ правъ, подаваемыхъ господарямъ въ эпоху послѣ реформъ середины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, татары, добиваясь подтвержденія своихъ правъ пользованія повѣтовыми шляхетскими судами, молчатъ о своемъ правѣ сеймикованья, а, между тѣмъ, если шляхта была недовольна и повѣтовою подсудностью татаръ, то тѣмъ болѣе она противодѣйствовала бы участію татаръ въ своихъ сеймиковыхъ собраніяхъ. Такимъ образомъ, вѣроятнѣе предположить, что татары-шляхта не имѣли доступа на повѣтовый сеймикъ, хотя, быть можетъ, и возможны были колебанія въ рѣшеніи этого вопроса въ отдѣльныхъ повѣтахъ, въ первые годы послѣ реформы²⁾.

Господарскіе татары, въ глазахъ шляхты, могли считаться не имѣющими правъ на повѣтовое шляхетство, какъ люди не-христіанской религіи и не Литовской или Русской національности. По отношенію къ мѣщанству, служившему конно-земскую военную службу, этихъ основаній шляхта не могла выдвигать въ своемъ стремленіи выбросить его изъ шляхетскаго повѣта. Такихъ мѣщанъ было достаточно въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Они существовали не только въ до-реформенное время³⁾, но и въ эпоху послѣ реформы 1565—1566 годовъ. II статутъ, требуя несенія военной повинности всѣми „обывателями“ Великаго Княжества, считаетъ въ числѣ этихъ обывателей мѣщанъ мѣстъ господарскихъ, которые владѣютъ „земскими“ имѣніями и имѣютъ „лѣта зуполные“⁴⁾. Того же требуетъ отъ нихъ и статутъ 1588 года⁵⁾.

1) Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 286 и прим. 3.

2) Этимъ мы отступаемъ отъ высказаннаго нами раньше объ участіи татаръ-шляхты въ сеймикованьѣ (Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 470).

3) См., напр., „Росписъ городовъ съ показаніемъ количества поставленныхъ ими на войну конныхъ воиновъ“ — Акты Литовско-Русскаго государства, I, стр. 152.

4) II ст., II, 1.

5) III ст., II, 1.

Такимъ образомъ, „конные“ мѣщане сливаются съ повѣтовою шляхтою въ своей земской военной службѣ. Но этого было мало для обладанія правами повѣтоваго шляхтича. Владѣя въ границахъ повѣта земскимъ имѣніемъ-осѣлостью, конный мѣщанинъ не обладалъ „почтивымъ“ шляхетствомъ, такъ же, какъ и повѣтовая осѣлость, необходимымъ для вступленія въ ряды шляхтичей-„повѣтниковъ“. Для самихъ конныхъ мѣщанъ, въ большинствѣ случаевъ, вопросъ объ ихъ отношеніяхъ къ шляхетскому повѣту не становился такъ остро, какъ онъ стоялъ для господарскихъ татаръ. Крупные господарскіе города-мѣста имѣли обычно Нѣмецкое право, обезпечивавшее имъ свои судъ и управленіе, такъ что ихъ мѣщане и не имѣли нужды по своимъ дѣламъ въ шляхетскихъ повѣтовыхъ судахъ¹⁾, право доступа къ которымъ было необходимо для татаръ господарскихъ. На повѣтовый сеймикъ они не могли имѣть доступа, какъ не шляхтичи, такъ что и эта сторона значенія шляхетскаго повѣта не могла возбуждать какихъ-либо притязаній съ ихъ стороны. Въ иномъ положеніи были конные мѣщане тѣхъ городовъ, которые Нѣмецкаго права не имѣли. Повѣтовый судъ былъ имъ нуженъ, и они должны были добиваться доступа къ нему со своими „справами“.

Какъ разъ въ такомъ положеніи были конные мѣщане Витебска, не имѣвшего до 1597 года Магдебургскаго права²⁾. Они должны были хлопотать передъ Стефаномъ Баторіемъ и Сигизмундомъ Вазою о подтвержденіи своихъ „правъ и вольностей“, настаивая на своемъ правѣ вѣдаться шляхетскими судами Витебскаго повѣта, и были признаны въ этомъ правѣ обоими государями³⁾. Витебскіе конные мѣ-

1) О правѣ мѣщанъ городовъ Магдебургскаго самоуправленія вызывать шляхту къ повѣтовымъ судамъ, если шляхтичи „сами добровольно усправедливити не хотѣли“, см. II ст., IV, 47 и III ст., IV, 69. Ср. II ст., III, 27 и III ст., III, 35.

2) Конныхъ мѣщанъ Витебскихъ мы старались изучить въ статьѣ „Къ исторіи сословнаго строя Великаго Княжества Литовскаго. Конные мѣщане Витебскіе въ XVI столѣтіи“ (Сборникъ статей, посвященныхъ Василю Осиповичу Ключевскому. Часть I. М. 1909. Стр. 254—276).

3) Подтвержденіе правъ конныхъ мѣщанъ Витебскихъ было сдѣлано Стефаномъ Баторіемъ 20 ноября 1582 года, а Сигизмундомъ Вазою 20 апрѣля 1589 года (А. Ю. и З. Р. I, № 187 и Историко-Юрид. Матеріалы, I, стр. 315—320).

щане служили земскую военную службу под хоругвью шляхетскаго повѣта, и несмотря на это, и Витебскій воевода съ замковымъ урядомъ, и Витебская шляхта чинили имъ различныя стѣсненія, такъ что требовалось вмѣшательство верховной власти, чтобы защитить ихъ и ихъ права. Но повѣтовой подсудности Витебскіе конные мѣщане требовали лишь до приобрѣтенія Витебскомъ Магдебургскаго права. Послѣднее слило конныхъ мѣщанъ этого города съ остальнымъ, „посполитымъ“ его мѣщанствомъ въ общей подсудности Витебскому Магдебургскому судебному уряду.

Мы рассмотрѣли группы, на которыя дѣлилась повѣтовая шляхта и которыя, такъ или иначе, тѣми или другими сторонами, соединялись со шляхетскимъ повѣтомъ. Бросимъ теперь общій взглядъ на повѣтовую шляхту въ ея составѣ и дѣйствительномъ положеніи.

Объединенная реформою 1565—1566 годовъ въ шляхетскія корпораціи, повѣтовая шляхта не успѣла еще ни вполне обособиться отъ другихъ, близко къ ней стоявшихъ классовъ населенія, ни вполне сплотиться внутри себя. Рядомъ съ полноправными господарскими земьянами-шляхтою продолжала существовать шляхта панская и спадковая, не успѣвшая приобрѣсти правъ шляхетныхъ обывателей-„повѣтниковъ“. Идея повѣта пришла въ столкновеніе съ идеей шляхетства не только въ положеніи панскихъ и спадковыхъ шляхтичей. То же столкновеніе этихъ идей имѣемъ и въ положеніи шляхты неосѣлой. „Учтивые“ шляхтичи оказались, такимъ образомъ, и внѣ шляхетскаго повѣта. Съ другой стороны, внутри самой повѣтовой шляхты оказались шляхтичи, которыхъ нельзя признать вполне „вольными“, независимыми въ своемъ правовомъ положеніи людьми, — служилая шляхта была въ значительной степени подвластна и подсудна лицамъ, которымъ она служила. Вмѣстѣ съ тѣмъ и осѣлость на „земской“ военной службѣ, которая была основой для обладанія шляхетскими повѣтовыми правами, оказалась достояніемъ не одной только шляхты. Такую осѣлость имѣли и конные мѣщане, и господарскіе татары, причемъ послѣдніе предъявляли не хуже обоснованныя права на „почтливое“ шляхетство, чѣмъ сами шляхтичи-„повѣтники“.

Въ эти противорѣчія властно вторгалась сила экономическихъ условій, въ которыхъ жили отдѣльные шляхтичи

и отдѣльныя группы повѣтовой шляхты. Эта сила создала „убогую“ шляхту, эта сила въ значительной степени увеличивала число неосѣлыхъ; наконецъ, она же заставляла подчасъ повѣтовыхъ шляхтичей отказываться отъ „вольностей шляхетскихъ“ въ своихъ частныхъ записяхъ, въ которыхъ они принимали на себя обязательство подчиняться тяжелымъ ихъ условіямъ, „отступивши отъ всехъ свободъ и вольности шляхетскихъ“, съ отказомъ отъ права судиться по своимъ дѣламъ лишь въ шляхетскихъ судахъ своего повѣта¹⁾. Та же сила экономическихъ условій стояла на пути и полного сліянія повѣтовой шляхты съ возможными панами, вошедшими въ составъ „повѣтниковъ“ въ силу реформы 1565—1566 годовъ. И послѣ реформы сохранились слѣды прежняго раздѣленія шляхетскаго „стана“ на два, т. е. собственно шляхетскій и панскій. Какъ увидимъ ниже, передъ повѣтовыми сеймиками старая панская группа получаетъ особые господарскіе листы съ приглашеніемъ участвовать на сеймикахъ, хотя эти сеймики выбирали общихъ сеймовыхъ пословъ отъ всей шляхты повѣтовъ, слившейся изъ пановъ съ боярствомъ и земянствомъ. Сохранилось по старому и упоминаніе о князьяхъ и панахъ въ универсалахъ даже впереди воеводъ и урядниковъ, въ обращеніяхъ къ повѣтовой шляхтѣ. Сохранились и особые перечни панскихъ „почтовъ“ въ „пописахъ“ земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго, и даже законъ призналъ право пановъ-радъ, урядниковъ господарскихъ земскихъ и дворныхъ, княжатъ и панятъ „се становити на мѣстахъ своихъ, подлугъ стародавнего обычая“²⁾. Акты говорятъ, что и сами должностныя лица не сразу привыкали къ новому порядку. Смотрѣть на все рядовое земянство и боярство, какъ на свободное отъ ихъ прежней власти сословіе, имъ не было привычно, и нѣкоторые старосты и державцы старались не выпускать ихъ изъ своего присуда въ шляхетскіе повѣты³⁾. Но все это, конечно, были пере-

1) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 83—84. Тамъ же, въ примѣчаніи на стр. 84, указаны и примѣры подобныхъ записей.

2) II ст., II, 7. III ст., II, 7. Ср. описаніе вооруженія „почтовъ“ панскихъ — А. Вил. III, № 156.

3) Такъ, одинъ листъ Сигизмунда Августа, данный въ августъ 1569 года, говоритъ, что великому князю жаловались господарскіе бояре

житки стараго до-реформеннаго времени, и дальнѣйшее время должно было, съ одной стороны, приучить общество къ новому порядку, а съ другой — постепенно сгладить и фактическое различіе между рядовою шляхтою и потомками панскихъ и княжескихъ фамилій, благодаря мельчанію послѣднихъ¹⁾. Паны должны были сливаться въ своихъ правахъ съ повѣтовою шляхтою. Шляхетскій повѣтъ вобралъ многихъ изъ нихъ цѣликомъ въ себя, какъ онъ это сдѣлалъ

„Гомейскіе, Уланъ Байбасовичъ, Петръ Хацковичъ Бойкачъ, Павелъ Анѣдреевичъ Ворона а Исакъ Тимофеевичъ“, принося жалобу „сами отъ себе и отъ всихъ бояръ“ господарскихъ „Гомейскихъ, оповедаючи то, ижъ дей они з давныхъ часовъ суть бояре-шляхъта и имена свои за даниною и листы нашими г[о]с[по]д[а]рскими на службѣ земьской военной коньной подъ правомъ шляхетскимъ мають, съ которыхъ дей завжды часу потребы службу военную конми намъ г[о]с[по]д[а]ру служить и на войну по тому, яко и иные бояре наши шляхъта служить-ездать, якожъ дей пры граничню воеводствъ, земль и поветовъ Великого Князства Литовского они вси до повету Речицкого подъ присудъ земьскій суть прывернены“. Обращаясь къ Гомельскому старостѣ, листъ отъ имени Сигизмунда Августа продолжаетъ: „то пакъ дей ты, пане Мышъка, не ведати для которое прычины, ихъ ку замку Гомейскому подъ присудъ свой прыворочаешъ, до роботъ, до повинностей и подачокъ ку полнею, имъ незвыклыхъ, прымушаешъ и трудность великую имъ задаешъ“. Конечно, эта жалоба вызвала полное признаніе господаремъ правъ шляхты. — „А такъ мы то, яко речъ слушную, з ласки нашею г[о]с[по]д[а]рское чынечы, всихъ бояръ нашихъ Гомейскихъ, которые шляхъто суть, имена свои за даниною и листы нашими на службѣ земьской военной коньной шляхетской мають, отъ присуду и послушенства старостъ Гомейскихъ и отъ всякихъ роботъ, повинностей и подачокъ замъковыхъ и местныхъ, которыхъ бы они, яко шляхъта, полнити не повинни, вызволившы, зо всими именьями ихъ земьскими, пры замъку Гомейскомъ лежащими, до повету Речицкого, подъ присудъ тамошній земьскій и право шляхетское ихъ есмо прывернули и симъ листомъ нашимъ прыворочаемъ и влучаемъ, а къ тому особливе отъ даваня платовъ всякихъ з домовъ и огородовъ ихъ, въ месте и на передмествъ Гомейскомъ лежащихъ, вызволяемъ“. Гомельскому старостѣ, пану Мышкѣ („и напотомъ будучымъ старостамъ Гомейскимъ“), поэтому, господаремъ отдается соотвѣтствующее приказаніе не нарушать правъ Гомельской шляхты. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. л. 71 об. — 73. Заголовокъ документа: „Листъ бояръ Гомейскихъ, ижъ бы ихъ старостове подъ присудъ свой ку замъку не прыворочали и до жадныхъ повинностей ихъ не прымушали“.

1) Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 259—266.

и по отношенію къ князьямъ¹⁾, и по отношенію къ упраздненнымъ реформою до-реформеннымъ урядамъ²⁾.

Отдѣленная своими привилегіями отъ остального населенія Великаго Княжества Литовскаго и дѣйствительно стоя высоко надъ нимъ въ своихъ верхнихъ слояхъ, повѣтовая шляхта незамѣтно съ нимъ сближалась и правами, и родомъ занятій, и жизненною обстановкою, и трудностью своей жизни — въ своихъ слояхъ низшихъ. Народъ-шляхта повѣта не представлялъ собою совершенно однообразной, сплоченной единствомъ жизненныхъ условій массы. Въ составѣ повѣтовой шляхты мы видѣли рядъ отдѣльныхъ группъ, различныхъ состояній. Наверху ея стоятъ возможные, крупные паны и князья, немалая часть которыхъ со своимъ значеніемъ вліятельныхъ землевладѣльцевъ соединяетъ значеніе радныхъ пановъ или крупныхъ земскихъ или дворныхъ урядниковъ. За ними слѣдуетъ группа шляхтичей, обладавшихъ достаточно большими имѣніями, причемъ часть этой шляхты занимала уряды повѣтовые и дворные или земскіе помельче. Далѣе слѣдуютъ шляхтичи, владѣвшіе имѣніями меньшихъ размѣровъ, и уменьшеніе этихъ послѣднихъ постепенно приводитъ наблюдателя къ шляхтѣ убогой, простымъ пахарямъ, сидящимъ на скудномъ кускѣ земли и несущимъ страду земледѣльческаго труда одинаково, а иногда и въ худшихъ условіяхъ, по сравненію съ простыми подданными. Шляхта служитъ частнымъ лицамъ, занимая у своихъ господъ не только вліятельныя и хорошо

1) О князьяхъ, какъ шляхтѣ, см. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 255—262.

2) Такими упраздненными повѣтовою реформою урядами были уряды хоружихъ до-реформенныхъ повѣтовъ. Занимавшіе эти уряды до реформы лица обратились въ рядовыхъ шляхтичей, хотя еще и называются „бывшими хоружими“. „Попись“ 1567 года называетъ цѣлый рядъ такихъ „бывшихъ хоружихъ“: Богданъ Семеновичъ Жаба, хоружій бывший Керновскій (л. 87 об., ст. 557 изданія), Войтехъ Стецкевичъ, хоружій бывший Кревскій (л. 123 об., ст. 593 изданія), Шимонъ Яновичъ Матусевичъ, хоружій бывший Герановскій (л. 128 об., ст. 598 изданія), Амброжей Станиславовичъ Гудевичъ, хоружій бывший Довговскій (л. 176, ст. 644 изданія), Каспоръ Раецкій, хоружій бывший Жижморскій (л. 178, ст. 647 изданія), Иванъ Селицкій, хоружій бывший Сомилинскій (л. 182, ст. 652 изданія), Созонъ Сопотко, хоружій бывший Высокодворскій (л. 188, ст. 658 изданія) и т. д.

оплачиваемыя мѣста частной службы, но и обращаясь въ простую домашнюю прислугу и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, т. е. неся тѣ виды труда, которые обыкновенно были удѣломъ простыхъ „людей“ и даже несвободной челяди. На ступеняхъ шляхетской лѣстницы размѣщаются всѣ виды труда и обстановки жизни, которые могли существовать въ обществѣ того времени, и „народъ“ шляхетскій разслаивался, какъ и всякій народъ вообще, хотя онъ и былъ объединенъ единымъ шляхетскимъ правомъ. Только ремесло и торгъ въ розницу считались несоединимыми съ шляхетскимъ достоинствомъ¹⁾. Шляхтичъ могъ продавать лишь продукты, которые онъ получалъ со своихъ земельныхъ владѣній и со своего хозяйства. Но жизнь выработала обходъ и этого требованія въ однихъ случаяхъ и создала прямое нарушеніе его въ другихъ. Источники знаютъ панскихъ купцовъ, ведшихъ торговлю, конечно, въ качествѣ агентовъ своихъ пановъ-хозяевъ. Такъ, одинъ продажный листъ отъ 23 января 1572 года говорить о продажѣ земли Яну Матеевичу Мечнику, „купцу ее милости паней Ганны Радивиловны Кишиной, воеводиной Витебской“²⁾. И въ торговлѣ пановъ нѣтъ ничего удивительнаго: самъ великій князь издавна торговалъ черезъ своихъ агентовъ³⁾. Съ другой стороны, мелкіе шляхтичи, не желая упускать выгоду торгова, иногда лично являлись со своими возами въ мѣстечки въ торговые дни и торговали въ рядахъ прочихъ торговцевъ. Такъ поступилъ, напримѣръ, земянинъ Балтромей Петровичъ Екстойтя, который, по словамъ заявленія вознаго, сдѣланнаго въ Жомойтскія земскія книги 13 октября 1590 года, пріѣхавъ въ торговый день въ Сядское, мѣстечко Марковой Внучекъ, „з возомъ купецкимъ“ всталъ „з ыншими крамниками посполу въ раде и тамъ дей, з воза своего выбравши сукно и иншыя речы, яко купецъ и крамникъ будучы, продавалъ, а самъ, по торгу ходечи, шкуры козловые, ленъ, воскъ, лой и иншыя речы, безменомъ важечы, скуповалъ“. Когда

1) И. И. Лаппо. Великое Княжество Литовское. Томъ I. Стр. 239 и сл.

2) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I. Стр. 8 (№ 120).

3) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 463—464. Ср. М. В. Довнаръ-Запольскій, Госуд. хозяйство Вел. Кн. Литовскаго при Ягеллонахъ, I, стр. 4 и сл.

пришелъ „до краму того Балтроея“ слуга пана Петровича Себестыанъ Станиславовичъ и началъ у него покупать „речи крамныя“, а Балтроей ему „локтемъ“ продалъ „пуху бобрowego“, то видѣвшій все это Скудскій урядникъ, панъ Амброжей Щастновичъ сказалъ Балтроею: „чы пристойтъ тебе, менуючисе быть шляхтичомъ, а локтемъ меришь и безменомъ важишь, ездечи по торгу и съ товаромъ крамнымъ поеждчаешъ?“¹⁾ Правда, торговля шляхтича въ данномъ случаѣ вызвала замѣчаніе и даже заявленіе о ней вознаго въ земскія книги повѣта, но едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что торговля велась шляхтою достаточно широко, если и не всегда открыто и на крупныхъ торгахъ, то въ поселкахъ, лежавшихъ въ болѣе удобныхъ для отсутствія огласки мѣстахъ, и у себя дома или при случайныхъ встрѣчахъ. Склонность шляхты къ неприличествующимъ ея достоинству способамъ наживы отмѣчалъ и Виленскій сѣздъ 1584 года. Онъ жаловался, что „никоторые зъ стану рыцерекого, покинувшы господарства пристойныя, на лифу“, т. е. въ ростъ, „ценези дають“²⁾.

Но представленіе о шляхетской „чести“ укоренялось тѣмъ не менѣе въ народѣ-шляхтѣ. Эта „честь“ заставляетъ относиться съ порицаніемъ къ поступкамъ и дѣйствіямъ „нешляхетскимъ“, изъ которыхъ одни, вродѣ нарушенія „шляхетскаго“ слова или обмана³⁾, идутъ въ разрѣзъ съ нравственною основою „рыцerstва“, другіе же, вродѣ занятія торгомъ, не были „пристойны“ съ точки зрѣнія шляхетскаго декорума. Какъ внѣшній знакъ принадлежности къ шляхетскому сословію выдвигается право имѣть свои гербы и печати. „Простые“ люди не могутъ ими пользоваться, „не маючы а ни уживаючы печати своею, яко простого стану и уроженя будучы“⁴⁾. Но эти печати шляхтичей едва ли всѣ имѣли гербы вообще, или гербы, пріобрѣтенныя по офиціальному акту⁵⁾. Печать шляхтичу

1) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II. Стр. 99 (№ 200).

2) См. ниже, Приложенія, стр. 136.

3) См., напр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 14 (№ 194).

4) А. Вил. XXXII. Стр. 143.

5) Было бы любопытно собрать снимки съ печатей Литовско-Русской шляхты, „притиснутыхъ“ ею къ различнымъ документамъ, сохранившимся въ видѣ отдѣльныхъ „листовъ“ или въ видѣ записей въ ак-

была нужна для приложенія ея къ документамъ, которые онъ долженъ былъ утверждать или скрѣплять, и она замѣняла ему его подпись, которую далеко не всякій шляхтичъ могъ сдѣлать по неумѣнью писать¹⁾. Печать для шляхтича была еще болѣе удобствомъ, чѣмъ почетнымъ отличіемъ отъ „стану простого“.

Такъ въ этомъ внѣшнемъ отличіи шляхты отъ „простыхъ“ людей имѣемъ иллюстрацію жизненныхъ условій и состава шляхты, и мы бы не рѣшились назвать ее въ строгомъ смыслѣ „гербовною братією“, какъ это иногда дѣлается²⁾. Образование шляхетскаго сословія Великаго Княжества Литовскаго и его бытовья условія внесли слишкомъ много въ его строй и дѣйствительное устройство, чтобы прибавить что-либо другое къ правамъ и повинностямъ шляхетскимъ въ значеніи начала, которымъ объединялись всѣ шляхтичи Княжества въ его народъ-шляхту.

товья книги повѣтовыхъ судовъ. Надо думать, что въ числѣ ихъ окажется достаточно примѣровъ печатей безъ всякаго герба. Кромѣ образцовъ безгербовныхъ шляхетскихъ печатей, имѣющихся въ различныхъ актовыхъ книгахъ, основаніемъ для такого предположенія является и Оршанскій гербовникъ, изданный въ XXVIII-мъ выпускѣ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ (и отдѣльно — Витебскъ 1900). Конечно, шляхты въ Оршанскомъ повѣтѣ было больше, чѣмъ число фамилій, внесенныхъ въ этотъ гербовникъ.

1) См. И. И. Лаппо, Вел. Княжество Литовское, томъ I, стр. 503. Въ виду того, что приложеніе печати вполне замѣняло подпись, совершенно понятны заявленія шляхтичей о пропажѣ или похищеніи ихъ печатей — они боятся злоупотребленій при помощи этихъ печатей и „приложена“ ихъ „до некихъ“ документовъ.

2) Ср., нпр., М. В. Довнаръ-Запольскій, Госуд. хозяйство Вел. Кн. Литовскаго при Ягеллонахъ, томъ I, стр. 655.

Глава IV.

Учрежденіе Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика.

Учрежденіе Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика въ декабрѣ 1565 года. Постановленія II-го статута о сеймикѣ. Привилей 30 декабря 1565 года. Первые повѣтовые сеймики передъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года. Вопросъ о времени учрежденія Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика въ исторической литературѣ. Значеніе повѣтоваго сеймика въ связи съ реформою 1565—1566 годовъ и областными собраніями до-реформеннаго времени. Пониманіе повѣтоваго сеймика актами, его учреждающими. Расширеніе понятія повѣтоваго сеймика въ послѣдующее время и появленіе другихъ видовъ сеймика кромѣ сеймика предсеймоваго. Необходимыя условія для признанія того или другого вида собраній шляхты повѣта повѣтовымъ сеймикомъ.

Повѣтовый сеймикъ Великаго Княжества Литовскаго былъ учрежденъ въ декабрѣ 1565 года во время Виленскаго сейма 1565—1566 годовъ. Въ „отказѣ“ Сигизмунда Августа на просьбы княжатъ, панятъ, маршалковъ, земскихъ урядниковъ, хоружихъ и всей шляхты Великаго Княжества Литовскаго, датированномъ 21-мъ декабря 1565 года, находимъ просьбу о томъ, чтобы господарскій привилей, „на соймики поветовые выданный“, былъ внесенъ въ вводимый въ дѣйствіе II статутъ¹⁾. Въ томъ же „отказѣ“ находится и просьба, чтобы „соймики поветовые для лепшого и вечистого всякого порадку въ речи посполитой“ великій князь „кшталтомъ съ Коруны Польское отъ того часу, водле обетницы своее господарское, постановити и привилъемъ своимъ на вечные часы подтвердить рачилъ“²⁾. Обѣ эти просьбы получили согласіе господара. Въ самомъ дѣлѣ, исполненіемъ

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 170 (просьба 23).

2) Ibidem. Стр. 170 (просьба 25).

первой является 5 артикулъ III-го раздѣла статута¹⁾, исполненіемъ второй — господарскій привилей, данный въ Вильнѣ 30 декабря 1565 года²⁾. Такимъ образомъ, учрежденіе повѣтоваго сеймика совершилось въ послѣдній моментъ передъ утвержденіемъ II-го статута, и артикулъ о немъ, подобно нѣкоторымъ другимъ артикуламъ³⁾, былъ введенъ въ кодексъ безъ той продолжительной работы, которая была предложена надъ большинствомъ статей статута 1566 года его составителями⁴⁾. Посмотримъ на то, какимъ предполагають и какъ организуютъ повѣтовый сеймикъ указанный сейчасъ артикулъ II-го статута и привилей 30 декабря 1565 года.

Въ артикулѣ статута 1566 года „О соймикохъ повѣтовыхъ“ находимъ слѣдующее. Цѣль учрежденія сеймика — „для лѣпшого порадку во всѣхъ речахъ и въ способу къ справедливости и оборонѣ, абы за волею всѣхъ на соймикахъ потребы се земскіе становили и отправованы были“. Повѣтовые сеймики будутъ собирать Сигизмундъ Августъ и его преемники „вѣчными часы передъ сеймомъ великимъ вальнымъ“. При этомъ, по словамъ статута, господа будутъ „порядою радъ“ своихъ „того жъ панства“, т. е. Великаго Княжества Литовскаго, „складати листы“ своими „соймики повѣтовые, а меновите на тыхъ мѣстцахъ и воеводствахъ, нижей суть написаныхъ и постановленыхъ, которые соймики также листы“ господарскими „даны будутъ не на близшей часъ и рокъ, толко за чотыры недѣли передъ сеймомъ великимъ“. Кто съѣзжается на сеймики и принимаетъ участіе въ его занятіяхъ? Статутъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: воеводы, каштеляны, земскіе урядники, князья, паны и шляхта „того жъ повѣту и воеводства“. Собираются на сеймикъ сейчасъ перечисленныя группы повѣтовыхъ обывателей „намовляти о тыхъ речахъ и потребахъ земскихъ, которые имъ на листахъ“⁵⁾ господарскихъ

1) „О соймикохъ повѣто(во)выхъ и о выправованью и посланью зъ нихъ пословъ земскихъ на вальный соймъ“.

2) А. З. Р. III. № 38.

3) См. выше, стр. 109 (объ учрежденіи повѣтовыхъ подкоморіевъ).

4) О составленіи II-го статута см. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 296, 520, 521, 547, 548, 583, 631, 632, 677—679, 699, 700, 738—745.

5) Въ изданіи статута въ XXIII-й книгѣ Временника Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Р. стоитъ: „на мѣстцахъ нашихъ“. Конечно нужно

„ознаймены будутъ, не мней¹⁾ тежъ о своихъ и о всѣхъ потребахъ земскихъ и долеглостяхъ оного повѣту и воеводства“. Такимъ образомъ, статутъ не ограничиваетъ предметовъ обсужденія сеймика только тѣми вопросами и дѣлами, которые будутъ ему предложены господаремъ: сеймикъ можетъ по собственной инициативѣ ставить и обсуждать вопросы, притомъ какъ своей, повѣтовой жизни, такъ и жизни цѣлаго государства, отнюдь не считая себя ограниченнымъ только вопросами, поставленными ему господаремъ. Всѣ собравшіеся на сеймикъ, „зволнвшыся вси одно-стайнымъ зданьемъ, мають обирати пословъ своихъ“ на сеймъ. Эти послы выбираются „по двѣ особы“ отъ cadaго повѣта, или, какъ выражается статутъ, „отъ кождо-го суду земского, колко ихъ у томъ воеводствѣ будетъ“. Избравъ своихъ пословъ, повѣтовый сеймикъ долженъ „послати ихъ на соймъ, ознаймившы и вручившы то все имъ, о чомъ водлѣ листовъ“ господаря „и тежъ во всѣхъ потребахъ радити, намовляти и становити мають, даючы имъ моцъ на томъ таковомъ вальномъ соймѣ поступовати и кончыти тые и иные припалые речы, водлѣ часу и потребы“.

Приведенный сейчасъ артикулъ статута безъ сомнѣнія неполно представляетъ устройство Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика. Онъ, прежде всего, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ устанавливаетъ его организацію, ничего не говоря ни о способѣ „обрадованья“ на сеймикѣ, ни объ его предсѣдателѣ, ни о другихъ сеймикахъ, кромѣ предсеймоваго, хотя самъ статутъ 1566 года знаетъ и сеймикъ для выбора членовъ земскаго суда, не называя его, впрочемъ, еще именемъ сеймика²⁾. Съ другой стороны, артикулъ „О соймикохъ повѣтовыхъ“ представляетъ собою несомнѣнно лишь часть текста господарской грамоты, учреждающей сеймики. Это видно изъ ссылокъ его на то, что ниже постановлено и написано и чего мы не находимъ въ дѣй-

читать: „на листахъ нашихъ“. Ср. латинскій („*litteris nostris*“) и польскій („*na listach naszych*“) переводы II-го статута — *Collectanea ex Archivo Collegii Juridici. Tomus VII. P. 45—46.*

1) Исправляемъ изъ „на мней“ того же изданія. Ср. *Coll. ex. Arch. Coll. Jur., t. VII, p. 45—46.*

2) II ст., IV, 1.

ствительности въ текстѣ II-го статута. Такихъ ссылокъ въ нашемъ артикулѣ двѣ. Первая изъ нихъ приведена нами выше¹⁾. Вторая находится въ самомъ концѣ артикула, гдѣ говорится уже не о сеймикѣ, а о сеймѣ: „въдже князей, пановъ, маршалковъ и иныхъ всихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, подлѣ старого обычаю, маемъ листы нашими на таковой вальный соймъ взывати; и тые вси въ радѣ посполитой мѣстца и воты свои будутъ мѣти способомъ звычайу стародавного, а послове земскіе мѣстца и воты свое мають мѣти водлѣ порадку, нижей написаного“.

Первая ссылка имѣетъ въ виду новое повѣтовое дѣленіе Великаго Княжества Литовскаго съ опредѣленіемъ центровъ новыхъ повѣтовъ²⁾. Что касается второй ссылки, то она говоритъ о распредѣленіи мѣстъ на сеймѣ для пословъ отдѣльныхъ повѣтовъ. Это распредѣленіе было сдѣлано одновременно съ учрежденіемъ повѣтоваго сеймика. Кромѣ этой ссылки статута имѣемъ указаніе на него и въ спорѣ Волинскихъ и Жомойтскихъ пословъ, представленномъ ими на разрѣшеніе Сигизмунда Августа, сразу послѣ утверждения II-го статута. На томъ же Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ, на которомъ учрежденъ былъ повѣтовый сеймикъ, послы Волынской земли³⁾ „просили короля его милости, абы его королевская милость межы ними и межы паны тивуны, послами земли Жомойтское на съемъ вальный, хто бы з нихъ первой въ раде посполитой на соймехъ вальныхъ вотовати мелъ, вырокомъ своимъ розознати и розсудити рачилъ“. Вопросъ этотъ настолько волновалъ Волинскихъ пословъ, что, не получивши разрѣшенія его во время сейма въ Вильнѣ, они послѣдовали за выѣхавшимъ изъ этого города Сигизмундомъ Августомъ „и съ тою они прозбою пилновали короля его милости по выеханью его королевское милости на сеймъ Коронный до Люблина, з Вильни ажъ до Городна“. Однако имъ все-таки не

1) „Маемъ мы и потомки нашы... складати листы нашими соймки повѣтовые, а меновите на тыхъ мѣстцахъ и воеводствахъ, нижей суть написаныхъ и постановленыхъ“.

2) См. выше, стр. 58 и сл.

3) „Александръ Жоравницкій, ключникъ Луцкій, а Микита Сербинъ, хоружый земли Волыньское, Гаврыло Бокей, судя Луцкій, Богданъ Костюшковичъ, судя повету Володимерьского“.

удалось добиться разрѣшенія этого спора, такъ какъ Сигизмундъ Августъ, „будучи забавенъ инѣшими потребями своими г[о]с[по]д[а]рьскими и земскими и недоспешонъ будучи того межи ними на тотъ часъ сконѣчити, отложить то рачиль до пришлого валного сойму Великого Князства Литовского“. Такимъ образомъ, Волынскимъ посламъ, несмотря на ихъ настойчивость, пришлось удовольствоваться лишь записью всего этого въ книги канцеляріи Княжества „для памяти“. Но они взяли себѣ выпись этой записи — „на што и выпись съ книгъ посломъ земли Волынское подъ печатью г[о]с[по]д[а]рьскою есть данъ“¹⁾.

Итакъ, статутъ 1566 года неполно опредѣляетъ организацию повѣтоваго сеймика и предполагаетъ наличность добавленія къ его артикулу „О соймикохъ повѣтовыхъ“. Обратимся теперь къ грамотѣ Сигизмунда Августа отъ 30 декабря 1565 года и посмотримъ на то, что она даетъ для изученія повѣтоваго сеймика. Эта грамота сообщаетъ во всеобщее свѣдѣніе, что на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ господарю были представлены просьбы всѣхъ становъ о приведеніи въ дѣйствіе новаго статута и о томъ, чтобы Сигизмундъ Августъ, „приводячи къ большому порядку рѣчь посполитую“, разрѣшилъ „на выбиратье пословъ, къ соймомъ вальнымъ и инымъ потребамъ земскимъ належащихъ“, имѣть „въ повѣтѣхъ (то есть, гдѣ-колько въ вьяды судовые засажены и гдѣ потомъ черезъ“ великаго князя „засаженъ вьядовъ судовыхъ зъ ихъ прозбы и зволенья дойдеть) соймы малые къ збиранью всихъ обывателей въ кождомъ повѣтѣ“. На эти „соймы повѣтовые“ Сигизмундъ Августъ долженъ разрѣшить всѣмъ раднымъ панамъ, князьямъ, панамъ, урядникамъ земскимъ и дворнымъ „и всимъ станомъ народу шляхетского и стану рыцерского, гдѣ хто въ которомъ повѣтѣ осѣлость маєтъ, на часы, черезъ листы“ господарскіе „назначоны, зъѣзжати, тымъ же прикладомъ и порядкомъ, яко на такихъ соймѣхъ повѣтовыхъ

1) Лит. Метр. $\frac{II A}{55}$ л. 1. Заголовокъ документа въ книгѣ Метрики: „Отложено до иншого сойму спору межи послами земли Волынское и земли Жомойтское, хто з нихъ первой вотовати маєтъ въ раде посполитой“. Дата: Городно, 18 марта 1566 года. Документъ изданъ Н. А. Максимейкомъ — Сеймы Л.-Р. государства, Приложенія, стр. 151—152.

справа, поступокъ и обычай заховывается въ паньствѣ“ Сигизмунда Августа, „Корунѣ Польской“. Великій князь исполнилъ эти просьбы Литовско-Русскихъ становъ за ихъ заслуги передъ нимъ и ихъ государствомъ. Грамота послѣ указанія на эти заслуги гласить отъ имени Сигизмунда Августа: „дозволяемъ, абы вже тымъ статутомъ новымъ судилися и справовалися вси станы однакимъ порядкомъ въ повѣтѣхъ и на мѣстцахъ, судомъ засажонныхъ, передъ врядники, на суды отъ насъ высажонными, водлугъ привилія и наданья нашего, на соймѣ Бѣльскомъ на то отъ насъ обдарованого. А въ тыхъ же повѣтѣхъ на мѣстцахъ головнѣйшихъ зѣѣжатися и збиратися княземъ, паномъ-радамъ нашимъ, врядникомъ земскимъ и дворнымъ и всему рыцерству, хто въ которомъ повѣтѣ ошѣлость маеть, дозволяемъ и, за обосланьемъ и листы нашими господарскими зѣѣхавшися, о потребахъ рѣчи посполитоѣ радити и намовляти и обмышляти, о чомъ имъ отъ насъ господаря ознаймено будетъ; и съ того жъ собранья и намовъ спольныхъ пословъ обирати и на съемъ великій вальный, звыклый въ томъ паньствѣ нашомъ, кгда листы нашими господарскими мѣстцо таковому сойму ознаймено и зложено будетъ, выправляти и черезъ тыхъ пословъ потреби рѣчи посполитоѣ и кожного зособна повѣту до насъ господаря приносити, во всемъ справуючися по тому, яко въ паньствѣ нашомъ Корунѣ Польской обычай около таковыхъ съѣздовъ повѣтовыхъ, отправованья пословъ и доношенья потреби рѣчи посполитоѣ на съемъ вальный передъ насъ господаря заховывается“. Какъ повѣтовые суды, такъ и сеймики должны быть сохранены Сигизмундомъ Августомъ и его преемниками „вѣчнѣ и непорушнѣ“, и „на утверженье и моцность“ настоящаго „привилія“ его господарь подписалъ своею рукою и приказалъ къ нему „печать“ свою „привѣсити“¹⁾.

Нужно думать, что этотъ привилей и былъ именно тѣмъ привилеемъ, объ изданіи котораго, какъ мы видѣли выше, говорить „отказъ“ Сигизмунда Августа Литовско-Русскимъ станамъ на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ. Настоящій привилей мало прибавляетъ для изученія организаціи Литовско-Русскаго сеймика къ тому, что даетъ для

1) А. З. Р. III. № 38.

этого изученія артикулъ „О соймикохъ повѣтовыхъ“ статута 1566 года. Онъ лишь добавляетъ указаніе на примѣръ, по которому учреждаются повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго. Этотъ примѣръ — сеймики Польши. Но точнаго опредѣленія сеймиковастья въ Польшѣ привилей не даетъ, да едва ли онъ и могъ это сдѣлать за отсутствіемъ точныхъ регламентовъ Польскаго сеймика, выросшаго безъ регламентаціи своего строя въ земляхъ Короны Польской¹⁾. Необходимо думать, что привилеемъ имѣлись въ виду лишь общія очертанія и общій характеръ Польскаго сеймика, подобно тому какъ такія же общія очертанія Польскаго строя судовъ Подляшья, какъ мы это видѣли выше²⁾, имѣлись въ виду шляхтою Великаго Княжества Литовскаго въ ея требованіяхъ судебной реформы въ до-реформенное время.

Итакъ, ни статутъ 1566 года, ни привилей 1565 года не даютъ опредѣленнаго устава для сеймиковастья Литовско-Русскихъ шляхетскихъ повѣтовъ. Быть можетъ, что они и не задавались такою цѣлью, предоставляя самой жизни вылить въ опредѣленные формы учреждаемое ими шляхетское собраніе. Но Литовско-Русскій предсеймовый повѣтовый сеймикъ получилъ свое существованіе только послѣ изданія привилея 1565 года и II-го статута. Въ первый разъ предсеймовые сеймики повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго собрались передъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года. „Универсалъ о зложеніи сейму у Берестю“, выданный Сигизмундомъ Августомъ въ Кнышинѣ 22 марта 1566 года³⁾ и созывающій повѣтовые сеймики на 10 апрѣля этого года, говоритъ отъ имени великаго князя: „што на теперешнемъ валномъ сойме Виленьскомъ будучи намъ г[о]с[по]д[а]р[у]

1) О происхожденіи Польскаго сеймика см. Adolf Pawiński, *Sejmiki Ziemskie, Początek ich i rozwój aż do ustalenia się udziału posłów ziemskich w ustawodawstwie sejmu walnego. 1374—1505* (Warszawa 1905). Ср. Antoni Prochaska, *Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagellonów* (Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny. Serya II. Tom XIII) и Fr. Piekosiński, *Wiece, sejmiki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich* (ibidem, tom XIV).

2) Стр. 22, 23, 170—171.

3) Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. л. 94—95 об. Документъ изданъ М. К. Любавскимъ — Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 166—167, и Н. А. Максимейкомъ — Сеймы Л.-Р. государства, Приложенія, стр. 153—154.

зо всіми паны-радами нашими ихъ милостью, духовными и свецкими, и зо всіми землями здешнего панѣства нашего Великого Княжества Литовского, за прозбою всіхъ становъ постановили есмо соймики поветовые въ чотырехъ неделяхъ передъ вальнымъ великимъ соймомъ складати ку зѣханоу всімъ обывателемъ стану рыцерского для обираия пословъ на съемъ валный въ потребахъ тыхъ, которые листы нашими ознаймены будуть“. Тотъ же универсалъ обнаруживаетъ и извѣстную непривычность канцеляріи Княжества къ впервые созываемымъ предсеймовымъ собраніямъ повѣтовой шляхты: онъ называетъ ихъ то „соймиками малыми“, то „соймиками поветовыми“, не установивъ еще вполнѣ названія для только что учрежденнаго вида шляхетскихъ собраній. То же упоминаніе о только что состоявшемся учрежденіи предсеймоваго сеймика имѣетъ и текстъ инструкціи господарскимъ посламъ на сеймики 10 апрѣля 1566 года. По требованію этой инструкціи, господарскій посолъ послѣ передачи привѣтствія отъ великаго князя и передачи удостовѣренія своего посольства „предложити маеть, яко то его королевская милость на сойме прошломъ вальномъ позволить рачиль и соймики мевати допустиль передъ вальнымъ соймомъ и для того на онъ часъ посла своего“, явившагося на настоящій сеймикъ, послалъ, „яко естъ обычай въ Коруне Полской и заховане около соймиковъ, кгдажъ тые соймики звычайемъ Коруны Полское надати¹⁾ и упривилевати его милость г[о]с[по]д[а]рь рачиль . . .“²⁾. Посолъ господарскій, такимъ образомъ, объясняетъ собравшимся на сеймикъ свое появленіе среди нихъ, такъ какъ областныя собранія предшествующаго времени собирались безъ присутствія на нихъ пословъ великаго князя для сообщенія предметовъ занятій предстоящаго сейма.

Итакъ, время учрежденія и время перваго созыва предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго извѣстно источникамъ совершенно точно. Этой опредѣленности указаній источниковъ, однако, не соотвѣтствуетъ

1) Въ оригиналѣ: „надате“.

2) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 115 об. Документъ этотъ также изданъ М. К. Любавскимъ — *op. cit.*, Приложенія, № 57 и Н. А. Максимейкомъ — *op. cit.*, Приложенія, стр. 157—159.

опредѣленіе времени возникновенія Литовско-Русскаго предсеймоваго сеймика въ исторической литературѣ, какъ оно дѣлалось до сравнительно недавняго времени. Еще въ 1897 году было высказано мнѣніе, что сеймикъ Великаго Княжества Литовскаго былъ учрежденъ въ 1559 году¹⁾. Это мнѣніе основано на указаніи стараго труда Ярошевича, посвященнаго изученію внутренняго строя Литвы²⁾. Ярошевичъ говоритъ, что Сигизмундъ Августъ установилъ на Виленскомъ сеймѣ 1559 года выборъ земскихъ пословъ, но къ этому прибавляетъ, что способъ избранія повѣтовыхъ пословъ былъ опредѣленъ лишь 30 декабря 1565 года³⁾, т. е. уже извѣстнымъ намъ привилеемъ Сигизмунда Августа. Не совсѣмъ легко объяснить основаніе, которое имѣлъ въ виду Ярошевичъ для своего утвержденія о началѣ повѣтовыхъ сеймиковъ въ 1559 году. Повидимому, это было указа-

1) Предисловіе М. В. Довнаръ-Запольскаго къ I-му тому Документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, стр. XX. М. В. Довнаръ-Запольскій на этой страницѣ своего Предисловія и новое раздѣленіе Литовско-Русскаго государства на повѣты также приурочиваетъ къ 1559 году: „утвержденіе въ 1559 г. сеймиковъ и раздѣленіе государства на опредѣленные районы — повѣты, является прочнымъ шагомъ въ дѣлѣ развитія литовскаго парламента.“ Но въ этихъ словахъ нѣтъ ли простого недоразумѣнія, вызваннаго трудомъ Ярошевича. Пятью строками ниже самъ М. В. Довнаръ-Запольскій пишетъ: „до 1565 г. районы, имѣвшіе представительство на сеймѣ, не были строго опредѣлены Съ 1565 г. хоругвовая повѣтовая шляхта составляетъ мѣстный сеймикъ.“

2) См. о влияніи труда Ярошевича (*Obraz Litwy pod względem jęj cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII*) выше, стр. 50, прим. 1.

3) Ярошевичъ пишетъ: Сигизмундъ Августъ, „aby tém bardziej zachęcić rycerstwo litewskie do czynnego udziału w obronie zagrożonych przez Rosją Inflant, między wielą innemi dobrodziejstwami nie tylko na wybor sędziów powiatowych, ale i posłów ziemskich na Sejmie wileńskim r. 1559 zezwolił; obie te prerogatywy w Bielsku 1564 r. potwierdził, a potem znowu na Sejmie wileńskim r. 1565 d. 30 Grudnia, porządek Sejmików przedsejmowych dla wybierania po dwóch posłów z okręgu uległego jurydykcyi jednego ziemskiego sądu, opisał . . .“. *Obraz Litwy. II. Str. 59.* „Przypisy do części drugiej“ даютъ въ соотвѣтствующей ссылкѣ (45) лишь указанія на сеймовые документы въ изданіи Дзялынскаго (*Zbior Praw Litewskich*), въ которыхъ нѣтъ никакого подтвержденія для принятія 1559 года, какъ даты начала повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго.

ніе на просьбы повѣтовъ Витебскаго и Мстиславскаго актами Виленскаго сейма 1559 года, приче́мъ Ярошевичъ не обратилъ вниманія на то, что на этомъ же сеймѣ Сигизмундомъ Августомъ было отказано хоружимъ въ ихъ просьбѣ о выборѣ шляхтою пословъ на сеймы. Вліяніе Ярошевича въ вопросѣ о возникновеніи сеймика Великаго Княжества Литовскаго сказалось и на Теодорѣ Нарбутѣ. Онъ также принялъ 1559 годъ, какъ годъ возникновенія Литовско-Русскаго сеймика¹⁾. Но уже въ 1883 году С. А. Бершадскій установилъ 1565 годъ, какъ годъ дарованія повѣтоваго сеймика шляхтѣ Великаго Княжества Литовскаго²⁾, и затѣмъ этотъ годъ былъ усвоенъ Русскою историческою литературой³⁾. Вышедшіе въ началѣ текущаго столѣтія труды М. К. Любавскаго и Н. А. Максимейка, посвященные изученію Литовско-Русскаго сейма, подтвердили дату С. А. Бершадскаго, установившаго ее на основаніи изданнаго матеріала⁴⁾, изученіемъ матеріала рукописнаго⁵⁾. Наконецъ, въ самое недавнее время эту дату встрѣчаемъ принятой и въ трудѣ Ѳ. И. Леонтовича, посвященномъ изученію вѣча, сеймовъ и сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго⁶⁾. Итакъ, разногласіе по вопросу о времени возникновенія предсеймоваго повѣтоваго сеймика въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ

1) „Za tego szczątka rodu Jagellów, w r. 1559, obieranie posłów ziemskich na sejmy wzięło formalne urządzenie i odtąd sejm Litewski w zupełności Polskiego stał się naśladownictwem.“ Teodora Harbutta *Pomniejsze pisma historyczne, szczególnie do historyi Litwy odnoszące się*. Wilno 1856. Str. 292.

2) С. А. Бершадскій. *Литовскіе Евреи*. Стр. 311.

3) См. Н. В. Стороженко, *Западно-Русскіе провинціальныя сеймики во второй половинѣ XVII вѣка*, стр. 6—7. Ср. С. А. Бершадскій, *Къ вопросу о сеймикахъ въ Юго-Западной Россіи (разборъ работы Н. В. Стороженка)*. Журн. Мин. Нар. Пр. 1888, IX, стр. 369—403.

4) Прии́лея 30 декабря 1565 года и II-го статута.

5) М. К. Любавскій, *Л.-Р. сеймъ*, стр. 698, 731 и др. Н. А. Максимейко, *Сеймы Л.-Р. государства*, стр. 103 и сл.

6) Ѳ. И. Леонтовичъ. *Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ*. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 254. Нужно отмѣтить, что еще до выхода въ свѣтъ труда Ярошевича возникновеніе Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика совершенно правильно приурочивалось къ 1566 году, т. е. къ утвержденію II-го статута Балинскимъ (*Historia miasta Wilna. Przez Michała Balińskiego. Tom II. Wilno 1836. Str. 98*).

въ настоящее время можно считать устраненнымъ. Основною причиною его мы считали бы то же недостаточное вниманіе къ значенію реформъ 1565—1566 годовъ, которое уже было отмѣчено нами выше, какъ причина, не позволявшая ясно уяснить и весь повѣтовый строй Княжества при смѣщеніи эпохъ до и послѣ этихъ реформъ¹⁾. Люблинская Унія слишкомъ заслоняла въ глазахъ историковъ преобразование внутренняго строя Литовско-Русскаго государства наканунѣ ея заключенія, а, между тѣмъ, и самое ея заключеніе оказалось подготовленнымъ этимъ новымъ строемъ значительно, и этотъ же новый строй обеспечивалъ Великому Княжеству Литовскому возможность сохраненія своего государственнаго значенія особаго „панства“ въ образованномъ Уніею Польско-Литовскомъ государствѣ.

Что же вносило учрежденіе предсеймоваго повѣтоваго сеймика въ жизнь Литовско-Русскаго государства? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ мы должны бросить хотя бы самый общій взглядъ на формы собраній, существовавшихъ въ областяхъ Литовско-Русскаго государства въ эпоху до созданія этого вида шляхетскихъ собраній. Наличность народныхъ собраній въ Литовскихъ и въ Русскихъ земляхъ, составившихъ Великое Княжество Литовское, въ настоящее время не оспаривается уже никѣмъ, хотя еще въ серединѣ XIX столѣтія нужно было ее доказывать, если не для Русской, то для Литовской части Литовско-Русскаго государства²⁾. Что касается вѣча Русскихъ земель Княжества, то его прослѣживаютъ изслѣдователи въ отдѣльныхъ земляхъ до XV столѣтія включительно³⁾. Но уже въ XV вѣкѣ обычнымъ

1) Стр. 40 п сл.

2) Это дѣлаетъ Теодоръ Нарбутъ въ своей статьѣ „O Sejmach Litewskich“, напечатанной на стр. 289—292 собранія его мелкихъ работъ (*Pomniejsze pisma historyczne. szczegolnie do historyi Litwy odnoszące się.* Wilno 1856). Ср. стр. 43 статьи А. Киркора „Великій князь Витовтъ“ (Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа. Вильно 1854).

3) П. В. Голубовскій, *Исторія Смоленской земли до начала XV ст.*, Кіевъ 1895 (стр. 219). В. Е. Данилевичъ, *Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія*, Кіевъ 1896 (стр. 183). См. О. И. Леонтовичъ, *Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ*, Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 236—239. Генрихъ Татуръ, изучая „археологическое значеніе Минской губерніи“, счелъ даже возможнымъ отмѣтить въ ея предѣлахъ „окопища (скопища) судовыя и вѣчевыя,

названіемъ собраній въ областяхъ государства становится слово „соймъ“ или „сьемъ“. Областные соймы въ сравнительно недавнее время сдѣлались предметомъ серьезнаго вниманія изслѣдователей, особенно со времени выхода въ свѣтъ трудовъ М. К. Любавскаго „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута“ и „Литовско-Русскій сеймъ“. Въ этихъ трудахъ областные сеймы Литовско-Русскаго государства впервые получили внимательное изученіе ¹⁾. Вышедшая почти одновременно съ послѣднимъ трудомъ М. К. Любавскаго работа Н. А. Максимейка „Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи 1569 г.“ также останавливается на областныхъ сеймахъ Великаго Княжества Литовскаго ²⁾. Къ вопросамъ, касающимся областныхъ собраній, обращалась и критика этихъ трудовъ ³⁾. Наконецъ, изученіе этихъ вопросовъ имѣемъ въ вышедшей въ свѣтъ въ текущемъ году работѣ Ѳ. И. Леонтовича „Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ“ ⁴⁾. Однако, несмотря на наличность ряда трудовъ по изученію областныхъ сеймовъ Литовско-Русскаго государства, мы не рѣшились бы признать его достигшимъ достаточной опредѣленности. Этой опредѣленности мѣшаютъ: 1) недостаточность матеріаловъ, собранныхъ изслѣдованіемъ для изученія областныхъ собраній, и 2) недостаточность изученія внутренняго строя отдѣльныхъ земель, необходимаго для выясненія вопросовъ, связанныхъ съ организаціей этихъ собраній. Но, несмотря на это отсутствіе достаточной опредѣленности въ изученіи областныхъ собраній Литовско-Русскаго государства, значеніе учрежденія повѣтоваго сеймика въ 1565 году мо-

служившія судилищемъ окрестнаго населенія и сборнымъ совѣщательнымъ пунктомъ“ (Памятная Книжка Минской губерніи на 1878 годъ. — Археологическое значеніе Минской губерніи. Стр. 113).

1) Обл. дѣл. и мѣстн. упр., стр. 869—876. Литовско-Русскій сеймъ, стр. 559, 562, 587, 607, 608 и др.

2) Стр. 1—40.

3) См. перечень критическихъ статей, вызванныхъ „Литовско-Русскимъ сеймомъ“ М. К. Любавскаго и „Сеймами“ Н. А. Максимейка въ примѣчаніи 2 на стр. 233 февральской книжки Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1910 годъ (цитированная выше статья Ѳ. И. Леонтовича).

4) Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II (стр. 233—274) и III (стр. 37—61).

жетъ быть опредѣлено хотя бы и въ общихъ чертахъ. При томъ строѣ, въ который выливалось государственное устройство Великаго Княжества Литовскаго, областныя собранія были необходимы. Ихъ требовали и отсутствіе развитой централизаціи, и недостаточность организаціи исполнительной власти; въ нихъ, наконецъ, нуждался и вальный Литовско-Русскій сеймъ, на которомъ должны были „соиматься“ представители всѣхъ земель государства для постановленій, имѣющихъ обязательную силу на всемъ протяженіи государственной территоріи, и для представленія просьбъ и нуждъ отдѣльных земель. Литовско-Русская верховная власть нуждалась въ областныхъ собраніяхъ и принимала со своей стороны мѣры для ихъ сохраненія и для исправленія тѣхъ неустройствъ, которыя въ нихъ вносились на мѣстѣ¹⁾. Но форма старыхъ областныхъ собраній должна была измѣниться. Причинами, требовавшими этого измѣненія, мы считали бы 1) все дальше и дальше по Великому Княжеству Литовскому распространявшійся разрывъ сколько-нибудь крупныхъ городовъ съ ихъ округами, 2) ростъ значенія шляхты и 3) ростъ вальнаго сейма Литовско-Русскаго государства. Вѣче русскихъ земель Великаго Княжества Литовскаго, съ которымъ онѣ вступили въ составъ послѣдняго, предполагало и то значеніе городовъ и тѣ связи ихъ съ волостями въ старомъ русскомъ значеніи этого слова, которыя существовали въ болѣе раннее время. Къ серединѣ XVI столѣтія положеніе центральныхъ городовъ русскихъ земель Великаго Княжества Литовскаго по отношенію къ этимъ землямъ измѣнилось. Нѣмецкое право, полученное большинствомъ крупныхъ городовъ, оторвало послѣдніе отъ земель и по управленію, и по интересамъ, которыми стало жить мѣщанство²⁾. Въ то же время военный классъ, т. е. землевладѣльцы, обязанные нести со своихъ имѣній военную земскую службу, пріобрѣталъ все большее и большее значеніе въ эпоху постоянныхъ и тяжелыхъ войнъ государ-

1) Ср. постановленіе, сдѣланное въ августѣ 1486 года великимъ княземъ Казимиромъ объ отправленіи соймовъ въ Полоцкъ. Р. Ист. Б. XXVII, ст. 409—411.

2) О городѣ до его выдѣленія Магдебургскимъ правомъ см. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ — Журн. Мин. Нар. Пр. 1868, IX, стр. 743 и сл.

ства. Мы видѣли выше¹⁾, что отъ земской военной службы не было свободно и мѣщанство. Но оно составляло лишь придатокъ къ боярскимъ и земянскимъ полкамъ; не оно, а послѣдніе составляли главную массу столь необходимыхъ Литовско-Русскому государству военныхъ силъ. Выработавшійся принципъ свободы боярина-шляхтича отъ всѣхъ повинностей кромѣ повинности войны раздѣлилъ мѣщанство и шляхту, такъ какъ первое несло и другія повинности кромѣ военной службы. Въ число „становъ, сойму належачихъ“, мѣщанство не попало. Исключеніе было сдѣлано только для мѣщанства „столечнаго мѣста“ Вильны, притомъ только въ 1568 году, да и то одновременно съ допущеніемъ представителей Виленскаго мѣста на вальные сеймы былъ построенъ своего рода мостъ между нимъ и шляхтою: членамъ Виленскаго магистрата было пожаловано шляхетское достоинство²⁾. Уже въ первыя десятилѣтія XVI вѣка „землею“ Великаго Княжества Литовскаго считается его рыцарство, т. е. шляхта³⁾. Такимъ образомъ, городъ не только разрывалъ старыя связи съ землею: голосъ отдѣльной земли, какъ цѣлаго, долженъ былъ уже образовываться изъ соединенія голосовъ шляхты, разбросанной по своимъ „маетностямъ“ - „осѣлостямъ“, которыя, раскинувшись по всему пространству территоріи данной земли, имѣли связь съ городомъ лишь административно-судебную власть жившаго въ городѣ господарскаго намѣстника⁴⁾. Голосъ города-мѣста уже не игралъ своей старой роли при составленіи голоса земли, во главѣ которой этотъ городъ стоялъ.

Въ XVI столѣтіи, въ эпоху до учрежденія повѣтоваго сеймика, мы имѣемъ въ областяхъ Литовско-Русскаго государства собранія двухъ главныхъ видовъ: одни изъ нихъ были связаны съ предстоящими вальными сеймами, другія собирались безъ связи съ послѣдними. Въ эпоху до учрежденія повѣтоваго сеймика представительство шляхты на вальныхъ сеймахъ не можетъ быть признано

1) Стр. 277—278.

2) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ № 60.

3) Акты Л.-Р. государства. I. Стр. 234. Ср. выше, стр. 192.

4) О значеніи города для шляхты въ военное время см. И. И. Лапио, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 482.

достаточно организованнымъ. Надо думать, что въ идеѣ шляхта, какъ одинъ изъ „становъ, сойму належачихъ“, должна была вся цѣликомъ присутствовать на вальныхъ сеймахъ. На военно - полевыхъ сеймахъ и въ самомъ дѣлѣ она собиралась *viritim*¹⁾. Выборы представителей шляхты на вальные сеймы въ 1511 и 1534 годахъ²⁾, которые отмѣчаетъ М. К. Любавскій какъ начало организаціи шляхетскаго представительства³⁾, мы склонны считать исключеніями, а не показателями постоянства явленій, о которыхъ они говорятъ. Эти выборы, думается, были произведены въ виду серьезности задачъ данныхъ сеймовъ и обстановки, при которой они собирались. Если бы было какое-нибудь постоянно практиковавшееся избраніе шляхтою своихъ представителей на вальные сеймы, то хоружимъ не было бы нужно просить на Виленскомъ сеймѣ 1559 года о томъ, чтобы „шляхта на съемъ при хоружихъ братью свою обирали и слали“⁴⁾. Мы не рѣшились бы даже считать необходимыми самыя собранія областной шляхты передъ созываемыми вальными сеймами: если бы эти предсеймовыя собранія областной шляхты обязательно предшествовали вальнымъ сеймамъ, мы, надо думать, не имѣли бы примѣровъ составленія просьбъ земель на самыхъ сеймахъ, а такой примѣръ мы имѣемъ даже на послѣднемъ сеймѣ до-реформеннаго времени, т. е. на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ⁵⁾.

Но, если въ идеѣ шляхта вся должна была присутствовать на сеймѣ, то въ дѣйствительности, конечно, она не могла исполнять этой обязанности „стана, сойму належачаго“. Господарь самъ отлично сознавалъ, что его средневѣковое право требовать къ себѣ на совѣтъ должно было встрѣчаться съ немалыми затрудненіями для лицъ, на которыхъ это его

1) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 302. Ср. *ibidem*, стр. 715.

2) Для выбора пословъ на сеймъ 1511 года шляхту собирали державцы, для выбора пословъ на сеймъ 1534 года — хоружіе.

3) *Op. cit.* Стр. 303. Ср. *ibidem*, стр. 601.

4) А. З. Р. III, № 24 (I, 14). *Działyński, Zbiór praw Litewskich*, стр. 511. Необходимо отмѣтить, что статутъ 1529 года молчитъ объ участіи шляхты на сеймѣ, говоря „о свободахъ“ ея (I ст., раздѣлъ III).

5) См. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 706.

право простиралось, и господарскіе привилеи считаютъ посѣщеніе сеймовъ заслугою лицъ, которыя имъ „належать“¹⁾. Естественно, что онѣ не могъ требовать отъ шляхты исполненія ея сеймовой обязанности въ полномъ объемѣ, и компромиссомъ между идеей и дѣйствительностью явилось въ данномъ случаѣ обязательное участіе въ занятіяхъ вальныхъ сеймовъ хоружихъ, этихъ признанныхъ представителей и главъ шляхты повѣтовъ-хоружествъ²⁾. Отсутствіе обязательныхъ предсеймовыхъ собраній областной шляхты создавало для нея серьезныя неудобства. Шляхта не оповѣщалась обязательно о дѣлахъ предстоящаго сейма и не могла къ нимъ должнымъ образомъ подготовить своихъ хоружихъ. Это ставило ее въ весьма невыгодное положеніе по отношенію къ панскому классу, который, благодаря близости къ господарю, былъ освѣдомленъ хорошо о государственныхъ задачахъ даннаго момента и могъ при ихъ осуществленіи легче охранить свои интересы. Кромѣ того, какъ мы видѣли выше³⁾, самые до-реформенные повѣты-хоружества были такъ многочисленны и такъ неравномѣрны по числу шляхтичей, въ нихъ входившихъ. Это стояло на пути единенія всей шляхты въ ея выступленіяхъ, а стало быть благопріятствовало успѣшности отстаиванія панскимъ классомъ его старыхъ позицій въ борьбѣ со шляхетскимъ движеніемъ XVI столѣтія, развивавшимся, несмотря на всѣ препятствія. Учрежденіе повѣтоваго предсеймоваго сеймика въ 1565 году, создававшее обязательный созывъ повѣтовой шляхты въ предсеймовыя собранія для выслушанія сообщенія господаря о дѣлахъ предстоящаго сейма и для выбора на этотъ сеймъ своихъ пословъ, было такою же побѣдою шляхты въ ея движеніи по пути къ равноправію съ панствомъ, какъ и остальные части реформы 1565—1566 годовъ, уже разсмотрѣнныя нами. Но повѣтовый сеймикъ сталъ возможенъ лишь какъ завершеніе повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, и не случай-

1) Ср. выписку изъ привилея пану Миколаю Дорогостайскому на Шерешовскую державу, приведенную нами въ прим. 3 на стр. 526—527 нашей книги Великое Княжество Литовское, томъ I.

2) О значеніи хоружихъ въ до-реформенное время см. выше, стр. 4 и сл.

3) Стр. 35, 59 и сл.

нымъ, поэтому, должно быть признано его учрежденіе только послѣ Бѣльскаго привилея 1564 года и послѣ введенія новаго повѣтоваго дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Сдѣлавшійся возможнымъ послѣ Бѣльскаго привилея судебный строй шляхетскихъ повѣтовъ сливалъ пановъ со шляхтою въ „повѣтниковъ“, въ качествѣ каковыхъ оба эти класса сливались и въ сеймикованьѣ, а новое разграниченіе повѣтовъ уничтожало чрезмѣрное дробленіе шляхты по до-реформеннымъ хоружествамъ, препятствовавшее образованію крупныхъ шляхетскихъ корпорацій.

Но если земли Литовско-Русскаго государства не имѣли въ до-реформенное время собраній, обязательно предшествующихъ валънымъ сеймамъ, то вообще шляхетскія собранія во всякомъ случаѣ онѣ имѣли. Источники знаютъ областные „соймы“, на которыхъ разрѣшались мѣстные дѣла и на которыхъ составлялись челобитья господарю¹⁾. Но рядомъ съ этими областными соймами встрѣчаемся съ собраніями областной шляхты по хоружествамъ и повѣтамъ. Такъ, въ 1562 году Витебская шляхта проситъ своего воеводу о награжденіи его служебника Василя Григорьевича Гурка²⁾, или въ 1522 году великому князю приносятъ жалобу Ганязскіе земляне на притѣсненія отъ Радивиловъ³⁾ и т. п. Собранія шляхты хоружествами въ военныхъ сборахъ и намѣчавшаяся уже до реформы 1565—1566 годовъ организація ея по этимъ хоружествамъ⁴⁾ неизбѣжно вырабатывали привычку и обсужденія шляхтою мѣстныхъ дѣлъ по соединеніямъ ея около своихъ хоружихъ. Но выработка организаціи этихъ собраній, которыя могли бы считаться не случайнымъ соединеніемъ части мѣстной шляхты, а признаннымъ закономъ органомъ выраженія желаній и нуждъ ея всей, становилась необходимой. Акты знаютъ примѣры того, какъ верховная власть иногда оказывалась въ сомнѣніи, получая заявленія съ мѣста, и должна была провѣрять, не являются ли такіа заявленія дѣломъ лишь части лицъ,

1) См. цитированныя выше труды Э. И. Леонтовича, М. К. Любавскаго и Н. А. Максимейка.

2) Ист.-Юрид. Матеріалы. XXI. Стр. 434—436.

3) Вил. Арх. Сб. I. № 12. Ср. *ibidem*, №№ 13 и 14.

4) См. выше, стр. 27 и сл.

отъ имени общаго соединенія которыхъ они подавались¹⁾. Учрежденіе повѣтоваго сеймика съ обязательными оповѣщеніями о созывахъ его всей шляхты повѣтовъ и съ предупрежденіемъ закона о томъ, что на сеймиковыхъ собраніяхъ будутъ имѣть силу постановленія, сдѣланныя безъ присутствія на нихъ не явившихся, давало выходъ изъ этихъ затрудненій. Такимъ образомъ, учрежденіе повѣтоваго сеймика въ 1565 году, входя органическою частью въ составъ реформы 1565—1566 годовъ, являлось отвѣтомъ на рядъ запросовъ, выдвинутыхъ жизнью Великаго Княжества Литовскаго къ шестидесятымъ годамъ XVI столѣтія, съ одной стороны, и однимъ изъ крупныхъ успѣховъ шляхетскаго движенія — съ другой.

Итакъ, привилей отъ 30 декабря 1565 года и II статутъ учредили предсеймовый повѣтовый сеймикъ. Но, говоря объ этомъ сеймикѣ, статутъ 1566 года не ограничиваетъ занятій его обсужденіемъ сообщенныхъ господаремъ дѣлъ предстоящаго сейма и выборомъ пословъ сеймовыхъ. Къ этимъ предметамъ занятій повѣтоваго сеймика самъ статутъ прибавляетъ „свои“ дѣла и „всѣ потребности земскіе и долежности оного повѣту и воеводства“, которыми также можетъ заниматься повѣтовый сеймикъ. Эта прибавка широко расширяла предметы обсужденія сеймика и кругъ дѣлъ, которыми онъ имѣлъ право заниматься. Она должна была открыть дорогу и для созданія другихъ видовъ сеймика помимо предсеймоваго, который, повидимому, исключительно имѣлся въ виду въ моментъ возникновенія повѣтоваго сеймика. Эти виды сеймика должны были начать создаваться немедленно. Ихъ создавали жизнь и потребности повѣтовъ,

1) Такъ напримѣръ, Жомойтскіе тивуны прислали къ Сигизмунду Старому „братю свою Веншеслава [а] Миколая“, заявляя великому князю „суровыми словы“ и представивъ ему свое заявленіе письменно, о томъ, что онъ шляхту свою „звѣчную въ повѣтѣ Шавленскомъ“ отдалъ вмѣстѣ съ Шавленскою волостью князю Яну, бискупу Виленскому. Удивляясь дерзости тивуновъ, Сигизмундъ, „маючи“, однако, „въ томъ терпимость“, послалъ своего посла „довѣдатись“, ото всѣхъ ли тивуновъ Жомойти было послано настоящее посольство. Вил. Арх. Сб. III. № 24. Въ изданіи почему то документъ приуроченъ ко времени Сигизмунда Августа. Тотъ же документъ изданъ М. К. Любавскимъ — Обл. дѣленіе и мѣстн. упр., стр. XL—XLI Приложеній.

какъ единицъ шляхетскаго народа, повѣтовыхъ обывателей, съ ихъ нуждами и заботами. Словомъ „сеймикъ“ стало затѣмъ обозначаться не только предсеймовое собраніе повѣтовой шляхты, но всякое ея собраніе, созванное съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, притомъ не только самимъ господаремъ, но и лицами, имѣющими на то законномъ признанное право, и, наконецъ, безъ всякаго предварительнаго созыва, въ силу закона, предписавшаго собраніе нѣкоторыхъ видовъ сеймиковъ въ опредѣленное время непременно. Само законодательство стало вводить рядомъ съ предсеймовымъ сеймикомъ и сеймики другого вида, но для того, чтобы совершилась эволюція понятія повѣтоваго сеймика, потребовалось все-таки нѣкоторое время.

При своемъ учрежденіи повѣтовый сеймикъ, какъ мы это видѣли выше, понимался какъ предсеймовое собраніе шляхты повѣта, подготовляющее предстоящій валный сеймъ. Такого взгляда на повѣтовый сеймикъ держатся станы Великаго Княжества Литовскаго и въ годы послѣ заключенія Люблинской Уніи. Когда Стефанъ Баторій созвалъ въ 1577 году повѣтовые сеймики Короны и Княжества не передъ валнымъ сеймомъ, а передъ сѣздами частей соединеннаго Польско-Литовскаго государства ¹⁾, Волковыйскій сѣздъ Великаго Княжества Литовскаго поручилъ своимъ посламъ къ королю высказать ему, что признаетъ „зложеніе таковыхъ соймиковъ поветовыхъ“ противорѣчащимъ „звыклому обычаю, правамъ и волностямъ“ Княжества, такъ какъ „жадные соймики поветовые николи и ни на што иного складаны быти не мають, одно кгда ся король его милость, зъ ихъ милостью паны-радами Великаго Князства Литовьскаго порозумевшы, водлугъ часу и потребы, съемъ великій валный зложыть рачыть, передъ которымъ соймомъ великимъ валномъ за чотыры недели соймики поветовые складаны бывають, а съ такихъ соймиковъ поветовыхъ послове ку обмышливанью всякихъ потребъ и справъ земьскихъ на съемъ великій валный отшправоване быти мають“ ²⁾. Волковый-

1) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 158 и сл.

2) Текстъ этой инструкціи см. ниже, Приложенія, стр. 74—85. Ср. текстъ постановленія Волковыйскаго сѣзда 1577 года — А. Вил. III, стр. 271—277.

М. В. Бречневичъ.

Введеніе

въ

соціальную исторію княжества Славін, или Западнаго Поморья.

Изслѣдованіе по исторіи прибалтійскихъ поморянъ
за первые полтора вѣка со времени принятія ими
христіанства (1128 г.—1278 г.).

Оглавленіе.

Предисловіе	Стр. V
-----------------------	-----------

О т д ѣ л ь п е р в ы й.

Обзоръ источниковъ и исторической литературы.

Глава I. Источники соціальной исторіи	3
Глава II. Издавія древнѣйшихъ грамотъ	23
Глава III. Общій обзоръ литературы по соціальной исторіи. Порядокъ изслѣдованія	52

О т д ѣ л ь в т о р о й.

Извѣстія о славяно-поморскомъ владѣніи населенными имѣніями.

Глава I. Терминологія грамотъ. Первая группа извѣстій: владѣнія родственниковъ князя	85
Глава II. Вторая группа извѣстій: лютицкія владѣнія. Третья группа: феодальныя владѣнія	103
Глава III. Четвертая группа извѣстій: владѣнія славянъ въ собственномъ Поморьѣ. Поводы къ обнаруженію такихъ владѣній. Князь — исходный пунктъ владѣ- нія населенными имѣніями	119

О т д ѣ л ь т р е т ь й.

Освоеніе деревень.

Глава I. Поморское духовенство. Отношеніе его къ міря- намъ и къ мірскому	145
Глава II. Общая характеристика поморскихъ князей. От- ношеніе ихъ къ церкви	195
Глава III. Переломъ въ жизни народа. Обращеніе дере- вень въ частную собственность, какъ естественный результатъ культурныхъ и политическихъ условій	224
Опечатки	267

Предисловіе.

Территорія княжества Славїи, или Западнаго Поморья, въ XII—XIII в. простиралась главнымъ образомъ на востокъ отъ нижняго теченія рѣки Одера и отчасти на западъ (главный городъ Stetyn). Это княжество обозначалось тогда двумя именами, одинаково неопредѣленными: Поморье (Pomerania) и Славїя (Slavia). Первое имя прилагалось также и къ другому княжеству, независимому отъ перваго; территорія этого втораго княжества находилась на западъ отъ нижняго теченія Вислы (главный городъ Gdanze). Словомъ Slavia обозначалось еще одно княжество, которое находилось на западѣ отъ княжества, расположеннаго по обоимъ берегамъ Одера. Соотвѣтственно тогдашнему обозначенію княжествъ, и обозначеніе ихъ въ исторической литературѣ не вполне послѣдовательно. Ф. Дуда указываетъ на разнорѣчія и трудности современныхъ названій и предлагаетъ называть Поморье, находившееся ближе къ рѣкѣ Одери „Поморьемъ славянскимъ“, а Поморье привислинское — „Поморьемъ польскимъ“ (Franciszek Duda, *Rozwój terytoryalny Pomorza polskiego, wiek XI—XIII, W Krakowie, 1909, Rozdział I, Granice polityczne Pomorza polskiego, стр. 19—26*). Однако первое названіе могло бы внушать мысль о томъ, что Поморье привислинское не было славянскимъ; а второе названіе не годится для привислинскаго поморскаго княжества въ XIII в., потому что это княжество не зависѣло тогда ни отъ Польши ни отъ какого-либо иного государства. Въ настоящемъ изслѣдованіи Поморье на берегахъ Одера обозначается, какъ

Западное Поморье, или просто Поморье (соответственно терминологии источников), когда по ходу изложения виденъ смыслъ этого названія.

Въ качествѣ хронологическихъ рамокъ настоящаго изслѣдованія принять періодъ въ 150 лѣтъ по принятіи христіанства. За это время Западное Поморье вступило на новый путь культурнаго и политическаго развитія, который окончательно опредѣлился къ концу княженія Барнима I († 1278 г.).

Источники, легшіе въ основу настоящей работы, всѣ опубликованы въ печати. Однако я счелъ не лишнимъ приводить изъ нихъ довольно обширныя выписки; при этомъ ставилась цѣль — облегчить возможность провѣрки высказываемаго мнѣнія, когда оно расходится съ принятыми въ исторической литературѣ взглядами.

Выпуская въ свѣтъ эту работу, я считаю своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность проф. А. Н. Ясинскому, подъ руководствомъ котораго мои занятія впервые начали сосредоточиваться на исторіи славянъ. Приношу искреннюю благодарность и проф. Э. Э. Зигелю, который любезно дѣлился со мною своими обширными свѣдѣніями въ исторіи славянскаго права.

М. Бречкевичъ.

Отдѣлъ первый.

Обзоръ источниковъ и исторической
литературы.

ГЛАВА I.

Источники соціальной исторіи.

Самымъ важнымъ источникомъ для изученія внутреннихъ отношеній въ княжествѣ Славін, или Западномъ Поморьѣ, являются грамоты. Въ Поморьѣ грамоты впервые стали изготовляться со второй половины XII в.; изготовлялись онѣ духовными лицами и въ началѣ исключительно — въ интересахъ церковныхъ учреждений. Выдавались грамоты отъ имени князей, епископовъ, рѣже и позже — отъ имени монастырей, капитуловъ, городовъ, свѣтскихъ лицъ.

Извѣстно, что грамоты, какъ историческій источникъ, имѣютъ весьма важныя преимущества по сравненію съ другими родами источниковъ. Составитель хроники или анналовъ часто стоитъ въ сторонѣ отъ излагаемыхъ имъ событій, готовъ сообщать слухи и преданія; связь, въ которой онъ излагаетъ событія, искусственна, а истолкованіе или освѣщеніе событій нерѣдко бываетъ одностороннимъ или даже пристрастнымъ.

Грамоты не знаютъ никакой связи между событіями. Каждая изъ нихъ даетъ цѣльное и самостоятельное, хотя и очень коротенькое извѣстіе. Грамота обыкновенно точно приурочена къ опредѣленному моменту — указанному ею году, часто — мѣсяцу и дню; въ этотъ моментъ дѣйствительно происходилъ упоминаемый ею фактъ или актъ — договоръ, дареніе, покупка, мѣна, и т. п. Самое цѣнное качество грамоты состоитъ въ томъ, что она соответствуетъ дѣйствительности. Въ реальности содержанія грамоты трудно усомниться: эта реальность засвидѣтельствована современниками и участниками акта; о ней говоритъ выдаватель грамоты и рядъ свидѣтелей, въ грамотѣ указывается мѣсто и время акта.

Въ отличіе отъ хроники грамота самымъ тѣснымъ образомъ связана съ дѣйствительностію; она сама есть эта дѣйствительность,

или определенный моментъ въ социальномъ, экономическомъ или политическомъ развитіи данной страны. Грамота не только отражаетъ жизнь; она ее и направляетъ или старается измѣнить; въ этомъ ея достоинство и недостатокъ. Достоинство, — потому что грамота и есть одно изъ звеньевъ эволюціи. Недостатокъ, — потому что грамота говоритъ больше о томъ, что рѣшено, и мало говоритъ о томъ, что произошло; она свидѣтельствуетъ не столько о томъ, какъ само собою сложились отношенія, сколько о томъ, какія измѣненія она собирается ввести; вѣдь и возникаетъ грамота оттого, что заинтересованные въ актѣ опасаются, какъ бы жизнь не стала развиваться иначе, наперекоръ идеѣ грамоты. Притомъ же грамотѣ не всегда удастся подчинить себѣ дѣйствительность; хотя и рѣдко, но дѣйствительность иногда высвобождается, а то и вовсе игнорируетъ актовыя нормы.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительность вполне соответствуетъ грамотамъ, онѣ все-таки недостаточны въ качествѣ историческаго источника. Ихъ надо считать недостаточными потому, что многія явленія общественной жизни совсѣмъ не попадали въ грамоты, сколько бы грамотъ ни составлялось. Съ другой стороны и затронутыя явленія нѣсколько затемнились въ грамотахъ. Оба эти неудобства (съ точки зрѣнія историческаго изслѣдованія) зависятъ отчасти отъ типа и языка грамоты и отчасти отъ качествъ самихъ заготовителей грамотъ — нотаріевъ и писцовъ.

Типъ грамоты съ ея обычными составными частями (*invocatio*, *intitulatio*, и т. д.) отводитъ много мѣста шаблоннымъ фразамъ и тѣмъ самымъ суживаетъ рамки фактическаго содержанія. Поморскія грамоты однообразны, официальны и холодны — въ смыслѣ отсутствія оцѣнки событій и явной неохоты вдаваться въ подробности. Однообразіе сказывается не только въ томъ, что въ надлежащихъ частяхъ грамоты призывается имя Божіе, привѣтствуется публика, произносится угроза нарушителямъ, и т. д.; это — обычныя свойства западно-европейской грамоты вообще. Поморскія грамоты, помимо этого, чрезвычайно однообразны и по своему содержанию: главная мысль и главный фактъ подавляющаго большинства поморскихъ грамотъ (въ теченіе почти цѣлаго столѣтія) заключается въ томъ, что князь дѣлаетъ церкви пожертвованіе; въ этомъ ихъ особенность по сравненію съ совокупностію грамотъ всякаго сосѣдняго съ Поморьемъ государства, хотя жалованныхъ грамотъ для церкви повсюду имѣется немало.

Грамоты официальны, потому что онѣ, стремясь провести въ

жизнь свои рѣшенія, обращаются къ возможно большому кругу лицъ. Понятно, что предъ массою своихъ будущихъ читателей грамота должна была принять и приняла приличный, безукоризненный, даже праздничный нарядъ; все въ ней, не исключая по возможности и главной части (съ фактическимъ содержаніемъ) пропитано религіознымъ и нравственнымъ духомъ. Въ приложеніи къ повѣствовательнымъ историческимъ источникамъ было высказано положеніе, что эти источники передаютъ собственно не самый фактъ, а лишь впечатлѣніе, произведенное на повѣствователя (Ранке). И по отношенію къ грамотѣ играетъ роль впечатлѣніе, но нѣсколько другого рода. Авторъ какой-нибудь хроники и очевидецъ событія находится весь во власти своего собственного впечатлѣнія; составители грамотъ всецѣло озабочены тѣмъ, чтобы произвести наилучшее и наиболѣе дѣйственное впечатлѣніе на другихъ, — на „современниковъ и будущія поколѣнія“: когда всѣ убѣдятся, что актъ былъ безукоризненъ съ точки зрѣнія Божескихъ законовъ и человѣческихъ установленій, то этимъ обезпечена будетъ его нерушимость. Впечатлѣніе повѣствователя бываетъ причиною субъективности и часто — многословія въ изложеніи; впечатлѣніе, о которомъ заботится грамота, и которое руководить ею, требуетъ благоприличія; составитель грамоты нѣсколько подтягивается, слогу и разсужденіямъ грамоты сообщается приподнятость. Главное же, грамота дѣлается скупою по содержанію, отстраняясь отъ всего, кромѣ голаго акта. Она знаетъ только свое дареніе, или договоръ; а событія чрезвычайной важности (не говоря о бытовыхъ явленіяхъ), даже если они находятся въ непосредственной причинной связи съ актомъ, въ грамотѣ не упоминаются ¹⁾).

Съ точки зрѣнія фактичности извѣстій во всякой грамотѣ историкъ можетъ различить двѣ части. Одна часть даетъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія объ актѣ, его сущности, времени и мѣстѣ совершенія, заинтересованныхъ лицахъ, свидѣтеляхъ, и т. д. Другая часть состоитъ изъ призванія Божьяго имени, привѣтствія, сентенцій, и т. п.; эта часть не вытекала изъ существа даннаго акта, не связана была съ нимъ органически; напротивъ, она могла быть приложена въ томъ же самомъ видѣ ко всякому дру-

1) Ср., напр., знаменитый въ исторіи Поморья Кремменскій договоръ 1236 г. (*Codex Pomeraniae Diplomaticus*, herausg. von Hasselbach, Kosegarten und Medem, Greifswald, 1843, № 241, p. 525—526).

тому акту, что нерѣдко и происходило. Обѣ эти части грамоты, и фактическая и шаблонная, не всегда были разграничены одна отъ другой; часто онѣ взаимно перемѣшивались.

Въ поморскихъ грамотахъ есть и такіе элементы, которые занимаютъ среднее положеніе между фактическою и шаблонною частями. Это — перечисленіе „принадлежностей“, или угодій какого - либо отчуждаемаго имѣнія, а также — аренги. Господствующее среди историковъ мнѣніе относитъ ихъ всецѣло къ шаблонной части; за этими элементами не признается никакой цѣнности въ качествѣ историческаго источника. Дѣйствительно, ни „принадлежностей“, ни въ особенности аренги нельзя ставить наравнѣ съ фактическою частью грамоты. Но кое-какія указанія для пониманія внутренней исторіи даютъ и аренги и еще больше — перечисленія „принадлежностей“.

Въ послѣдующихъ главахъ настоящаго изслѣдованія будетъ на дѣлѣ показано, какія данныя можно извлечь изъ „принадлежностей“ (для уясненія сущности отчужденія деревни) и аренги (для характеристики міросозерцанія, которое съ успѣхомъ прививали князю духовныя лица). Здѣсь умѣстно отмѣтить только слѣдующее.

Перечисленіе принадлежностей отчуждаемаго имѣнія¹⁾ производитъ впечатлѣніе неопредѣленности и беспорядочности: упоминаніе обѣ однихъ принадлежностяхъ представляется совершенно излишнимъ, другія принадлежности, наоборотъ, почему - то пропущены. Принадлежности называются одна за другой въ случайной послѣдовательности, какъ бы ощупью; иногда одна принадлежность съ трудомъ можетъ быть отличена отъ другой (*ingressus et egressus*), изрѣдка заносятся въ списокъ и такія, которыя въ данный моментъ еще не обнаружены, но могутъ быть открыты впослѣдствіи (*aurifodine, ferrifodine*). При всемъ томъ, въ поморскихъ грамотахъ не удастся открыть такого перечисленія принадлежностей, которое расходилось бы съ дѣйствительностію или производилось бы наобумъ. Всякое перечисленіе, хотя бы и самое торопливое и беспорядочное, все - таки соотвѣтствуетъ существу отчуждаемой недвижимости; не можетъ быть, напр., никакого сомнѣнія въ томъ, что деревнѣ принадлежали „обработанныя поля, пастбища, дороги, входы и выходы“, и т. д.; и когда отчуждается не деревня, а

1) Напр.: *villa Carwou cum pascuis, syluis, pratis, riuais, paludibus, usuagiis, nemoribus, cultis et incultis, etc.*

имѣніе (въ тѣсномъ смыслѣ слова), то и принадлежности видоизмѣняются, „обработанныя поля“ большею частію исчезаютъ изъ списка принадлежностей¹⁾; пустошь имѣетъ свойственныя ей принадлежности, и т. д. Вслѣдствіе такой осмотрительности грамоты къ называемымъ ею принадлежностямъ перечисленія ихъ не лишены цѣнности для историка, вопреки категорическому утвержденію Салиса²⁾.

Если же грамота упоминаетъ о рудникахъ золотыхъ, серебряныхъ и желѣзныхъ, то изъ нея же видно, что она имѣетъ въ виду не настоящее, а будущее.³⁾ Грамота заблаговременно, на случай открытія рудниковъ, старается упорядочить право пользованія ими. Такая предусмотрительность грамоты опять-таки не обезцѣниваетъ того, что говорится въ грамотѣ о принадлежностяхъ имѣній; напротивъ, изъ нея видно, что грамота стремится къ точности и устраненію всякихъ недоразумѣній.

Правда, перечень принадлежностей часто поражаетъ своею разбросанностію, нѣкоторыя выраженія тавтологичны; и если бы пришлось судить о составныхъ частяхъ имѣнія по одной какой-либо грамотѣ, внѣ всякаго сопоставленія съ другими, то заключенія не были бы убѣдительны. Только сравненіе соотвѣствующихъ мѣстъ во всѣхъ поморскихъ грамотахъ даетъ опредѣленные и доказанные выводы въ исторіи землевладѣнія и общества; благодаря такому сравненію, историку облегчается отвѣтъ на такія, напр., вопросы: какія составныя части недвижимости были наиболѣе цѣнны въ то время и желательны для землевладѣльца? Что можно было разсматривать, какъ составную часть имѣнія и чего нельзя? Что было для землевладѣльца особенно желательнымъ элементомъ въ имѣніи?

1) Напр., въ грамотѣ Святобора, С. Р. Д., № 222, р. 488.

2) Fr. Salis: Untersuchungen zum pommerschen Urkundenwesen im 12 und 13 Jahrhundert. Baltische Studien, herausgeg. von der Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Altertumskunde, Stettin, 1909. S. 145: Der Ausdruck der Bulle *cum omnibus eorum appendiciis* bzw. *pertinentiis* ist rein formelhaft. Er besagt über das Zubehör der Burg genau dasselbe wie die aus dem Reiche eindringende Formel *cum agris, silvis, pratis etc.*, nämlich nichts.

3) Гр. Барнима Кольбацкому монастырю отъ 1249 г. (С. Р. Д., № 415, р. 865): *si plura molendina in Plona edificata fuerint et exstructa. seu in eisdem possessionibus aurifodine. argentifodine. ferrifodine. saline invente fuerint. vel reddituum aliorum generis cuiuscunque medietas nobis quamdiu viuimus pertinebit.*

Такимъ образомъ, въ цѣляхъ полноты и обоснованности сужденій о внутренней исторіи Поморья изслѣдователю не слѣдуетъ пренебрегать перечисленіемъ принадлежностей отчуждаемыхъ имѣній.

Аренги, или сентенціи, предшествуютъ изложенію самого акта; онѣ представляются еще менѣе идущими къ дѣлу, чѣмъ перечисленіе принадлежностей имѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, выдаватель грамоты говоритъ, напр., что надо цѣнить небесное и вѣчное выше земного и скоропреходящаго и что поэтому онъ дѣлаетъ пожертвованіе церкви; но мы не можемъ быть увѣрены, руководится ли вообще выдаватель грамоты высказанною имъ благочестивою мыслию. Только изученіе всѣхъ дѣйствій и характера выдавателя грамоты могли бы показать, насколько его заявленіе искренне. Рѣшеніе этого послѣдняго вопроса, въ сущности и не особенно важнаго для соціальной исторіи, производится такимъ образомъ и независимо отъ аренги.

Изученіе аренгъ поморскихъ князей позволяетъ, однако, сдѣлать нѣсколько иное наблюденіе. Съ точки зрѣнія аренгъ слѣдуетъ установить несомнѣнное различіе между двумя группами грамотъ: а., грамотами поморскихъ князей и б., грамотами, выданными въ Поморьѣ же, но не князьями, а другими лицами или учрежденіями: епископами, монастырями, городами, свѣтскими землевладѣльцами; къ этой же второй группѣ слѣдуетъ причислить и грамоты сосѣдей Поморья: Бранденбурга, Польши, Даніи, и т. д. И въ той и въ другой группѣ грамотъ аренга не говоритъ о конкретныхъ фактахъ. Но во всей массѣ грамотъ второй группы аренга короче, суше, шаблонъ, ея, такъ сказать, казенный характеръ проступаетъ рѣзче; силовъ и рядомъ она даже не есть какое-нибудь благочестивое разсужденіе, а — практическая мысль, напр., — о пользѣ записыванія сдѣлокъ; нерѣдко аренга и вовсе отсутствуетъ.

Въ первой группѣ грамотъ аренга составляетъ непремѣнную составную часть. Она многословна, довольно тѣсно связана съ фактическимъ содержаніемъ грамоты, почти всегда варьируется соотвѣтственно акту, вся проникнута благочестивыми мыслями. Совокупность этихъ мыслей, которыя настойчиво развиваются и всячески подкрѣпляются, есть плодъ пастырской дѣятельности духовныхъ лицъ, окружавшихъ князя. Эти духовныя лица составляли князю грамоты и, помимо прочихъ сферъ и случаевъ воздѣйствія на князя, въ аренгахъ высказали основы морали, пред-

назначенной для князя. Уже то обстоятельство, что эта мораль неизмѣнно присутствуетъ въ грамотахъ поморскихъ князей (тогда какъ въ грамотахъ второй группы такого постоянства нѣтъ), есть фактъ, заслуживающій вниманія; это присутствіе показываетъ, что мораль находила доступъ къ князю. Изъ аренги же видно и то, какова сущность этой морали, по наученію духовныхъ лицъ. Оуществлялась ли она, — это покажутъ уже самыя дѣйствія князя.

Такимъ образомъ, аренги даютъ достовѣрный матеріалъ для уясненія тѣхъ идей, которыя внушались князю, и для характеристики той атмосферы, которая окружала князя.

Составители грамотъ поморскихъ князей много вниманія удѣляли аренгамъ, приспособляли ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ, расширяли и развивали ихъ; порою нѣкоторыя изъ особенно прочувствованныхъ аренгъ занимали добрую половину всей грамоты ¹⁾. Но насколько любовно отношеніе составителей грамотъ къ аренгамъ, настолько неохотно вдаются они въ подробности фактическія. Грамота говорить, конечно, о самомъ актѣ, называетъ лица и учрежденія, которыя вступаютъ между собою въ сдѣлку, поименовываетъ самыя объекты сдѣлки, и т. д., словомъ фактическая часть присутствуетъ во всякой грамотѣ; но эта часть принимаетъ, можно сказать, минимальные размѣры. Скудость фактического содержанія, его однообразіе и водянистость бросаются въ глаза не только по сравненію съ взлелѣянною и разбухшею аренгою; она замѣтна также и при сравненіи съ грамотами сосѣднихъ князей. Въ грамотахъ сосѣднихъ князей (напр., бранденбургскаго маркграфа, руянскаго князя, мекленбургскаго князя) то и дѣло чувствуется конкретность даннаго акта, замѣтна индивидуальность выдавателя, видно стремленіе урегулировать мірскія отношенія, а не только витать въ небесныхъ сферахъ, иногда же и прямо обнаруживается готовность отстоять свои интересы. Грамоты поморскихъ князей, насыщенные моралью, въ своей фактической части довольно неопредѣленны и обыкновенно равнодушны къ подробностямъ и точнымъ разграниченіямъ; даже среди фактической части грамоты князя, внѣ собственной аренги, просачивается иногда полная смиренія мысль о собственной грѣховности и о необходимости жертвовать монастырямъ ²⁾.

1) Напр., гр. Барнима Столпскому монастырю отъ 1235 г. (С. Р. Д., № 223, р. 489), гр. княгини Анастасіи Бельбукскому монастырю отъ 1235 г. (С. Р. Д., 221, р. 486—487).

2) Напр., въ гр. Барнима Верхенскому монастырю отъ 1269 г. (Pommersches Urkundenbuch, II Band, Stettin, 1885, № 897, р. 223).

Между тѣмъ сущность акта зачастую оставалась безъ точнаго опредѣленія, что и понятно: когда князь, сокрушаясь о грѣхахъ своихъ, въ надеждѣ на ходатайство духовенства предъ Богомъ, дѣлаетъ высоко чтимой имъ церкви пожертвованіе, то онъ, видимо, не считаетъ умѣстнымъ устанавливать подробныя ограниченія дара; такія ограниченія были бы не только погруженіемъ въ мірскія дѣла въ моментъ душевнаго подъема, — они могли бы произвести впечатлѣніе недовѣрія къ церкви или стѣсненія ея.

Отсюда — лаконичность грамотъ, выданныхъ по поводу княжескихъ пожертвованій, и слѣдствіе этой лаконичности — неясность многихъ актовъ. Напр., хотя о пожертвованіяхъ деревень говорятъ сотни грамотъ, но самая сущность отчужденія деревни не опредѣляется ясно ни одною грамотою, и поэтому это отчужденіе и доселѣ понимается историками различно. Современники актовъ, конечно, понимали смыслъ грамотъ лучше новѣйшихъ историковъ; но есть основанія думать, что и тогда заинтересованные отчужденіями далеко не всегда согласны были въ истолкованіи акта, и причиною этого несогласія было во многихъ случаяхъ пренебреженіе грамоты точными и опредѣленными разграниченіями правъ.

Недостаточность грамотъ, какъ историческаго источника для внутренней исторіи, не ограничивается только ихъ лаконичностію (по отношенію къ подробностямъ акта) и неопредѣленностію. Грамоты по самой ихъ задачѣ призваны оповѣщать не о томъ, какъ развивались различныя стороны общественной жизни предъ моментомъ изготовленія грамоты, а о томъ, какія туда вносились измѣненія. Предъ изготовленіемъ грамоты развитіе шло болѣе съ туземными, самобытными чертами; совершавшійся актъ отнюдь не интересовался этимъ самобытнымъ развитіемъ ни для того чтобы записать о немъ, ни для того, чтобы его сохранить въ жизни. Новые люди, выходцы изъ Германіи, имѣли свои собственныя культурныя привычки и цѣли, и это именно и находило отраженіе въ составлявшихся ими грамотахъ. Прежде происходило самобытное общественное развитіе, но о немъ мы почти ничего не знаемъ, потому что тогда не было письменности. Теперь появилась письменность, и самобытность не исчезла, но о ней, о самобытности, мы очень мало можемъ узнать, потому что письменные акты удостовѣряли нововведенія, а не отживавшіе туземныя порядки.

Однако, кое-что изъ этихъ порядковъ даже безъ особаго желанія и стараній составителей грамотъ должно было мимоходомъ

проскальзывать при изложеніи акта; такія случайно и рѣдко дѣлаемые указанія и представляютъ изъ себя самый важный, хотя и крайне отрывочный и неудобопонятный матеріалъ для изученія внутренняго состоянія поморскаго славянства.

Въ какомъ видѣ могли отражаться въ грамотахъ черты туземной общественной жизни? Готовили грамоты монахи - нѣмцы. Монаху вообще нелегко дается пониманіе жизни¹⁾; еще менѣе могъ понимать поморскую жизнь монахъ - иностранецъ, свыкшійся съ совсѣмъ другою культурою и національнію. Тѣ черты туземнаго развитія, о которыхъ случалось упомянуть въ грамотѣ, должны были испытать первое преломленіе, входя въ сознаніе нотарія. Но этимъ дѣло не ограничивалось; явленіе поморской жизни, прежде чѣмъ отразится въ грамотахъ, могло подвергнуться еще одному искаженію.

Еслибы нотарій писалъ на своемъ родномъ языкѣ, то точность могла бы отъ этого только выиграть. Но онъ писалъ на латинскомъ языкѣ. Латинскій же языкъ для обозначенія явленій поморской жизни имѣлъ серьезныя неудобства.

Уже приспособленіе этого языка для нуждъ германской культурной жизни сопровождалось немалыми затрудненіями, которыя возникали вслѣдствіе недостатка въ лексикальномъ запасѣ, несходства быта, слабаго знанія языка, и т. п. Неустановленность терминологіи, множество двусмысленностей въ дальнѣйшемъ только увеличивались, что вызывалось новыми условіями: обширностью пространственныхъ и временныхъ границъ употребленія языка. И то и другое создавало много затрудненій съ точки зрѣнія семасіологіи. Особенно неудовимы тѣ варіаціи въ значеніи словъ, которыя зависѣли отъ обширныхъ временныхъ границъ.

Когда какой-нибудь иной языкъ, не латинскій, развивается въ теченіе тысячелѣтія и болѣе, то всякая ступень въ этомъ развитіи органически связана съ непосредственно предшествующею ступеню и основывается на ней. Современный, напр., русскій литературный языкъ весь вырастаетъ изъ языка общезвѣстныхъ произведеній конца XIX и начала XX в., но уже языкъ половины

1) Монахи и вообще духовные и образованные люди настолько проникались Библіею, что ея выраженія, способъ описанія и пониманія жизни сказывается на всѣхъ ихъ произведеніяхъ. О „библіократіи“ и о томъ, что и составители грамотъ „библіизировали“, мѣтко говоритъ Д. Егоровъ (Новый источникъ по исторіи прибалтійскаго славянства. Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 337—339).

XIX в. имѣтъ нѣкоторыя отличія отъ современнаго; и въ настоящее время никому и въ голову не придетъ пользоваться языкомъ эпохи Петра Великаго, какъ литературнымъ. Образцомъ и сокровищницею литературнаго языка служатъ новѣйшія литературныя произведенія и живой разговорный языкъ.

Иныя стадіи переживалъ средневѣковый латинскій языкъ. Если онъ и развивался, то это было какое-то судорожное развитіе, не безъ скачковъ. Последняя ступень развитія этого языка далеко не всегда примирялась съ предшествующею ступеню, какъ со своимъ образцомъ. Чѣмъ усерднѣе въ какую-нибудь эпоху изучался латинскій языкъ, тѣмъ большее тяготѣніе было къ далекой классической древности; тамъ, а не въ предшествовавшихъ стадіяхъ развитія, отыскивалась норма и матеріаль.

Погоня за классической чистотой языка приводила, между прочимъ, къ такимъ слѣдствіямъ. Нѣкоторыя явленія средневѣковой жизни, неизвѣстныя античному міру, уже были обозначены какимъ-нибудь латинскимъ словомъ, хотя бы и въ ущербъ его классическому значенію. Но вотъ средневѣковый писатель или нотарій припоминаетъ или узнаетъ и классическое значеніе даннаго слова; ревнуя о чистотѣ языка, или по недостатку подходящихъ словъ, онъ легко можетъ употребить слово не въ новомъ его значеніи, а въ старомъ; это, разумѣется, затрудняло пониманіе документа, тѣмъ болѣе, что наряду съ возвратнымъ значеніемъ слова употреблялось часто и средневѣковое. Такъ, оживотворенный латинскій языкъ наиболѣе всего цѣплялся за самую позднюю ступень своего развитія и наиболѣе всего срастался, казалось, съ современностью только тогда, когда онъ былъ въ упадкѣ; а когда онъ особенно оживлялся и исправлялся, то онъ сближался съ зачершею древностію и въ ней черпалъ свои силы.

Въ поморскихъ грамотахъ попадаются случаи кажущагося возвратнаго (въ разъясненномъ смыслѣ) значенія латинскихъ словъ; и хотя этихъ случаевъ не особенно много, но они какъ разъ касаются важнѣйшихъ общественныхъ, экономическихъ и политическихъ явленій. Изслѣдователю нелегко бываетъ иногда рѣшить, какое значеніе придано грамотою слову: классическое или новое? или какую варіацію изъ цѣлой серіи новыхъ значеній?¹⁾ Иногда

1) Варьировалось и не всегда ясно въ отдѣльныхъ случаяхъ значеніе, напр., такихъ словъ: *castrum*, *colloquium*, *heres*, *hospes*, *miles*, *beneficium*, *homo*, *princeps*, *terminus*, *conducere*, и др.

даже возникает сомнѣніе; удачно ли подобралъ нотарій слово для обозначенія явленія?

Такимъ образомъ, явленія поморской внутренней жизни, такъ или иначе понятыя иностранцемъ-нотаріемъ, при передачѣ на латинскомъ языкѣ, должны были испытать второе преломленіе, которое, какъ и первое, можетъ затруднять изслѣдователя.

Всѣ эти затрудненія сравнительно мало зависятъ отъ индивидуальныхъ особенностей нотаріевъ, и скорѣе объясняются типомъ грамотъ и ихъ языкомъ. Есть въ грамотахъ и такія мѣста, трудность или невразумительность которыхъ зависѣла отъ качествъ самихъ нотаріевъ или писцовъ¹⁾. Сюда надо отнести многія неясности въ грамотахъ²⁾. Неясность граничитъ иногда съ двусмысленностію³⁾; а иногда заявленія грамоты представляются

1) Нѣкоторыя грамоты сохранились не въ оригиналахъ, а въ копіяхъ, которыя обыкновенно хранились заинтересованными учреждениями. Въ такихъ случаяхъ трудно рѣшить, восходитъ ли неисправность текста къ моменту составленія документа, или она возникла при послѣдующей перепискѣ.

2) Особенно трудною для истолкованія представляется, напр., гр. № 613 (*Pommersches Urkundenbuch*, II Band, p. 25). Кромѣ того есть нѣсколько грамотъ, которыя производятъ обманчивое впечатлѣніе о времени даренія. Такія грамоты говорятъ, напр., о томъ, что князь жертвуетъ такой-то церкви такую-то деревню. Казалось бы, судя по ходу изложенія, что пожертвованіе было сдѣлано этимъ актомъ впервые; а между тѣмъ, отыскиваются внѣ данной грамоты доказательства того, что пожертвованіе было сдѣлано задолго до того и удостовѣрено было особою грамотою. Значитъ, грамота иной разъ употребляетъ выраженія: „давать“, „дарить“ въ смыслѣ „подтверждать прежнее дареніе“. Примѣры: I. а. гр. Барнима отъ 1251 г. (C. P. D., № 462, p. 928—929): *ad notitiam tam futurorum quam modernorum vniuersorum christi fidelium volumus peruenire. quod nos ecclesie sancte Marie in vznam villam grop cum piscaturis. tam in nauibus quam in retibus et cum omnibus attenentiis. integraliter et pepetuo (sic!) possidendam contulimus*; б., гр. еп. Адальберта отъ 1159 г. (C. P. D., № 24, p. 54—55). II. а., *Pomm. Urk.*, II, № 611, p. 23—24 (о деревнѣ Babbyn въ 1255 г.); б., C. P. D., № 251, p. 546—548 (о ней же въ 1237 г.). III. а., *Pomm. Urk.*, II, № 796, p. 146: *iusuper donamus* (въ 1266 г.) *antedicto monasterio (Dargun) pro nostrorum remissione peccaminum duas villas dictas Garz et villam Karsibor*; б., *Pomm. Urk.*, II, № 621, p. 29—30: *nos ob dei remunerationem et ipsius genitricis reuerentiam clauastro Dargun — contulimus* (въ 1256 г.) *duas villas sub uno vocabulo Garz dictas. — Dedimus nichilominus villam que Carsibur dicitur*. Также и C. P. D., № 310, p. 661—662 (въ 1242 г.).

3) *Напр.* № 274 (C. P. D., p. 589): *dimidietatem decime in predicta villa. quam (?) idem Dobezaus a domino episcopo Caminensi iure tenuit feodali — donauimus*.

прямо несообразными. Такъ, грамота заявляетъ однажды, что отдаются двѣ деревни, а называется три¹⁾. Другая грамота ссылается на „вышеупомянутую деревню“, но выше упомянуто было рядомъ двѣ деревни²⁾. Еще одна грамота ссылается на „вышеупомянутые сто мансовъ“, но выше совсѣмъ не упоминалось о ста мансахъ³⁾. Есть, наконецъ, и такая грамота, которая опирается и ссылается на „свидѣтельства нижезаписанныхъ нашихъ (т. е. поморскаго князя) оптиматовъ“, но ниже приводитъ только одно имя епископа Шверинскаго, да и тотъ никакъ не могъ быть причисленъ къ поморской знати⁴⁾. Попадаютъ ошибки въ счетѣ и др.⁵⁾

Индивидуальность нотаріевъ сказывалась и на слогѣ самой грамоты; сюда могло примѣшиваться въ нѣкоторой степени и вліяніе литературной моды. На болѣе позднихъ грамотахъ проявляется стремленіе ихъ составителей къ изяществу слога; но наряду съ этимъ кое-гдѣ проступаетъ и нѣкоторая небрежность.

Стремленіе къ изяществу слога удовлетворялось при помощи самыхъ различныхъ приѣмовъ. Наиболѣе употребительными были слѣдующіе приемы: своеобразный параллелизмъ⁶⁾, эффектное рас-

1) C. P. D., № 206, p. 459—460 (Pommersches Urkundenbuch, I Band, Stettin, 1868, № 203, p. 148): *fratribus nostris in Colbas — — vendidimus locum ville. que antiquitus Glina vocatur — — cum reliquis aliis duabus villis Bruchow et Dambine et Lanchne. cum omnibus pertinentiis suis.*

2) C. P. D., № 126, p. 282: *fratribus in hylda — uillas in Choskoue. que dirscove et Malescisce dicuntur — — uoluntate et consensu domini Wartizlai de Choskoue. cui predicta uilla more terre attinuit.*

3) Pomm. Urk., II, № 862, p. 194: *cum centum mansis supra nominatis.*

4) Гр. Богуслава I Кольбацкому монастырю отъ 1173 г. (C. P. D., № 33, p. 84; Pomm. Urk., I, № 63, p. 38—39); *Presentem vero cedulam sigilli nostri impressione. et optimatum nostrorum subscriptorum testimonio. volumus roborare. ne quis eis ausu temerario presumat contraire. Testes vero sunt hii. Berne episcopus. et alii quam plures fide digni.* Далѣе слѣдуетъ обычная угроза нарушителямъ и дата.

5) Напр., грамота № 288 (C. P. D., p. 617) говорить о передачѣ „десятины съ тысячи восьмисотъ мансовъ“; но отдѣльныя слагаемыя даютъ итогъ въ 1860 мансовъ.

6) Двукратное выраженіе одной и той же мысли и особенно какого-нибудь понятія разными терминами очень часто встрѣчается съ половины XIII в. Примѣры: *locum theatri et ipsum theatrum* (C. P. D., p. 604); *contulit et donauit* (Pomm. Urk., II, p. 40); *ligaturas salis reddant et exsolvant* (ib.); *fratribus et conventui* (ib., 48); *dedimus et contulimus* (ib., 56); *litem et discordiam* (ib., 60); *pacificatam et sedatam* (ib.); *dimisimus et dedimus* (ib., 69); *X marcas denariorum et proprietatem earundem* (ib., 80); *proprietatem et jus proprietatis* (ib., 106); *singulis annis annuatim* (ib., 195);

положеніе словъ¹⁾, причемъ, напр., опредѣленіе далеко откидывается отъ опредѣляемаго слова²⁾, изящныя прибавочныя поясненія³⁾, излюбленныя сочетанія⁴⁾, своеобразныя тропы, въ частности — метонимія и синекдоха⁵⁾, наконецъ — чрезмѣрное увлеченіе прарописаніемъ⁶⁾.

Почти всѣ эти приемы для историка не имѣютъ значенія: онъ не находитъ въ нихъ ни какого-либо цѣннаго матеріала ни, съ другой стороны, какихъ либо создаваемыхъ этими приемами трудностей. Только одинъ приемъ, свойственный скорѣ поэзіи, чѣмъ дѣловымъ бумагамъ, не можетъ почитаться безразличнымъ: онъ уже и въ то время могъ въ концѣ концовъ повести къ искаженію смысла пожертвованія (или вообще акта); да и въ настоящее время онъ служитъ причиною неодинаковыхъ толкованій текста. Приемъ этотъ приходится отнести къ тропамъ. Инымъ словомъ трудно опредѣлить тотъ способъ обозначенія различныхъ доходныхъ статей, который практиковался духовными лицами — составителями грамотъ. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ. Когда монахи получали, напр., изъ доходовъ Грозвинской корчмы десять марокъ, то они записывали, что князь имъ „далъ Грозвинскую корчму“⁷⁾; только сличеніе съ текстами другихъ грамотъ обнаруживасть, что дана была не корчма и даже не всѣ доходы съ нея, а всего де-

donauimus et dedimus (ib., 227); proprietatem curie et ipsam curiam (ib., 244); damus atque conferimus (ib. 249); paleam et stramina (ib., 279); libertatem piscandi et pisces capiendi (ib., 284); pisces capiant et piscationis officium exercent (ib., 316); monasterio claustro cenobio seu domui (ib., 355); abbati totique conuentui monasterii ac successoribus eorum universis et ipsi monasterio (ib., 127), и мн. др.

1) Nos civitatem nostram Gartz cum 100 mansis et 35 tradidimus (C. P. D., p. 603—604); pro centum marcis et uiginti denariorum, вмѣсто: pro centum et uiginti marcis denariorum (Pomm. Urk., II, p. 100).

2) Annis in moneta civitatis nostre Demin percipiendas singulis (Pomm. Urk., II, p. 173).

3) Villam que publico nomine Pripignewe nuncupatur (Pomm. Urk., II, p. 72).

4) Sed et (C. P. D., p. 680; ib., p. 755).

5) Примѣры будутъ приведены нѣсколько ниже.

6) Caeterus (Pomm. Urk., II, p. 244), но тутъ же рядомъ: monarchie (ib.); praetium (ib., 237). Обычно вмѣсто „ae“ употребляется „e.“

7) Гр. еп. Адальберга отъ 1159 г. (C. P. D., № 24, p. 55): bona domus Ratiboro cum pia coniuge sua pribizlawa ecclesie s. marie — — in grobe. dei intuitu pietatisque affectu tradiderunt. — — Sunt antem hec. — — In prouincia groszuuina — — taberna.

сять марокъ изъ этихъ доходовъ¹⁾, что, по указанію еще одного текста, соответствуетъ „четвертой корчмѣ“, т. е. — четвертой части доходовъ²⁾. Доходы съ кораблей и корчемъ между Zwina и Zwantuuzt превращались на языкѣ грамотъ въ „корабли и корчмы“ въ намѣченной мѣстности³⁾, дареніе патроната надъ церковію — въ „дареніе церкви“⁴⁾, и т. п.

Трудно съ опредѣленностью показать и доказать, какими мотивами руководились духовныя лица, употреблявшія въ грамотахъ тропы: объясняется ли это исключительно сильнымъ стремленіемъ къ изобразительности слога, или — „безпомощною терминологіею древнѣйшаго времени,“ какъ настаиваетъ Салисъ⁵⁾, или какими нибудь еще иными причинами. Во всякомъ случаѣ, по поводу этой особенности языка грамотъ возможно отмѣтить слѣдующее.

1. Въ тропѣ тогдашнихъ грамотъ имѣются немаловажныя особенности по сравненію съ тропомъ поэтическимъ. а) Поэтический тропъ обыкновенно не годится для буквального пониманія („деревья въ зимнемъ серебрѣ“), а тропъ грамотъ можетъ быть принятъ и буквально. б) Одинъ изъ видовъ поэтического тропа, именно — синекдоха, состоитъ въ томъ, что вмѣсто цѣлаго ставится часть и (изрѣдка) — обратно, а тропъ грамотъ знаетъ только цѣлое вмѣсто части, но не наоборотъ.

2. Явное стремленіе къ красотѣ слога сказывается на грамотахъ второй половины XIII в.⁶⁾; склонность же къ тропамъ проявляется у составителей грамотъ съ первой же поморской грамоты, около половины XII в.⁷⁾.

3. Авторами грамотъ вообще и троповъ въ частности были въ XII в. и въ началѣ XIII в. тѣ духовныя лица, которыя сами принадлежали къ одаряемымъ церковнымъ учрежденіямъ.

1) *Decem marce de taberna annuatim*. Грамоты: еп. Конрада отъ 1178 г. (С. Р. Д., № 26, р. 61), кн. Богуслава отъ 1177 г. (С. Р. Д., № 43, р. 105) и отъ 1189 г. (С. Р. Д., № 56, р. 134).

2) *Tabernam quartam*. Грамоты папъ: Александра III отъ 1178 г. (С. Р. Д., № 45, р. 109) и Целестина III отъ 1194 г. (С. Р. Д., № 73, р. 176).

3) *Naves et taberne inter Zwinam et Zwantuuzt* (Pomm. Urk., I, № 102, р. 79).

4) *Ecclesiam donare, conferre* (С. Р. Д., р. 489; р. 867).

5) *Salis: Untersuchungen zum pommerschen Urkundenwesen im 12 u. 13 Jahrh.*, Balt. St., N. F., B. XIII, S. 144.

6) Приведенные на стр. 14—15 случаи относятся именно къ этому времени.

7) См: выше, стран. 15, примѣч. 7-ое.

4. Бóльшая наклонность къ тропамъ проявляется въ жалованныхъ грамотахъ князя, ихъ подтвержденіяхъ и возобновленіяхъ, т. н. „транссумптахъ“, хотя бы эти подтвержденія и возобновленія производились не княземъ; а бóльшая точность выраженій подмѣчается во всякаго рода другихъ грамотахъ.

5. Теорія „безпомощно́й терминологіи“ не даетъ вполне удовлетворительнаго объясненія: такіе же доходы и угодья въ другихъ грамотахъ опредѣляются довольно удачно и безъ троповъ.

Хотя условія возникновенія и употребленія своеобразныхъ троповъ въ общемъ недостаточно выясняются изъ грамотъ, но понятно, что употребленіе въ грамотахъ подобныхъ приѣмовъ создаетъ затрудненія для пониманія смысла актовъ.

Особое мѣсто по сравненію съ подлинными грамотами занимаютъ подложныя грамоты. Матеріалъ для внутренней исторіи содержится до нѣкоторой степени и въ нихъ, потому что поддѣльватели старались все безразличныя для ихъ цѣлей части грамоты представлять въ самомъ естественномъ видѣ, чтобы онѣ никакихъ подозрѣній не возбуждалъ. Особенно любопытны для историка тѣ подложныя грамоты, мнимая дата которыхъ и моментъ дѣйствительнаго составленія ихъ раздѣлены другъ отъ друга небольшимъ промежуткомъ времени.

Въ сущности, однако, даже и такія грамоты въ качествѣ историческаго источника отнюдь не могутъ быть приравняемы къ подлиннымъ. Въдѣ въ подложныхъ грамотахъ могутъ заключаться свѣдѣнія двоякаго рода: одни — тождественныя и согласныя со свѣдѣніями подлинныхъ грамотъ и другія — новыя по сравненію съ подлинными. Но въ первомъ случаѣ свѣдѣнія подложныхъ грамотъ, можно сказать, излишни и во всякомъ случаѣ — малоцѣнны; свѣдѣнія же второго рода — подозрительны.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наиболѣе цѣнную часть подложныхъ грамотъ составляетъ именно то новое, что даетъ каждая изъ нихъ; но это новое должно быть принимаемо историкомъ, разумѣется, не какъ фактъ, а какъ стремленіе опредѣленной группы лицъ или учреждений освоить какіе-либо предметы. Вообще говоря, обнаруженіе такихъ стремленій представляетъ мало интереса съ точки зрѣнія соціальной исторіи; если, напр., историкъ узнаетъ, что притязанія такого-то опредѣленнаго лица или учрежденія на нѣсколько десятковъ десятинъ или на мельницу опирались на подложную грамоту, то этотъ выводъ для соціальной исторіи можетъ имѣть очень мало значенія; въ подобномъ случаѣ нельзя съ увѣ-

ренностию сказать даже и того, что это лицо или учрежденіе не имѣло права на землю или мельницу. Но если подложная грамота вводитъ такой предметъ владѣнія, о которомъ подлинныя грамоты ничего не знаютъ (напр., рабовъ), и если стремленіе къ такому предмету владѣнія (или сходному съ нимъ) присуще цѣлому словію и исполнѣ координируется съ данными въ подлинныхъ грамотахъ, то такого рода указанія подложныхъ грамотъ заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія.

Наконецъ, бывало и такъ, что подложная грамота преподносилась кому-слѣдуетъ на утвержденіе, получала его и приобрѣтала такимъ образомъ качества дѣйствительнаго документа: соответствующимъ образомъ возрастаетъ и цѣнность ея, какъ историческаго источника.

Количество тѣхъ поморскихъ грамотъ, которыя слѣдуетъ признать подложными, довольно значительно, — свыше тридцати, хотя на этотъ счетъ между изслѣдователями нѣтъ полнаго согласія. Въ древнѣйшихъ изданіяхъ (Дрегеръ, Гассельбаха-Козегартена) почти всѣ грамоты были признаны подлинными. Клемпинъ тщательными изслѣдованіями установилъ (въ 1868 г.) подложность многихъ грамотъ. Послѣ Клемпина дѣлались попытки доказать подложность нѣкоторыхъ изъ тѣхъ грамотъ, подлинность которыхъ не оспаривалась Клемпинымъ.

Но очень скоро получило въ наукѣ перевѣсъ другое направленіе, представители котораго стремились по возможности сократить количество подложныхъ грамотъ; придерживавшіеся этого направленія выдвигали доказательства въ пользу подлинности нѣкоторыхъ изъ грамотъ, которыя раньше были объявлены подложными. Главнымъ образомъ оспаривалась подложность тѣхъ грамотъ, которыя заподозрѣны были послѣ Клемпина и по его примѣру. Но были затронуты нѣкоторыя и изъ тѣхъ грамотъ, которыя объявилъ подложными Клемпинъ ¹⁾.

1) Бухвальдъ считаетъ подлинными слѣдующія №№ грамотъ по сборнику Клемпина: 365-й, 422-й и 570-й (Pommersches Urkundenbuch, I, p. 284, 332, 441—442; Buchwald: Bischofs- und Fürsten-Urkunden des XII und XIII Jahrhunderts, Rostock, 1882, p. 384—385, 375, 394). Салисъ защищаетъ подлинность слѣдующихъ №№: 251 (Pomm. Urk., I, p. 202), 999 и 1049 (Pomm. Urk., II, p. 296, 336—337); послѣднія двѣ грамоты изданы не Клемпинымъ, а Прюмерсомъ, который продолжалъ изданіе грамотъ по смерти Клемпина. Salis: Untersuchungen zum pommerschen Urkundenwesen im 12 und 13 Jahrh., Balt. Stud., 1909, p. 158—167, 172—176, 167—169.

Не входя въ подробный разборъ мнѣній о подлинности и подложности каждой грамоты въ отдѣльности¹⁾, слѣдуетъ, однако, признать, что тѣ аргументы, которые выдвинуты были противниками Клемпина, недостаточны. Клемпинъ свое сужденіе о подложности той или другой грамоты обосновывалъ всесторонне; почеркъ въ оригиналѣ, печать, слогъ грамоты, обороты, титулы должностныхъ лицъ, имена свидѣтелей, соотвѣтствіе съ содержаніемъ другихъ грамотъ, и т. п., — все это давало ему матеріалъ для доказательствъ. Особенно важны сопоставленія содержанія испытуемой грамоты со всѣмъ ходомъ внѣшней и внутренней исторіи страны: тутъ Клемпинъ обнаруживалъ необыкновенно точныя и всестороннія познанія²⁾.

Между тѣмъ, оспаривающіе нѣкоторыя заключенія Клемпина обращаютъ преимущественное вниманіе на внѣшнія особенности грамоты; доказывая, что грамота со стороны дипломатической вполне умѣстна для того года, которымъ она помѣчена, критики иногда на этомъ и останавливаются и не прилагаютъ особыхъ стараній къ тому, чтобы объяснить грамоту также и со стороны ея содержанія; а это послѣднее зачастую и говоритъ противъ подлинности. вмѣсто того, чтобы попытаться, вопреки Клемпину, примирить содержаніе спорной грамоты съ соотвѣтствующею эпохою, выставляются въ пользу подлинности столь слабыя соображенія, какъ напр.: 1. поддѣлыватель грамоты подвергался, по церковному праву, отлученію; слѣдовательно, у монаховъ не могло быть „благочестиваго обмана“; 2. подлога не могло быть: вѣдь иначе пришлось бы представлять древнихъ поморянъ крайне глупыми, если допускать, что ихъ такъ легко можно было надуть; да и „гдѣ была охрана владѣнія?“³⁾

Въ общемъ доказательства, приводимыя въ опроверженіе мнѣній Клемпина, взятые во всей ихъ совокупности, недостаточно убѣди-

1) Подробный разборъ и рѣшеніе вопроса о подлинности потребовалось бы по ходу настоящаго изслѣдованія только по отношенію къ такой спорной грамотѣ, въ которой содержались бы рѣдкія и важныя указанія на какія-либо стороны поморской внутренней исторіи.

2) Это долженъ былъ признать и критикъ его — Салисъ (op. cit., p. 131). Преемникъ Клемпина по изданію грамотъ также признавалъ превосходство Клемпина въ знаніи поморской исторіи. Pomm. Urk., I, 2-e Abth., предисловіе Прюмерса, стр. III.

3) Buchwald: Bischofs- und Fürstenurkunden des XII und XIII Jahrh. S. 384—385.

тельны, и поэтому предпочтительнѣе держаться пока такого рѣшенія вопроса о подлинности или неподлинности поморскихъ грамотъ до 1253 г. включительно, какое установлено Клемпинымъ.

Кромѣ грамотъ, другимъ весьма важнымъ источникомъ соціальной исторіи Поморья служатъ житія Оттона, епископа Бамбергскаго. Какъ извѣстно, еп. Оттонъ ѣздилъ со свитою въ Поморье, по приглашенію польскаго князя Болеслава III, для обращенія народа въ христіанство (въ третьемъ десятилѣтіи XII вѣка); описанія его путешествій находятся въ трехъ житіяхъ Оттона: Гербордовомъ, Эббоновомъ и въ житіи, составленномъ неизвѣстнымъ прифлингенскимъ монахомъ. Авторы житій не были сами въ числѣ спутниковъ Оттона: свѣдѣнія свои о путешествіи они брали отъ членовъ Оттоновой миссіи. Составлены житія не тотчасъ по окончаніи путешествія, а спустя десятка два и болѣе лѣтъ.

Житія являются первымъ по времени обстоятельнымъ источникомъ для внутренней исторіи Поморья; изъ времени болѣе ранняго сохранились только отрывочныя немногія указанія разныхъ авторовъ, совсѣмъ не затрагивавшихъ внутренней жизни страны. Но о степени достовѣрности житій высказаны были различныя мнѣнія. И доселѣ историки не вполне согласны насчетъ того, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ признать житія достовѣрнымъ источникомъ и которое изъ трехъ житій заслуживаетъ предпочтенія¹⁾.

Не вдаваясь въ подробное обсужденіе различныхъ мнѣній, здѣсь замѣчу только то, что даже при наихудшемъ изъ взглядовъ на достовѣрность житій возможно отыскать точку опоры для сужденія о характерѣ соціальнаго и государственнаго строя въ Поморьѣ. Биографъ могъ ошибаться въ опредѣленіи числа крестившихся въ каждомъ городѣ, въ томъ, сколько дней пробыла миссія въ томъ или другомъ пунктѣ, въ томъ, существовало ли во время путешествія калишское епископство или нѣтъ, и т. п.

1) О степени достовѣрности житій неодинаково высказывались: Haag (Quelle, Gewährsmann und Alter d. ältesten Beschreibung d. Otto von Bamberg), F. Wilhelm (Zur Überlieferung d. Herbordschen Dialogs über d. Leben d. Pommerapostels Otto v. Bamberg; Beiträge zur Quellenkritik d. Lebensbeschreibungen d. Bischofs Otto I v. Bamberg), Zittwitz (Die drei Biographien Ottos I von B.), Wiesener (Zur Rechtfertigung Herbords, d. Biographen Ottos v. Bamberg; Ebos Vita Ottonis episcopi B.), Jaksch (Zur Lebensgeschichte Sophias, der Tochter König Bela's von Ungarn), Котляревскій А. (Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древностей, Сочиненія, III, стр. 308 и сл.), и др.

Но трудно допустить, чтобы онъ могъ ошибаться въ указаніи общихъ условій распространенія христіанства — общественныхъ и политическихъ. Хотя біографъ самъ въ Поморьѣ не былъ съ Оттономъ и писалъ нѣкоторое время спустя послѣ окончанія миссіи, но общая обстановка путешествія не могла быть забыта.

Вообще способъ воздѣйствія миссіонеровъ на язычниковъ не вездѣ одинаковъ; извѣстны такія страны и народы, обращеніе которыхъ въ христіанство могло считаться вполне обезпеченнымъ, если удалось привлечь къ новой религіи князя (страна Этельберта, Хлодвига, Владиміра Св., и др.). Въ другихъ случаяхъ успѣхъ проповѣди долгое время бывалъ возможенъ только среди низшихъ слоевъ населенія (Римская имперія).

Различіе между такими неодинаковыми условіями распространенія христіанства не могло ускользнуть изъ вниманія самаго поверхностнаго наблюдателя (каковыми, однако, ни Удаляркъ, ни въ особенности Сефридъ, спутники Оттона) не были.

Пока не доказано, что всѣ рассказы житій о путешествіи Оттона представляютъ сплошной вымыселъ, нельзя допустить чтобы у рассказчика былъ неправиленъ общій фонъ двукратной миссіи, длившейся въ общемъ болѣе года; рассказчикъ не могъ не знать: кого надо было преимущественно убѣждать въ истинѣ новой вѣры? Отъ кого зависѣлъ въ Поморьѣ успѣхъ дѣла? Въ какой степени активенъ былъ въ дѣлѣ перемѣны религіи простой народъ? Съ какого момента миссія могла считать успѣхъ обезпеченнымъ и почему? Такой или иной отвѣтъ на эти вопросы совершенно мѣняетъ весь ходъ предпріятія. Греческій проповѣдникъ, который объяснялъ христіанскую религію кіевскому князю Владиміру-язычнику, совсѣмъ иначе долженъ былъ впоследствии рассказывать о своей миссіи, чѣмъ миссіонеръ въ Поморьѣ, и даже передача изъ вторыхъ рукъ не искажаетъ еще того, что составляетъ основу дѣятельности проповѣдниковъ.

Проповѣдники прошли всю страну вдоль и поперекъ, побывали во всѣхъ важнѣйшихъ населенныхъ пунктахъ, — и вездѣ рассказчикъ о путешествіи послѣдовательно и одинаково обрисовываетъ сущность взаимодѣйствія ихъ и туземнаго населенія: не князя просвѣщали они, а народъ; не господъ надъ крѣпостными убѣждали они, а имѣли дѣло непосредственно съ народной массой, сельской и городской, хотя эта масса, разумѣется, выдвигала изъ своей среды людей лучшихъ и старѣйшихъ; князь все время оставался въ тѣни.

Обращеніе къ князю и только черезъ князя къ народу — одинъ способъ проповѣданія; обращеніе къ народу непосредственно, который на своихъ сходкахъ-вѣчахъ правомоченъ принимать рѣшенія по вопросу о перемѣнѣ религіи, не считаясь съ княземъ, — другой способъ. Этотъ второй способъ вполне выдержанъ и лежитъ въ основѣ всѣхъ многочисленныхъ и подробныхъ частностей каждаго изъ трехъ житій.

Миссіонеры подолгу жилали въ Поморѣ, неизбежно и ежедневно вступали во взаимодействіе съ населеніемъ, принимали его услуги или подвергались непріятностямъ, оскорбленіямъ и нападеніямъ; при такихъ условіяхъ трудно допустить, чтобы какой-нибудь миссіонеръ заблуждался относительно того, въ чьихъ рукахъ находится въ странѣ власть и вліяніе, и у кого надо было искать защиты. Поэтому, нельзя считать вѣроятнымъ, что миссіонеръ смѣшалъ первый способъ проповѣдничества со вторымъ. Такъ же мало вѣроятно и то, чтобы онъ не сумѣлъ дать соотвѣтствующее представленіе своему слушателю, біографу Оттона.

Если такъ, то предъ изслѣдователемъ вырисовываются вполне опредѣленные общія черты соціального и политическаго строя. Эти черты получаютъ еще большую достовѣрность, если устанавливается, что такого строя, какой приписывается житіемъ Поморью, не было на родинѣ біографа. Значитъ, на родинѣ онъ не могъ почерпнуть матеріала для своихъ описаній; источникомъ для этихъ описаній естественно признать страну, чуждую біографу, — Поморье. Достовѣрность разсказовъ получаетъ подкрѣпленіе еще и съ другой стороны, — если открывается сходство изображаемой біографами соціальной и государственной жизни съ такими отдаленными славянскими странами, съ которыми ни біографы ни сами поморяне не имѣли въ то время никакихъ сношеній.

Въ общемъ житія Оттона даютъ немало очень цѣнныхъ свѣдѣній изъ исторіи Поморья. Если въ житіяхъ и попадаются изрѣдка ошибки, то всѣ вѣроятія за то, что онѣ произошли не отъ намѣренія исказить истину.

Грамоты и житія Оттона Бамбергскаго — наиболѣе важные источники для изученія соціального строя Поморья за первые полтора вѣка со времени распространенія христіанства. Другіе источники даютъ извѣстія для внѣшней исторіи поморянъ, но для внутренней даютъ чрезвычайно мало. Поморской исторіи отчасти касались въ своихъ сочиненіяхъ польскія хроники (М. Галла, Кадлубка); есть извѣстія о Поморѣ и у Саксона Грамматика,

Гельмольда, Арнольда, Титмара, и др. Хотя ихъ показанія мало затрагиваютъ внутреннюю жизнь собственно Поморскаго княжества, но ихъ взаимное сопоставленіе и сличеніе съ первостепенными источниками Поморской исторіи можетъ способствовать уясненію и внутреннихъ отношеній.

Г Л А В А II.

Изданія древнѣйшихъ (до 1278 г.) грамотъ.

Грамоты, относящіяся къ изучаемому періоду, изданы Дрегеромъ¹⁾, Гассельбахомъ — Козегартеномъ²⁾, Клемпинымъ³⁾ и Прюмерсомъ⁴⁾. Первое изданіе уже утратило свое значеніе. Второе изданіе, предпринятое Гассельбахомъ, Козегартеномъ и Медемомъ, сдѣлано заботливо и добросовѣстно. Кромѣ введенія съ описаніемъ монастырскихъ матрикуловъ и двухъ указателей, издатели снабдили каждую грамоту подробными примѣчаніями. Въ концѣ книги помѣщены примѣчанія знатока поморской исторіи пастора Квандта; имъ даются къ нѣкоторымъ грамотамъ поясненія хронологическія и топографическія. Дано также нѣсколько снимковъ-факсимиле съ грамотъ и оттисковъ печатей.

Не все примѣчанія въ этомъ изданіи имѣютъ одинаковую цѣнность; менѣе всего удачны сближенія и догадки лингвисти-

1) Codex Diplomaticus, oder Urkunden, so die Pommersch-Rügenisch- und Caminsche auch andere benachbarte Lande angehen, zusammengetragen von F. v. Dreger. Stettin. 1748.

2) Codex Pomeraniae Diplomaticus oder Sammlung der die Geschichte Pommerns und Rügens betreffenden Urkunden, herausg. von Hasselbach, Kosegarten und Medem. Greifswald. 1843.

3) Pommersches Urkundenbuch. I. Band. Erste Abtheilung. 786—1253 Regesten, Berichtigungen und Ergänzungen zum Codex Pomeraniae diplomaticus von Hasselbach und Kosegarten. Bearbeitet und herausgeg. von R. Klempin. Stettin. 1868.

4) Pommersches Urkundenbuch. I. Band. Zweite Abtheilung. Annalen und Abt-Reihe des Klosters Colbatz, Todtenbuch und Abt-Reihe des Klosters Neuencamp, Personen- und Ortsregister. Bearb. und herausg. von R. Prümers. Stettin. 1877. — Pommersches Urkundenbuch. II. Band. Herausg. vom Königl. Staats-Archiv zu Stettin. 1885. — Pommersches Urkundenbuch. III. B. Mit Personen-, Orts-, und Sachregister für den II und III Band. Herausg. vom Königl. Staats-Archiv zu Stettin. 1891.

ческаго характера¹⁾. Но и помимо этого, въ кодексѣ изрѣдка попадаются ошибки²⁾, излишняя категоричность предположеній³⁾, нѣсколько недосмотровъ⁴⁾ и опечатокъ⁵⁾.

Издатели кодекса не всегда имѣли возможность проверки текста грамотъ съ оригиналами и древнѣйшими копіями. Клемпинъ въ изданномъ имъ сборникѣ грамотъ имѣлъ въ виду устраненіе этого недостатка предшествовавшаго изданія; первая часть перваго тома сборника даетъ регесты тѣхъ грамотъ, которыя помѣщены въ кодексѣ, поправки и дополненія. Заслуга Клемпина состоитъ не только въ томъ, что онъ тщательно проверилъ всѣ грамоты съ оригиналами и древнѣйшими копіями⁶⁾; онъ далъ, кромѣ того, цѣлый рядъ критическихъ изслѣдованій, которыя касаются вопросовъ о подлинности грамотъ и времени ихъ состав-

1) Напр., на стр. 821 о словѣ *medwëd*; на стр. 623 о словѣ *Clutzsi*, и др.

2) Примѣры. а) Стр. 755, № 368. Грамота устанавливаетъ такой порядокъ жалобы княжескихъ должностныхъ лицъ или ленниковъ, которые были недовольны какими либо дѣйствіями Кольбацкаго монастыря: сначала жалоба приносится аббату этого монастыря, а потомъ, въ случаѣ дальнѣйшаго недовольства, — епископу. Но Козегартенъ, давая изложеніе содержанія этой грамоты, называетъ князя въ качествѣ второй инстанціи. Текстъ грамоты не отводитъ князю мѣста ни въ какой инстанціи. б) На стр. 340 монастырь Могильно помѣщается у Данцига; въ дѣйствительности этотъ монастырь находился въ Великой Польшѣ. Ср. *Perlbach, Pommerellisches Urkundenbuch, Danzig, 1882, S. 638.* в) На стр. 487 въ изложеніи содержанія гр. № 222 говорится, что Святоборъ подарилъ деревню *Belitz (das Dorf Belitz)*. Текстъ грамоты не знаетъ никакой деревни, онъ говоритъ только объ имѣніи (*possessio*). „Обработанныя поля“, которыя обыкновенно называются при отчужденіи деревни, въ числѣ угодій этого имѣнія не упоминаются (*cum pratis. terris. nemoribus. usuagiis et pascuis in busco et plano. in aquis et moleninis. et piscationibus. in viis et semitis. et omnibus aliis pertinentiis suis*).

3) Напр., о раздорѣ, который будто бы возникъ около 1240 г. между княземъ и епископомъ (стр. 619).

4) Напр., а) хронологическій порядокъ, который вообще въ этомъ изданіи строго соблюдается, нарушенъ тѣмъ, что грамота № 64 (стр. 155—156), отнесенная къ 1189 г., помѣщена предъ грамотою отъ 1188 г. (№ 65, стр. 159—160); б) на стр. 590, въ оглавленіи № 275 пропущена, вопреки принятому порядку, дата.

5) На стр. 501: № 226 (надо: 227); стр. 694: 5-я строчка сверху: 4 (надо: 5); стр. 860: № 404 (надо: 413).

6) Рѣдкій примѣръ того, что издатели кодекса руководились оригиналомъ (находящимся въ Копенгагенѣ), а Клемпинъ — копіею (находящеюся въ Штетинѣ) представляетъ № 354 по кодексу и № 345 по сборнику Клемпина. Но и здѣсь Клемпинъ дѣлаетъ вѣрную поправку.

вленія. Въ изданіи Гассельбаха-Козегартена почти всѣ грамоты сочтены были подлинными. Клемпинъ доказалъ подложность многихъ грамотъ, исправилъ хронологическія данныя и включилъ въ свой сборникъ немало извлеченій изъ источниковъ не-актоваго характера. По нѣкоторымъ вопросамъ онъ помѣстилъ въ томъ же сборникѣ, рядомъ съ соотвѣтствующими грамотами, цѣлыя статьи съ совершенно новыми заключеніями, по большей части вполне доказанными.

Изданіе Клемпина исправило и дополнило кодексъ Гассельбаха-Козегартена, но не замѣнило его собою. Клемпинъ полностью печаталъ только тѣ документы, которыхъ нѣтъ въ кодексѣ; тѣ грамоты, которыя вошли въ кодексъ, въ сборникѣ Клемпина напечатаны въ извлеченіи. Слѣдовательно, для тщательнаго и полнаго изученія грамотъ необходимъ и кодексъ Гассельбаха-Козегартена.

Изданіе Клемпина обладаетъ выдающимися достоинствами. Однако не со всѣми пріемами и толкованіями издателя можно согласиться. Нѣкоторые положенія издателя, въ общемъ немногія, представляются недоказанными и неубѣдительными, иныя — непоследовательными. Эти спорныя мѣста въ свое время не были указаны въ литературѣ; не были отмѣчены также и недостатки продолженія сборника подъ редакціею Приюмерса¹⁾. Поэтому уместно будетъ здѣсь же отмѣтить ихъ (поскольку это возможно безъ сличенія изданныхъ грамотъ съ рукописями).

Спорныя и неубѣдительныя мѣста и недосмотры, открываемые при внимательномъ изученіи изданія Клемпина, можно представить въ четырехъ группахъ. Къ первой группѣ относятся такія истолкованія текста грамотъ, которыя раздѣляютъ высшій слой населенія отъ низшаго нѣсколько рѣзче, чѣмъ на это уполномочиваетъ текстъ; по сравненіи съ точнымъ смысломъ грамотъ, славянской знати и лучшимъ людямъ усвоится нѣсколько бѣлая степень аристократизма, а населенныя мѣста представляются подвергавшимися отчужденію чаще. Ко второй группѣ можно отнести тѣ случаи аргументаціи Клемпина, кото-

1) Изданія Клемпина и Приюмерса, конечно, не остались безъ критическихъ отзыовъ. Но рецензенты обращали вниманіе на то, уместно ли въ печатномъ изданіи буквально воспроизводить замѣняющія другъ друга рукописныя буквы: u—v, i—j, e—ae, s—t, и т. п., далѣе — на то, стоило ли отмѣчать въ новомъ изданіи всѣ ошибки прежняго; старались указать на несогласія разныхъ изданій одной и той же грамоты, и т. п.

рые являются мало убѣдительными. Къ третьей — наиболѣе сомнительныя датировки Клемпина. Къ четвертой — нѣкоторые недосмотры.

1. Первая группа — такіе комментаріи (и вообще всяческія поясненія), которые въ разграниченіи сословій идутъ нѣсколько дальше текста.

а) Въ краткомъ изложеніи содержанія грамоты №174 (стр. 131) говорится, что Радославъ завѣщалъ деревню (an das Kloster vermachte Dorf). Текстъ грамоты свидѣтельствуетъ только о томъ, что Радославъ намѣревался пожертвовать ее, но не могъ самъ сдѣлать этого (hcc sue possibilitatis non fuit).

б) Предъ грамотою № 156 (стр. 119) говорится, что Тѣшимиръ пожертвовалъ имѣніе Clebow Кольбацкому монастырю (von Tessimer geschenkte Gut Clebow). Текстъ же грамоты свидѣтельствуетъ, что жертвовалъ собственно князь, а Тѣшимиръ — „содѣйствовалъ“ (cooperante dilectissimo nostro ac fideli nostro Tessimero Pribonis filio). Содѣйствіе при пожертвованіи княземъ имѣнія не есть непременно пожертвованіе того имѣнія, которое принадлежитъ „содѣйствующему“.

в) При истолкованіи этихъ двухъ грамотъ роль знатныхъ людей нѣсколько усилена и роль князя поморскаго соотвѣтственнымъ образомъ умалена. Но въ одной не-поморской грамотѣ Клемпинъ допустилъ противоположный пріемъ: роль знатнаго славянина умалена (о ней и вовсе умолчано), а князя (мекленбургскаго) отчасти усилена. Это видно на № 386-мъ. Въ краткомъ изложеніи этой грамоты (стр. 311) говорится, что князь Прибыславъ жалуетъ деревню Даргунскому монастырю (verleiht). Между тѣмъ, изъ полнаго текста грамоты видно, что деревню эту монастырь купилъ собственно у княжескаго ленника Радослава. Князь съ своей стороны подтверждаетъ отчужденіе и жалуетъ освобожденіе отъ повинностей¹⁾.

г) Представители рода Святоборичей, находившагося въ родствѣ съ княземъ, обозначаются издателемъ, какъ князья²⁾. Въ дѣйствительности, они себѣ ни разу не усваиваютъ титула *princeps* (не говоря уже о титулѣ *dux*); грамоты, выданныя другими лицами, также не знаютъ за Святоборичами такого титула.

д) Нѣсколько дальше текста идетъ обозначеніе словомъ

1) C. P. D., № 293, p. 631—632.

2) Pomm. Urk., I, № 302, p. 230; № 398, p. 316; № 411, p. 325.

„Edle“ тѣхъ возможныхъ жертвователей церкви, которыхъ грамота князя обозначаетъ: *homines nostri liberi*¹⁾.

е) Другой характеръ придается предмету отчужденія, когда слово *locus* передается при переводѣ словомъ *Dorf*. Такъ, при передачѣ содержанія гр. № 411 (стр. 325) выраженіе: *locus (possessio, hereditas) Zibberose* переводится такъ: *das Dorf Woltersdorf*. Подобно этому и истолкованіе гр. № 426 (стр. 337). Здѣсь отчуждаются, говоря словами грамоты, „64 манса въ деревнѣ С.“. И князь съ своей стороны подтверждаетъ право собственности на 64 манса. Въ пересказѣ содержанія грамоты говорится объ отчужденіи этой деревни (*vereigenthumt das Dorf F.*).

2. Изъ употреблявшихся Клемпинымъ способовъ доказательства кажутся неубѣдительными слѣдующіе два: а) изъ подтвердительной княжеской грамоты, затрагивающей какую-нибудь область, дѣлается заключеніе и о господствѣ князя въ этой области; б) высказывается слишкомъ категорическое сужденіе о подборѣ свидѣтелей акта.

а) На страницѣ 207 Клемпинъ дѣлаетъ заключеніе о фактическомъ господствѣ князей (мекленбургскихъ) въ области (Черезѣмской) на основаніи выдачи ими подтвердительной грамоты монастырю (*Arendsee*) на деревню (*Wargentin*), расположенную въ этой области. Но такой способъ заключенія не согласованъ съ ходомъ разсужденія издателя въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу. На стр. 29-й говорится, что поморскіе князья (Барнимъ и Вартиславъ III) не владѣли болѣе областію (гдѣ были освоенныя Бродскимъ монастыремъ деревни), и поэтому легко могли выдать подтвердительную грамоту на владѣніе деревнями въ этой области.

б) Положеніе, что „свидѣтели грамоты никогда не были безразличны“, высказано на стр. 197—198 (въ примѣчаніи къ гр. № 244). Въ извѣстномъ смыслѣ это положеніе вѣрно, и даже привело Клемпина къ совершенно правильному и важному заключенію о мѣстоахожденіи деревни *Nesore*. Но едва ли слѣдуетъ категорически утверждать, что каждый свидѣтель непременно „или былъ непосредственно заинтересованъ въ актѣ или былъ сосѣдомъ“ отчуждаемой недвижимости. Конечно, сосѣди и люди заинтересованные и попадали чаще всего въ составъ свидѣтелей. Однако могъ принять участіе въ засвидѣтельствovanіи акта и человекъ

1) *Pomm. Urk., I, № 69, p. 43. C. P. D., № 42, p. 104.*

совершенно сторонній: вѣдь въ свидѣтелѣ всегда цѣнилось главнымъ образомъ его присутствіе при совершеніи акта, пониманіе имъ этого акта и способность въ будущемъ удостовѣрить то, чему онъ былъ очевидцемъ¹⁾.

3. Въ разысканіяхъ хронологическихъ, которыя произведены были Клемпинымъ, можно указать на слѣдующія непослѣдовательныя или необфдительныя положенія.

а) Грамоту № 78 (стр. 50—51) Клемпинъ, по вполнѣ основательнымъ соображеніямъ, относитъ къ 1178 или 1179 году. Но въ заголовкѣ грамоты (на стр. 50-й) грамота категорически помѣчена только 1178-мъ годомъ.

б) То же самое сдѣлано и по отношенію къ № 253 (стр. 205—207). На заголовкѣ грамоты окончательно принятъ одинъ только годъ — 1228-й, а въ примѣчаніи время опредѣляется такъ, что грамоту можно отнести и къ 1228-му и къ 1229-му году.

в) Нѣчто подобное произошло и съ опредѣленіемъ даты № 281 (стр. 220—221). Выдача грамоты, по мнѣнію Клемпина, не могла произойти раньше, чѣмъ Владиславъ вступилъ во владѣніе Великою Польшею. А это послѣднее произошло, по мнѣнію самого же Клемпина, въ 1231 году. И все-таки грамота отнесена къ 1232—1233 г., а 1231-й годъ почему-то исключенъ.

г) Грамоту № 106 (стр. 81—82) выдала княгиня Анастасія, вдова Богуслава I, Гробскому монастырю. Въ этой грамотѣ перечисляются пожертвованія, сдѣланныя княгинею во исполненіе обѣщаній ея покойнаго супруга; объ этихъ обѣщаніяхъ она сама въ точности не знала, но о нихъ, повидимому, теперь довели до ея свѣдѣнія. Актъ совершенъ былъ „въ 1188-мъ году 18 марта въ тотъ самый день, въ который вышеозначенный князь (Богуславъ I) испустилъ свой послѣдній вздохъ, на томъ самомъ, мѣстѣ гдѣ онъ скончался, т. е. въ приморскомъ лѣсу Сосницѣ“ (слова текста грамоты). Богуславъ I скончался въ 1187 году. Къ этому же году Клемпинъ считаетъ нужнымъ отнести и актъ; съ этою цѣлью онъ исправляетъ дату грамоты²⁾.

1) Ср., напр., составъ свидѣтелей въ актахъ: № 24 по кодексу Гасельбаха-Козегартена (*Acta sunt hec — coram — ceterisque quam plurimis tam ipsius provincie. quam aliarum. qui eodem tempore presentes erant omnes idonei ad perhibendum acte rei testimonium*), № 36 (*Testes horum — alii omnes, qui ad prefatam consecrationem conuenerant iuvenes et senes*), и др.

2) При этомъ Клемпинъ указываетъ на то, что приведенный грамотою юдикціонъ относится къ 1187-му году.

Но действительно ли 1187-й годъ болѣе вѣроятенъ для акта, чѣмъ 1188-й? Есть обстоятельства, говорящія противъ 1187-го года. Во первыхъ, не совсѣмъ естественнымъ представляется совершеніе акта даренія въ самый день смерти князя; хотя Гробскіе монахи въ своихъ исканіяхъ были очень настойчивы, но безъ яснаго свидѣтельства не слѣдовало бы считать фактомъ то, что ихъ желаніе и заявлено и осуществлено было въ такой чрезвычайный моментъ. Во вторыхъ, непонятно, какъ и почему собрался народъ (*pungosa caterva*) въ пустынномъ лѣсу на берегу моря? О какомъ либо поселеніи, церкви, жиломъ помѣщеніи, мельницѣ, и т. п., нѣтъ и помину. А между тѣмъ тамъ оказались: епископъ, аббатъ Столпскаго монастыря, капелланъ, пробытъ, каноникъ, діаконы; изъ свѣтскихъ лицъ называются: вдова князя, ея сынъ, родственники покойнаго князя, каштеляны, коморникъ, купецъ, знатныя лица безъ обозначенія должностей и занятій и, наконецъ, множество народа. Предположить, что все это множество явилось на одно изъ собраній (*colloquium*), которыя въ ту эпоху происходили по временамъ, трудно потому, что мѣстность для этого была неподходящая. Такіе сеймы назначались въ какихъ либо извѣстныхъ и людныхъ мѣстахъ, городахъ; едва ли возможно было созывать собраніе въ лѣсу, который былъ, вѣроятно обширенъ, потому что имѣлъ собственное названіе: то мѣсто въ лѣсу, гдѣ собрались изъ разныхъ концовъ княжества (*Camín, Dimín, Ustra, Cedene*) видимо, не могло быть даже точнѣе опредѣлено; составитель грамоты принужденъ былъ такъ обозначить это мѣсто: *eodem loco quo obiit* (*dux Boguslaus*).

Гораздо вѣроятнѣе принять, что актъ совершенъ былъ въ 1188 году. Тогда понятнымъ станетъ и выборъ мѣста собранія (мѣсто кончины князя) и дня (годовщина) и цѣли собранія. Такою цѣлью, можетъ быть, вмѣстѣ съ намѣреніемъ обсудить политическіе и общественные вопросы, было, вѣроятно, желаніе почтить память покойнаго. Осиротѣвшая семья князя (вдова съ маленькими дѣтьми) живо могла чувствовать еще недавнюю утрату; къ семьѣ могли примкнуть и нѣкоторые изъ вліятельной знати. Такое настроеніе правящихъ круговъ, молитвенное и обращенное къ памяти покойнаго, отлично могли использовать монахи изъ Гроба; по ихъ воспоминаніямъ объ обѣщаніяхъ Богуслава и постаралась Анастасія дать монастырю соотвѣтствующее удовлетвореніе.

4. Что касается недосмотров¹⁾, невыдержанности приёмов²⁾ при включении частей текста в регесты³⁾, а также опечаток³⁾, то относящиеся сюда случаи в издании Клемпина весьма немногочисленны.

Послѣ Клемпина изданіе грамотъ продолжалъ Прюмерсъ. Имъ изданы второй и третій томы сборника; имъ же составленъ указатель къ первому тому (помѣщенъ въ концѣ 2-й части перваго тома), ко второму и третьему тому (помѣщенъ въ концѣ третьяго тома). Вторымъ томъ сборника грамотъ имѣетъ нѣкоторыя отличія отъ перваго тома; отличія эти виѣшнія и внутреннія.

1) Такъ, а) на страницѣ 75-й сборника читатель по вопросу о календарѣ отсылается къ примѣчанію у № 323; но у № 323 (стр. 244—245) нѣтъ такого примѣчанія; б) на стр. 207 (примѣчаніе къ № 253) говорится, что князь Вартиславъ отдалъ *Darbein* (*Herzog Wartislaw — — vergabte — — Darbein*) и дѣлается ссылка на № 244-й; но въ грамотѣ № 244 (стр. 197) ни о какой передачѣ *Darbein*'а, или *Deruiante*, не говорится, отчуждается только рѣка, находящаяся вблизи деревни *Deruiante* (*villam Necore — — cum flumine prope villam Deruiante ecclesie beati Petri in Belbuch contulimus*).

2) Въ гр. Казимира I Даргунскому монастырю отъ 1173 г. (С. Р. Д., № 36, р. 91—93) приводятся имена свидѣтелей двоякаго рода: а) тѣхъ, которые присутствовали при дареніи во время основанія Даргунскаго монастыря и б) тѣхъ, которые присутствовали при дареніи во время посвященія Даргунской капеллы. Въ регестахъ приведены полностью имена и тѣхъ и другихъ свидѣтелей. Но въ полномъ текстѣ грамоты, какъ она напечатана въ кодексѣ Гассельбаха-Козегартена (№ 36, стр. 92) имѣются замѣчанія и о тѣхъ свидѣтеляхъ, которые поименно не названы. Назвавъ свидѣтелей, бывшихъ при основаніи монастыря, грамота дѣлаетъ такое общее замѣчаніе: *et alii quam plures de curia nostra et circumiacente prouincia*. Перечисливъ свидѣтелей, бывшихъ при посвященіи капеллы, грамота снова дѣлаетъ общее замѣчаніе: *et alii omnes, qui ad prefatam consecrationem conuenerant iuuenes et senes*. Изъ этихъ двухъ общихъ замѣчаній въ регесты принято только второе, хотя оно едва ли важнѣе перваго. *Pomm. Urk.*, № 62, р. 35—36.

3) а) Стр. 32, вторая строчка снизу: *Neinhold* (надо: *Reinhold*). — б) На стр. 235-й сказано, что № 312-й сборника соответствуетъ номеру 173 кодекса Гассельбаха-Козегартена; вм. „173“ надо: 224. — в) На стр. 379, въ серединѣ страницы: *bals* (надо: *bald*). — г) На стр. 111, при подробномъ перечнѣ всего, что дано было Яромаромъ Эльденскому монастырю пропущено о лѣсахъ прилегавшихъ къ ручью *Kaminitze* (*Kaminitze et agros et siluas Kaminitze adjacentes*); упомянуты только ручей и поля (*den kemnitzer Bach und die daran stossenden Aecker*). — д) Въ изложеніи содержанія № 184 (стр. 135) пропущено названіе страны: *Dacie* (текстъ грамоты: *Moravie, Dacie, Polonie*; оглавленіе: *Mähren, Polen*).

Внѣшнія отличія произошли вслѣдствіе того, что издатель второго (какъ и третьяго) тома неодинаково, по сравненію съ издателемъ перваго тома, рѣшилъ вопросы: что печатать и какъ печатать?

Во второй томъ сборника былъ принятъ только актовъ матеріалъ; какіе-либо отрывки изъ источниковъ другого рода допущены не были¹⁾.

Каждая поморская грамота печаталась во второмъ томѣ цѣликомъ, а не въ извлеченіи; краткое изложеніе содержанія грамоты дается, однако, и во второмъ томѣ, на подобіе перваго. Текстъ печатаемой грамоты разбѣчался современными знаками препинанія, т. е. такъ же, какъ и въ первомъ томѣ, и въ отличіе отъ рукописей, которыя знаютъ только точки. Но разстановка современныхъ знаковъ препинанія Прюмерсу не всегда удавалась; въ одномъ случаѣ онъ точкою отдѣлилъ придаточное предложеніе отъ главнаго²⁾, въ другомъ случаѣ — точкою же разлучилъ подлежащее отъ сказуемаго³⁾, въ третьемъ — поставилъ запятую

1) Грамоты, отысканныя вновь послѣ изданія второго тома, были напечатаны отчасти въ томъ же 1885 г., въ которомъ вышла вторая часть тома (Prümers: *Bemerkungen zum zweiten Bande des Pommerschen Urkundenbuches*, *Baltische Studien*, XXXV Jahrg., Stettin, 1885, S. 221—253), и отчасти — впоследствии, въ видѣ прибавленій къ III и VI томамъ сборника. *Pomm. Urk.*, III B., herausg. von Königl. Staats-Archiv zu Stettin, 1891, Nachtrag. S. 433—456. *Pomm. Urk.*, VI B., bearb. v. Heine-mann, 1907, Nachträge zu Band I—V, S. 320—438. *Ergänzungen*, S. 439—444.

2) *Pomm. Urk.*, II, № 871, p. 202. *Scire volumus vniuersos heredes ac successores nostros, quod licet venerabiles in Christo domini decanus et capitulum ecclesie Caminensis in articulo nostre necessitatis in precaria de bonis ecclesie sue nobis subuenerint, sicut precibus nostris ab ipsis potera-mus optinere. Nichil in hiis nobis juris ascribimus siue vendicamus sed de eorum benignitate ista vice concessum de gratia reputamus eisdem nos ad similia obligantes, cum ab ipsis fuerimus in eorum necessitatibus requisiti.*

3) *Pomm. Urk.*, II, № 1000, p. 297: *Preterea nos ob salutem anime nostre nec non et parentum nostrorum has predictas possessiones et si quas alias habent ipsi fratres in priuilegiis patris nostri vel antecessorum nostro-rum cum omnibus terminis suis et eis que infra ipsos continentur, scilicet in opidis et foris eorum et villis, agris, siluis, cultis et incultis, pratis pascuis, fluminibus, riualis, stagnis, aquis, piscacionibus, molendinis, ferri-fodinis, salinis, viis et semitis, cum omni jure et utilitate, que nunc est vel in futurum haberi poterit in predictis. Aduocaciam quoque liberam tam in causis pecuniariis quam eciam criminalibus in omnibus bonis, que a pro-genitoribus nostris consanguineis uel afinibus possident, eisdem dilectis in Christo fratribus jure libero ac perpetuo confirmamus.*

между именем и прозвищем одного и того же, по мнѣнію самого же Прюмерса, лица ¹⁾), въ четвертомъ — разстановкою точекъ такое составилъ предложеніе, въ которомъ не оказалось ни подлежащаго ни сказуемаго ²⁾).

Комментаріи къ тексту совершенно отсутствуютъ. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда устанавливался или подозрѣвался подлогъ, Прюмерсъ ограничивался очень краткими замѣчаніями.

Если подъ внутреннею стороною изданія подразумѣвать правильность пониманія и истолкованія грамотъ, то необходимо признать, что по своимъ внутреннимъ качествамъ второй томъ сборника уступаетъ первому. Во второмъ томѣ комментаріевъ нѣтъ, читатель можетъ узнавать мнѣніе издателя о смыслѣ печатаемаго текста не такъ часто, какъ это было, напр., въ первомъ томѣ или — въ кодексѣ Гассельбаха-Козегартена. Мнѣніе издателя все-таки проглядываетъ не разъ и въ краткомъ изложеніи грамотъ и въ указателяхъ.

Обозрѣніе недостатковъ изданія можно произвести въ такомъ порядкѣ: 1) сначала отмѣтить тѣ случаи, которые, подобно изданію перваго тома, производятъ усиленное (по сравненію съ прямымъ смысломъ текста) впечатлѣніе о разъединеніи сословій въ Поморьѣ, 2) потомъ указать на не совсѣмъ удачные или даже неправильные пересказы содержанія грамотъ и 3) наконецъ, указать на недосмотры вообще и въ двухъ регистрахъ въ частности.

1. Разстояніе между высшимъ и низшимъ слоями населенія издатель увеличиваетъ двояко: а) безъ особыхъ основаній зачисляетъ цѣлый рядъ лицъ въ составъ поморской аристократіи и б) такъ же безъ основаній выставляетъ многія населенныя мѣста (преимущественно деревни), какъ собственность подобныхъ аристократовъ.

а) Слѣдующія лица опредѣляются, какъ „Edle“, хотя нигдѣ въ грамотахъ нѣтъ соответствующихъ такому опредѣленію указаній: *Bandeche* ³⁾), *Barnizlauus* ⁴⁾), *Bismast* ⁵⁾), *Dobeslaus*

1) Pomm. Urk., II, № 1073, p. 357: *Testes huius rei sunt — — Gneumarus, Vidante aduocatus noster.* Cp.: Pomm. Urk., III, p. 583. *Personenregister: Vidante Gneomar, Ritter bei Herzog Barnim* (съ указаніемъ на настоящую грамоту и страницу).

2) Pomm. Urk., II, № 668, p. 60: *Preterea duas villas Lascow et Warsin cum suis terminis cum villis Melne et Damerow cum terminis suis, sicut in antiquis priuilegiis continentur.*

3) Pomm. Urk., I, 2-oe Abth., p. 524.

4) *Ib.*, p. 525. Встрѣчается и другой *Barnizlauus, filius Suioitim.*

5) *Ib.*, p. 527.

de Sadlen¹⁾, Gotemar Dirsli²⁾, M̃sservich³⁾, Pricesk⁴⁾, Silizcha⁵⁾, Subemir Stodorchowitz⁶⁾, Szobemuzl⁷⁾, Venzmer⁸⁾, Virtiz Calicowiz⁹⁾, Warbl¹⁰⁾, Winzcho¹¹⁾, Wocech¹²⁾, Wogard¹³⁾, Zlautech¹⁴⁾, и др.

Эти лица выступают въ грамотахъ въ роли свидѣтелей; доказываетъ ли эта роль ихъ знатное происхожденіе или дворянство?

Безспорно, что въ поморскихъ грамотахъ, какъ и во всякихъ другихъ древнѣйшихъ источникахъ, сохранились упоминанія преимущественно о такихъ лицахъ, которыя тѣмъ-либо выдавались изъ остальной массы населенія: знатностью, высокою должностію, богатствомъ, энергіею, и т. п.; грамоты и сами нерѣдко усвояютъ тѣмъ или другимъ лицамъ опредѣленіе: *nobiles*. Несомнѣнно и то, что не вездѣ грамоты успѣвали дѣйствительно знатнаго человека обозначить опредѣленіемъ: *nobilis*; отсутствіе этого опредѣленія при собственномъ личномъ имени еще не доказываетъ незнатности рода.

Но все это еще не даетъ основанія считать благороднымъ или дворяниномъ всякаго, кто только упомянутъ грамотою.

Если изслѣдователь рѣшается безъ разбора и безъ особыхъ подкрѣпленій въ текстѣ относить тѣхъ или другихъ лицъ къ благородному сословію (*Edle*), то этотъ приемъ возможенъ только послѣ принятія такого принципа: всякое лицо, упоминаемое въ грамотѣ (въ качествѣ, напр., свидѣтеля, или вступающаго въ какую-нибудь сдѣлку, и т. п.) непременно принадлежитъ къ благородному сословію. Между тѣмъ, такой принципъ никѣмъ не доказывался¹⁵⁾ и не можетъ быть доказанъ.

1) *Ib.*, p. 534.

2) *Ib.*, p. 540.

3) *Ib.*, p. 557.

4) *Ib.*, p. 562.

5) *Ib.*, p. 569.

6) *Ib.*, p. 572.

7) *Ib.*, p. 573.

8) *Ib.*, p. 575.

9) *Ib.*, p. 576.

10) *Ib.*, p. 577.

11) *Ib.*, p. 579.

12) *Ib.*, p. 581.

13) *Ib.*, p. 581.

14) *Ib.*, p. 582. Упоминается, кромѣ того и мекленбургскій Zlautech.

15) Не выражалъ его явственно и издатель. Упомянутый принципъ не проведенъ вполне послѣдовательно; есть нѣсколько славянскихъ именъ, которыхъ комментаторъ не относитъ къ дворянскому сословію (но и не отвергаетъ ихъ принадлежности къ дворянству).

Исследователь не можетъ при изученіи грамотъ выставить какой-либо готовый тезисъ и къ нему приспособить текстъ; вѣдъ источника, болѣе древняго, чѣмъ грамоты и житія Оттона, для соціальной исторіи Поморья не существуетъ; слѣдовательно, въ этихъ двухъ источникахъ только и можно найти основы для какого-нибудь тезиса. Послѣдній долженъ стоять въ самой тѣсной и полной зависимости отъ текста, а не наоборотъ. Это общезвѣстное правило необходимо особенно строго примѣнять ко всѣмъ деталямъ поморской соціальной жизни; необходимость вызывается тѣмъ, что тексты не полны и не ясны, а научныя построения соціальнаго быта Славіи противорѣчивы¹⁾.

Грамоты даютъ понять, что не одни только благородные по рожденію выступали въ актахъ дѣйствующими лицами или свидѣтелями. Даже въ княжескихъ грамотахъ упоминаются свидѣтели изъ „людей всякаго рода“²⁾, горожане³⁾, вообще случайно оказавшіеся на мѣстѣ акта⁴⁾, причемъ многіе изъ нихъ несомнѣнно были „люди незнатные“, какъ неопровержимо устанавливаетъ грамота⁵⁾.

Иногда грамота, видимо, избѣгаетъ причислять какихъ-либо лицъ къ мѣстной знати, но издатель и ихъ называетъ все-таки благородными⁶⁾.

б) Подобно тому, какъ умножаетъ издатель количество благородныхъ, такъ умножаетъ онъ и количество деревень, которыми якобы владѣютъ они. Для этого иногда бываетъ достаточно, чтобы

1) Объ этомъ см. ниже, въ обзорѣ исторической литературы.

2) Гр. Вышеслава, князя руянскаго, отъ 1242 г. (C. P. D., № 316, p. 673): *testibus adhibitis. quorum hec sunt nomina. — — capellani. — — milites. — — et ceteri quam plures diversi generis homines.*

3) Гр. Барнима отъ 1251 г. (C. P. D., № 465, p. 933): *presentem litteram sigilli nostri appensione fecimus roborari. — — in ciuitate Stetiniensi. presentibus viris militaribus multis. multisque ciuibus eiusdem ciuitatis.*

4) Гр. Казимира I отъ 1173 г. (C. P. D., № 36, p. 92; Pomm. Urk., I, № 62, p. 36): *Testes horum. episcopus Berno. — — et alii omnes. qui ad prefatam consecrationem conuenerant iuuenes et senes.*

5) Гр. Ратибора, князя Славенскаго, отъ 1223 г. (Pomm. Urk., I, № 215, p. 160): *Testes autem, in quorum presentia factum est, sunt isti: Lisco castellanus tunc — — et alii quam plurimi nobiles et innobiles.*

6) Гр. Вартислава III отъ 1229 г. (Pomm. Urk., I, № 259, p. 211): *Testes: — — Jacobus, Wisco, nobiles de Camin; Venzmer, Natzimer, Kiddo.* Послѣдніе три лица отнесены къ благороднымъ въ указателѣ личныхъ именъ (Pomm. Urk., I, 2. Abth.).

послѣ имени лица стояло названіе мѣстности, связанное съ первымъ именемъ при помощи предлога „de“, напр.: Dobeslaus de Sadlen, Andreas de Cyrbrecin.

Добеслава de Sadlen издатель называетъ владѣльцемъ деревни Sadlen¹⁾; основаніемъ для такого утвержденія, видимо, послужила грамота княгини Анастасіи отъ 1194 г., гдѣ въ числѣ многихъ свидѣтелей упоминается и Dobeslaus de Sadlen²⁾. Оба эти имени, личное (Dobeslaus) и географическое (Sadlen) во взаимной связи встрѣчаются только въ этой грамотѣ и больше нигдѣ; о томъ, чтобы деревня Sadlen принадлежала Добеславу, ни откуда ничего неизвѣстно. Даже болѣе: положительно извѣстно, что ни въ 1194 году, ни въ годы непосредственно предшествовавшіе и послѣдующіе деревню Sadlen владѣль не Добеславъ. Тридцать лѣтъ спустя послѣ упомянутой грамоты княгини Анастасіи выдана была тою же княгинею грамота Бельбукскому монастырю. Въ этой грамотѣ она сообщаетъ, между прочимъ, что деревню Sadlen князь Богуславъ I, ея мужъ, включилъ въ составъ ея вдовьей части и что эту „вдовью часть она и по смерти мужа, по уступкѣ ей со стороны ея сыновей, сохранила неприкосновенною“ до 1224 г. (моментъ выдачи грамоты); а въ 1224 г. она жертвуетъ деревню Sadlen, вмѣстѣ съ другими деревнями, вновь учреждаемому женскому монастырю³⁾. Богуславъ I умеръ въ 1187 году. Слѣдовательно, владѣльцами деревни Sadlen во время ближайшее къ 1194-му году были: предъ 1187 годомъ — князь Богуславъ, отъ 1187 до 1224 г. княгиня Анастасія, и съ 1224 г. — подъ над-

1) Pomm. Urk., I, 2. Abth., p. 636: Zedlin, Dorf bei Treptow a. R. Besitzer: Dobislaw. Отсюда же видно, изъ указанія страницъ и года (1194), что никакого другого упоминанія о деревнѣ Sadlen, кромѣ приведенныхъ двухъ грамотъ (№№ 126 и 222) не отыскивается, и что свое мнѣніе о принадлежности деревни Sadlen Добеславу издатель основываетъ единственно на № 126 (Dobeslaus de Sadlen).

2) Pomm. Urk., I, № 126, p. 96.

3) Гр. княгини Анастасіи отъ 1224 г. (Pomm. Urk., I, № 222, p. 166—167): dignum duxi de auxilio et consilio domini abbatis in Belbog et fratrum ibidem fideliter domino seruientium domum ancillarum Christi in dote mea, quam a marito meo felicis recordationis recepi, quam et post mortem ipsius, filiis meis michi concedentibus, tenui inconuulsam, — — edificare. Supradictam ergo domum in castro Trebetow inter alias meas possessiones potius considerans edificandam, ipsum castrum cum suis attinentiis et villas ad ipsum pertinentes — — duxi pleno jure totaliter conferendum, ipsi loco me et meas conferens facultates. Nomina villarum sunt hec: Tribuis cum piscatura et omnibus attinentiis suis — — Sedlin.

зоромъ Бельбукскаго аббата — новооснованный Трептовскій женскій монастырь.

Нѣтъ основаній считать и Андрея de Cyrbrecin владѣльцемъ деревни Cyrbrecin¹⁾. Андрей выступаетъ въ двухъ одновременно выданныхъ грамотахъ Вартислава III, какъ свидѣтель, при чемъ послѣ его имени прибавлено: de Cyrbrecin²⁾. Этого же самаго Андрея Прюмерсъ узнаетъ въ одномъ (которомъ именно, — неизвѣстно) изъ двухъ Андреевъ, которые упоминаются, уже безъ всякаго географическаго опредѣленія, тремя годами позже въ грамотѣ Барнима³⁾; при этомъ Прюмерсъ полагаетъ даже, что на той же страницѣ сборника, на которой упомянуты два Андрея, встрѣчается еще разъ и названіе Cyrbrecin⁴⁾. Въ дѣйствительности, на указанной страницѣ (т. е. 244-й перваго тома) названіе Cyrbrecin не встрѣчается. Да и вообще ни о деревнѣ Cyrbrecin до 1280 года, ни объ Андрѣ нѣтъ какого-либо еще извѣстія, кромѣ тѣхъ, которыя только-что были упомянуты.

Предлогъ „de“ между именемъ лица и названіемъ мѣстности не даетъ основанія заключать о принадлежности послѣдней первому; это видно было уже на разобранной выше исторіи правъ на деревню Sadlen. Кромѣ того, невозможность подобныхъ заключеній о правѣ на какую-нибудь мѣстность вытекаетъ изъ множества другихъ случаевъ: въ грамотахъ предлогъ de часто стоитъ между именемъ лица и названіемъ такой мѣстности, которую никакъ нельзя считать частною собственностью или хотя бы временнымъ владѣніемъ того или другого поморянина. Такъ, встрѣчается въ текстахъ имя какого-либо лица и непосредственно за нимъ, послѣ предлога de, названіе одной изъ важнѣйшихъ поморскихъ населенныхъ мѣстностей: de Stetin⁵⁾, de Camin⁶⁾,

1) Pomm. Urk., I, 2 Abth., S. 625: „Sophienhof (= Cyrbrecin), bei Demmin. Besitzer: Andreas.

2) Грамоты Вартислава III отъ 1232 г. (Pomm. Urk., I, № 286 и 287, p. 223—224): testes sunt: — — Andreas de Cyrbrecin.

3) Гр. Барнима отъ 1235 г. (Pomm. Urk., I, № 322, p. 244): Testes autem sunt: — — — Dalimarus, Andreas, Mozkot, alius Andreas, alter Zulizlaus.

4) Pomm. Urk., I, zweite Abth., p. 625: „Sophienhof (Cyrbrecin), bei Demmin. Seiten: 223. 224. 244“.

5) Pomm. Urk., I, № 250, p. 201: Prisniborus de Stetyn. Ib., №№ 303, 304, 305, 306, p. 232—233: Johannes de Stetin. Ib., № 421, p. 331: M̃sseth de Stetin.

6) Pomm. Urk., I, № 108, p. 83: Vnim de Camin. Ib., № 259, p. 211:

de Wolyn¹⁾, de Uzenem²⁾, de Gardis³⁾, de Bukowe⁴⁾, de Dimin⁵⁾, de Colberg⁶⁾, de Gozcow⁷⁾, de Piriz⁸⁾, de Treptow⁹⁾, и мн. др.

Очевидно, предлогъ de между именемъ лица и мѣстности указываетъ не на принадлежность послѣдней первому, а на происхожденіе лица или на мѣсто его жительства.

Разумѣется, издатель и не могъ быть вполне послѣдовательнымъ въ своихъ заключеніяхъ на основаніи предлога „de“; заключенія не распространяются на крупныя населенныя мѣстности, вродѣ вышеприведенныхъ. Непослѣдовательность и произволъ сказываются во взглядѣ на свидѣтелей даже въ предѣлахъ одной и той же грамоты¹⁰⁾.

Издатель выводилъ заключеніе о томъ, что населенная мѣстность принадлежала кому-нибудь, не только на основаніи указаннаго сочетанія съ предлогомъ de; онъ пользовался и другими намеками въ текстѣ, которые столь же мало доказываютъ чье-нибудь право на владѣніе деревнею. Укажу на слѣдующіе случаи. а) Одному лицу принадлежало право патроната надъ

Jacobus, Wisco, nobiles de Camin. Ib., № 272, p. 216: Zstoizlaus de Camin. Pomm. Urk., II, № 778, p. 133: Domazlauus de Camyn.

1) Pomm. Urk., I, № 126, p. 96: Sulistrig et Dobeslau de Wolyn. Ib., № 303, p. 232: Pribizlaus albus, Zlauko frater ejus de Wolin. Pomm. Urk., II, № 815, p. 158: (dominus Guntherus tugurium in monte salis) Alberto dicto de Wolin cuius nostro ad edificandum contulit.

2) Pomm. Urk., I, № 126, p. 96: Henricus de Uznam. Ib., № 489, p. 383: dominus Milusco de Vznam. Venzycus de Vznam. Pomm. Urk., II, № 638, p. 42: Venzciko de Uzenem.

3) Pomm. Urk., I, № 271, p. 216: Thidericus de Gardyz. Ib., № 328, p. 250: Retimarus de Gardiz.

4) Pomm. Urk., I, № 250, p. 201: Heinricus de Bucowe.

5) Pomm. Urk., I, № 108, p. 83: Janick de Timin, Gergnew de Timin. Ib., № 126, p. 96: Jarogneus et Slauomirus de Dimin.

6) Pomm. Urk., I, № 108, p. 83: Parso de Colberck. Ib., № 126, p. 96: Wsemir de Colberg.

7) Pomm. Urk., I, № 250, p. 201: Trebemarus de Gozcow. Ib., №№ 290, 291, p. 225—226: Ztango de Choecow.

8) Pomm. Urk., II, № 770, p. 127: Godeco de Piriz.

9) Pomm. Urk., I, №№ 290—291, p. 225—226: Johannes de Treptow, de Trebtowe.

10) Pomm. Urk., I, № 126, p. 96: Jarogneus et Slauomirus de Dimin (ни одно изъ этихъ лицъ не называется гдѣ-либо владѣтелемъ Дымна), — de Sadlen (Добеславъ называется владѣльцемъ S. въ I томѣ во 2-ой части на стр. 636, подъ словомъ: Zedlin), Henricus de Vznam, Sulistrig et Dobeslau de Wolyn, — — Wsemir de Colberg (не называются владѣльцами).

церковью въ деревнѣ; издатель и самую деревню объявляетъ владѣніемъ этого лица¹⁾. б) Славянинъ проситъ, чтобы князь взялъ у монастыря деревню, а монастырю взаменъ ея чтобы далъ два имѣнія (*binos campos*); въ изложеніи издателя одно изъ этихъ имѣній (не оба!) превращается въ деревню, и владѣльцемъ ея оказывается славянинъ-проситель²⁾. в) Грамота говоритъ о томъ, что церковному учрежденію принадлежитъ церковная десятина съ опредѣленныхъ деревень; это даетъ издателю поводъ утверждать, что и самыя деревни (правда, не всѣ, но нѣкоторыя изъ нихъ) принадлежали тому же церковному учрежденію³⁾.

1) Стефанъ de Nemitz называется владѣтелемъ деревни Nemitz (I, 2, p. 613: Nemitz, Dorf; Besitzer — Stephan, Sohn des Roswar); но отношеніе его къ деревнѣ, кромѣ опредѣленія: de Nemitz (можетъ быть, и это опредѣленіе повліяло на мнѣніе издателя), обнаруживается только въ томъ, что онъ имѣлъ патронатъ надъ церковью въ этой же деревнѣ. С. Р. Д., № 443, p. 898 - 899; Pomm. Urk., I, № 520, p. 403. — Владѣніе патронатомъ надъ церковью и владѣніе тою населенною мѣстностію, гдѣ находилась церковь, не всегда совпадали въ одномъ и томъ же лицѣ и учрежденіи. Извѣстенъ даже случай раздѣленія самого патроната между двумя юридическими лицами: одно лицо получало право на „чистый патронатъ“ (*nudus patronatus*), а другое — только тѣ матеріальныя доходы, которые вообще основывались на правѣ патроната.

2) Swirzo называется владѣтелемъ деревни Mancelin, какъ видно, на основаніи того только факта, что онъ вмѣстѣ съ другими просилъ князя отдать Столпскому монастырю имѣнія Plachtina и Mancelin и взять у монастыря деревню Plachte. Pomm. Urk., I, 2, p. 573: Swirzo Besitzer von Menzlin bei Anklam. Pomm. Urk., I, № 272, p. 216: Wartizlaus dux Sclauie — — *peticione mediante quorundam nobilium mee dicioni subsectorum, Swirzonis videlicet et ejus quam plurium amicorum in commutacione ville Plachte optuli beato Johanni monachisque Stolpensibus binos campos — — Plachtina et Mancelin nominatos.*

3) Pomm. Urk., II, № 1028, p. 320. Въ этой грамотѣ епископъ подтверждаетъ Кольбергской соборной церкви десятины и другія владѣнія. Здѣсь называется около восьмидесяти деревень, изъ которыхъ многія больше нигдѣ не упоминаются. Нѣсколько деревень составляли собственность Кольбергской церкви; объ одной такой деревнѣ идетъ рѣчь въ началѣ грамоты. (*villa Tramme cum terminis suis, cum feudo et decima, cum omni jure et utilitate que exinde poterit provenire*) и о шести — въ концѣ (*Sunt autem ville communes cum decima et cum fundo et omni jure videlicet Boggentino . . .*). Вторую категорію деревень, громадное большинство всѣхъ названныхъ, составляютъ тѣ деревни, съ которыхъ Кольбергской церкви принадлежала только десятина. Писецъ грамоты, чтобы не повторять предъ каждой деревней (въ общемъ около семидесяти разъ) слова: „*decima de*“ . . . довольствовался тѣмъ, что время отъ времени возобновлялъ слова: „*de*“

2. Случаи не совсѣмъ удачнаго или неправильнаго пере-сказа содержанія грамоты (или ея интерпретаціи) не поддаются систематизаціи, и ихъ приходится разсмотрѣть въ порядкѣ послѣдовательнаго размѣщенія нумеровъ грамотъ въ сборникѣ, или, что то же самое, — въ хронологическомъ порядкѣ.

№ 596.

Прюмерсъ неправильно локализируетъ деревню Poretse; онъ полагаетъ, что подъ деревнею Poretse подразумѣвается одна изъ двухъ деревень Preetz: или та, которая находится въ $2\frac{1}{2}$ миляхъ отъ Францбурга, или та, которая находится на островѣ Руянтѣ, въ двухъ миляхъ отъ Бергена. Эту догадку Прюмерсъ высказываетъ трижды: дважды — въ видѣ предположенія и съ знакомъ вопроса¹⁾ и въ третій разъ — категорически²⁾. Деревню Poretse вмѣстѣ съ четырьмя другими деревнями приобрѣлъ Гробскій монастырь посредствомъ обмѣна на Szlatecovwe. Мѣстоположеніе деревни Szlatecovwe и четырехъ деревень извѣстно: первая — сѣвернѣе города Анклама, четыре вновь приобрѣтенныя — на островѣ Узноимѣ; вопросъ могъ быть только о положеніи деревни Poretse. Но деревню Poretse нельзя отождествлять ни съ одною изъ двухъ деревень, на которыя указалъ Прюмерсъ; это видно изъ слѣдующаго.

а) Ту деревню, которую приобрѣтаетъ Гробскій монастырь въ

cima de“... Такъ, у него выходило, напр.: item decima de Vritzow, Choristino, Copitlowe, Bagiz siue Runowe, Smogorouiz, Brodne — —, item decima de campo Miciz, — — decima de Swemym, item de Parsowe, de Breslino, Niedalino, и т. д. Повидимому, это отсутствіе выраженія: „decima de“ предъ названіемъ каждой деревни подало поводъ составителю указателя объявить нѣкоторыя изъ перечисленныхъ въ грамотѣ деревень собственностію Кольбергской церкви. Такъ, деревни Choristino, Copitlowe, Mirim, Sluch, Smogorouiz и др., по указателю, принадлежали Кольбергской церкви (dem Domkirche Colberg gehörig). Однако, и здѣсь не было проявлено послѣдовательности, и нѣкоторыя деревни, какъ, напр., Dayziz, Pangagowe, не опредѣляются, какъ принадлежащія Кольбергской церкви, хотя и предъ только что названными деревнями не стоитъ непосредственно выраженіе: „decima de“.

1) Сомнѣніе у комментатора, возникаетъ, впрочемъ, только въ томъ, которую изъ двухъ деревень предпочесть?

2) Pomm. Urk., II, p. 11, Bemerkung; p. 12. Pomm. Urk., III, p. 652, подъ словомъ: Preetz.

обмѣнъ, нельзя представлять себѣ на такомъ далекомъ отъ монастыря разстояніи, на какомъ находится каждая изъ указываемыхъ Прюмерсомъ деревень. Гробскіе монахи имѣли свой опредѣленный и осуществляемый по мѣрѣ возможности планъ: сосредоточить свои имѣнія неподалеку отъ монастыря, на островѣ Узноимѣ¹⁾. Эта идея проникаетъ всѣ ихъ сдѣлки (покупки, обмѣнъ, и т. п.). Конечно, если представлялся случай получить даромъ (въ видѣ пожертвованія) отдаленное имѣніе, то такого случая они не упускали, но въ сдѣлкахъ они были послѣдовательны. Между тѣмъ, деревни Preetz находились въ 6—10 разъ дальше отъ монастыря, чѣмъ та деревня, которую отдавалъ монастырь. б) Бергенская деревня Preetz находилась въ предѣлахъ руянского княжества; непонятно, какъ могъ тамъ распоряжаться поморскій князь? Всѣ вѣроятія говорятъ за то, что и Францбургская деревня Preetz была на территоріи того же руянского княжества. б) Спустя 13 дней послѣ выдачи грамоты № 596, выдана была грамота епископомъ Германомъ для того же Гробскаго монастыря; и въ ней прямо сказано, что всѣ тѣ пять деревень, которыя монастырь получилъ въ обмѣнъ, находятся на островѣ Узноимѣ²⁾.

№ 747.

Здѣсь безъ основанія отождествляются *moneta* и *theloneum*³⁾.

№ 774.

Барнимъ не „передаетъ“ Верхенскому монастырю патронатъ надъ Картловской церковью, а свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ, князь, разрѣшилъ монахинямъ брать на свои надобности

1) C. P. D., № 37, p. 95.

2) Pomm. Urk., II, № 597, p. 12: *cum conuentus sancte Marie sanctique Godehardi in Uzsnium uillam quandam haberet nomine Zlatcowe, — — cum Thamnone milite pro quibusdam uillis in terra Uzsnium constitutis — — concambium inierunt in hunc modum, vt predictus conuentus uillas Thammonis militis que sue erant cum fundo et decima, quarum eciam hec sunt uocabula, Gelendin, Neprimin, Salotin, Stobenno, Poresze cum omni iure perpetuo possideret, ipse uero miles iam dictus Thammo uidelicet villam Zlatcowe cum omni iure sibi ac suis heredibus retineret perpetuo possidendam.*

3) Pomm. Urk., II, № 747, p. 112—113: *Herzog Wartislaw III schenkt der Küsterei zu Colberg zwei Mark jährlicher Einkünfte aus der Münze. Текстъ: II marcas in theloneo duximus perpetuo conferendas.*

остатокъ доходовъ этой церкви¹⁾. Патронать же былъ переданъ нѣсколько ранѣе²⁾.

№ 835.

Неудачно опредѣлено время перехода имѣнія Janow отъ супружеской четы Kalent къ Столпскому монастырю. По смыслу грамоты такимъ моментомъ перехода будетъ смерть одного изъ супруговъ, а по изложенію Прюмерса — смерть обоихъ супруговъ³⁾.

№ 846.

Въ краткомъ изложеніи содержанія грамоты говорится, что „князь Вышеславъ II жертвуетъ Эльденскому монастырю соляное мѣсто у рѣки Руск.“ Въ дѣйствительности, сущность содержанія грамоты не въ томъ, что „жертвуется соляное мѣсто“. Мѣсто для добыванія соли у рѣки Гильды (Руск) давно уже дано было монастырю, и ни откуда неизвѣстно, чтобы монастырь когда-либо лишился его. На этотъ разъ князь не даритъ, а подтверждаетъ, и это подтвержденіе имѣетъ въ виду не одно только соляное мѣсто, а всѣ монастырскія владѣнія вообще (особо подтверждается право на деревню Hennichenhagen, которую отнялъ было у монастыря одинъ рыцарь). Еще точнѣе: подтверждаетъ князь здѣсь не столько право монастыря на владѣніе недвижимостію, сколько освобожденіе всего, что находится въ предѣлахъ монастырскихъ земель, отъ повинностей и подсудности княжескимъ должностнымъ лицамъ. Давая

1) Pomm. Urk., II, № 774, p. 129: Herzog Barnim überträgt dem Kloster Verchen das Patronat der Kirche S. Johannis des Täufers in Cartelow. — Грамота: cum nos — — priorisse et conuentui monialium monasterii sancte Marie apud Virchin donassemus ius patronatus ecclesie sancti Johannis baptiste in Cartlowe ad subleuandam inopiam earundem, licenciamus eisdem, quantum in nobis erat, ut quicquid de redditibus et prouentibus eiusdem ecclesie ultra honestam sustentationem persone ibidem ad diuinum officium pro tempore instituende bono modo supercrescere possit, sibi retinendi in subsidium edificiorum eiusdem monasterii et officinarum suarum liberam habeant facultatem.

2) См. гр. Барнима отъ 1264 г. (Pomm. Urk., II, № 759, p. 120).

3) Pomm. Urk., II, № 835, p. 175: Burchard von Kahlden und seine Gemahlin Gisela bezeugen, dass sie ihren Besitz im Dorfe Janow vom Kloster Stolp zu Lehen haben und derselbe nach ihrem Tode an das Kloster zurückfallen soll. Грамота: cum unus e nostris per mortem ab altero fuerit separatus, alter superuiuens de predictis bonis se nullatenus intromittat, sed sine intermissione ad prefatam ecclesiam Stolpensem integraliter reuertantur.

перечень владѣній монастыря съ иммунитетными правами, грамота, дѣйствительно, прежде другихъ владѣній называетъ мѣсто для добыванія соли¹⁾.

№ 862.

Эта грамота не понята Прюмерсомъ. Онъ излагаетъ ея содержаніе такъ: „князь Барнимъ передаетъ Гробскому монастырю деревню Damerow у Наугарда и деревню, принадлежащую епископу, которыя раньше имѣлъ въ ленѣ Витославъ“²⁾. Выходить, слѣдовательно, что Барнимъ передалъ двѣ деревни и что одна изъ нихъ принадлежала епископу.

Грамота не даетъ основанія для такихъ утверждений. Въ предложенномъ издателемъ толкованіи уже то подозрительно, что

1) Pomm. Urk., II, № 846, p. 183: Fürst Wizlaw II schenkt dem Kloster Eldena eine Salzstelle am Flusse Ryck sowie das Dorf Hennecken-hagen, welches J. Kabold unrechtmässig eine Zeit lang besessen. Грамота: a flumine Hylde locum salis cum omnibus attinentiis villas etiam iam edificatas siue in futurum edificandas, terras insuper ac siluas, prata, pascua, aquas piscaturas et res alias ad claustrum possessionem pertinentes, que in nostro dominio continentur, ab omni jure, exactione et aduocatia nostre jurisdictionis liberas Hyldensi ecclesie perpetuo deputamus et presentis scripti testimonio confirmamus. — О дареніи этому монастырю мѣста у рѣки Гильды для добыванія соли и подтвержденій этого владѣнія см. № 207 (Pomm. Urk., I, p. 156; С. Р. Д., № 135, p. 321), № 392 (Pomm. Urk., I, p. 313—314; С. Р. Д., № 302, p. 644) и № 450 (Pomm. Urk., I, p. 350; С. Р. Д., № 365, p. 748—749). Начало этой послѣдней грамоты (т. е. № 450) буквально сходно съ выраженіями гр. № 846; слѣд., № 450-й былъ образцомъ для № 846-го.

2) Гр. Барнима отъ 1268 г. (Pomm. Urk., II, № 862, p. 193—194): Herzog Barnim I. überträgt dem Kloster zu Usedom das Dorf Damerow bei Naugard und das dem Bischof zu Camin gehörige Dorf, welche früher Vitoslaus zu Lehen gehabt. Грамота: nos — — ad subsidium ecclesie monasterii — — in Grob — — proprietatem ville Dambwe site iuxta Nogard castrum et villam siue oppidum domini episcopi Caminensis cum omni jure contulimus, in agris, pratis, pascuis, siluis, usuagiis, stagnis, piscationibus, terris, mansis cultis et incultis, ad illam villam pertinentibus, et mansis cum integra decima, quam tenemus cum heredibus nostris in feudo a domino episcopo Caminensi, quos aliquando a nobis tenuit Vitozlawus ac sui heredes, nichil nobis in predictis bonis juris vel iudicii reseruantes. Distingui-mus autem terminos predictae ville, secundum quod antea fuerunt distincti, et adicimus a uilla Dambwe cum molendino super Wolniza et dimidium fluuium Wolsiza qui protenditur ad villam domini episcopi Caminensis contra occidentem et sic dimidium fluuium ipsius diuisionis ascendendo contra orientem cum antiquis et prioribus terminis inferioribus et superioribus, ingressu et egressu, et centum mansis supra nominatis.

„князь даетъ ту деревню, которая принадлежитъ епископу“. Подобное распоряженіе чужою собственностію (да еще собственностію епископа, занявшаго въ то время положеніе независимаго государя) и опубликованіе объ этомъ въ грамотѣ непонятно. Если это насиліе, то оно не соотвѣтствуетъ ни характеру князя ни положенію и властному характеру епископа Германа¹⁾.

Недоумѣніе читателей усиливается вслѣдствіе еще одного обстоятельства: предполагаемая „деревня епископа“ не имѣетъ никакого имени. Правда, случается изрѣдка, что какой-либо деревнѣ грамота не придаетъ собственного имени; но въ такомъ случаѣ дѣлается географическое опредѣленіе или указаніе на признаки (напр., деревня на ручьѣ такомъ-то), при помощи котораго можно было бы безошибочно найти требуемую деревню и отличить ее отъ сотенъ другихъ деревень. Въ данной же грамотѣ географическое указаніе дѣлается, но не для „деревни епископа“, а для той, которая имѣетъ уже собственное имя.

Но, можетъ быть, „деревня епископа“ очень мала, и потому не имѣетъ собственного имени? „Деревня епископа“ не можетъ считаться совѣмъ маленькой, или какимъ-нибудь прибавленіемъ къ первой деревнѣ; напротивъ, принадлежности этой анонимной деревни пересчитываются самымъ пространнымъ образомъ, тогда какъ о принадлежностяхъ первой деревни не обронено ни одного слова. Принадлежности второй деревни заботливо указаны, но въ такой обычной и пригодной для всякой обширной деревни формѣ, что по нимъ нискимъ образомъ нельзя распознать, которая именно разумѣется здѣсь деревня изъ всего множества епископскихъ деревень.

Всѣ трудности при истолкованіи этой грамоты исчезаютъ и грамота дѣлается удобопонятной, если принять, что дается монастырю не двѣ деревни, а одна, именно — Dambwē. Все, что говорится въ грамотѣ о жертвуемой деревнѣ (какъ напр., болѣе точное географическое указаніе, принадлежности, и т. д.), относится къ этой деревнѣ Dambwē. Деревня Dambwē опредѣляется точнѣе географически, и понятно почему: въ Поморьѣ въ то время было не менѣе трехъ деревень съ названіемъ Dambrowe, и притомъ всѣ онѣ находились въ восточной части княжества. И это географическое опредѣленіе состоитъ не изъ четырехъ только словъ

1) Важнѣйшія черты характеровъ поморскихъ князей и отчасти епископовъ будутъ выясняться ниже.

(site juxta Nogard castrum), какъ, повидимому, представлялось издателю, а захватываетъ и послѣдующія семь словъ. Вотъ главная фраза жертвователя вмѣстѣ съ географическимъ указаніемъ жертвуемой деревни: nos — — proprietatem ville Dambŵe site juxta Nogard castrum et villam siue oppidum domini episcopi Caminensis cum omni jure contulimus. Винительный падежъ слова „villam“ зависитъ здѣсь не отъ слова contulimus, а отъ предлога juxta.

Одна и та же населенная мѣстность Nogard опредѣляется тройко: какъ castrum, villa и oppidum. Такое усиленное опредѣленіе является исключительнымъ; но оно здѣсь не безъ причины. Желая опредѣлить Dambŵe, указываютъ, въ отличіе этой деревни отъ другихъ Dambŵe, на близость ея къ Новгороду (Naugard); но и Новгородовъ было въ Поморьѣ не менѣе трехъ¹⁾. Отсюда потребовалось въ грамотѣ двойное поясненіе: тотъ Новгородъ, а) который принадлежитъ епископу и б) который относится къ опредѣленной категоріи населенныхъ мѣстъ. Но тутъ-то участники акта или составитель грамоты и попали въ затруднительное положеніе: какъ назвать Новгородъ? Деревню, градомъ или городомъ?

Собственно, понятія, выражаемыя этими тремя словами, не были тождественны. Слово castrum, судя по названію мѣстности (Nogard = новый градъ), вполне подходило бы. Но градъ, вѣроятно, приходилъ въ забвеніе (съ переходомъ въ частныя руки) и получала большее значеніе деревня съ одинаковымъ названіемъ; она расположена была вблизи града и, можетъ быть, постепенно занимала и пространство прежняго града. Поэтому, уже естественное развитіе могло приводить къ сближенію и смѣшенію разныхъ типовъ поселеній. Дальнѣйшее смѣшеніе могло происходить вслѣдствіе чрезвычайнаго усиленія нѣмецкой колонизаціи въ срединныхъ десятилѣтіяхъ XIII в. (грамота выдана въ 1268 г.). Туземныя формы общежитія падали; на ихъ мѣсто или рядомъ съ ними возникали новыя. Ни составитель грамоты ни князь, отъ имени котораго выдавалась грамота, не имѣли никакого касательства къ епископскому Новгороду: они были люди совершенно сторонніе. И понятно, что при совершавшихся повсюду великихъ перемѣнахъ въ общественно-экономической и политической жизни они,

1) Cp. G. Kratz: Die Städte der Provinz Pommern. Abriss ihrer Geschichte, zumeist nach Urkunden. Berlin, 1865, S. 267.

въ положеніи стороны, колебались: какъ правильнѣе обозначить Новгородъ. Самъ собственникъ Новгорода, епископъ Германъ, не смогъ подобрать вполне точнаго слова для обозначенія Новгорода¹⁾; каково же было положеніе людей стороннихъ? Колебаніе ихъ еще понятнѣе, если вспомнить, что правильное обозначеніе Новгорода надо было отыскать изъ запаса латинскихъ словъ²⁾.

Встрѣчается ли, однако, еще гдѣ-нибудь подобное смѣшеніе разныхъ типовъ поселеній? Такое тройное и одновременное обозначеніе одного и того же поселенія въ поморскихъ грамотахъ той эпохи болѣе, кажется, не встрѣчается. За то сопоставленіе разныхъ мѣстъ въ грамотахъ доказываетъ, что приложеніе трехъ различныхъ названій (*castrum*, *villa*, *oppidum*) къ одной и той же мѣстности было возможно. Такъ, уже настоящая грамота при какомъ-угодно ея истолкованіи несомнѣнно прилагаетъ къ одному и тому же Новгороду два опредѣленія: *villa siue oppidum*. Третье названіе, а именно — *castrum*, дается тому же Новгороду всего шесть лѣтъ спустя; и на этотъ разъ типъ поселенія Новгорода опредѣляется не какимъ-либо стороннимъ лицомъ, а самимъ собственникомъ Новгорода³⁾.

Въ накопленіи опредѣленій для Новгорода могло, кромѣ того, играть роль стремленіе нотарія къ изяществу слога; это стремленіе удовлетворялось, между прочимъ, употребленіемъ параллелизмовъ⁴⁾.

1) Гр. епископа Германа отъ 1274 г. (Pomm. Urk., II, № 983, p. 285):
nos — concedimus nobili uiro Ottoni comiti de Ebersten auunculo nostro dilecto ac suis heredibus *castrum* et *oppidum* Neugard cum septingentis mansis ad ea pertinentibus jure feudali perpetuis temporibus — possidendum.

2) См. выше, стр. 12—13.

3) См. примѣчаніе 1 на 45 стр.

4) См. выше стр. 14. Настоящая грамота даетъ до семи примѣровъ болѣе или менѣе явственнаго параллелизма, даже помимо разбираемаго плеоназма. Таковы: а) *euanescant et in nichilum redigantur*; б) *ex motu pietatis et uirtutis spiritualis affectu*; в) *ecclesie monasterii et claustris*; г) *juris uel iudicii*; д) *antiquis et prioribus*; е) *ingressu et egressu*; ж) *robur obtineat firmitatis et — maneat inconuulsa*. — Итакъ, плеоназмъ въ разбираемой грамотѣ могъ возникнуть: 1) изъ дѣйствительной нерѣшимости или смѣшенія разныхъ типовъ поселенія и 2) изъ склонности нотарія къ щеголеватости въ слоги. Обѣ эти причины не исключаютъ одна другую, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. Въ параллелизмъ въ выраженіяхъ только и можно составить изъ синонимовъ; и, слѣдовательно, смѣшеніе типовъ нѣкоторыхъ населенныхъ мѣстъ или неосвѣдомленность составителя могла лишь облегчить составленіе параллелизма.

Такимъ образомъ, если возможно отнести всё три слова (*castrum et villam sine oppidum*) къ одному и тому же Новгороду, то нѣтъ никакой надобности допускать, что жертвуется двѣ деревни: одна — *Dambwe* и другая — неименуемая и неопредѣляемая. Все содержаніе разбираемой грамоты вполне соответствуетъ пожертвованію одной деревни, а не двухъ: и принадлежности (*ad illam uillam pertinentibus*) и границы (*distinguiamus autem terminos predictae uille*) и прибавки (*adicimus a uilla Dambwe — — et dimidium fluium Wolsiza qui protenditur ad uillam domini episcopi Caminensis contra occidentem*).

№ 911.

Нельзя считать удачнымъ краткое изложеніе содержанія этой грамоты¹⁾.

Что епископъ Германъ съ канитуломъ не „подтверждаютъ“ продажи 20 мансовъ въ деревнѣ *Ramsowe*“, это видно: а) изъ предшествующей исторіи деревни *Ramsowe*, поскольку эта исторія выясняется другими грамотами, и б) изъ смысла настоящей грамоты. — Кромѣ того, и напечатана эта грамота ошибочно.

а) Право собственности на деревню *R.* принадлежало не епископу, а князю, который и далъ ее въ ленъ рыцарю *Romele*. Этотъ послѣдній захотѣлъ продать свое право пользованія (*dominium utile*) церкви въ Любекѣ, и князь подтвердилъ продажу. вмѣстѣ съ тѣмъ, князь заявилъ уже отъ себя, что церковь въ Любекѣ будетъ имѣть по отношенію къ этой деревнѣ и право собственности и важныя государственныя права (иммунитетъ); князь удостовѣряетъ также, что деревня *R.* должна быть свободна отъ всякаго платежа церковной десятины епископу Каминскому или ему, князю (церковную десятину съ части Поморья епископъ уступилъ князю въ обмѣнъ на другія выгоды). Обо всемъ этомъ подробно говорить грамота

1) Pomm. Urk., II, № 911, p. 232: Hermann, Bischof zu Camin, und das Domkapitel daselbst bestätigen den Verkauf von 20 Hufen zu Ramsowe durch Johannes Rahmel an das Domkapitel zu Lübeck. — Текстъ: *Honorable uiris et discretis — preposito — decano totique capitulo Lubicensis ecclesie H. dei gratia Caminensis ecclesie episcopus, L. prepositus, Jo. decanus totumque eiusdem ecclesie capitulum. — Nouerit uestra discretio quod uenditionem XX mansorum in uilla Ramsowe inter nos et Johannem Romele militem factam quo ad proprietatem decime predictorum mansorum, que ad nostram ecclesiam pertinebat, ratam habemus et acceptam.*

князя Барнима, выданная мѣсяцами шестью раньше разбираемой грамоты епископа Германа¹⁾).

б) Дѣло о церковной десятинѣ (свобода отъ нея) и вызвало настоящую грамоту епископа, № 911. Причтъ церкви Любека основательно разсудилъ, что подтвержденіе на свободу отъ церковной десятины ему нелишне получить и отъ епископа Каминскаго²⁾; иначе могли бы въ будущемъ возникнуть недоразумѣнія. Такое подтвержденіе и выдалъ причту епископъ Германъ въ 1270 году. Онъ подтверждалъ свободу деревни R. отъ платежа епископу Каминскому церковной десятины, или — что тоже самое — право владѣльца деревни на эту десятину; но это подтвержденіе выражено было нѣсколько затѣйливымъ оборотомъ: подтверждалась не свобода отъ взноса десятины, а „продажа 20 мансовъ — —, поскольку дѣло касается до права собственности на десятину вышеупомянутыхъ мансовъ, которое принадлежало нашей церкви“.

в) Что касается, наконецъ, текста, то въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ (на стр. 232), онъ не имѣетъ смысла. Въ немъ необходимо исправить слово: *nos* (въ выраженіи: *inter nos et Johannem Romele militem factam*) на *vos*. Читатель, не видя рукописнаго оригинала, не можетъ рѣшить: описка ли это средневѣковаго писца, недосмотръ ли это лица, которое списывало текстъ для печати, или же — опечатка. Если признать первое или второе, то — эта описка не отмѣчена при печатаніи обычнымъ въ сборникѣ способомъ, т. е. восклицательнымъ знакомъ въ скобкахъ. Если же здѣсь опечатка, то она не указана на стр. 618, гдѣ оговорены опечатки, исправленія и дополненія.

Кромѣ разобранныхъ случаевъ неудачнаго истолкованія грамоты, есть еще нѣсколько такихъ пересказовъ содержанія текста, которые представляются сомнительными или неточными³⁾.

1) Pomm. Urk., II, № 894, p. 220—221: *Preterea dicta villa debet esse libera — — ab omni eciam decimacione et jure ad episcopatum et Caminensem ecclesiam vel ad nos pleno jure pertinente.*

2) Выраженія грамоты епископа Германа показываютъ, что онъ отнюдь не забылъ о своемъ правѣ (или правѣ церкви Каминской) на эту десятину: *que (i. e.: proprietas decime predictorum mansorum) ad nostram ecclesiam pertinebat.*

3) Напр., № 621 (сомнительно тожество выраженій: „qui prefatam piscationem a nobis conduxerit“ и „jeder Fischer“), № 635 (выраженіе оглавленія объ изъятіи отъ повинностей Штральзундскаго горожанина, который

3. Изъ недосмотровъ въ текстѣ попадаются изрѣдка неумѣстныя вставки¹⁾, путаница въ именахъ²⁾, пропуски³⁾, неаккуратность въ подведеніи итоговъ исправленій⁴⁾.

Въ указателяхъ обнаруживаются слѣдующіе недостатки.

а) Пропускъ именъ. Въ указатель къ I тому пропущены нѣкоторыя имена личныя и географическія, которыя встрѣчались въ текстѣ грамотъ⁵⁾. Указатель для II и III т. по плану шире,

найметъ монастырскій домъ, даетъ, по сравненію съ текстомъ, нѣсколько иную мысль), № 642^a (Pomm. Urk., III, p. 438—439, не совсѣмъ ясно выражено въ заглавіи, что рѣчь въ грамотѣ идетъ не о дареніи одиннадцати деревень Цитенской церкви, а о размѣрахъ Цитенскаго церковнаго прихода), 1058 (Барнимъ, повидимому, не столько „освобождаетъ всѣхъ жителей своей земли отъ пошлыны“ въ Волинѣ, сколько не допускаетъ самостоятельнаго установленія Волинскими начальниками внутреннихъ пошлынъ).

1) № 602, p. 17, 10 строчка сверху : und.

2) а) № 628, p. 34—35. Епископъ свидѣтельствуетъ о соглашеніи насчетъ десятины между аббатомъ Гробскаго монастыря и двумя братьями Зальцведелями. Имена братьевъ въ одномъ мѣстѣ рукописи обозначены только начальными буквами. Издатель дополняетъ эти буквы такимъ образомъ : J[acoznem] et C[onradum], а въ краткомъ изложеніи содержанія грамоты говоритъ объ Юганнѣ и Конрадѣ Зальцведеляхъ. б) № 707, p. 85. Johannes dictus Span названъ въ краткомъ изложеніи содержанія Генрихомъ. в) № 848, p. 184—185. Въ текстѣ грамоты рѣчь идетъ о ленникѣ Wezelo (фамиліи Wussow, Wessel), а въ краткомъ изложеніи грамоты онъ названъ Gobelo (фамиліи Luchte). Ср. : Pomm. Urk., III, p. 594 : Wussow. 1. Wessel, Lehnbesitzer zu Mandelkow. Ib., 509 : Gobelo.

3) а) № 956, p. 262—263. Перечисляя подробно князей, которые (въ количествѣ шести лицъ) заключили между собою союзъ, направленный противъ маркграфовъ Бранденбургскихъ, краткое изложеніе грамоты пропускаетъ имя одного, именно — Генриха Мекленбургскаго, находящееся посредникъ списка. б) № 1067. При переносѣ съ 352 на 353-ю страницу допущенъ какой то пропускъ, неизвѣстный по размѣрамъ ; 352-я страница оканчивается такъ : Arnoldus dictus Suane, Hinricus Niger, nostri came, а 353-я начинается такъ : et plures alii fidedigni.

4) Pomm. Urk., III, p. 460—461. Въ общемъ обзорѣ исправленныхъ датъ въ грамотахъ (Übersicht der geänderten Urkundendaten, со страницы 457-й) не помѣщено важное исправленіе Клемпиннымъ даты въ грамотѣ № 338 (Pomm. Urk., I, p. 255). Сначала и самъ Клемпинъ призналъ было правильную дату грамоты : 1237 (I, № 338, p. 255). Но уже по напечатаніи грамоты Клемпинъ подвергъ тщательной провѣркѣ все касающееся этой грамоты, и пришелъ къ заключенію, что писецъ грамоты ошибся и вмѣсто 1327-го года написалъ 1237. Свои соображенія Клемпинъ изложилъ на стран. 459—463 первого тома.

5) Отмѣчу для примѣра слѣдующіе пропуски (въ скобкахъ будутъ указаны тѣ страницы, на которыхъ встрѣчалось имя, но которыя не зане-

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадается на два отдѣла: officialный и научный.

Въ officialномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорѣ лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Будравскій.**

Отъ Предсѣдателя Отдѣла воздушнаго флота Великаго Князя **Александра Михайловича.**

Воздушный флотъ Россіи долженъ быть сильнѣе воздушныхъ флотовъ нашихъ сосѣдей. Это слѣдуетъ помнить каждому, кому дорога военная мощь нашей родины.

Два года тому назадъ Я обращаюсь съ воззваніемъ, прося жертвовать на созданіе воздушнаго флота.

За это время пожертвованій поступило 226.923 рубля; кромѣ того, на созданіе воздушнаго флота, согласно воли жертвователей, были обращены 880.000 рублей, оставшіеся отъ суммъ, пожертвованныхъ во время Русско-Японской войны на усиленіе морскаго флота.

Отдѣлъ воздушнаго флота ВЫСОЧАШНЕ учрежденнаго Особаго Комитета по усиленію военнаго флота Россіи на добровольныя пожертвованія поставилъ первой своей задачей образованіе корпуса военныхъ летчиковъ, и съ этой цѣлью была основана офицерская школа авіаціи въ Севастополѣ.

Въ Ноябрь 1910 года школа открыла свои дѣйствія и въ Августъ 1911 года уже имѣла возможность командировать 19 самолетовъ и 20 летчиковъ на маневры С.-Петербургскаго, Варшавскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ. Въ Ноябрь 1911 года состоялся выпускъ первыхъ летчиковъ въ числѣ 30 человекъ. Составъ школы, имѣвшей въ Ноябрь 1910 года 18 офицеровъ и 20 нижнихъ чиновъ при 6 самолетахъ, къ Апрелью текущаго года увеличился до 102 офицеровъ и 200 нижнихъ чиновъ при 55 самолетахъ. Въ настоящее время, въ виду пріобрѣтенія новыхъ быстроходныхъ самолетовъ, часть офицерской школы авіаціи переведена на рѣку Качу, въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ Севастополя, и къ концѣ текущаго года вся школа перейдетъ на новое мѣсто. Къ концу года школа предполагаетъ выпустить до 100 военныхъ летчиковъ. За 2 года было пріобрѣтено за границей и построено въ Россіи всего 77 самолетовъ. Такимъ образомъ Отдѣлъ воздушнаго флота по мѣрѣ силъ и средствъ дѣлаетъ все, что возможно, но потребность военныхъ летчиковъ во много разъ превышаетъ то число, которое школа можетъ подготовить. Доблестный духъ нашей арміи и беззапятная храбрость ея офицеровъ сказывается въ томъ, что число желающихъ поступить въ школу превышаетъ 1200 человекъ.

Франція, Італія и наши сосѣди, придя къ заключенію, что самолеты необходимы арміи, какъ развѣдчики и какъ орудіе пораженія непріятеля сверху, не жалѣютъ государственныхъ средствъ на созданіе воздушнаго флота. Одновременно въ этихъ странахъ собираются для этой цѣли крупныя суммы путемъ частныхъ пожертвованій; въ Германіи для сбора пожертвованій образованъ воздухоплавательный комитетъ подъ предѣлательствомъ **брата Императора.**

Не подлежитъ сомнѣнію, что если мы не приложимъ всѣхъ усилій на развитіе уже начатаго, — мы потеряемъ то мѣсто (второе въ мірѣ), которое въ отношеніи воздушнаго флота занимаемъ теперь, и отстанемъ отъ нашихъ сосѣдей. Опасность положенія ясна, допустить этого нельзя, и Я снова считаю долгомъ обратиться съ призывомъ о пожертвованіяхъ на воздушный флотъ.

Предсѣдатель Отдѣла воздушнаго флота

Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАИЛОВИЧЪ.

Пожертвованія принимаются въ Конторѣ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА, С.-Петербургъ, Офицерская 35.